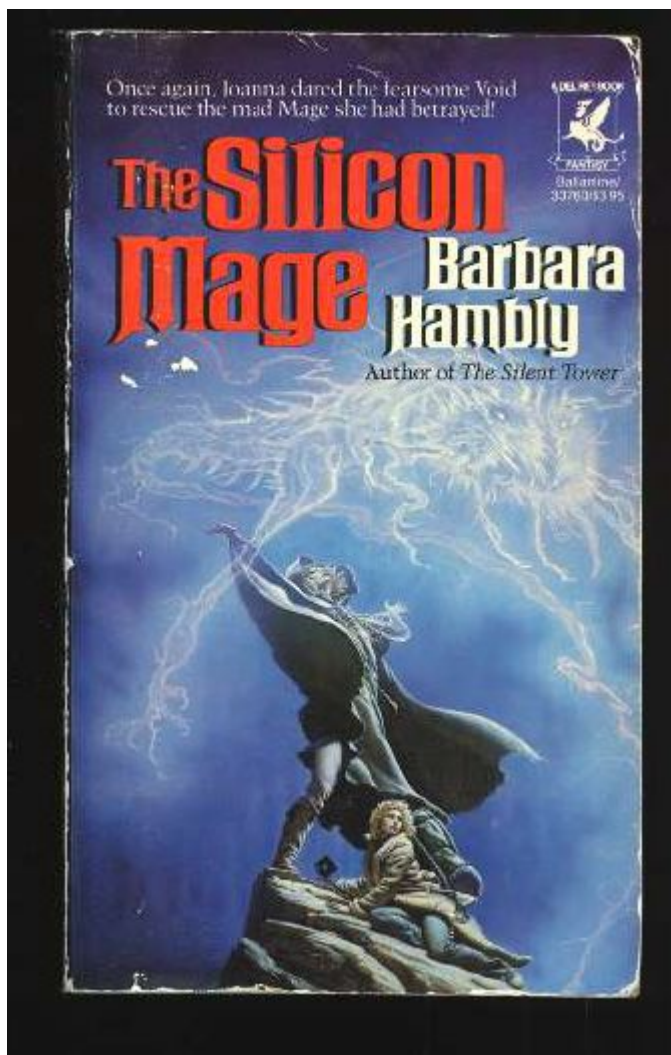

Барбара Хэмбли Силиконовый маг

Аннотация

Пусть тело тёмного мага Сураклина мертво вот уже двадцать пять лет, его дух по-прежнему силен. Перемещаясь из тела в тело, он стремится вернуть себе прежнюю власть. Теперь он собирается построить из материалов, принесённых из другого мира, суперкомпьютер и переселиться в него, обретя вечное силиконовое тело.

Остановить его может только волшебник Антиг. Но Антиг вновь стал пленником Церкви. Ошейник с печатью Бога Мёртвых лишает его всех сил и медленно сводит с ума, а инквизиторы уже готовят костёр...

Барбара Хэмбли Силиконовый маг

Глава 1

... Самым нелепым в том, что Гэри Фэйрчайлд каждый день аккуратно являлся на

работу, было то, что уже месяц как он был мертв.

— Ну так что детка, выберемся ко мне сегодня на вечер? — обычно говаривал он.

Джоанна Шератон старалась ничем не выдать своего волнения, и потому в разговорах с ним неизменно придерживалась полунейтрального полудружеского тона. Так обычно она разговаривала с Гэри до... До того... «Я даже не знаю, Гэри, — отвечала девушка, — вообще-то мы с Рут собирались пойти в кино». Впрочем, эта отговорка казалась ей совсем не убедительной. Что уж так говорить о самом Гэри.

Гэри, как обычно, принялся куражиться. При этом он то и дело принимался ходить по комнате, поигрывая мускулами, обтянутыми яркой тканью рубашки. А теперь он стоял смирно, словно забыл, что Гэри в таких случаях всегда положено зубоскалить и продолжать упорствовать. В его карих глазах горел какой-то желтоватый огонек. Впрочем, этот огонек ничего общего не имел с той страстью, которая ясно читалась в глазах Гэри раньше.

Джоанна с бьющимся сердцем быстро повернулась к своему компьютеру и постаралась углубиться в работу. А работа теперь у нее как раз была — нужно было сравнить то, что выдавал компьютер, с зеленоватой схемой, на которой были нанесены результаты испытания и траектория полета ракеты нового поколения «Тигр». Надо было во что бы то ни стало забыть о своих страхах...

— Но, детка, в чем же дело? Неужели ты злишься за что-то на меня? — вот на сей раз Гэри был самым собой.

— Да нет, просто... — Джоанна резко повернулась к нему на винтовом табурете. Вообще-то было не слишком легко вспоминать манеры и тембр голоса, которые тебе приходилось лицеизредать несколько месяцев назад. Тем более сейчас, когда ее так пугала настороженность, с которой Гэри поглядывал на нее. Джоанна сглотнула слюну и как можно более непринужденно откинула со лба прядь волос.

— Но детка, послушай меня, — легким движением Гэри смахнул со стула по соседству наваленные на него книги и бумаги и уселся на него, небрежно закинув ногу на ногу. Ему явно хотелось взять ее руки в свои. Так, машинально отметила Джоанна, какие у него длинные ногти, а ведь Гэри всегда обкусывал их. А сейчас был первый раз, когда она подпустила так близко к себе его после того, что случилось с Гэри, с Гэри настоящим.

Джоанна заклинала себя успокоиться, при этом глаза ее опять встретились с глазами Фэйрчайлда.

Гэри продолжал как ни в чем не бывало:

— Я не знаю, где ты была в конце августа, когда все искали тебя. Может, что-то случилось тогда с тобой?

Это уж была самая законченная ложь. Конечно, ему было известно абсолютно все. Единственное, чего он не знал, так это то, о чем она догадывалась после своего возвращения в этот мир.

— Но я чувствую, что после твоего возвращения, тебя что-то мучает. Я же вижу, что ты меня избегаешь.

— Нет.

И снова она мысленно выругала себя за чересчур торопливый ответ. Сан-серанское начальство имело обыкновение отключать систему кондиционирования воздуха часа в три дня, и потому Джоанна решила, что в том, что она так сразу вспотела, не будет ничего подозрительного, ведь в середине октября тут все еще стоит жуткая жара. Но все равно, нужно было поскорее исправлять свою ошибку. И Джоанна сказала:

— Но я вообще стараюсь не слишком выделяться теперь. У меня почему-то появилось желание избегать людных мест. Честное слово, Гэри, мне просто почему-то не хочется никого видеть.

— И потому ты собираешься в кино вместе с Рут? — расхохотался он.

Его пальцы сжали пальцы девушки. Джоанне сейчас больше всего хотелось, чтобы пальцы ее не были холодными от страха. Но глаза Фэйрчайлда просто-таки излучали присущую Гэри нахрапистость.

— Детка, все равно тебе придется когда-нибудь с этим столкнуться. Уж лучше пораньше.

Где-то за дверью слышался гул человеческих голосов. Девушка поглядела на часы — пять дня. Ага, сообразила она, народ после напряженного трудового дня повалил домой.

Джоанна поспешно, даже слишком поспешно, выдернула свои пальцы из рук Гэри. Отвернувшись к дисплею, она опять попыталась сосредоточиться на работе. Но от Гэри не так-то просто было избавиться. Заглянув через плечо девушки, он проговорил:

— А почему бы тебе тогда не пообедать со мной, а? Или знаешь что, поедем-ка лучше ко мне и все там обговорим. Согласна?

Два с половиной месяца назад подобное приглашение могло значить одно, что он попытается положить ее с собой в постель. Но теперь она знала, что все, что нужно новоявленному Гэри, это просто остаться с ней наедине, но только с совершенно другой целью.

— Как-нибудь в другой раз, Гэри, — ее пальцы уже проворно набирали на клавиатуре соответствующие команды. Затем она подала команду «выход» и стала набирать команды вновь, надеясь, что Гэри не обратит внимания на ее слегка подрагивающие от страха руки.

— Но детка... — парень подошел с другой стороны и положил ей руки на плечи. Рукава у него были закатаны по локоть, тоже благодаря той самой октябрьской жаре в Калифорнии.

Джоанна стиснула зубы, чтобы в порыве страха не сбросить с себя эти руки. Гэри продолжал упорствовать.

— Ну тогда, может, на следующей неделе?

— Может быть, — и она снова нажала не ту клавишу, заклиная все святыи силы, чтобы он только не заметил этого.

— Значит во вторник?

Она чуть было не ляпнула «может быть» снова, но тут поняла, что люди в это время продолжают покидать здание. Еще несколько минут, и сан-серанский комплекс опустеет, и тогда он все-таки добьется своего: Джоанна останется наедине с ним.

Повернувшись, она посмотрела в глаза Гэри и вздохнула с раздражением, которое далось ей очень непросто.

— Вторник, значит вторник, — воскликнула она.

Гэри широко улыбнулся, но в глазах его загорелись торжествующие огоньки.

Девушку просто трясло от ужаса, когда она направлялась к стоянке машин.

Все эти недели он безуспешно пытался остаться с ней наедине. Иногда он давил чересчур грубо, иногда пытался сделать это довольно тонко. Как и Джоанна, Фэйрчайлд вел такую же тонкую игру. Он делал вид, что и понятия не имеет о том, что с ней произошло за время ее отсутствия в Сан-Серано в конце лета. Гэри, вернее тот, кто скрывался под его видом, прикидывался, что по ту сторону Пустоты они с Джоанной не встречались. А ведь им пришлось довольно тесно общаться в компании друг друга в ином мире.

Конечно же, тогда это был вовсе не Гэри.

Джоанна снова вздрогнула, когда заводила машину, голубого «Мустанга» 75-го года выпуска, она вспомнила Солтериса Солариса, архимага, главу Совета Кудесников. Он одурачил всех без исключения: своего внука Кериса, одурачил он и Гэри — настоящего Гэри, который имел несчастье связаться с ним по эту сторону Пустоты, одурачил всех членов Совета Кудесников, одурачил даже самого себя. А потом он просто-напросто покинул тело Солтериса — оно стало больше не нужно ему, и переселился в тело Гэри, в котором и пребывал донныне.

И теперь он — Темный Волшебник Сураклин — собирался добаться и до нее.

Но самое ужасное было то, что Джоанна при всем желании ничего не могла бы доказать.

Неудивительно, подумала она в отчаянии, что Антриг Виндроуз тронулся от этого умом.

Решительно встряхнув головой, Джоанна направила машину к шоссе, что вилось параллельно изгибам каньона. На какое-то мгновение в голове ее промелькнула мысль — интересно, жив ли сейчас Антриг.

Он должен быть еще в живых, подумала она с упорством. Боже, не дай этому человеку погибнуть.

Да, она действительно ничего доказать не в состоянии.

Тут Джоанна почувствовала, как слезы сожаления, гнева и стыда застилают ей глаза.

Она не могла доказать окружающим и то, что участвовавшие за последние два с половиной месяца периоды мрачной меланхолии не являются следствием ее дурного расположения духа. Никто не хотел верить этому. Джоанна и не пыталась никого убеждать. Кстати, в эти самые периоды ни один из сотрудников сан-серанского научно-исследовательского центра военных разработок не был в состоянии заниматься работой как положено. И, между прочим, на эти же периоды приходилось усиление активности разных преступных группировок, возрастало число самоубийств. И не только в близлежащем Лос-Анджелесе, но и в Сан-Франциско, Нью-Йорке, Токио, Лондоне и везде, о чем сообщали газеты. Впрочем, пресса относилась все это на счет экономических кризисов и демографических перекосов. Вероятно, в этом была какая-то доля истины. Но когда после такого периода Джоанна отправлялась навестить подругу Рут, то всякий раз она видела, что картина, над которой та работала неделями, за несколько последних дней превращалась в нечто непонятное — на почти готовой полотне ложились какие-то непонятные мазки и штрихи, и замысел картины становился вовсе странным и неясным.

Все еще не было доказательств того, что жизненная энергия этого мира постоянно высасывается кем-то или чем-то через Пустоту, чтобы в не знающем электричества мире запустить суперкомпьютер.

За последние четыре недели Джоанна сумела узнать очень много об этом самом компьютере из файлов Сураклина.

Наконец, вырвав на прямой как стрела участок пути, Джоанна резко нажала педаль газа. Машина была старая, и потому современной системы кондиционирования воздуха в ней не было. И Джоанне пришлось применить систему кондиционирования, которую Рут называла самопальной — просто открыть все четыре окна, опустив стекла и довести скорость до восьмидесяти миль в час. Хотя она знала, что больше пятидесяти пяти миль тут скорость не разрешается. Наконец этот участок пути закончился и пришлось снова медленно тащиться.

Теперь можно было особо не смотреть на дорогу, и Джоанна опять принялась думать о том, что будет сегодня вечером. И опять на нее напал страх.

Уже целый месяц ее душу не переставало покидать ощущение грозящей опасности, и Джоанна почему-то до сих пор не могла привыкнуть к этому. Глядя на забитое автомобилями шоссе, она вспомнила, что сегодня пятница. И сердце ее сжалось от страха. Все ~это~ как раз может случиться именно сегодня — как раз подходящий день.

Они с Антригом, помнится, догадались, что в распоряжении Сураклина имелся компьютер, приводимый в действие жизненной энергией. Компьютер этот был спрятан в какой-нибудь крепости или же пещере в стране Феррит, что находилась по ту сторону Пустоты. И Гэри в течение нескольких месяцев старательно заносил данные из файлов Сураклина в большой сан-серанский компьютер. Одновременно с Гэри, пользуясь бесконтрольностью со стороны охраны, выносил по частям различные узлы компьютеров со склада терминала, благодаря чему ему удалось собрать у себя дома довольно мощный компьютер. Естественно, тоже служивший теперь интересам Сураклина.

Джоанна с горечью подумала, что усердие Гэри ему никак не помогло, когда наступил подходящий момент, Темный Волшебник просто вселился в его тело.

Сама она видела эту программу. Именно эта программа помогла Сураклину вживаться в образ своего сообщника. Там были обстоятельно записаны склонности и привычки, вкусы и предпочтения Гэри, номер банковского счета Фэйрчайлда и количество лежавших на нем

денег, его романы с другими женщинами (и это после того, что настоящий Фэйрчайлд клятвенно заверял ее, что она его первая и единственная любовь). Там же содержались и интимные подробности жизни Гэри — к примеру, его любовь к особо изощренной порнографии. И все это обстоятельно, словно на века, для потомков. Другие файлы содержали похожие характеристики (с некоторыми поправками на эпоху, разумеется, на архимага Солтериса, безумного императора Феррита Херальда, который наверняка все еще управлял своей империей.

И там же содержалась информация о человеке, который поочередно вживался в тела императора, Солтериса и Гэри. Человека, чьи манеры иногда копировал Гэри. Именно в его глазах горел огонек подозрительности, с которым он сегодня днем разглядывал Джоанну. Это был Волшебник Сураклин, которого еще знали под именем Темного Волшебника.

А компьютер как раз для него был ключом к обретению вечной жизни. Джоанна знала, что такой компьютер существовал. С его помощью Сураклин как бы моделировал самого себя, он хотел воплотиться уже не в человеческой плоти, а в вечном силиконе. Наконец его мечта сможет стать реальностью — он будет жить вечно. Но утечка жизненной энергии в обоих мирах — в этом, где жила Джоанна, и в том, что находился по ту сторону Пустоты, где стоял злополучный компьютер — была не смертельна, хотя и здорово вредила всему живому.

И Джоанна знала, что компьютер существовал, но доказать этого все равно не могла.

Таким образом, выходило, что ей приходилось сражаться с ним в одиночку.

Джоанна повернула направо — на автостоянку возле супермаркета в Энсино. Супермаркет как раз находился на полдороге до дома. Жила она в Сан-Фернандо. Рука ее привычным жестом ухватила с переднего сиденья кошелек из макраме — громадный, точно дамская сумочка, набитый разными вещами и весивший, соответственно, тоже изрядно. Порывшись в чудо-кошельке, Джоанна извлекла нечто вроде авоськи. Заперев дверцу машины, Джоанна направилась по стоянке, похожая на школьницу. Итак, дело сделано. Через пятнадцать минут она уже сидела в автобусе, направлявшемся обратно в Сан-Серано.

Все ее поведение за последний месяц — проникновение в память компьютера, парковка машины у супермаркета и возвращение на работу после конца рабочего дня, уже в сумерках, боясь человека, с которым она спала уже два года — казалось странным даже ей самой. Ну чем не пример для какого-нибудь учебника по психиатрии? В самом деле, типичный случай паранойи. А уж по ночам ей снилось такое, чего, как говорится, и врагу не пожелаешь.

— Большую часть своей жизни я провел в страхе перед человеком, который уже давно находится в могиле, — как-то сказал ей Антриг.

И только теперь Джоанна смогла осознать, как и почему принц-регент стал сумасшедшим в десятилетнем возрасте — ведь император тогда перестал быть его отцом, он не смог сформировать сознание ребенка, потому что сам тронулся умом.

Джоанна прислонилась лбом к подрагивающему стеклу окна автобуса, стараясь не ощущать запаха пота, которым разило от стоявшего впереди человека, одетого, несмотря на жару, в шерстяной костюм.

Все эти обстоятельства — ее исчезновение из этого мира, то, что она узнала там, вежливый высокий человек, который дважды спас ей жизнь

— сначала защитив от Инквизиции, а потом от страшных пиявок на лугу, которых неизвестно какая сила перенесла через бесконечные просторы Пустоты — образовали совершенно неразрешимую дилемму, при которой она вынуждена была выбирать один ответ из двух, взаимоисключающих друг друга. А вопрос перед ней стоял очень непростой.

Легко можно было предположить, что сама она на какой-то определенный момент времени просто потеряла рассудок. Дело в том, что на той памятной вечеринке Гэри она выпила какой-то странный пунш — в него явно было что-то подмешено, что смогло вызвать у нее расстройство психики и, как следствие, самые причудливые галлюцинации. Кого там только не было — волшебники, чародеи, воины, злые принцы. И потом, как это обычно происходит в фантастических фильмах и книгах, она снова очутилась в привычном мире, где

ей все как ни в чем не бывало заявляют, что это всего лишь был плод ее фантазии, подстегнутый транквилизаторами.

Но вот с другой стороны...

Настоящие фантазии пришли к ней несколько дней после уже ее возвращения в этот мир. И уже пять-шесть раз она переносила эти самые галлюцинации.

Картина галлюцинаций была все время примерно одной и той же — комната со стенами из неотштукатуренного камня, похожая на тюрьму Инквизиции, из которой ее вызволил Антриг. И тишина, мертвая тишина, видимо, комната эта располагалась в подвальном помещении. Она опиралась спиной на покрытую сыростью стену, но несмотря на это, по телу Джоанны струились ручьи пота, поскольку в комнате было невыносимо душно из-за пылающего тут небольшого очага. Возле стены хлопотал обнаженный по пояс лысый мужчина, который отбрасывал на стену причудливые тени. И Джоанна явственно чувствовала запах его потного тела. Человек громко постукивал молотом по раскаленному докрасна кусочку железа. Ему помогал ученик, точнее — ученица, девушка-подмастерье, чьи закатанные по локоть рукава открывали столь мощные бицепсы, что им мог позавидовать любой современный культурист. Странно, но и голова девушки тоже была гладко выбрита, как, впрочем, и у стоявшей тут же женщины в серой бархатной робе до пят. На шее женщины поблескивали бусы из каких-то прозрачных мешков. Горячий воздух был пропитан запахом немытой шерсти, влажной земли и угольного дыма.

Женщина глядела в одну точку, но взгляд ее был направлен не на работу кузнеца, а на темный провал в двери, который очень напоминал пасть громадного хищника.

Именно в этой темноте обозначилось какое-то движение, и женщина в сером, сложив руки на груди, загадочно улыбнулась.

Два стражника ввели в комнату человека, который был выше их ростом. Когда сама Джоанна стояла рядом с ним, то голова ее доходила человеку только до плеча. Лицо мужчины исхудало от истощения, полуседые волосы были всклокочены, глаза блестели каким-то нездоровым блеском.

Женщина в серой робе сделала шаг вперед, причем Джоанна отметила ее холодные стальные глаза.

— Итак, Антриг Виндроуз, — полувопросительно произнесла она, и приведенный кивнул".

Человек напряженно щурился, и Джоанна поняла, что он близорук. Но очков на нем не было. Сняли?

— Антриг Виндроуз, признаешь ли ты себя виновным в преступлениях, которые ты, как установлено, совершил?

Антриг раскрыл было рот, но потом передумал отвечать. Пот лил по его лицу. Но Джоанна знала, что это был Антриг — она сразу узнала бы его лицо из тысячи других лиц.

— Герда, можешь делать со мной все, что только вздумается, но только учти, что даже если вы и убьете меня, этим не избавитесь от грозящей вам опасности. Сураклин...

Один из стоявших сзади часовых сильно толкнул Виндроуза в спину, кольнув его чем-то острым и Антриг пошатнулся, но второй охранник вовремя подхватил его, не дав упасть на пол. В этом стражнике Джоанна с удивлением узнала Кериса, внука архимага Солтериса.

Женщина, которую называли Гердой, подошла к пленнику еще ближе.

— Можешь не повторять нам имя своего учителя и хозяина, оно и так хорошо известно нам, — холодно заметила она, — и не пытайся уверить нас, что все мы зависим от тебя. Все равно ты уже во всем признался. А теперь, как положено процедурой, мы же соблюдаем все законы и требования, мне нужно, чтобы ты повторил свое признание.

Антриг отвел глаза в сторону, и по его телу прошла судорога.

— Нет, — еле слышно произнес он.

— Так ты не признаешься в нарушении Первого постулата Совета Кудесников, который запрещает использовать свою волшебную силу во вред Совету, какой бы благородной не казалась цель волшебства? И при этом не вмешивался в мирские дела

людей?

— Признаюсь, — кивнул он, не глядя в глаза Герде.

— Признаешься ли ты в том, что пытался лишить жизни принца-регента при помощи волшебства?

— Да.

— Признаешь ли ты себя виновным в смерти Солтериса Солариса, архимага Совета?

Виндроуз закрыл глаза, явно желая перебороть в себе смесь отчаяния, обиды и горя. Настала мертвая тишина, прерываемая лишь потрескиванием пламени в очаге. Наконец он тихо сказал:

— Признаю.

Епископ кивнул стоявшему возле импровизированного горна кузнецу. Тот поднял кусок железа, который до этого столь старательно обрабатывал молотом. Стражники, державшие Антрига, кстати, по бывшим на них робам, можно было предположить, что это чародеи, поспешно отпрянули назад. Керис же продолжал держать Антрига, хотя при этом и отвернулся.

Ужас наполнил глаза пленника.

— Нет, — безумно прошептал он, пятясь назад.

Керис при этом толкнул его вперед.

— Герда, в этом нет необходимости. Ведь магическая печать висит на стене Башни Тишины. Я не могу прикоснуться к ней, не могу проскользнуть мимо нее, никому из волшебников это не под силу...

— Но тем не менее ты сумел удрать оттуда, — саркастически воскликнула Герда. Отблески пламени играли на блестящей поверхности железного ошейника, который кузнец держал клещам. — Эта печать есть знак Бога Мертвых. Это смерть силы, затухание энергии. Ты не сможешь удрать до того, как совершится твоя казнь.

— Ничего подобного, — упрямо сказал Антриг, глядя расширенными глазами на ошейник с нанесенным на него странным клеймом. — Я клянусь, что не стану даже пытаться сбежать. Ведь ты ничего не смыслишь, ты же не волшебница. Пожалуйста...

Кузнец, звякнув ошейником, сделал шаг вперед. Четверо стражников поставили Антрига на колени, крепко держа его за плечи, голову, руки, оголили чародею шею. В это время кузнец надел на Виндроуза ошейник и щелкнул сзади миниатюрным замком. Печать на ошейнике произвела впечатление и на Кериса, ведь он тоже с рождения обладал какой-то волшебной силой. И теперь губы его стали синеватыми от ужаса. Парень старался не смотреть на ужасный ошейник, отведя глаза в сторону. Как только кузнец покончил со своим делом, стражники с силой швырнули Виндроуза на грязный пол и отошли назад.

Подобную сценку Джоанна видела каждый раз. И все время она пыталась мысленно подойти к нему. Но ноги у нее оказывались словно ватными, и она не могла двигаться при всем желании. Даже ее крики ужаса как бы застревали в горле. Ощущения были жуткими. А потом... потом все покидали эту комнату-камеру, оставив тяжело дышащего Антрига лежать на полу возле потухающего очага.

Уже на выходе, задержавшись, Керис поинтересовался:

— А для чего это?

Епископ уставилась на него своими холодными глазами.

На сей раз можно было разглядеть, что глаза Кериса излучали настоящую ненависть.

— Ведь он и так во всем признался и был осужден императором, инквизиторами и Советом Кудесников. Для чего это нужно просто ограничивать его силу, а не попросту прикончить? Или кто-то вдруг решил, что Совет Кудесников неправомочен решать такие дела?

— Керис, но ты же послушник при совете, то есть их ходячее оружие,

— холодно отозвалась Герда, — а меч обычно не спрашивает руку, почему она рубит того, а не другого.

— Но Солтерис был еще моим дедом, будьте вы все прокляты, — прохрипел в

бешенстве он.

— Керис, — откуда-то из темного прохода появилась фигура госпожи Розамунд. Именно под руководством этой женщины был схвачен Антриг, — если ты стал послушником, то не позволяй себе слишком многого. С этого момента у тебя больше нет деда, так ты знай. Тебя не должно также касаться, кто из членов Совета и почему отдал тот или иной приказ относительно Антрига. Ты исполняй свои обязанности.

Антриг спрятал лицо в ладони, словно это могло помочь ему скрыться от своих мучителей. Джоанна видела, как два раза его пальцы инстинктивно пытались сорвать ошейник, что было, конечно же, невозможно. Чародей дрожал всем телом, и Джоанне казалось, что он плачет.

Тем временем пламя в очаге погасло, и яркие угли рдели в темноте. Кузнец и подмастерье ушли, их услуги больше тут были не нужны. Герда в последний раз бросила взгляд на узника и вышла, сопровождаемая одетыми в черное послушниками. Керис же продолжал стоять на прежнем месте, глаза его горели какой-то сумасшедшей злобой.

Наконец внук архимага решительно направился к распростертому на полу Антригу.

Виндроуз лежал, не издавая ни звука. Только по тому, что его тело продолжало судорожно вздрагивать, можно было понять, что он скорее жив, чем мертв. Его черная роба была во многих местах разорвана, и Джоанна видела, что чародей страшно исхудал, вот уж действительно кожа да кости.

Керис, наклонившись над узником, вытащил кинжал. Антриг поднял голову с торчащими во все стороны космами волос. Схватив Виндроуза за руку, Керис отшвырнул его к стене. Блики, плясавшие на угольках, блестели и на поверхности лезвия кинжала, на вспотевшем лице Антрига и на злополучном ошейнике.

И вдруг Антриг поднял голову и внимательно посмотрел, но не на находящееся в каких-то сантиметрах от его головы лезвие ножа, а в глаза Кериса. Он с видимым усилием приподнял руку, и Джоанна увидела, что все его пальцы покрыты ссадинами и ранами, некоторые из которых да сих пор кровоточили. Сжав зубы, он приподнял рукав на левой руке, обнажив вздувшиеся вены. Он явно желал, чтобы Керис перерезал ему эти вены своим кинжалом.

— Пожалуйста, — прохрипел Антриг, — я посчитаю для себя это великой честью.

Но Керис только пнул его ногой и выпрямился. И всякий раз, видя эту сцену, Джоанне казалось, что сейчас Керис примется с остервенением пинать Виндроуза. Но Керис, отвернувшись, со свистом засунул кинжал обратно в ножны. Затем внук архимага медленно направился к выходу, отблески пламени играли на рукоятке его ножа. Все, Антриг остался один на один со все сгущавшейся темнотой.

Через некоторое время чародей с трудом поднялся на ноги. Цепляясь за стены руками, он шатающейся походкой направился тоже к выходу на лестницу, которая вела вверх, в камеру, которая находилась почти под крышей Башни Тишины.

Автобус, скрипнув тормозами, остановился почти что у самых ворот сан-серанского комплекса. Джоанна вышла наружу. Зной уже угасшего дня продолжал напоминать о себе мягковатым асфальтом, покуда она пересекала парковочную стоянку. Бесперывно озираясь по сторонам, Джоанна направилась к корпусу номер шесть. Сан-серанский комплекс со всех сторон был окружен холмами, которые теперь казались девушке зловещими.

Хватит думать об Антриге, уже в который раз сказала она себе самой. Нет пока времени думать о его сильных, но деликатных руках, когда он учил Джоанну управлять упряжкой лошадей на Чертовой Дороге. Не нужно думать о его спокойном голосе. Странно, чем больше она приказывала себе не думать о Виндроузе, тем настойчивее мысли ее возвращались к этому человеку.

На плече девушки покачивался все тот же неизменный кошелек. Чего в нем только не было. Главное, там были и деньги, которые Джоанна сумела заполучить при помощи компьютерных ухищрений с тайных банковских счетов Гэри. Впрочем, Гэри и сам в свою очередь перевел эти деньги на свое имя со счетов разных учреждений при помощи того же

компьютера. Компьютер дал Джоанне более чем обстоятельную информацию обо всем этом — номера счетов, суммы вкладов, даже название программ, при помощи которых Фэйрчайлд вторгнулся в чужие компьютерные системы. Все то содержалось в программе под названием «СИЛЫ ТЬМЫ». Итак, тут Гэри-Сураклин. Это само зло, подумала она. И потому Джоанна, переводя деньги со счетов Гэри на свое имя, нисколько не колебалась — ресурсы врага нужно использовать для борьбы с ним же. Она должна во что бы то ни стало спасти Антрига, ведь он должен быть жив. Нужно только помешать планам Сураклина, и тогда он будет спасен.

Нет, одна она ни за что не сможет справиться к ним.

Готовилась Джоанна довольно основательно. Накупила искусственного жемчуга, искусственных рубинов и сапфиров, пищевых концентратов и медикаментов, запаслась двухлитровой бутылкой минеральной воды и внушительным складным ножом в дополнение к испытанному швейцарскому. В кошельке лежали моток скотча, прочнейший капроновый шнур, солидный пучок медных проводов в пластиковой оболочке, пила со складным лезвием и тому подобные необходимые припасы. По своему предыдущему скитанию в параллельном мире она знала тамошние моды, и потому заказала в пошивочном ателье нечто подобное — платье до пят, но сшитое из современной ткани, которая, будучи смятой, запросто умещалась в кулаке. К тому же в этом платье можно безбоязненно разгуливать среди тамошней публике, которая явно не одобряет ношение женщинами брюк. Поначалу Джоанна хотела выдать себя за мальчика — излюбленный прием многих героинь кинофильмов — но, поглядев на себя критически в зеркало, Джоанна решительно забраковала эту идею.

Джоанна предприняла определенные шаги по обеспечению своей безопасности — купила кольт тридцать восьмого калибра и специальный набор к нему — разные там книжечки с советами и приспособления для чистки и смазки оружия. Затем она практиковалась в стрельбе до тех пор, покуда ее перестали беспокоить отдача и звуки выстрелов. Кроме того, ей хотелось обзавестись чем-то таким, что в будущем помогло бы ей хотя бы не уничтожить, но вывести из строя компьютер Сураклина. Поначалу Джоанна решила купить взрывчатку, чтобы разнести эту машину к чертовой матери. Но затем она забраковала эту идею — мало того, что приобретение и хранение взрывчатки — дело подсудное, но и обращаться она со всем этим хозяйством совершенно не умела.

Но что-то все равно нужно было делать. Джоанна принялась размышлять: если Гэри, он же Сураклин, смог и сможет переводить данные из сан-серанского компьютера в своей собственный, то это должно удастся и ей самой. И потому в потайном кармане кошелька-ридикюля Джоанна держала самое сокровенное — тщательно упакованный в несколько пластов полиэтилена, обмотанный капроновым шнуром диск — то есть это была дискета с записанной на ней программой, позволявшей уничтожить любую другую программу. Кстати, пользование подобными программами тоже было запрещено законом.

Готовилась Джоанна к этой экспедиции довольно долго — и все время она ругала себя за непростительную медлительность. Ведь кто знает, что могло случиться за это время с Антригом. Может быть его уже и в живых-то нет.

Стоп, приказала себе она, в сторону такие мысли. Конечно, он жив.

И даже если его больше нет на свете, то она все равно должна действовать, хотя бы для того, чтобы остановить Сураклина.

Джоанна обратила внимание, что почти все освещение в шестом блоке было погашено. Джоанна бесшумно продвигалась по голубоватым ковровым дорожкам, устлавшими коридоры. Она поглядывала по сторонам, за стеклянными стенками отчетливо просматривались интерьеры помещений. За эту неделю она уже дважды приходила в здание этой дорогой, и девушку постоянно сопровождало неприятное ощущение, что Сураклин охотится за ней. Он уже похитил ее один раз, как раз когда собирался переселить свою душу в тело Гэри. Темный Волшебник понимал, что после того, как Гэри не станет, то ему понадобится квалифицированный программист, который станет заниматься с его компьютером. Именно Сураклин убедил Гэри заманить ее на свою вечеринку, а потом

просто перетащил ее через Пустоту в свой мир. Если бы тогда Антриг не последовал за ним, то Джоанна до сих пор влачила жалкое существование орудия в руках Темного Волшебника.

Одним из последних разговоров Антрига с девушкой было то, что он постоянно твердил о своем желании предупредить ее. И она, конечно же, не вняла этим предупреждением.

И теперь Джоанна продвигалась по пустым коридорам. Сердце бешено колотилось в ее груди. Конечно, девушка отлично понимала, что если она столкнется сейчас с Сураклином, то он тут же претворит в жизнь ее желание. И чем больше приближалась она к главному компьютерному терминалу, тем больше возрастала для нее опасность.

— Немедленно расслабься, — решительно приказала Джоанна себе самой, — ведь уже сколько раз тебе приходилось ходить этой дорогой. Чего тут страшного?

Но ее продолжало трясти, зубы стучали, когда девушка проскользнула в одну из комнаток со стеклянными стенами.

Но ведь ты ходила тут десятки раз...

Она неплохо старалась все это время, каждый раз, оставляя свой автомобиль непременно на разных парковочных площадках (чтобы машина не примелькалась), Джоанна под покровом темноты возвращалась назад в Сан-Серано, проникала в компьютер Гэри и распечатывала на принтере для себя очередную порцию информации из файла.

Конечно все это реальность, жестокая реальность, то и дело повторяла Джоанна себе, чтобы перестать хотя бы дрожать, не говоря уже о беспокойстве.

Вдруг она подумала, что испытывает чувства, которые наверняка переживает какой-нибудь сектант, который, поверив своему проповеднику, распродал все свое имущество и теперь стоит на вершине холма, ожидая конца света. А потом ее ожидает не слишком приятное возвращение домой

— как раз подобно все тому же сектанту.

Вдруг где-то сбоку зашуршало ковровое покрытие. Джоанна быстро встала за непрозрачную дверь и стала напряженно всматриваться в щель. И тут она мгновенно узнала его — конечно же, это был Гэри. Он осторожно прошел мимо комнаты. Джоанна стояла ни жива ни мертва.

Гэри — тот, уже не настоящий Гэри — теперь уже мог не притворяться тем, под чьей маской жил все это время. Теперь это была какая-то крадущаяся походка, точно лисья — так настоящий Гэри Фэйрчайлд никогда не ходил.

Джоанна увидела, что в руках темный Волшебник нес чемоданчик-"атташе", и сердце ее упало.

Видимо все это должно так или иначе случиться сегодня.

Джоанна догадалась об этом сегодня утром, когда, пользуясь благоприятным моментом, в очередной раз проникла в нужный файл и обнаружила, что значительной число информации оттуда бесследно исчезло. Тут, впрочем, не было ничего удивительного — хоть Гэри и программировал свои намерения и данные на сан-серанском компьютере, но вот переправлять накопленную и обработанную информацию через Пустоту ему все равно приходилось по старинке — вручную, лично.

Девушке вдруг очень захотелось взвизгнуть. Только без паники, приказала она себе снова и осторожно, на цыпочках, направилась к телефону. И тут удача — стоило только набрать номер, как заговорил автоответчик в квартире Рут. Лучшего и желать нельзя. Конечно, Рут редко можно было застать дома, но Джоанне именно сейчас меньше всего хотелось, чтобы ее засыпали градом ненужных вопросов.

— Рут, это Джоанна, — еле слышно забормотала она в трубку, — зайди ко мне, только не забудь мой ключ. Там на столе лежит большой конверт, в нем кое-что сказано. Только сделай все так, как написано там. Когда вернусь, расскажу обо всем куда более обстоятельно. Но только мое путешествие может занять несколько недель. Не бойся, никакая опасность мне не грозит. Ну все, пока.

Как все это глупо.

Но почему именно она, почему?

Антриг, наверное, решила девушка, ощущал то же самое.

Вдруг ей стало как-то не по себе, такое неопишное чувство, какой-то холодный ужас, нервы словно напряглись. Словно стоишь на краю пропасти, зная, что в любой момент может закружиться голова. Но Джоанна была готова отдать голову на отсечение, что ей прежде не доводилось испытывать подобного чувства. И тут она еще с грустью подумала, что бесследно исчезнув вторично, она уже вряд ли привлечет к себе большое внимание. Может быть, и искать ее никто не станет.

Но, понятное дело, если Сураклин похитит ее сейчас, То можно считать, что ее экспедиция уже началась. Только бы Темный Волшебник не вселился в ее тело.

Ослепительный белый свет падал сквозь стеклянную дверь компьютерного терминала на пол коридора. Набитый разным нужным скарбом кошелек оттягивал ей плечо, но Джоанна даже теперь не стала перевешивать его на другое плечо. Сейчас было не до этого. Так, неслось в ее голове, в десять часов будет автобус обратно в Энсино. Постояв еще немного, девушка осторожно высунула голову за дверь.

Нет это не было галлюцинацией. А значит, ее рассудок в полном порядке. Пока что. Но это уже хорошо.

Странно, свет в компьютерном терминале больше уже не горел. Выходит, она рано радовалась отсутствию у себя галлюцинаций. У страха, как известно, глаза велики.

Итак, снова темнота. Темнота, вытянувшаяся по коридору. И там, в конце коридора, Джоанна отчетливо уловила какое-то еле слышное движение. Тихое, вкрадчивое...

Но в компьютерном терминале теперь никого не было. А темнота тем временем стала потихоньку рассеиваться, превращаясь в самый обычный полумрак.

И было не слишком приятным, что...

Видимо, придется шагать прямо туда...

— А может, предложил тоненький голосочек в ее душе, — просто пойти домой, уткнуться в подушку и забыть всю эту галиматью? Словно этого с ней никогда не было?

Решительно отбросив провокационные мыслишки, Джоанна поправила на плече ремень кошелька и шагнула вперед...

Глава 2

Несомненно, это было самое страшное, что ей когда-либо приходилось делать. Не успела девушка сделать и двух шагов, как ей вдруг сильно захотелось повернуться и побежать что есть силы назад. Но нет, дороги назад уже не было — нельзя даже было позволить себе оглядываться назад. Конечно, перед нею разверзлась Пустота, которая и была тем самым непроницаемым мраком. И впереди ярким пятном маячила желтая рубашка Гэри. Если только она сейчас помедлит, и рубашка пропадет из виду — тогда пиши-пропало, можно считать, что она заблудилась где-то между разными мирами.

Целая гамма чувств одолевала путешественницу — от простой тошноты и ощущения падения, до сладкого ужаса, которое испытывает только человек, который уже заглянул в глаза смерти. Но Джоанна упорно двигалась вперед, ощущая себя словно в невесомости, как бы плывя в невидимых волнах. Единственным ее желанием сейчас было ни в коем случае не потерять из виду желтую рубашку. По лицу ее струились слезы

— скорее всего, это были слезы негодования за свою собственную слабость. Помнится, когда она в первый раз продвигалась через Пустоту, то это было в бессознательном состоянии, когда испугаться она не могла при всем своем желании. А когда она возвращалась назад, то сильная рука Солтериса (он же Сураклин) держал ее руку, придавая упорство и подбадривая.

Казалось даже, что эта темнота живая. Джоанна словно чувствовала плотную тьму, ощущала ее. Воздух был словно сгущенным, он как бы плавал волнами, слоями.

Да хватит думать об этом, снова мысленно прикрикнула на себя Джоанна, ведь Керис

запросто пересекал в прошлый раз Пустоту сам, только идя за человеком. А чем она хуже Кериса в этом отношении? Как же тут было холодно, но это был не холод в привычном понимании, а холод, который наполнял душу. Но Джоанна упрямо продвигалась вперед — главное, не потерять из виду обладателя желтой рубашки, который, обнаружив преследование, запросто уничтожит ее.

И тут совершилось нечто неожиданное: видимо, Джоанна окончательно освоилась даже с такой не слишком комфортной обстановкой. Во всяком случае, она даже позволила себе побежать трусцой. При этом она старалась не оглядываться назад. Впрочем, это еще не означало, что ее покинул ледяной страх. Только потому, что ей было трудно дышать, она и не выкрикнула имя Сураклин. А уж он бы не растерялся, обнаружив преследование. Впрочем, Сураклин вряд ли убьет ее, ведь ему же нужен хороший программист. И Джоанна даже приободрилась.

Тут она в очередной раз посмотрела вперед и не обнаружила Гэри. Он скрылся.

Вокруг царила тьма, какой-то неприятный ветер, даже не ветер, а сквозняк, трепал ее волосы. Желтое пятно рубашки Гэри исчезло неизвестно куда. Только вдали что-то на мгновение сверкнуло молочно-белым светом, и до ноздрей Джоанны донесся характерный запах дождя. И хотя она совсем не была уверена в том, что Сураклин удрал именно туда, девушка все равно двинулась в том направлении. Джоанне вдруг показалось, что какое-то неведомое существо (откуда же ему тут было взяться?) вынырнув из темноты, укусило ее за руку до крови. Но сейчас она даже не остановилась, чтобы убедиться, действительно ли такое произошло с ней. Она мчалась вперед и вперед, глядя в одну точку, чтобы только не сбиться с курса. Для нее даже не существовало время, казалось, что она уже несколько часов бежала так, не зная, как долго еще предстоит бежать. Что это было за свечение? Связано ли это было каким-то образом с исчезновением Сураклина? А вдруг это всего лишь приманка, специально для нее? А что, если ей до самой смерти предстоит блуждать здесь? А что, если она уже умерла и попросту попала в потусторонний мир? Внезапно Джоанна ощутила, как ее кошелек оттягивал плечо, он сразу показался неподъемным, тяжелым, даже мелькнула мысль — не сбросить ли под ноги весь этот хлам?

Вдруг темнота стала постепенно редеть, было уже видно, как светит полная луна, потом показалась вереница придорожных камней. Джоанна побежала вперед, и ноги ее запутались в высокой густой траве. Ко всему прочему, трава оказалась еще и мокрой, видимо, тут действительно недавно прошел дождь. Сзади вдруг послышалось шипение. Тут уж мужество совершенно отказало Джоанне, она оглянулась назад. За ней следом плыло нечто странное, какое-то существо, состоящее из щупальцев. Щупальца эти были похожи на пряди слипшихся волос.

Девушку охватил животный ужас, и она бросилась что есть силы вперед. Бежала она до тех пор, пока не почувствовала, что еще минута такого кросса и она без чувств свалится на траву. Вдруг она подумала, что если попытаться встать за один из придорожных камней, можно надеяться, что эта штукавина промчится мимо. Тут Джоанна вспомнила, у нее ведь есть оружие. Впрочем, ей потребуется некоторое время, чтобы достать все это из кошелька. Вот Керис, попав бы в такую ситуацию, наверняка не дал бы застигнуть себя врасплох.

Но Джоанна резко рванулась к ближайшему камню и встала возле него. Затем она инстинктивно посмотрела на руку, так и есть: на месте укуса неведомого создания из руки вытекала кровь. Несомненно, что это же самое создание преследовало ее сейчас. И его челюсти наверняка должны были сомкнуться на ее горле. Джоанна опять задрожала, но теперь уже от нового ужаса. Но затем она, опомнившись, выхватила из висевших на ремне джинсов нож. Пусть теперь попробует приблизиться...

Тяжело дыша, Джоанна прислонилась к камню и повернулась в сторону, откуда должно было прийти чудовище.

Но там никого не было.

Но нет, страшилище таилось где-то там, в темноте, но почему-то не желало к ней

теперь приближаться. Но тут послышался другой звук, похожий на протяжный стон.

Джоанна принялась внимательно рассматривать отпечатки на мокрой земле.

Вдруг какая-то тень, словно вода, стала растекаться по земле. Даже теперь, в довольно ярком лунном свете, было сложно распознать, кому принадлежит та или иная тень, но через некоторое время снова послышался все тот же протяжный стон, полный боли и мук, и девушка как-то внезапно поняла, что больше всего это было похоже на мычание коровы. А сразу за этим последовало блеяние овец. Джоанна протерла глаза — так и есть: можно было различить теперь и светлые комочки — это овцы, и коров и некую вертикальную тень — это уж точно человек. Затем в ночной тишине послышалась музыка. Она была прерывистой, словно всякий раз останавливалась, чтобы найти дорогу между придорожными камнями. А потом послышалась барабанная дробь, которая, кстати, не могла заглушить пронзительное биение ее сердца.

Где-то там, за грядой камней, где черный бархат ночи был особенно плотным, ее поджидало чудовище, которое и без того едва не слопало ее сейчас.

Джоанна вспомнила, как Антриг рассказывал, что через Пустоту из одного мира в другой могут попасть не только люди, но и предметы весьма случайные. Поскольку материя, из которой состоит во вселенной все, как бы ослабевает и перестает удерживать вещи в их естественных границах. Возможно, это чудовище было из какого-то другого мира, но оно болталось в Пустоте и наконец попало-таки сюда. А вдруг, подумала Джоанна с ужасом, это чудовище не попадало сюда ни откуда, а попросту обитает здесь? Вдруг она просто, потеря в Сураклина из виду, попала сама совсем не в тот мир, в который собиралась?

Ну что же, подумала она с печальной улыбкой, это все же лучше, чем навеки остаться в Пустоте.

Джоанна осторожно направилась вперед, не снимая ладонь с рукоятки ножа. Темнота, казалось, продолжала сгущаться. Иногда вспыхивали какие-то зеленоватые огоньки, девушка и понятия не имела, чтобы это могло быть такое. Затем ее чуткие ноздри уловили запах свежей травы, а секунду спустя раздался заунывный визг свирели.

Мимо нее прошла овца, затем корова с теленком. Затем пошли целые группы коров и овец. В воздухе резко запахло мокрой шерстью. Тут же бежали собаки-пастухи, вперемешку с ними козы, несколько свиней. Затем уж показались люди, они шли молча. Джоанне почему-то бросилось в глаза, что тут были не только пастухи-мужчины, но и женщины с детьми. При этом девочки несли на руках кошек.

А затем уж началось что-то вовсе непонятное. Ровной линией шли люди, чьи лица были закрыты изображавшими морды животных масками. Иные водрузили себе на головы рога. Если это была какая-то игра воображения, то довольно зловещая. Черные изогнутые рога покачивались в воздухе в такт походке людей. Сквозь прорези в масках поблескивали глаза их обладателей. Джоанна стояла ни жива ни мертва. Если эти люди заметили ее, а они никак не могли не заметить, то они не уделяли ей внимания по какой-то только им известной причине.

В самом конце процессии двигалась влекомая коровами и почему-то овцами высокая повозка — прямо катафалк. В может, это катафалк и был. Точно катафалк, подумала девушка, видя, как на повозке лежит мужчина в изорванной в клочья одежде, тоже с рогами на голове. Она снова вспомнила Антрига, который неоднократно повторял, что все в жизни движется параллельно линиям жизненной энергии. Конечно, он ведь рассказывал, что иногда крестьяне по старой памяти проходят со своими стадами вдоль таких линий, исполняя полузабытые обряды их далеких предков. Это делается в честь почитаемого когда-то Бога Мертвых.

Ну что же, пронеслось в голове девушки, по крайней мере теперь можно точно быть уверенной, что она попала именно туда, куда хотела.

Так, все хорошо. Теперь нужно разыскать Сураклина.

Первым ее произвольным желанием было просто пристроиться в хвост этой процессии — ведь крестьяне привели бы ее в свою деревню. А там можно найти кров и

пищу, ведь ночь была довольно холодной. По своему прошлому путешествию по империи Феррит Джоанна поняла, что государство это находится куда севернее, чем Калифорния. Вдруг она осознала, что не позаботилась о том, чтобы запастись теплой одеждой. Да, это большое упущение.

Но только Джоанна собралась было двинуться вперед, как различила во тьме очередной силуэт, похожий на этот раз на большого паука. Ну конечно же, это было чудовище. И направлялось оно как раз за процессией крестьян.

Может быть, паука привлекла музыка, подумала Джоанна. Или же запах добычи? И девушка присела у основания камня, решив, что уж лучше провести ночь здесь. А звук свирели постепенно удалялся и удалялся, вскоре угаснув совсем.

Конечно же, Джоанна обязательно пошла бы в деревню, из которой вышла процессия, если бы не то чудовище. Она успела изрядно продрогнуть и проголодаться, силы почти оставили ее. Но ведь даже если бы в деревне ее не приняли, то что ей стоило найти убежище на ночь на каком-нибудь сеновале? Но внезапно она подумала: ведь, оказавшись в каком-то тесном пространстве, она не сможет вовремя заметить опасность, да и свободы маневра у нее нам не будет. Нет, уж лучше сидеть в чистом поле. Джоанна тут подумала, как далеко тянется эта дорога и на каком расстоянии отсюда расположена деревня?

Но затем наступила полнейшая депрессия, что вполне было естественно после переживаний и перенесенных тягот. И Джоанне показалось, что ее ситуация в тысячу раз тяжелее, чем она сама думала.

Впрочем, девушка знала, что это такое и была к этому заранее готова. Ведь Сураклин как раз и пришел в этот мир, чтобы пустить свой компьютер в ход. А компьютер работал на энергии, которую Сураклин вытягивал из живых существ и с помощью телиса преобразовывал в электрический ток. Потому не было ничего удивительного в том, что телисы наконец заработали, просто Сураклин наконец-то добрался до места своего назначения.

Но зато теперь Джоанна знала, что упадок физических и духовных сил в ней произошел не благодаря ей самой, а именно из-за действий Темного Волшебника. А потому это закономерно. Нужно только перебороть искусственную хандру. К хандре же теперь примешивалось неприятное ощущение, что если ее экспедиция успехом не увенчается, то самое лучшее, что суждено ей — остаться в этом мире на положении рабыни. В худшем же случае ее ожидает смерть. Кроме того, ей начало казаться, что Антрига уже давно нет в живых. В самом деле, ведь инквизиторы взяли его не для того, чтобы содержать под стражей. Тем более, что там все наперебой говорили об ожидающем Виндроуза суде. Его взяли как раз ровно полтора месяца назад. Появилась даже настойчивая мысль подняться на ноги и броситься в деревню. Ну и что, что где-то поблизости бродит чудовище. Ведь чудовище направилось за крестьянами, подумала девушка, при чем тут она? Тут сидеть тоже не слишком приятно.

Наконец забрезжил рассвет. Джоанна с облегчением убедилась, что местность прекрасно просматривается и никакая опасность ей покуда не грозит. Ну что же, пора было подумать и о маскировке. Раскрыв ридикюль, девушка вынула из него то самое платье из тонкой материи и переделась, что было совсем непросто, поскольку при этом нужно было еще наблюдать за окружающей местностью. Упадок настроения пока что не покинул ее. Так, сегодня суббота. Ну конечно, с чего это рассеяться плохому настроению, если Гэри-Сураклин как раз наверняка сидит за компьютером. Уж до полудня он как пить дать провозится. Кстати, завтра точно будет то же самое.

Ну и что, ну и что, как заклинание повторяла она себе, рассматривая поросшие сочной травой холмы, по крайней мере она попала куда нужно. Ведь могло быть намного хуже. Но Антриг говорил, что Сикерст громадная степь с высокими травами, озерами и болотами, протянулась почти на две тысячи миль с запада на восток. Именно по Сикерсту направлялись они из Кимила в город Ангельской Руки. Кстати, холмы эти были здорово похожи на те, что она видела в прошлый раз. Если так, то тогда найти верный путь будет

намного легче.

Только бы не оказаться у черта на куличиках, думала Джоанна.

Постояв, она решительно направилась по следам ночной процессии — они хоть куда-то, да приведут. Вдруг девушка рассмеялась: длинный подол платья довольно удачно сочетался с кроссовками, которые она предпочитала любому виду обуви и с которыми не могла расстаться даже здесь. В сторону беспокойства, самое главное, что она попала именно в от самый мир.

Но действительно ли туда?

Нет, наверное, уж лучше было сесть на десятичасовой автобус и уехать обратно в Энсино. Машинально она посмотрела на часы. Странно — по меньшей мере, она бежала по Пустоте полчаса, но теперь готова была поклясться, что это время как-то не было отражено на циферблате. И сколько она еще тут просидела, а часы показывали куда меньше.

Тем временем темнота исчезла вовсе, утро вступило в свои права. Засияло солнце, и глаз Джоанны уловил небольшую деревню в узкой долине между холмами. Она заметила работавших в поле жнецов. Даже отсюда было хорошо видно, что работали они не слишком энергично. Солнце между тем пригревало все сильнее. И Джоанна неожиданно рассердилась на себя, даже не позаботилась о том, чтобы захватить какую-нибудь панаму. Да и кусок ткани или большой платок не помешал бы, ведь ночью она сидела на голой земле. Так и ревматизм наживешь из-за собственной беспечности. И тут она поняла, почему люди в поле работали без энтузиазма, ведь она и сама ночью чувствовала, что силы покинули ее. Это все Сураклин с его компьютером. Сознание девушки, как и в прошлый раз, словно разделилось надвое. Одна половина говорила, что поскольку жнецы работают скверно, то урожай не будет вовремя убран, а это значило в свою очередь голод. Другая же часть рассудка была к этому абсолютно равнодушна.

Все, чего ей хотелось в эту минуту, так это еда и кровать. Спать, спать, спать, а разные проблемы все равно никуда не денутся от нее.

Вдруг в лицо ей резко ударил порыв ветра, и Джоанна моментально уловила запах крови.

Уж что-то, а запах крови ей знаком был хорошо. Ведь в конце лета она сама прикончила двух инквизиторов. Страх тогда буквально пропитал ее. Антриг, помнится, затащил ее на речку и принялся смывать кровь, которой она была покрыта — ведь стреляла Джоанна почти в упор. Кровь отмылась, но вот сладковатый запах крови она запомнила на всю жизнь.

Оглядевшись, девушка увидела на соседнем холме какую-то бесформенную кучу, над которой кружились стаи мух. И Джоанна, преодолевая желание направиться в противоположную сторону, направилась туда, где виднелась эта куча.

Кучей оказалась огромная свиная туша. Труп был облеплен мухами, которые равномерно гудели, спешив отложить в тело яйца. Кое-где даже были видны кости, кожа отвалилась, хотя Джоанна была уверена, что свинья была убита недавно, возможно, даже ночью. Ведь запаха разложения еще не было. Девушка обратила внимание, какой страшной смертью умерло животное, вся шкура свиньи была покрыта тысячами отверстий, забитых запекшийся кровью. Казалось, что свинью пронзили одновременно тысячи иголок. Тут Джоанна припомнила преследовавшее ее ночью на дороге чудовище.

Спотыкаясь на неровностях земли, девушка круто развернулась и пошла прочь. Она медленно спускалась с холма, но не к деревне, где люди наверняка только задержали бы ее, засыпав ненужными вопросами, а к дороге, которая уводила ее на юг. Несмотря на крайний упадок сил, девушке захотелось уйти из этой проклятой местности как можно дальше.

Из деревни по дороге мчалась повозка. Причем на бешеной скорости, возница явно не жалел ни лошадей, ни тележные колеса. Ведь качеству дороги было довольно далеко до современного шоссе. Вообще-то не стоит просить его подвезти, подумала она, уж лучше подождать следующей повозки. Но тут она сообразила, что из-за малых размеров деревни и движение тут не слишком оживленное, к тому же стоит уборочная страда, все заняты

полевыми работами и раскатывать по дорогам в такое время не в обычае селян. Возможно, это единственная повозка, которая проезжает по дороге в течение всей этой недели. Как только Джоанна вспомнила о ночном чудовище, так ноги сами понесли ее к дороге.

— Стойте! — закричала она по-английски, отчаянно надеясь, что заклятье Антрига, помогавшее всем понимать ее и ей понимать всех в этом мире, действует. — Помогите мне!

Возница натянул поводья, и Джоанна увидела, как с губ коня падают хлопья пены. Человек этот когда-то был статным, но теперь почему-то исхудал, его лицо нездорового землистого оттенка было искажено от гнева.

— Чего тебе нужно от меня, девка? — спросил он раздраженно.

— Мне нужно добраться до города Ангельской Руки, — воскликнула Джоанна, радуясь, что заклятье Антрига продолжает действовать. — В дороге на нас напали разбойники. Они убили моего брата. — Джоанна понимала, что эта версия звучит не слишком убедительно, — но вам не трудно отвезти меня в самый ближайший город? Я заплачу.

— А что, разбойники не забрали у тебя деньги? — осклабился возница. — Наверное, ты украла у кого-нибудь эти деньги. Наверное, когда тебя выгнали с работы? А хороших людей не выгоняют, — и человек хлестнул лошадь кнутом.

В следующую минуту стук колес доносился уже издалека, а пыль еще вилась в воздухе.

Девушка стояла, злясь одновременно на себя и несговорчивого возницу. Ей хотелось каким-т образом догнать этого слишком подозрительного человека и осыпать его ругательствами, вместе с его семьей и деревней. Вдруг ей даже захотелось выхватить пистолет и...

«Грабитель пивной убил трех человек», — вспомнила Джоанна заголовки газет криминальной хроники. — «В перестрелке между двумя бандами погибло пять человек!», «Женщина убивает свою несовершеннолетнюю дочь!». И так далее...

А упадок сил и хандра особенно способствует нервозности, в которой нажать на курок легче всего.

Джоанна вздохнула. Конечно же, возница наговорил ей грубостей из-за этой же самой хандры. И теперь ей стало неловко, что она хотела сорвать свое зло на человеке, который страдал также, как и она сама. И, продираясь сквозь заросли ежевики, Джоанна побрела куда глаза глядят, только бы подальше от деревни.

Вдруг повозка возвратилась. Все тот же возница, лицо которого сначала было неприятным и злым, теперь виновато улыбался.

— Извини меня, подружка, — промямлил он. — Я уж не знаю, как получилось, что накричал на тебя. — И с высоты сиденья парень протянул ей руку, ладонь которой была размером с добрую лопату. В его глазах металась растерянность и усталость. А где-то за ними таился еще и страх. — Просто все произошло как-то... Не знаю, словно какое-то затмение.

Конечно же, Джоанна могла растолковать ему, в чем вся причина, но только сомневалась в том, что парень поверит ей. И в ее мире и в этом, мало кто верит в вещи не слишком привычные.

На то чтобы добраться до города Ангельской Руки, ушло девять дней. Девять утомительных дней, все это время Джоанна тряслась в крестьянских телегах, потом в почтовых колясках и дилижансах, бок о бок с сельскими дядьками и дворянами средней руки, торговцами, болтливыми тетками и выбритыми наголо священниками. Уже стояла осень, и потому когда шли дожди, повозки с трудом преодолевали утопающие в грязи дороги. Ворота Пустоты, из которых она вышла в Сикерсте, открылись за сотни миль от Кимила, в котором, как девушка была уверена, и содержался в заключении Антриг, а также от города Ангельской Руки, где она собиралась получить помощь для спасения Виндроуза. А когда истощение жизненной энергии прекратилось, она поняла, что ей здорово повезло, что она, даже потеряв из виду Темного Волшебника, все равно попала в этот мир.

Но давали о себе знать и восемь ночей, проведенных в самых худших условиях,

которые только можно было себе представить. Спать приходилось на соломенных тюфяках, кишущих клопами и прочей нечестью. Кроме того, спальни были общими, и потому спали на постоянных дворах на поваленных на пол тюфяках: кровать считалась излишеством, которое только обременяет. И Джоанне а первую ночь было очень трудно заснуть, несмотря на усталость, мало того, что воздух просто был пропитан запахом немытых тел и несвежего белья, так и ее мимолетные спутники то и дело вскрикивали и бранились, шлепая себя по телу — из всю донимали блохи. Да, с грустной усмешкой подумала она, такие условия не тянут даже на однозвездную гостиницу. Ну почему она не попала сразу на место? Почему негодяй Гэри затащил ее черт знает куда?

Кстати, крестьянин, который довез ее в тот раз, уже в следующей деревне познакомил ее со своим другом, который вызвался доставить Джоанну в Сагбек, ближайший крупный город, в котором, оказывается, была большая колония староверов. В той же деревне девушка познакомилась с одним из староверов, который жил тут постоянно, но имел торговлю в городе. Он обещал помочь Джоанне. Чтобы заслужить большее доверие, девушка подарила ему один из искусственных сапфиров и продала два, чтобы иметь деньги на дорожные расходы. Торговец, явно не ожидавший такой любезности, рассыпался в благодарностях. Он велел своей жене кормить Джоанну бесплатно во время ее пребывания в деревне и подарил ей два платья и шерстяную накидку, ведь уже осень на дворе, и в легком платье не слишком-то проходишь.

Но, несмотря на деньги, путешествие это вовсе нельзя было назвать приятным, хотя Джоанна и не скупилась на расходы, стараясь как можно более облегчить все трудности. Первые три дня девушка все отходила от постигшей ее в день прихода в этот мир хандры. К трудностям путешествия добавлялись еще самые разнообразные страхи, от боязни встречи с разбойниками (где и пистолет не поможет, если их много) до ощущения, что Антрига уже давно нет в живых. К тому же ее сильно раздражали глупые разговоры болтливых попутчиков, которые еще норовили пристать с расспросами к ней. Ведь покуда она рылась в файлах Сураклина в Сан-Серано, Совет Кудесников мог хоть сто раз дать санкцию на казнь Виндроуза.

Но для нее было поистине настоящим праздником, когда раздолбанный дилижанс вкатил на усыпанный соломой и конским навозом постоялый двор «Охотничий Рог» на окраине города Ангельской Руки. Джоанна выпрыгнула на землю уставшая, голодная и, как она подозревала, завшивевшая за это не слишком приятное путешествие. — Нужна лошадь, моя сударыня? — скороговоркой обратился к Джоанне подбежавший слуга, и девушка машинально кивнула, хотя одна мысль о предстоящем путешествии на гужевом транспорте вызывала у нее приступ тошноты.

Наконец она втиснулась в экипаж, куда более комфортнее дилижансов, не говоря уже о крестьянских телегах, и покатила по улицам столицы Феррита. Джоанна, выглядывая из окна, узнавала эти бесчисленные грязные кварталы и прокопченные мануфактуры. Ее охватила какое-то щемящее чувство. Все тут было выстроено из сероватого гранита. Теперь еще нависавшее над городом свинцовое небо придавало столице империи какой-то безжизненный оттенок. Сбоку медленно проплыл мост, ведущий на остров, где высились башни крепости Святого Господина. Именно в это цитадели находится резиденция Епископа, отсюда она повелевает Инквизицией и там же находится тюрьма. Погода была плохой, было пасмурно и холодно, но даже сейчас улицы были запружены облаченными в ливреи слугами, нищими и лохмотьями, послушниками в черных униформах и с мечами на поясе. Торговцы разным мелким товаром, проститутки, просто зеваки, мальчишки, трубочисты, карманные воры, спешащие куда-то по своим делам чиновники — все смешалось в единую людскую реку с лошадьми-островками. Затем пошли более богатые кварталы. Экипаж катил мимо порта, ошестинившегося десятками корабельных мачт. Торговля, торговля — вот на чем действительно основано богатство империи. Отсюда уплывают в разные стороны произведенные в мануфактурах товары, сюда приплывают другие товары. Народ богатеет, город растет.

По счастью, возница знал этот дом, что назвала ему Джоанна — это было большой удачей, поскольку сама она не знала, на какой площади стоит здание. Наконец они прибыли на место. Девушка расплатилась с кучером и тут снова почувствовала дикий приступ страха. Сейчас с ней может случиться все, что угодно.

Это было как раз в ее характере, думать не только непосредственно о главном, но и о второстепенном. Такое качество обычно присуще всем, кто так или иначе имеет отношение к компьютерам. Возможно, именно поэтому она смогла добраться уже до города Ангельской Руки. А ведь все могло сложиться куда хуже. Она сумела добраться до заложенных в компьютер тайн Сураклина и узнать их, она довольно неплохо, если не считать мелочей, подготовилась к этому путешествию. Но в жизни никогда нечего не получается удачно на сто процентов, потому незачем себя винить. К тому же во время путешествия в город ее посещала еще одна мысль: «А что если его тут больше нет. Если он тоже арестован? А что, если он попросту откажется мне помочь?»

Но этот дом выглядел совершенно неизменившимся, когда Джоанна медленно пересекая Губернаторскую площадь, внимательно разглядывала здание. Неподалеку стояли пять или шесть повозок, лошади пронзительно ржали, видимо, застоявшись на одном месте. Неподалеку в кучу возле костра сгрудились возницы — мужчины и женщины. Они что-то обсуждали, и взрывы хохота периодически взрывали холодное спокойствие площади. Стараясь как можно скорее проскользнуть мимо этих людей, девушка стала взбираться по крутым мраморным ступенькам дома, в котором она собиралась найти помощь и защиту.

Она осторожно постучала в дверь. Ей открыл лакей в пунцовой ливрее. Он держал подносик из серебра. Джоанна поняла, что на этот поднос приличествует положить нечто вроде визитной карточки. Так, машинально ответила она, еще одна промашка, в следующий раз необходимо запастись подобным.

— Боюсь только, что у меня с собой нет никаких карточек, — залилась она краской смущения.

Ей хотелось поскорее добраться до горячей ванны и переодеться в чистое платье. Тем временем выражение на лице лакея изменилось — недоверие сменилось раздражением. Поняв, что промедление смерти подобно, Джоанна пролепетала:

— Если бы вы сказали Магистру Магусу, что прибыла Джоанна Шератон, то, как я думаю, он согласился бы принять меня.

— Хорошо, сударыня, — учтиво сказал слуга, хотя на его лице снова можно было видеть крайнее недоумение. — Пожалуйста, следуйте за мной.

Нет, он просто должен помочь ей, думала лихорадочно девушка, ведь она не может действовать здесь в одиночку.

Приемная Магистра Магуса, как всегда, оказалась переполнена разряженными в пух и прах женщинами. Каждая из них являла собой настоящую витрину ювелирного магазина. А какие тут были замысловатые прически. Каждая женщина имела возле себя еще и прислужницу. Кстати, даже прислужницы эти были одеты куда богаче, чем сама Джоанна. Одинаковые напудренные рисовой мукой лица, с удивлением уставились на простенькое голубой платье Джоанны и ее дорожную накидку, которую слуга повесил на крючок. Одна из знатных дам, которой, кстати, явно было не больше восемнадцати, ткнула пальцем в бок своей соседке и кивком головы указала на Джоанну. Обе захихикали. Остальные попросту отвернулись и возобновили прерванный разговор.

Впрочем, это только обрадовало Джоанну, она и так уже девять дней выслушивала в дороге разные глупые сплетни и была сыта ими по горло. Не хватало только, чтобы тут ей пришлось что-то изобретать, чтобы хотя бы осведомленностью не выделяться из общей массы.

Конечно, ничто человеческое ей чуждо не было, и потому она вдруг разволновалась, когда двери в другую комнату раскрылись и уже другой слуга попросил: «Госпожа Шератон...». Все присутствующие в комнате удивленно уставились на девушку. Она и сама не ожидала, что вызов последует так скоро. Навстречу ей вышла женщина шестидесяти,

видимо, у нее закончилась аудиенция у Магистра. Уже входя в комнату, Джоанна услышала за спиной сдавленное: «Вот выскочка».

Она оказалась в комнате, обставленной даже с еще большей роскошью, чем предыдущая, хотя и ту тоже никак нельзя было назвать хибарой. В глубине комнаты стояла вырезанная из черного дерева статуя Кахирета — бога-покровителя всех волшебников и магов, перед ним стоял горящий шандал. Горело какое-то ароматическое вещество, и потому воздух был напоен приятным запахом. Тем временем хозяин всего этого великолепия, Магистр Магус, рванулся к ней, вскакивая со своего величественного кресла, больше похожего на королевский трон.

Дитя мое, — волшебник в волнении схватил Джоанну за руки. — У тебя, наверное, все пальцы отмерзли. У меня сейчас чертовски мало времени, но я распорядился приготовить для тебя чай и все положенное в гостиной.

Джоанна слабо улыбнулась в ответ, ей было приятно уже то, что ее узнали, не говоря уже об оказанном приеме. Внезапно у нее защипало глаза, снова телячьи нежности, как, наверняка, сказал бы Керис.

— Конечно, конечно, — наконец нашлась она, — я ведь вовсе не хочу занимать время, которое обычно отводится на приемные часы.

— Конечно же, ты голодна, — полувопросительно сказал он.

Джоанна поняла, что кроме черной робы и хорошо поставленного голоса шарлатана от магии в этом человеке есть еще одно качество, уже подлинное — теплота и участие к беде окружающих.

— Мое дорогое дитя, до меня дошли слухи... — тут он, видимо, понял по лицу Джоанны, что она и так уже в курсе и вздохнул с облегчением. — А я-то боялся, что вы можете быть ранены...

Джоанна резко замотала головой, стараясь перебороть в себе желание припасть к обтянутому черным бархатом плечу и от души разреваться. Ей было очень приятно, что в этом неуютном мире нашелся хоть кто-то, понимающий ее.

Джоанна отвернулась в сторону, стараясь не показать Магусу то, что слезы сами собой льются из ее глаз. В этот момент рука Магистра легла на ее плечо.

— А теперь, дитя мое, — сказал все тот же вежливый голос, мне кажется, что будет лучше, если мы поговорим обо всем после того, как ты как следует покушаешь и отдохнешь. Ты, случайно... — тут предсказатель заколебался, не зная, как облечь свою мысль в тактичную форму.

— Да нет, нет, — угадала мысль Джоанна. — Я никуда не спешу и никто за мной не гонится.

В присутствии Мага она не решилась упоминать имени Сураклина.

И сразу облегчение отразилось на лице Магуса.

Сразу в воздухе повисла неловкая тишина, так тишина возникает обычно в семьях, когда любящие супруги разругались и каждый при этом стесняется первым заговорить. Джоанна знала, что лично она не может заговорить первой по очень простой причине — больше недели она таилась и тряслась, чтобы только неосторожным словом не выдать себя, не обратить на себя внимания. А тут... когда она встретила наконец хоть кого-то, кто мог помочь ей, то все нужные слова как-то сами собой застряли в ее горле.

И Магус, видя, что Джоанна переживает, боялся задать хоть какой-то вопрос, поскольку ему казалось, что именно этот вопрос лишит девушку остатков самообладания. Впрочем, Магистр примерно знал, что именно хочет узнать от него гостья.

— Он ведь умер, да? — наконец Джоанна не выдержала гнетущей тишины.

Магус только вздохнул, даже не пытаясь изобразить из себя непонятливого.

— Ах, если бы только не на мою долю выпала участь рассказать тебе это, — наконец сказал он, нервно теребя пальцами свои кружевные манжеты. — Нет, он жив, но только в данном случае это не слишком утешительно, поскольку рассудок окончательно покинул его. Ты же понимаешь, как происходит с человеком, которого допрашивает инквизиция. Прости

меня, дитя мое.

Глава 3

Видимо придется все делать самой. Так думала Джоанна, глядя в окно гостиной комнаты, за которой уже начали сгущаться сумерки. Особенно было неприятным, что страх подобно железному обручу сдавил виски.

Ах, Антриг должен простить ее за это.

Вообще-то слово «прощение» ничего не означало для Джоанны. Во всяком случае, до того момента, когда вышедшие из Ворот Пустоты чародеи не вошли в дом Гэри. Ах, если бы она тогда вняла мольбам Антрига и отпустила бы его на все четыре стороны. А теперь на ней лежит такой тяжкий грех.

Девушка почувствовала, что ей снова хочется заплакать, и сжала изо всех сил зубы. Хорошо еще, что в руках была чашка горячего чая, она сделала торопливый глоток, чтобы сконцентрироваться хоть на чем-то кроме отчаяния.

— Сомневаюсь даже в том, что кто-то из нас вообще теперь сможет узнать его, — тихо говорил Магистр Магус, — рассказывают, что все, что он иной раз делает — это сидит в углу и тихо плачет. Или просто вскакивает и начинает бить кулаком в стены. Рассказывают также, что у него постоянно случаются галлюцинации и что он ведет разговор с потусторонними силами, которые тоже наверняка чудятся ему.

— Это я обрекла Антрига на все это, — подумала девушка, — и из-за своего предательства мне в одиночку приходится мучиться с Сураклином.

Она даже не знала, что хуже: ощущать страх от близости где-то Темного Волшебника, или быть помешанным.

Часы пробили шесть вечера. На улице уже стояла темнота. Посетительницы Магуса давно ушли, скорее всего, делать новые прически для вечерних балов и приемов. Дом погрузился в тишину, прерываемую только позвякиванием посуды и прочих принадлежностей с кухни, где как раз готовили еду. Стекла слегка задрожали, пошел дождь. И сразу Джоанна почувствовала себя неудобно, словно стояла на улице, а не сидела в домашнем тепле.

Вдруг она поняла, что ее молчание затянулось. Глянув на Магуса, девушка заметила, что тот с беспокойством поглядывает на свою гостью. Неловко поставив чашку с недопитым чаем на стол, Джоанна спросила радушного хозяина:

— А откуда тебе все это известно?

— Это уже известно всем здесь, — печально покачал головой Магистр.

— Лично я разговаривал с хасу и гвардейцами, которым доводилось охранять его. Стража возле Антрига сменяется каждую неделю полностью, ведь он кричит и бормочет во время галлюцинаций, на стражников это действует не слишком хорошо, ведь они же все молодые люди. Вот Епископ и сменяет их. К тому же неизвестно, как иллюзии могут повлиять на них

— вдруг Антриг подтолкнет кого-то к безумию?

Магистр вертел в руках, волнуясь, столовый нож. Было видно, что он переживает и за своего друга, и за Джоанну. Сейчас Магус был без своей черной робы, и потому своим бархатным камзолом с отложным кружевным воротничком, кольцами на пальцах напоминал преуспевающего торговца. Джоанна подумала, что лично ей принц-регент куда больше напоминал предсказателя судьбы, чем этот Магус.

— А не сделала ли все это с ним та самая печать, которую на него наложили?

Магус уставился в одну точку, размышляя.

— Я даже ума не приложу, как бы это могло произойти, — признался он, — к тому же он до этого целых семь лет просидел под печатью и с ним ничего страшного не случилось.

— Но ведь тогда печать просто висела на двери Башни, а не была постоянно на его шее?

— На шее? — у Магуса просто челюсть отвисла.

— Ну, она отпечатана на железном ошейнике, выгравирована, — нетерпеливо пояснила девушка. — Как только он признался во всем, в чем они его обвиняют, ему надели ошейник. Видимо, кто-то в Совете Кудесников до сих пор противится выносу решения по его казни.

Магистр отвел глаза, явно чувствуя приступ тошноты.

— Все это я видела во сне, — сообщила Джоанна.

— Тогда все это нисколько не удивляет меня, — рассеянно сказал волшебник, — ведь его душа способна растекаться и мысленно соприкасаться с... — тут хозяин дома искоса посмотрел на Джоанну. — Дитя мое, но ты хоть знаешь, что именно это за печать? Какое действие она оказывает? — и видя, что Джоанна вопросительно уставилась на него Магус продолжал, — это одно из самых страшных наказаний для волшебников, берусь смело сказать. Печать не только отнимает нашу силу. Печать как бы противопоставляется силе волшебства. И чем внушительнее сила кудесника, тем мощнее... Печать как бы вбирает в себя силу волшебника, впитывает ее. Так что если бы оказалось, что они все эти шесть недель просто подвергают его пыткам, то это можно было бы с уверенностью считать куда более милосердным отношением. Неудивительно, что он тронулся рассудком. Помоги ему Бог. — И Магус испуганно принялся поглаживать клинообразную бородку, бормоча молитву.

Отмороженные пальцы всегда болят, когда отогреваются. И Джоанна узнала знакомое чувство — так в ее груди после безграничного отчаяния вновь загорается надежда.

— Так если бы попробовать убрать эту печать... — начала она.

— Это невозможно, дитя мое, — пробормотал печально Магистр, — при попытке сделать это ты только обречешь на смерть себя. Антриг мой друг. А я ведь тоже не слепой, в тот раз, когда вы были у меня, я понял, что ты любишь его.

— Это не так, — сорвалась Джоанна, — моя любовь к нему... она тут вовсе не при чем. И здесь я даже не совсем потому, что именно из-за меня он попал в руки Совета...

Магус вытаращил глаза, в ужасе глядя на свою гостью.

— А я тут потому, что мне никак не обойтись без помощи волшебника,

— продолжала Джоанна резко. — Без помощи Антрига мне с этим делом точно не справиться. Уж хотя бы взять то, что он единственный из нас всех, не считая, конечно, меня саму, кто верит в угрозу. Эта угроза для многих миров. Периоды упадка жизненных сил, которые наблюдаются и у вас, и у нас, — это все не случайно. Антриг единственный из волшебников, который способен справиться с Сураклином.

Нет, не стоило так сразу называть тут вслух страшное имя. Сразу повисла тишина, такая тишина возникает после страшного удара грома. Казалось, все стихло: перебранки поваров на кухне и стук посуды, барабанная дробь дождя в стекла окон, грохот колес по булыжной мостовой на улице. Магус еще некоторое время беззвучно шевелил губами, точно пытаясь вдуматься в смысл услышанного. Наконец он опомнился и прошептал:

— Но это невозможно. Сураклин умер.

— Отчасти это так, настоящее тело Сураклина действительно давно мертво, — сказала Джоанна веско, — но вот только ум Сураклина, его знания, умения и способности давно уже жили в совершенно чужих телах. А теперь он собирается запустить компьютер — это такая большая машина, чем-то похожая на механическую прялку — а машина эта приводится в действие электричеством. Электричество вырабатывается телисами из жизненной энергии, которую высасывает Сураклин. Постепенно должно исчезнуть все волшебство, как исчезает и твое волшебство, Магус. Сураклин собирается взять надо всем власть.

Закончив, девушка поглядела на собеседника, который сидел ни жив ни мертв. Он знал, что Джоанна говорит правду, но его мозг по инерции отказывался верить в случившееся, уж слишком много привычных стереотипов при этом ломалось.

— Но ведь тогда Антриг был тут с тобой, и он говорил... — начал было Маг.

— Он разыскивал Сураклина.

— Бог мой, — только и сумел сказать кому-то из нас, — продолжала Джоанна, — ведь

он был уверен, что кто-то обязательно находится под влиянием Сураклина, — тут вдруг она подумала, что Магус вполне может быть сообщником Темного Волшебника, но в следующую минуту ей стало не по себе от столь дурацкого предположения. Но ладно, была не была. Все равно уже Антриг, говорят, успел свихнуться. — Послушай, Магус, мне нужна твоя помощь.

— Но только не в борьбе с Сураклином.

— Но ведь он даже не знает, что я тут.

— Он узнает. Девушка, ради всех святых, заклинаю тебя. Неужели ты до сих пор не поняла нашей жизни? — волшебник смотрел на Джоанну расширенными глазами. — Я никогда не жил в Кимиле, в этом городе Церковь всегда обладала слишком сильными позициями, чтобы хоть какой-то кудесник мог почувствовать себя там спокойно. Мне только приходилось бывать там, когда Сураклин был еще жив. И я скажу тебе, что там не было ничего, о чем бы Сураклин рано или поздно не узнавал. И не было таких людей, кто бы не подчинялся ему. Иначе ослушнику приходилось туго. Впрочем, Сураклин никогда не говорил, что он приказывает. Он говорил, что только просит, но горе было не выполнившему такую «просьбу».

Джоанна затаила дыхание, слушая.

— Впервые я увидел его на рыночной площади. Он был одет в одежду коричневого цвета, я это запомнил. И еще его глаза желтые, как у кота. В тот момент он стоял и наблюдал, как дети, играя, носятся друг за другом. И он... он подошел к маленькой девочке, взял ее за руку и просто куда-то повел. И это на глазах всего Кимила. Никто ему даже слова не сказал. Я был поражен. Поначалу я подумал было, что никто ничего не говорит ему из-за того, что Сураклин просто наложил на всех заклятье, которое заставляет человека столбенеть. Но какой-то маленький мальчик побежал и сообщил о случившемся матери девочки, которую увел Темный Волшебник. И мать зашикала на него. Я никогда не забуду, как по ее лицу катились слезы, и какое при этом лицо было у Сураклина. Дитя мое, я повторяю тебе еще раз, что я не хочу связываться с Сураклином.

Неужели, подумала Джоанна, Сураклин проделал когда-то нечто подобное с Антригом тоже? Просто пришел в какой-нибудь город, положил глаз на этого девятилетнего еще мальчика, взял его за руку и повел с собой? Или он до этого сумел завоевать доверие Виндроуза, как завоевал и доверие Гэри?

— Но тогда помоги спасти Антрига, — тихо сказала девушка. Видя, как поспешно отворачивается предсказатель, Джоанна повторила: — Магус, я прошу тебя. Иначе пропадет моя последняя возможность.

— Даже если вдруг каким-то образом тебе удастся попасть в Башню, — отозвался Магус, — и если ты снимешь-таки с него ошейник с печатью, о это еще не значит, что с ним сразу все станет в порядке.

— Но я все равно должна хотя бы попытаться, — закричала вдруг Джоанна, — но только я не смогу проделать все это одна. Сураклина нужно обезвредить.

Уж чего-чего, а утешать плачущих женщин Магус умел. Он поднялся из-за стола, подошел к сидящей Джоанне и положил свои руки ей на плечи. И несмотря на такую открытую трусость и нежелание помочь ей, девушка вдруг почувствовала, что этот человек действительно утешает ее, ей становится легче.словно теплота ее рук наполнила ее тело.

— Дитя мое, — проговорил Магистр печально, — я говорю то, что думаю. Хотя и сознаю, что ты считаешь меня трусом и подлецом.

Джоанна, подняв резко голову, заглянул ему прямо в глаза и увидела, что в них борются два противоречивых чувства — с одной стороны, страх перед Сураклином, перед муками, с другой — присущие в какой-то степени каждому мужчине смелость и отчаяние от неумения использовать ее в нужный момент.

— Мне и так уже пришлось хлебнуть изрядно бедствий, — виновато продолжал чародей, — и инквизиторы смотрят на меня косо, хотя волшебников и не считают, и регент то и дело стремится расправиться со мной, хотя его двоюродный брат и взял меня под свое

покровительство. А тут еще на нас вообще обрушилось, что называется, тридцать три несчастья, и разные чудовища появляются неизвестно откуда, и уборка урожая плохо идет, и купцы на кораблях из Саарика что-то больше не стремятся к нам, и вообще вреди моих сограждан царит страх и неуверенность в завтрашнем дне... А уж сколько ходит слухов, что тот или иной волшебник замышляет заговор против Власти... Дитя мое, пойми, Инквизиции нужен только повод, и мне конец. По идее, я вообще не должен был давать тебе приюта...

Джоанну охватил страх, но Магус успокаивающе погладил ее волосы. Свет десятка свечей, горевших в серебряном подсвечнике замысловатой работы, отбрасывал тени на его искаженное отчаянием лицо. И Магистр продолжал:

— Я могу только просить тебя, чтобы ты не злоупотребляла моим гостеприимством и не навлекла инквизиторов на мой дом. И ни слова обо мне ни в Совете Кудесников, ни перед регентом, если ваши пути вдруг пересекутся. От одного его взгляда мне становится не по себе. Помни, что мне отступать некуда. Я видел Сураклина, дитя мое, я понял, что он на все способен. Пойми меня правильно, что я говорю тебе: испытать на себе его гнев — это даже хуже смерти.

Джоанна вздохнула, страстно желая, чтобы сейчас на месте Магуса оказался кто-нибудь другой, кто мог не расхолаживать и стращать ее, а помочь словом и делом.

— К сожалению, — наконец сказала она, — хуже смерти также и не пойти против него, пассивно ждать. И потому, уважаемый Магистр, у меня просто не остается выбора.

Торговец горячей лапшой, тележка которого выпускала в холодный воздух струйки пара, удивленно уставился на Джоанну, но вслух своего изумления не выразил и указал ей в сторону, куда ей нужно было идти. Этот квартал города Ангельской Руки был попросту трущобами — полуразвалившиеся дома, то ли сложенные из плохого обожженного кирпича, то ли вообще слепленные из глины, прижались один к другому точно не давая друг другу рухнуть от ветхости. Улицы были тут столь узкими, что разведи руки в стороны и ты уже касаешься противоположных сторон улицы. Наверху почти все свободное пространство было заполнено развешанными для просушки выстиранным бельем — почти все заштопано, залатано. Прямо под ногами плещется сточная вода вперемежку с отбросами, и по этому полузамерзшему на стылом воздухе великолепию с визгом носятся местные детишки, одетые в отрепья. Кое-где виднелись лавки, торговавшие либо поношенной одеждой, либо дешевой провизией. О харчевнях вообще страшно было говорить — из двери такого заведения несло, как из общественного туалета. На громадных медных сковородах шкворчали куски позеленевшего мяса. По улицам, мяся ногами зловонную слякоть, торопились обитатели этого квартала — тут и жили старoverы.

Джоанна нервно ощупала висевший под шерстяной накидкой пистолет, и сразу почувствовала себя увереннее. Она даже не могла себе представить, какотреагирует Керис на ее возвращение, но гадать на сей счет не хотелось. Зная только то, что известно самому Керису, Джоанна могла предположить, что он сразу догадается о причине ее визита.

Подворье Магов представляло собой скопище поставленных вкруговую домов — штук восемь или девять, как прикинула на глаз путешественница. Как и везде, булыжная мостовая была обильно усыпана отбросами. Какая-то женщина разметала метлой лужу у порога своего дома. Да, осень здесь поистине ужасное время года. Заморозки, ветры. А Сикерст, наверное, уже давно покрыт снегом.

Кстати, уборочная страда в этом году тут так и не прошла. Именно это упомянул и Магус среди прочих напастей. Судя по обилию нищих, цены на хлеб взлетели соответственно. Кто-то сказал Джоанне, что по осени в городе всегда прибавлялось нищих. Только по весне, когда торговые суда из Саарика вновь наполняли гавань города Ангельской Руки, жизнь входила в более менее привычное русло, и нищих становилось меньше, ведь работники нужны везде. А потом наступала осень, и все возвращалось на круги своя.

Только Джоанна подошла поближе к Подворью, как дверь крайнего дома отворилась, и из нее вышла группа кудесников и послушников. Девушка моментально узнала госпожу Розамунд, все так же блиставшую своей холодной красотой. Она что-то растолковывала

шагавшему рядом с ней белоголовому старику, похожему на одуванчик. Из рта женщины валил пар

— температура была ниже нуля. До Джоанны доносились обрывки слов. Хваля себя за предусмотрительность, она вовремя накинула капюшон, и теперь ее узнать было невозможно. Джоанна медленно стала пересекать площадь, стараясь не привлекать к себе внимания.

Больше всего ей как раз и не хотелось наткнуться тут на госпожу Розамунд.

Наконец Джоанна сообразила, что ей нужно делать. Спустившись в находящуюся в подвальном этаже дома таверну, она дала мальчику-прислужнику медную монетку и попросила передать сообщение послушнику по имени Керис. Да, тому самому Керису, что живет на Подворье Магов. Сидя в полупустой грязной комнате харчевни, Джоанна вдруг подумала, что именно она сможет сказать внуку архимага, который приложил столько усилий, чтобы поймать Антрига и предать его справедливому, по их общему мнению, суду. В последний раз она видела Кериса, когда тот вместе с несколькими волшебниками, подавив попытку Антрига скрыться от них, сбил Виндроуза с ног и поволок его к Воротам Пустоты. Тогда лицо Кериса было совершенно спокойным, он ничем не выдавал своих чувств.

Но, с другой стороны, Керис прошел вместе с Джоанной и Антригом долгий путь из Кимила до города Ангельской Руки. Даже с небольшим волшебным даром Кериса все равно можно было отчетливо чувствовать, как жизненная энергия вытекает из живых существ, чтобы перелиться в компьютер Сураклина. Ему приходилось сражаться с разной нечистью, что появлялось из Пустоты. И, конечно же, он слышал, что рассказывал Виндроуз о грозящей всем опасности. Керис был одним из немногих, знала Джоанна, кто мог понять, что же на самом деле происходит. В конце концов, именно Антриг спас однажды жизнь Керису.

Вдруг входная дверь пронзительно заскрипела. Джоанна подняла голову, вверху, в мрачном сиянии масляной лампы, стоял он — Керис. Сейчас он в точности напоминал древнегреческого бога. Внук архимага стал растерянно водить глазами по залу, стараясь понять, кому же именно он мог понадобиться в столь неподходящем месте.

Керис, как всегда, был при оружии. Меч и два кинжала поблескивали на его поясе. Глаза Кериса быстро окинули зал, видимо, поначалу послушник оценил степень возможной опасности. Наконец, взгляд Кериса остановился на девушке.

Постояв немного, парень с каменным выражением лица резко повернулся и вышел из харчевни.

Удивленная и обеспокоенная, Джоанна бросилась что есть силы за ним. Она на ходу проклинала все это ханжеское средневековье, заставлявшее женщин носить столь неудобные наряды, в которых можно запросто запутаться на бегу. Толчком она распахнула дверь. Холод резко ударил ей в лицо. Узкая улочка была совершенно пустынна, Кериса нигде не было видно. Тут Джоанну осенило, глядя на подмороженную корку нечистот, она последовала по свежим следам, которые вели в ближайший переулок.

Вдруг чьи-то крепкие руки схватили ее сзади. Джоанна в ужасе закричала, когда кто-то толкнул ее лицом к грязной кирпичной стене. Одна рука держала ее за запястья, а вторая рванула под накидку, где висел нагретый теплом ее тела пистолет.

Все это буквально заняло пару секунд, в следующий момент Керис повернул ее лицом к себе. Одновременно он сунул в карман пистолет девушки. Ярко-карие глаза парня настороженно и враждебно глядели на Джоанну, словно они никогда и не встречались.

— Пошли со мной, — сказал он.

Джоанна совершенно растерялась, она уже успела вдоволь навоسخищаться его красотой, а вот силу Кериса ей пришлось испытать впервые. И она почувствовала себя неуверенно. Впрочем, в этой силе не было ничего удивительного, ведь Керис сам рассказывал ей, что с четырнадцати лет работал по восемь часов в день.

— Но Керис, что ты... — начала было она.

Внук архимага помедлил на секунду.

— Тебе не следовало снова являться сюда, Джоанна, — наконец промолвил он. — На

сей раз ты должна понять, что теперь архимаг не отпустит тебя обратно.

Причем сказано это было столь же невыразительной интонацией, с какой Керис мог бы говорить с кем угодно. Лицо его тоже оставалось каменно-непроницаемым.

Вот на такой поворот событий Джоанна никак не рассчитывала. Что называется, удар ниже пояса. Она знала, что если бы госпожа Розамунд узнала ее там на площади, то она и сразу вспомнила ее, вспомнила, как она помогла им. Но вдруг она бы теперь сочла ее сознательной сообщницей Антрига? А ей даже в голову не приходила мысль, что волшебники могут запросто засадить ее в каталажку. Ведь тут ее никто и не хватился, она как бы не существует в этом мире. И никто не будет ничего знать о ней, кроме разве что Магистра Магуса, да и тот слишком напуган, чтобы заниматься ее розысками.

Первым порывом было молить Кериса отпустить ее. Но в ней вдруг проснулся гнев. Резко развернувшись, Джоанна ударила по бугристой груди послушника.

— Слушай, парень, — сказала она, злобно глядя на внука архимага, — но ты можешь хотя бы представить себе, что ты в состоянии распорядиться, допустим, пятью минутами своего времени?

Кериса тоже охватил гнев. Джоанна увидела, как раздуваются ноздри и поняла, что ее удар попал в цель. Но Керис не зря обучался в школе послушников, и потому он сумел сдержать свои эмоции и ответил просто:

— Именно моя собственная воля сдержала меня в тот момент, когда я добрался до этого негодяя Антрига. А если бы я в точности соблюдал инструкции Совета Кудесников, то дед мой был бы и сейчас жив.

Раздраженная Джоанна использовала несколько крепких словечек, которые почерпнула из лексикона возчиков, пока добиралась в город Ангельской Руки. Потом, видя замешательство Кериса, она спросила:

— Послушай, братец, а вот не кажется ли тебе, что ты и так вполне добросовестно выполнял приказы этого твоего Совета, когда отпустил Солтериса одного в Башню, а потом оставил их наедине в доме Гэри? Мне думается, что твоя излишняя исполнительность как раз ему и помогла.

Керис выпустил изо рта клуб пара, но хватку не ослабил.

— Когда я приносил присягу на верность Совету Кудесников, я передал им право распоряжаться собой, — гордо заметил он, — и твои речи меня совершенно не интересуют, насколько верны или неверны они окажутся потом.

— Но разве тебя не интересует, как это вдруг получилось, что Антрига хоть и посадили в Башню Тишины, хоть и запечатали его дверь вашей хваленной печатью, но при этом жизненная и волшебная энергия продолжала выливаться из всех вас? И почему это разные чудовища заполонили вашу страну?

— Это происходит потому, что Антриг до сих пор не казнен, — с этими словами Керис резко толкнул Джоанну к выходу из переулка.

Девушка вылетела, как пробка, повинуясь грубой силе. Еще ужасала одна только мысль предстать перед членами Совета Кудесников. Но сейчас ее захлестывала ярость, нежели страх.

— Будь ты проклят, — зашипела девушка. — Ты можешь действовать как человек, как обычный живой человек, а не как компьютер?

— Но ведь человек слишком... — Керис тоже вышел из себя.

Наконец Джоанне удалось вырвать свою руку из железной хватки послушника, и она стояла, потирая покрасневшее запястье.

— Мне приходилось сталкиваться с кучей компьютеров, можешь мне в этом верить, — сказала она язвительно, — но ты, оказывается, куда глупее их.

Они стояли друг напротив друга у излучины переулка, как брат и сестра, не поделившие яблоко. Керис тяжело дышал, и было видно, что он совсем не прочь ударить Джоанну. «Только пусть попробует стукнуть, — подумала Джоанна, — я тогда оторву ему уши».

Но постепенно злое выражение стало исчезать с лица внука архимага. Постепенно он снова стал выглядеть самым собой — молодым парнем, чем-то обеспокоенным. И девушка вспомнила, что ему всего лишь девятнадцать лет. И Керис уже тихим голосом сказал:

— Не мне судить об этом, не мне даже слушать все это. Единственное, что я знаю, так это то, что ты идешь против воли Совета. Ты ведь пришла сюда спасти Антрига, не так ли?

— Ты льстишь ему, — отозвалась Джоанна, — и одновременно оскорбляешь меня. Я пришла в твой мир потому, что узнала, как узнал и ты, что настоящий Сураклин все-таки не умер двадцать пять лет назад, когда все вроде бы считали, что он убит. Керис послушай меня, последние четыре года душа Сураклина жила в теле твоего деда Солтериса.

— Нет! — резко отшатнулся Керис, и выражение его лица снова стало каменным и злым. — Это он, наверное, сам тебе сказал? Конечно он, чтобы спасти свою шкуру. Если бы я знал раньше, что он станет клеветать на Солтериса, я бы...

— Ты перерезал бы ему вены там, в Башне, когда он сам попросил тебя об этом? — в тон ему спросила девушка. Керис раскрыл от удивления рот. — В моем мире есть один человек, это хозяин дома, в котором мы все тогда были. В том самом доме, где тогда нашлись отметки Сураклина. И после того, как твой дед умер, когда Сураклин покинул его тело, оставив Солтериса в безумном и бессознательном состоянии, как и императора, так вот, этот мой знакомый сразу стал говорить и вести себя именно так, как вел себя твой дед. Ты вспомни, твой дед сам рассказывал, что именно Сураклин умеет переселяться из тела в тело, сохраняя при этом свои старые манеры. Керис, мы совершили ужасную ошибку. Мы взяли не того. Нужно хоть теперь остановить Сураклина. Но для этого нужно побыстрее вызволить из Башни Антрига. Нужно снять с него печать. Антриг единственный, кто может нам помочь.

— Я не верю этому, — ледяным голосом сказал Керис. — Моего деда убил Антриг. Он воспользовался его доверчивостью. Так мог действовать только Сураклин.

— Керис, — тихо сказала Джоанна, — ты не помнишь тот момент, когда твой дед вдруг резко изменился?

— Нет, — но при этом послушник быстро отвел глаза в сторону. — Все это случилось из-за смерти бабки. Он любил ее, — но в следующий момент Керис резко сжал губы. Вероятно, он вспомнил проданную Совету Кудесников клятву, в которой было и обещание не проявлять слабости.

Когда Джоанна посмотрела в его глаза, то увидела там что-то вроде огонька ненависти.

— Разве ты не понимаешь, что дело тут совсем не в этом? — трагически спросила она.

— Я не знаю, в чем тут дело, — слова Кериса летели, словно камни из пращи. — Все, что ты мне тут сейчас говоришь... Я поклялся Совету быть орудием в его руках. Я... я просто не могу думать об этом. Пусть думают на Совете. Я простой послушник.

Посмотрев внимательно в лицо Кериса, Джоанна внезапно испытала приступ жалости к этому парню, который сам обрек себя на роль бездушной машины. Он совершил своего рода сделку за душевный покой, который означал отсутствие необходимости принимать решения, он отдал свою волю. Теперь он сам почувствовал, что это не всегда спасает его от ударов судьбы, но сделать ничего был не в силах.

И девушка ощутила, что гнев на Кериса улегся в ней.

— Извини меня, Керис, — пробормотала она, повернувшись и побрела к противоположной стороне улицы. Горечь поражения наполнили душу Джоанны, как будто бы она сейчас проиграла большое сражение. Керис же, стоя и наблюдая за удалявшейся фигуркой недавней единомышленницы, даже сдерживал дыхание. На него нахлынула волна самых противоречивых чувств. Уже возвращаясь к дому Магистра Магуса, она подумала, что на чей раз Керис отчего-то не выполнил своей обязанности и не доставил ее в Совет. А много позже она вспомнила, что у Кериса остался ее кольт.

Глава 4

Это моя последняя возможность, решила девушка. Слуга, одетый в изумрудно-зеленую

ливрею с инициалами принца Сердика, элегантно жестом открыл дверцу кареты Магистра Магуса и помог Джоанне выйти наружу. Вообще-то Джоанна всегда считала этот жест выражением учтивости, пустой формальностью, но теперь поняла, что если на тебе бесконечно длинное платье, то поданная рука дело совсем не лишнее.

Итак, если и этот визит окажется безрезультатным, то тогда она вовсе не сможет больше действовать.

Джоанна подала лакею мелкую монетку (давать слугам чаевые ей посоветовал Магус), и стала подниматься по ступенькам из розового мрамора к парадному входу в Наследный Дом, так назывался один из местных дворов. В нем-то и обитал беззаботный Сердик. Сейчас вдруг Джоанна почувствовала, что ее наполняет большая неуверенность, чем в тот раз, когда она входила в дом самого Магистра. Впрочем, у нее есть еще шансы, подумала она. Если не Магистр Магус, тогда Керис, если не Керис, то тогда принц Сердик, если Сердик не поможет, то нужно обратиться к регенту, в случае отказа регента, можно отправиться к самому императору.

А пока нужно действовать, тем более, что пути к отступлению нет. Джоанна и понятия не имела, каким образом она может вернуться домой.

Вообще-то о доме лучше не думать, подумала девушка, глядя как кучер хлестнул коня и карета, стуча железными ободьями колес по брусчатке, скрылась за углами домов. Когда она попросила Магистра доставить ее в Высокий Суд, тот от страха поначалу даже дара речи лишился.

— Ты что, рехнулась, — наконец нашелся он, — там и так сейчас не до тебя. Прошлой ночью чудовище убило несколько детей ночной смены на мануфактуре, что за два квартала отсюда. В Сикерсте идут брожения, народ ропшет и говорит, что лучше вернуться к старой Вере. Инквизиция, конечно же, нервничает и хватает кого попало. В Меллидэйне были погромы. Помни, что сейчас осень, народ беднеет, торговли никакой, урожай в этом году бедный... Я не дам за свою жизнь два медных гроша, если пройдусь возле этих дворов.

— Но мне непременно нужно увидеть принца Сердика, — настаивала девушка, вцепившись в резные подлокотники кресла. — Я, может, и не знаю, какие напасти постигли вас, но я все-таки понимаю, что первый встречный на улице не проведет меня к наследнику престола. А ты считаешься другом Сердика, он вообще хорошо относится к волшебникам. Если кто-то и поможет вызволить Антрига, так это он.

— Если кто-то может, — задумчиво повторил предсказатель.

Это было ночью, когда Джоанна возвратилась после неудачного разговора с Керисом. В тот раз они с Магусом выпили по большому бокалу красного вина в библиотеке. Джоанна рассказывала Магистру о своей встрече с внуком архимага, а тот в это время читал разные местные газеты, выбирая оттуда разные события светской хроники и сплетни, которые он использовал как рабочий материал в общении со своими многочисленными клиентками и клиентами. — Вся проблема состоит в том, дитя моя, что мне кажется, сейчас никто не в состоянии помочь Антригу. Я даже сам боюсь спрашивать там о чем-то. Если ты обращаешься в этот самый Высокий Суд, ты знаешь, что в какой-то степени становишься для них нежелательным свидетелем. А теперь еще, когда принц-регент женился, он более внимательно наблюдает за Сердиком.

— Женился?!

— Да, месяц назад. Свадьба была очень пышная.

И тут Джоанна вспомнила, как регент своим высоким резким голосом говорил: «... та безмозглая сука, на которой мне должно жениться...». А потом Антриг сказал ему: «Ладно, Фарос, тебя ведь женщины не интересуют...»

— Пеллицида, племянница короля Сентервинга, — продолжал Магус, — там при дворе, говорят, что его высочество называет жену Темной Лошадкой. Но до тех пор, покуда у них не родится ребенок — если, конечно, Фарос сумеет произвести на свет потомство... — в общем, покуда его наследником остается Сердик. Так что, сама понимаешь, Сердик сидит тихо, как мышь. Он отлично понимает, что никто не должен видеть, что он общается с

волшебниками. Это может возбудить подозрения.

Но Джоанна сейчас проявила настойчивость, и сумела вырвать у Магуса не только карету, но и даже рекомендательное письмо к принцу.

— Может быть, чего-то еще пожелаешь? — спросил на прощание Магус, при этом в голосе его звучало скрытое раздражение. — Может, парочку пажей, чтобы бежали впереди кареты и кричали, что ты едешь? Или духовой оркестр? Или, может, на площади перед дворцом устроим фейерверк в честь твоего приезда туда?

После чего Магистр возвратился обратно к своим газетам со сплетнями. Впрочем, его можно было понять, эти газеты давали ему возможность заработать на кусок хлеба, да еще и с маслом.

Джоанна сумела также выторговать у него обещание, что кучер станет ожидать ее у ворот в Имперский парк, в котором и располагались дворцы всех августейших особ империи. У дворца Сердика он стоять был не должен, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания. Зная, что у регента везде глаза и уши, а уж среди слуг наверняка, Джоанна не стала спорить. Кстати, наутро настроение Магуса улучшилось — в гавань прибыло несколько кораблей из заморских стран с грузом специй. Магус был один из пайщиков, которые снабдили в свое время корабельщиков деньгами, и теперь продажа специй сулила всем, в том числе и Магистру, бешеные прибыли. И потому Магус дал Джоанне кошелек с деньгами (на непредвиденные расходы) и долго объяснял ей, как нужно вести себя при дворе.

Потом Джоанна поняла, что Магистр Магус не единственный в этом городе, кто знает, в какой именно момент лучше залечь на дно и не высовываться. Очевидно, подозрительность Фароса в отношении Сердика была всем тут хорошо известна. Мажордом при входе окинул оценивающим взором наряд Джоанны (она похвалила себя, что сшила такое дорогое платье в ателье) и провел ее в группу более знатных посетителей, что явно имела преимущество перед просителями, одетыми не слишком изысканно. Комната для посетителей была отделана черным деревом и алым бархатом, громадные, во всю стену окна, выходили на унылый сад, в котором давно уже с деревьев опали листья. Комната отличалась также обилием статуй людей, выполненных в натуральную величину и двумя большими мраморными каминами.

— Вообще-то его высочество чрезвычайно заняты сегодня утром, — холодно сказал мажордом.

Это предупреждение Джоанна истолковала как намек на то, что ей не придется рассчитывать на чрезмерно долгую аудиенцию.

— Я доложу ему о вашем приходе, — и мажордом степенно удалился, унося на подносике рекомендательное письмо, а в кармане серебряную монетку, которую Магус посоветовал Джоанне презентовать мажордому, чтобы ускорить аудиенцию.

Народу в комнате было полно, видимо, каждый полагал, что принц в состоянии разрешить его проблему. Если много посетителей, то выходит принц уже успел прослыть хорошим судьей. Но стоявшие по соседству люди говорили, что принц действительно занят. Джоанна почувствовала какую-то неясную тревогу. За время путешествий она успела выработать в себе это шестое чувство, разбудить его. Она знала, что сейчас должно что-то произойти, но не могла понять, откуда ждать удара. Вдруг дверь из соседней комнаты распахнулась, посетители вытянулись в струнку, из комнаты вышел Сердик. Но он был не один. Сопровождал его не кто иной, как Гэри...

Джоанна была столь потрясена, увидя здесь Гэри — теперь было даже не то важно, находился ли в его теле Сураклин. Итак, рушилась ее очередная возможность, на которую она возлагала такие надежды. Вдруг она подумала, что ей и здесь грозит опасность, что у нее даже не хватило сообразительности хотя бы отвернуться в сторону. Может, теперь... И Джоанна рванулась к камину, где стояла изображавшая некоего древнегреческого бога статуя. Там же, у огня, присели два мужчины, видимо, только что пришедших с улицы, потому что они отогревали руки у пламени.

— Мой дорогой Гэрр, — говорил в это время Сердик, обращаясь к своему спутнику, —

конечно же, он безумец. Но с какой это стати мы должны заниматься такими мелочами? На церковь он больше не нападает, с торговлей у нас вроде пока все нормально, крестьяне не бунтуют... По-моему, нет никакого дела, с кем он там спит, с мальчишками ли, со свиньями или с козами. Не это же главное.

Сердик успел даже поправиться с тех пор, когда Джоанна в последний раз видела его. Его щеки вообще теперь казались круглыми, как помидоры. Но эта полнота никак не отягощала его, здоровье прямо брызгало с его лица. Яркие карие глаза излучали доброжелательность и участие. Это впечатление усиливалось розовым камзолом с красными кружевными манжетами и жабо. Рядом с ним серый бархат одеяния Сураклина казался ненужно-аскетичным и вообще попавшим по недоразумению в это буйство красок.

— Так-то это так, — Темный Волшебник больше не пользовался характерными ужимками и манерами Гэри. Даже голос звучал как-то по-иному, хотя тембр его Сураклину изменить все равно не удалось, — все звучит правильно, людям незачем вмешиваться в дела человека, который станет не только править ими, но и под чьим покровительством они процветают. Но стоит им только ощутить горечь потери, как сразу пробуждается интерес и к себе, и к власти предрежащим.

— Я понимаю. Конечно, ты очень разумно советуешь мне, во что именно лучше всего вложить деньги, — закивал головой Сердик, — как и все твои советы, которые ты черпаешь из волшебства. Я всегда хорошо относился к волшебству, поскольку именно в нем сконцентрировалась мудрость веков.

Слушая принца Сураклин одобрительно кивал головой. Джоанна, стоя позади статуи, глядела на принца. Тут она вспомнила, как Сердик с готовностью соглашался со всем, что говорил ему Антриг. Нет, такое слепое послушание не доводят до добра.

— Но иногда бывают такие моменты, когда не одни только деньги решают, что делать. Иногда приходится руководствоваться своими и чужими эмоциями. Тем более, сейчас...

— Ну, это само собой разумеется, — отвечал «Герр», — потому-то я и прошу тебя пригласить твоего двоюродного брата вместе с его новобрачной. Ведь госпожа Пеллицида пользуется доброй славой в народе.

— Пелла? — удивление Сердика было неподдельным. — Но какой авторитет может быть у пустоголовой разряженной куклы, если она даже...

— Но народ считает, что она только страдает от зла регента, — отозвался невозмутимо Сураклин. — Это и в самом деле так. Покуда ты будешь разговаривать с регентом, я перекинусь парой слов с Пеллицидой. Я предложу ей твою помощь и поддержку.

— Но... — тут принц нахмурился, беспокойство уже охватило его, — я не могу позволить тебе подвергать себя такой опасности. Я не отрицаю, что регент это воплощение всех худших качеств в человеке. И он сам не скрывает этого. Бедная девушка. Но если тебя кто-то заметит здесь... я имею в виду людей моего милого братца... Если он узнает, что я продолжаю поддерживать связь с волшебниками... Нет, я не хочу, чтобы ты так рисковал.

Сураклин улыбнулся улыбкой мученика, который ради ближнего готов принести себя в жертву злу, но от Джоанны не укрылось злорадство, читавшееся в его глазах. Неужели Сураклин таким же образом потешался над ней и над любовью Кериса к деду? И тут Сураклин спросил:

— Неужели вы, ваше высочество, сомневаетесь, что я способен заниматься такими делами? Поверьте мне, здесь нет ничего опасного. К тому же, я в первую очередь пекусь о ваших интересах.

Тут оба собеседника направились к окну, что-то обсуждая в связи с предстоящим маскарадом, который устраивал у себя богатый купец Кальве Дирхам. Вдруг Джоанна с удивлением заметила, что и Сердик, и Сураклин были одного роста. Девушке даже показалось, что тело Гэри стало несколько тоньше, выше, в общем изменилось. Она знала, что Гэри было тридцать четыре года, он лет на десять-двенадцать был старше Сердика. Но желтоватые глаза говорили за себя, показывая, что хозяин их куда старше того, сколько лет ему не давай.

Если кого Сураклин обрабатывал, то хватка у него была железная. Джоанна прекрасно знала об этом, а вчера имела возможность лишний раз убедиться в этом, все ее аргументы разбились о непоколебимую любовь к деду, которым настоящий Солтерис уже четыре года как не был. И теперь она сильно сомневалась в том, что Сердик действительно поможет ей. Выдаст, чего доброго, еще этому Сураклину.

Эта мысль бросила девушку в жар. Она вдруг поняла, для чего Сураклин появился при дворе и вертится здесь: он пытается склонить власть предрежащих казнить Антрига. Впрочем, все здесь зависело от регента, который, как известно, с подозрением относился поголовно ко всем волшебникам. А уж ей самой приходилось сталкиваться с непреодолимым очарованием Темного Волшебника. Вдруг он сможет сделать и регента орудием в своих руках? Нет, нужно поскорее вызволить Антрига из этого кошмара.

Но пока Джоанна и понятия не имела, что именно она должна сделать для этого.

Итак, выходит, что в городе Ангельской Руки ей теперь делать нечего. Нужно было обратиться к Магистру Магусу, чтобы он снова кое-чем помог ей. А потом нужно поскорее отправляться прямо в Кимил.

— Мой господин, — донесся вдруг из соседней комнаты хорошо поставленный голос мажордома, — его высочество принц-регент прибыли.

Сердик положил руку на плечо Сураклина и сказал:

— Друг мой, заклинаю, будьте осторожны.

Резко повернувшись, принц направился в соседнюю комнату. Весело улыбаясь, Сураклин вышел в противоположную дверь.

У Джоанны даже ноги подкосились от страха. У меня теперь даже выбор есть, думала она с ужасом, либо идти за ним следом, что опасно, либо стоять тут и ждать, пока гвардейцы Фароса догадаются обыскать комнату. Фарос ведь сразу меня узнает. Джоанна в растерянности прислонилась к статуе, не зная, что ей предпринять.

Но сильнее страха в ней оказалось стремление не потерять из виду Сураклина. Одно дело было видеть его в Сан-Серано в образе Гэри. Было страшно смотреть, как он неуклюже копировал манеры не в меру доверчивого программиста. Но теперь она увидела Сураклина именно как настоящего Сураклина — беззаботно болтавшего и улыбавшегося губами Гэри, махавшего его руками, чтобы убедить в своей правоте очередную жертву. Тут вдруг она подумала, что Сураклин убил Гэри ради одного его тела, как охотник убивает енота, чтобы сделать из его шкуры шапку. Вообще-то все время, когда она знала Гэри настоящего, Джоанна всегда его недолюбливала. А, вчитываясь в компьютерные программы, которые раскрывали его стремления, девушка только убеждалась, каким гнилым человеком был этот парень. Но ей стало жаль Гэри, он даже не подозревал, какая страшная участь ждет его.

Вдруг двери отворились. Старший мажордом ввел в комнату принца-регента Фароса Дестамора, будущего императора Феррита, но уже сейчас фактического правителя этой страны, раздетого в бархат и парчу с кружевами. Принц опирался на руку ослепительно красивого мальчика, одетого в темно-синие шелка. Мальчик этот был по возрасту примерно ровесник Кериса, но, в отличие от послушника, ревностно относился к своему внешнему виду. Чуть позади шагала девочка — тоже симпатичная, на голову выше самого регента. Пышные черные волосы были украшены жемчужными подвесками. Впечатление портило только чрезмерное количество украшений, которыми обвесилась девочка. У ног девочки вертелась кудрявая болонка с изящным ошейником. Даже ошейник был украшен бриллиантами. В общем, выставка ювелирных украшений.

Это и есть Темная Лошадка, решила Джоанна, глядя на крупную фигуру девушки. Прозвище, конечно, очень жестокое, в особенности, для человека, которому придется жить вреди ехидных придворных. Но Джоанна в глубине души признавала, что эта кличка довольно меткая. Лицо девушки было обильно покрыто косметикой, но искушенным оком Джоанна распознала, что Темная Лошадка очень молода.

Регент и его спутники подошли к одному из пылавших каминов. Чуткие ноздри Джоанны сразу же уловили сильный запах благовоний и духов, который, наверное, давно

уже пропитал одежду этих людей. Девушка, которую и звали Пеллицида, оглядывалась в комнате. От Джоанны не укрылось, что изредка она довольно саркастически поглядывала на своего новоиспеченного мужа и его спутника. Один раз даже этот мальчик невзначай поймал на себе взгляд Пеллициды. Он тут же покраснел и отвернулся.

Вдруг та самая болонка, обнюхивая пол, подбежала к тому месту, где стояла Джоанна. Втянув ноздрями воздух, она сразу наострила уши и уставилась настороженно на девушку. Видя это, принц присел на корточки и сказал достаточно громко, чтобы его несчастная жена слышала:

— Эти проклятые суки... Все.

Регент щелкнул пальцами и позвал:

— Киша. Киша.

Маленькая собачонка моментально развернулась и засеменила обратно к хозяину. Принц погладил собачонку по голове и нежно произнес:

— Ах ты, маленькая лохматая тварь. Мне всегда хотелось брить всех вас наголо.

— Хватит, — вдруг не выдержала Пеллицида.

Собачонка рванулась было к ней, услышав знакомый голос, но Фарос с неожиданным упорством схватил крохотное существо за тонкую шейку. Все присутствующие затаили дыхание.

— Хватит, — передразнил регент и сказал уже собачонке. — Укуси меня, если сможешь, — и он сильнее нажал на шею болонки. Собака раскрыла миниатюрную пасть, хотя знала, что ни в коем случае не должна кусать людей. Глаза животного излучали непреодолимый ужас.

Пеллицида, шурша обширным платьем и опрокинув невзначай низкий столик на капризно изогнутых ножках, через весь зал рванулась к регенту.

— Отпусти ее, — закричала она.

— Но с какой стати я должен это делать, моя маленькая принцесса? В конце концов, это моя собственная собака, как и все, что у тебя есть, теперь принадлежит мне. Мне решать, что делать с имуществом, не так ли? Вдруг мне вот захочется, к примеру, подпалить этот пушистый хвостик... — тут Фарос, схватив собачонку за крохотный хвост, поволок ее к камину.

Собирался ли он в самом деле подпалить хвост собаки или это была просто неумная шутка, Джоанна так и не узнала. Пеллицида, подскочив к мужу, резко схватила его за пышное кружевное жабо и так тряхнула, что тот от неожиданности выронил злополучного песика. Второй рукой Пеллицида отвесила Фаросу звонкую пощечину отчего тот даже отлетел и ударился спиной о мраморную колонну.

Поначалу Джоанна решила, что сейчас принц тоже бросится на нее. На всякий случай Джоанна отодвинулась и спряталась в нише, которая была занавешена голубой бархатной портьерой. Принц стоял у колонны, как змея, готовящаяся к прыжку. Одна щека его была белой, покрытая пудрой, а вторая, к которой приложилась ладонь Пеллициды, розовела. Пеллицида вызывающе смотрела на него. Болонка, словно понимая, что ее хозяйка именно из-за нее пострадала, тоже оскалила свои миниатюрные клыки и тонко зарычала.

— Ты еще пожалеешь об этом, — сказал принц тихо.

Регент резко повернулся и направился в боковую дверь. За ним бросился его неразлучный друг. Принцесса некоторое время смотрела на дверь, которую спутник Фароса даже не потрудился закрыть за собой, потом, упав на колени, раскрыла руки, в которые тут же запрыгнула болонка, и громко разрыдалась. Посетители, толпившиеся тут, словно вышли из состояния оцепенения и стали быстро покидать комнату.

Джоанна поняла, что перед ней опять стоит дилемма. С одной стороны, ей безумно хотелось броситься к принцессе, в сущности, это же была еще девочка, ребенок, и утешить ее. Но с другой стороны, ей не хотелось выходить из своего убежища, ведь если регент вернется сюда, он сразу узнает ее. К черту регента, пронеслось в ее голове, и Джоанна выступила из-за портьеры. В конце концов, принцесса рисковала куда больше. Как она

здорово ударила этого напوماженного извращенца. Девушка только направились было к Пеллициде, как болонка, подняв голову и поглядев в сторону одной из ведущих на веранду стеклянных дверей, предупреждающе зарычала. Поглядев туда же, Джоанна в ужасе убедилась, что сюда опять возвращается Сураклин.

Конечно же, Сураклина увидела и принцесса, она бросилась к нише за портьерой, врезавшись в стоявшую тут Джоанну.

Некоторое мгновение обе девушки недоуменно смотрели друг на друга. Джоанна опомнилась первой — она рванулась обратно в нишу, увлекая принцессу за собой.

— Нельзя, чтобы он заметил меня, — пояснила Джоанна подруге по укрытию.

Пеллицида понимающе кивнула и встала рядом с Джоанной, почти вплотную, ведь ниша была узкая, предназначенная, по-видимому, для одной из статуй. В это время послышался стук открываемой двери.

— Я тоже не хочу, чтобы он видел меня, — прошептала принцесса.

Тем временем снова послышался стук — Сураклин прошел в соседнюю комнату.

— Почему же нет? — тихо спросила Джоанна. — Я имею в виду. Гэрр, — она называла Сураклина тем именем, которым именовал его и Сердик.

Пеллицида посмотрела на нее, а потом быстро отвела глаза. Наконец она выдавила:

— Ну это не важно.

Было видно, что слова эти дались ей не просто.

Обе девушки быстро покинули свое убежище и прошли в небольшую комнату, где, на их счастье, никого не было. Это кажется была нежилая комната. Видимо, тут бывал только Сердик, стояли статуэтки старых богов, лежали книги по волшебству и магии, предсказанию судьбы и ворожбе, на столах были навалены диковинные приборы, стеклянные шары и стояли граненые бутылки с разноцветными жидкостями. Из этой комнаты стеклянная дверь выводила на террасу. С террасы обе девушки быстро спустились в сад и, минуя купы подстриженных в форме геометрических фигур деревьев, направились по посыпанной белым речным песком дорожке к воротам, за которыми ждала повозка Магистра Магуса. Несмотря на довольно солнечную погоду, на улице было холодно, но при этом ни одна из девушек не предложила вернуться за оставленными во дворце нарядками.

Вдруг принцесса всхлинула. Джоанна, быстро смекнув в чем дело, сунула руку в карман, достала чистый носовой платок и предложила ей. Пеллицида, или Пелла, как успела ее окрестить Джоанна, не относилась к типу женщин, которые стыдятся плакать на людях. И Джоанна поняла, что глаза у нее постоянно находились на мокром месте. При ближайшем рассмотрении оказалось, что лежавший на лице принцессы толстый слой пудры скрывал опухшие от постоянных рыданий щеки. Киша, болонка, почувствовав огорчение хозяйки, тоже подняла голову и тоскливо завывала. Пеллицида быстро нагнулась и подхватила многострадальное животное на руки.

— Я понимаю, что мой вопрос звучит глупо, — вздохнула Джоанна, — но все же я спрашиваю, могу ли я чем-то помочь тебе? Оставим Фароса в стороне, но мне кажется, что и Сердик не окажется правителем лучшим, нежели его брат.

Пелла посмотрела на Джоанну, словно желая убедиться, что эти слова исходят именно из ее уст. Принцесса была на голову выше Джоанны, и потому смотрела на нее сверху вниз.

— Нет, все нормально, — осторожно сказала она, — думаю, что на этот счет я согласна с Гэрром... Хотя я совершенно не представляю, каким правителем окажется этот Сердик, — она резко вытерла глаза платком, смахивая заодно со слезами и остатки косметики, а затем успокаивающе погладила по кудрявой голове и болонку. Собака благодарно лизнула руку хозяйки и вдруг снова завывала, дрожа всем телом на пронизывающем осеннем ветру. Наконец Пелла все так же настороженно поинтересовалась: — Скажи, а ты хорошо знаешь... Гэрра?

— Знаю, — тихо отозвалась Джоанна, — то есть когда-то знала его.

— Я и не представляла, что он возвратится, — обе девушки шли уже мимо газонов, покрытых пожухлой травой, — может ты расскажешь мне о нем?

— Вряд ли это получится у меня, — уклончиво отозвалась Джоанна, — это... это все

трудно объяснить.

— Но я должна это знать.

Решимость, горевшая в зеленоватых глазах принцессы и безапелляционность интонации донельзя удивили Джоанну. Она изучающим взглядом уставилась на Пеллу, испытывая отвратительное чувство знания важного, но бездоказательного. Сураклин наверняка уже пытался подчинить принцессу своей воле, но она как-то подсознательно убежала от него.

— Он приходит и уходит, — вдруг сбивчиво заговорила Пеллицида, — никто ничего не знает о нем. Только то известно, что очевидно. Знают, что он недавно подружился с Сердиком, что он постоянно подает ему умные советы. Он запрещает называть себя «волшебником». Но ведь он все равно волшебник, да?

— Да, — подтвердила Джоанна.

Пеллицида тяжело вздохнула и, укачивая на руках притихшую болонку, уставилась на золоченую крышу императорского двора, которая виднелась за уже успевшими сбросить листву деревьями.

— Он заставил меня, — начала было принцесса, но потом остановилась. — Он сразу мне не понравился. Но поначалу я даже ничего не успела понять... Прежде мне не приходилось кого-то любить, я даже не думала, что все может быть так... Но ведь это было заклятье, да?

— Да, — сказала Джоанна, теперь понимая, почему Пеллицида с такой поспешностью удрала от Сураклина, — но вообще-то, насколько мне известно, такие вещи называются изнасилованием. По крайней мере, должны называться.

Но Пеллицида только хмыкнула в ответ, глаза ее теперь были совершенно сухи — вероятно, все слезы она успела выплакать за этот ужасный месяц. Принцесса безмолвно пошла дальше, ветер принялся трепать ее пышные черные волосы. Джоанна не удержалась и спросила:

— А он что, сделал это с тобой?

— Он пытался.

— Не потому ли, что ты могла оказаться для него полезной в чем-то?

Принцесса ничего не ответила, а Джоанна представила себе, как если бы в случае удачи в своей затее Сураклин принялся бы изображать из себя страстного Гэри.

— Но для чего все-таки ему понадобилось это? — нарушила тишину Пелла. — Может быть, для того, чтобы я не заметила, как он убивает Фароса?

Пеллицида была совершенно чужой в этой стране, тут все было чужое и враждебное. Она была еще ребенком, которого вдруг взяли, и выдали за человека, который издевался над ней и унижал ее. Сейчас лицо ее было напряжено, и она напоминала одну из каменных статуй, что в изобилии столпились в парке.

— Возможно, — отозвалась Джоанна.

— Расскажи мне о нем, — снова попросила Пелла. — В нем есть что-то такое, что-то злое... Но я не знаю, что. Расскажи мне, кто он на самом деле такой, что ему нужно. Расскажи мне, что он собирается делать здесь?

Зимой в Феррите рассвет наступал очень поздно. В мрачных кварталах города Ангельской Руки день длился не больше шести часов. Последняя смена работавших на мануфактурах шла на работу уже в кромешной темноте. Колокола многочисленных городских церквей созывала горожан на молитву. Белые звезды равнодушно мерцали над крышами домов, только сильнее оттеняя черный бархат неба.

Керис, внук умершего архимага Солтериса Солариса, зябко поежился и, сильнее запахивая полы своей всепогодной куртки, ускорил шаг. Холод и в самом деле был жуткий, даже для такого времени года это было не совсем характерно. Он шел по Портняжьей улице, которая спускалась к реке. От реки поднимался молочно-белый пар. Из-за этого пара кое-где виднелись огоньки фонарей, горевших на стоявших на реке кораблях. Керису почему-то все это казалось странным, словно этого не должно было быть вовсе. Но его зоркие молодые

глаза не находили тут никакой опасности, сколько он не оглядывался по сторонам. Но послушник продолжал настороженно стоять, словно надеясь не увидеть, так вовремя унюхать грозящую опасность. Но все, что улавливал его нос, это был самый обычный запах реки и тухлой рыбы, к которому, правда, примешивалось зловоние свалки, поскольку неподалеку находился Главный рынок города.

Керис ощущал приятную тяжесть пистолета, который он забрал у Джоанны. Но на всякий случай он вытащил из ножен меч — так оно надежнее.

Керис был приятно удивлен — он ведь совсем забыл, что в холодное время года прибрежные улицы пустынные. Это летом тут полно народу, празднично шатающегося без дела и интересующегося всеми и всем. Где-то на соседней улице громко лаяла собака, но не было слышно привычного крика чаек, ссорящихся из-за валявшихся на берегу и плававших в воде отбросов.

Но почему же не кричат чайки? Они же всю зиму тут, подумал Керис удивленно, останавливаясь.

В окнах домов горели оранжево-желтые огоньки. Но жители этих домов не спешили на улицу. Всмотревшись в туман, Керис заметил в стороне реки кроме небольших корабельных огоньков огни и покрупнее — это были огни крепости Святого Господина. Изредка налетал обжигающий ветер, который пробирал до костей и яростно трепал волосы внука архимага. Подумав, Керис убрал меч обратно в ножны и достал пистолет.

Когда он забрал этот пистолет у Джоанны, он решил, что принцип его действия самый обычный, только форма несколько другая. Но потом, в свободное от службы время, когда он разглядывал пистолет, он понял, что это совершенно незнакомый тип оружия, который происходит из того же самого мира, что и Джоанна. Парня очень заинтересовал принцип действия пистолета. Во-первых, уже было удивительно то, что стрелял пистолет крохотными коническими пулями, а не шариками, как их пистолеты. Пульки эти были тщательно упакованы в крохотные металлические стаканчики. Видимо, там содержались необходимые для выстрела припасы, которые здесь приходилось закладывать в ствол пистолета вручную. И закладывать заряды в пистолет Джоанны не с дула, а со стороны затвора. Ну просто чудеса техники! К тому же пистолет заряжался и мог стрелять шестью пулями, что было вообще на грани фантастики.

Погруженный в рассматривание диковинного пистолета, Керис даже не сразу сообразил, что пистолет заряжается один раз, но стреляет сразу шесть. Когда же он осознал это, то был потрясен до глубины души.

Дома на этой улице стояли тесно, один прижавшись к другому, и потому ветра тут не было — он свистел где-то над крышами. Холод даже почти уничтожил запах нечистот, от которого тут летом было невозможно дышать. И вообще — это место не слишком подходило для эксперимента, который замыслил внук архимага. Даже более неподходяще, чем Подворье Магов в ту ночь, когда был убит Тирле.

Керис направил пистолет вниз, в сторону реки, ухватился обеими руками за ребристую рукоятку пистолета и нажал на спусковой крючок. Сразу же сухой звук выстрела прорезал воздух. Станным образом не было паузы, необходимой для воспламенения пороха. Да и отдача от пистолета была не слишком сильная. Почти сразу же прогремел второй выстрел. Раздался щелчок — это повернулся барабан. И это было все.

Керис удивился пуще прежнего — порохом пахло по-прежнему, хоть и не столь сильно, как обычно, но дыма вовсе не было!

Как же такое может быть?

Меня это не касается, подумал Керис в отчаянии, мне даже быть тут нельзя! Я ведь послушник Совета Кудесников! Не мне решать, что правильно, а что нет! Антриг сознался в убийстве Тирле и в других ужасных поступках...

Но ведь убийство было совершено подобным же оружием, что он сейчас держал в руках...

Откуда убийца взял такой пистолет?

И вдруг идея все-таки прорвала его сопротивление и проникла в голову со всей очевидностью — несомненно, Джоанна была права!

Но тогда выходило, что...

С речки подул ветер, и Керису стало еще более зябко.

Через пять минут, пробираясь обратно, Керис настойчиво размышлял надо всем пережитым. Помнится, тогда его будили по ночам какие-то дурные предчувствия, ощущения близкой беды. Он вспомнил, как проснулся однажды, чувствуя, что силы выходят из него. Он вышел во двор, рядом с воротами храпел послушник, которому полагалось неусыпно бдить. Сам по себе — вопиющий случай.

И тут страшно закричал Тирле...

Тирле стоял возле переулка, и именно там раскрылись ужасные Ворота в Пустоту. В него стреляли с той стороны, где дома стояли в непроницаемой тьме. Потом было видно бегущего человека. Потом снова раздался выстрел, который уже, вне всяких сомнений, предназначался самому Керису. Но кто стрелял — то ли тот, бегущий, то ли кто-то еще, кто мог стоять в тени домов?

Нет, убийцей несомненно не был тот человек, которого тогда заметил Керис. Тот человек бежал к Пустоте. А его кто-то прикрывал, тот, кто еще стоял во дворе. Вот это-то человек и стрелял — не только для прикрытия бегущего, но и для того, чтобы убрать Тирле как нежелательного свидетеля.

И хотя помнил Керис об этом на удивление мало, этого было достаточно, чтобы задуматься над происшедшим уже по-другому.

Когда он добрался наконец до Подворья Магов, уже начинал накрапывать холодный дождь со снегом.

Керис почувствовал облегчение — хотя никто из часовых не подумает прятаться от непогоды, но вой ветра все же скроет его шаги. Домик, в котором прежде жил Солтерис, стоял пустым — после смерти архимага велись разговоры о его дальнейшей судьбе, но дело дальше разговоров так и не пошло. Только наложили на двери и окна домика заклятья, которые отпугнули бы не в меру любопытных. Вдруг Керис подумал — чего ему бояться всех этих заклятий, он и сам обладает волшебной силой. А сейчас, когда ему нужно укрыться, он просто обязан забраться в этот дом, тем более, что он принадлежал его деду... Так думал Керис, заходя на задний двор и отпирая ставни на одном из окон. Окна были высокие, но что значило для тренированного послушника подтянуться и влезть в дом?

Вся обстановка напоминала ему об архимаге. Все тут осталось по-прежнему, как было и раньше... Мрачная меланхолия, тоска по старику вновь наполнила душу Кериса.

Если Джоанна была права...

Но когда же он мог измениться?

Встав посреди тесной комнаты, что служила Солтерису рабочим кабинетом, Керис размышлял. Дождь барабанил по крыше и оконным стеклам.

Итак, он видел деда до тринадцати лет. Потом был большой перерыв, после чего он встретился со стариком, когда самому Керису исполнилось уже восемнадцать. Это случилось года два назад. Что могло случиться с ним? Воспоминания детства были довольно скудными — вот Керис бегает по речке, ловит лягушек, а дед собирает на берегу разные травы и приглядывает за внуком... Потом дед занимался врачеванием больных, и Керис охотно помогал ему — кипятил воду, промывал разные диковинные изогнутые ножи... Это было так давно... Потом они ели в поле, и парень вспомнил задорный смех Солтериса...

А потом, когда Керис пришел в город и дал клятву на верность Совету Кудесников, стал послушником, он уже ни разу не слышал, как архимаг смеется. Точно, ни разу не звучал его смех. Иногда в глазах Солариса мелькали искорки безудержного веселья, но трудно было понять, действительно ли это веселье и что именно радует старика. Тогда Керис не придавал всему этому значения — ведь отчего смеяться громко, если бабушка Кериса умерла.

А ведь вполне было и так, как говорила Джоанна. Но когда это случилось?

И тут вдруг Кериса обожгла мысль — это веселье, этот смех были убиты! Их убил

Сураклин! Сураклин убил деда! Сураклин, он же Темный Волшебник...

Я убью его, — говорил в Керисе какой-то голос, — Боже мой, я убью его за это!

Тут вдруг он понял, что и Антриг тепло относился к Солтерису. Кажется, Джоанна сказала, что Сураклин вышел из его деда, оставив его живым, но потерявшим рассудок, а потом вселился в того человека из мира Джоанны, что превосходно разбирался в компьютерах... Возможно, именно потому Антриг и убил безумного архимага — только из чувства сострадания к нему...

Нет, думал Керис, нужно прекратить думать об этом. И тем более, что у него нет никаких доказательств.

Вдруг Керис подумал, что настоящему послушнику никогда не нужны какие-то там доказательства. Главное — это решение Совета Кудесников. Керис был в отчаянии, рушилась вся его система. Не осознавая даже, что он делает, он принялся осматривать кабинет архимага.

Как и при жизни Солтериса, комната была забита разными книгами, свитками, схемами, всевозможными измерительными приборами, письменными принадлежностями. Впрочем, во всем этом у архимага был свой порядок. Это на первый взгляд комната казалась безнадежно захламленной. Если было нужно, Солтерис безошибочно и сразу находил любой предмет. Неподалеку от очага высился письменный стол — настоящее произведение столярного искусства. Кериса всегда занимало, сколько тут было разных ящиков, ящиков, отделений. На столешнице стояли два бронзовых подсвечника с оплывшими свечами. Они были покрыты приличным слоем пыли. Впрочем, сам Солтерис тоже не слишком часто зажигал свечи — он, как настоящий волшебник, видел в темноте.

Сам Керис не слишком хорошо видел в темноте, но кое-что он различал довольно неплохо. Сейчас послушник был спокоен — даже если он будет тут издавать какие-то шумы, то их никто не услышит из-за пронзительно воющего ветра.

И Керис принялся осматривать тут все, что можно только было осмотреть.

В свое время об этом чудесном столе ему рассказывала еще бабушка. Помнится, Керис сидел у бабушки на коленях, и та рассказывала ему, чтобы занять ребенка. И теперь чуткие пальцы Кериса ощупывали каждый выступ, каждую резную завитушку, ища разные потайные пружинки и кнопки. Ветер, казалось, завывал все с большей и большей яростью. В одном ящике Керис отыскал еще одно воспоминание — это была фарфоровая свирель. Помнится, в те далекие годы дед частенько наигрывал на ней. А потом... Став послушником, Керис уже ни разу не видел деда играющим на свирели.

В другом ящичке отыскалась пригоршня пуль. Даже не пуль, а... Нет, ошибки тут быть не могло... Такие же конические, упакованные в латунные стаканчики... Керис рывком вытащил пистолет и попробовал загнать один патрон в барабан. Нет, патрон оказался слишком велик, но у Кериса не осталось никакого сомнения, что это были заряды к пистолету примерно той же самой конструкции, что он сейчас держал в руках. Керис, сразу вспотев, сунул руку глубже в ящик. Так и есть — под бумагами отыскался и сам пистолет. В его барабане два отделения были пусты...

Керис со стуком положил оружие на стол. Его трясло от гнева, растерянности, ощущения внезапно возникшей пустоты в душе. Теперь все сходилась — годы назад Сураклин убил его деда, убил подло и безжалостно. Убил, как до этого он убил и императора Херальда. А потом он убил старика Тирле, добродушного здоровяка, иногда любившего беззлобно поворчать. Убил потому, что тот оказался на его пути... И сколько еще жертв было на совести Темного Волшебника? Это, наверное, никто никогда не узнает. И он всю использовал любовь Кериса к нему как к деду, манипулировал им как хотел. И он пытался использовать его энергию, чтобы убить Антрига — единственного человека, который мог справиться с ним...

Керис с такой силой сжал кулаки, что у него потемнело в глазах.

И Сураклин безнаказанно гуляет на свободе! Он все еще дурачит людей головы и вершит свои злые дела. А Керис ничего не может поделать, поскольку он по рукам и ногам

связан клятвой на верность Совету...

И хотя за окнами по прежнему царила непроглядная тьма, Керис знал, что вскоре начнется очередная тренировка по фехтованию. Нужно было уходить отсюда. Вынув из сундука кусок белого полотна, Керис бережно завернул в него оба пистолета и патроны. Затем он кошкой выскочил из окна, через которое и влез сюда, не забыв при этом тщательно запереть ставни на все крючки. Он пошел от дома, чувствуя тяжесть пистолетов из другого мира...

Глава 5

Страшная буря, подобно которой никто и не помнил, длилась почти до середины следующего дня. Джоанна задумчиво глядела на буйство стихии из крохотного окна потайной комнаты, что находилась в покоях принцессы Пеллициды в северном крыле императорского дворца. Войти в комнату можно было только через вращавшуюся на невидимых петлях деревянную панель резного дерева, что находилась позади изголовья кровати Пеллы. Ночь обе девушки провели на костюмированном балу, что давал богатый торговец Кальве Дирхам в своем роскошном особняке. Джоанна и жена регента проговорили аж до четырех часов утра. Все это время они издалека наблюдали за Сердиком, который наивно полагал, что если он надел на лицо маску в виде ракушки с раскрытыми створками, то его невозможно узнать. Естественно, что подле него находился и Сураклин, чья маска изображала оскالившийся желтыми зубами череп. Сураклин продолжал завоевывать доверие принца — подсказывал ему в игре, которая развернулась в игровой комнате. Игра эта чем-то напоминала рулетку. Сураклин шептал на ухо принцу, на какое именно деление ему нужно ставить. Конечно, волшебнику нетрудно предугадать результат, чем тот и пользовался — золотые монеты тысячами стекались к Сердику, и тот все с большим обожанием поглядывал на своего благодетеля.

Потом Сердику неизменно везло при игре в карты, кости, потом опять в рулетку. Глядя на колесо рулетки, Джоанна вдруг вспомнила о рулетке, которая была в доме Гэри и которая тоже развлекала его гостей. «Теперь мне понятна любовь Сердика к волшебникам!», — буркнула Джоанна. Тут же она подумала, что в запрещении заниматься магией в империи Феррит есть зерно истины.

Потом Джоанна и Пелла принялись обсуждать возможные планы спасения Антрига. Обсуждали долго. И тут поднялся этот страшный ветер — сильный, холодный, как где-нибудь на Северном Полюсе. Джоанна предложила было поехать в дом Магистра Магуса, но Пеллицида решительно отвергла это предложение — слуги, как известно, народ чрезмерно любопытный. Они не успеют поздороваться с Магусом, как об их визите к Магистру уже станет известно при дворе. И принцесса предложила Джоанне свое гостеприимство.

— Насчет Фароса можешь не беспокоиться, — говорила она Джоанне, когда карета катилась по булыжной мостовой ко дворцу, — он находится в своем старом дворце! Мне говорили, что он даже выделил там своему возлюбленному Леннарту постоянные комнаты там!

— Мне кажется, — хохотнула Джоанна, — что Фарос даже не знает точно, где находятся твои комнаты!

Пелла все еще была в маске, но можно было догадаться, какое выражение приняло в этот момент ее лицо.

— Возможно! — нашла в себе силы сказать она.

Джоанна поняла, что сказала лишнее, и покраснела. Хорошо еще, что в кабине экипажа было темно. Какой бы медовый месяц с регентом Пеллицида не испытала, Джоанна не сомневалась, что Фарос обладал всеми повадками Джека-Потрошителя. Неудивительно, что Сураклин сразу догадался о несчастье принцессы и выбрал именно такой путь, чтобы попытаться завоевать ее доверие. Когда они проезжали через парк, справа выступили темные очертания дворца регента. Кое-где в его окнах горели огни. Обе девушки равнодушно

посмотрели на дворец, но ни одна из них не вымолвила ни слова. Джоанна подумала, что регент, возможно, сидит сейчас в своем кабинете и читает умную книгу — типа сочинений маркиза де Сада. А может быть, он развлекается с кем-нибудь из своих друзей.

— Ах, если бы только все это действительно не имело ко мне никакого отношения! — нарушила тишину Пеллицида, — если бы я могла взять, и... Я не знаю... Просто закрыть глаза, а потом, проснувшись, узнать, что кто-то убил его... И я была бы избавлена от него, и на моей душе не лежал бы грех косвенного соучастия в его убийстве, — тут принцесса вздохнула и покачала головой. Белый парик с буклями тоже покачивался в такт движению кареты, — но вот дело в том, что мне известно, что он хороший правитель! Я видела, каким может быть хорошее правление — видела это дома. Вообще-то Сентервинг — страна не слишком большая, но дядя Тай старается, как может! Кстати, он всегда хорошо отзывался о правлении Фароса! Фарос, говорил он, отлично разбирается в торговле, в устройстве мануфактур, вообще знает массу такого, чем правители обычно не обременяют свои головы, больше полагаясь на умных советников. Может быть, поэтому он на мне и женился — ведь Сентервинг

— это сосредоточие крупных мануфактур и богатых банков. Но, выходит, быть хорошим управителем — это еще не означает быть при этом хорошим человеком!

— Я знаю это, — тихо сказала Джоанна, — вся загвоздка в том как раз и состоит, что он отменный администратор! Вот потому-то Сураклин и хочет избавиться от него, посадив на трон безвольного Сердика. Уж Сердик даст ему полную свободу рук в этой стране!

— Это звучит, может... немного напыщенно, — вздохнула Пелла, — но это только одна причина, по которой я хочу тебе помочь. Вообще-то очень модно говорить о добре и справедливости, но я всегда была воспитана в уважении к разумно применяемой власти и мудрому правлению. Так что для меня это многое значит, — девушка замолчала, поигрывая красивым веером. Ее короткие, совсем не женские пальцы вертели изделие из шелка и слоновой кости. Сейчас Пеллицида хотела смотреть на что угодно, но только не на Джоанну. Вдруг Джоанна увидела, что сейчас лицо принцессы вовсе не походит на лицо восемнадцатилетней девушки. Это было лицо умудренной годами женщины, скорее королевы. Но Пелла наконец заговорила опять, — так вот, ты говоришь, что периоды черной меланхолии и слабости вызываются этой машиной Сураклина... Один такой период произошел в тот момент, когда я неожиданно для себя самой отдалась ему... Честное слово, потом я была близка к самоубийству! Я ненавидела себя! Но не из-за чувства вины перед Фаросом, совсем нет! Просто в тот момент я поняла, что мое будущее, вероятнее всего, будет состоять в периодической смене любовников. И так пройдет вся моя жизнь... Все это такая грязь... Мне стало интересно, как много людей испытывали потом отвратительные чувства... Как много людей прошло сквозь это?

Когда Джоанна проснулась, принцессы в ее спальне не оказалось. Джоанна сунула руку в карман — заблаговременно взятые из дому электронные часы показывали одиннадцать утра. Она вышла в соседнюю комнату — Пеллициды не было и там. Зато на столе стоял покрытый белой холстиной сытный завтрак на подносе. Комната была небольшой. В углу жарко полыхал огонь в небольшом резном камине из розового мрамора. Под потолком на резной высоте висели разных же форм и габаритов клетки, в которых порхали и беззаботно щебетали птицы. На мягком голубом ковре спали две толстых псины — похожие чем-то на французских бульдогов. Джоанна, которая любила кошек, а к собакам относилась с прохладцей, подумала, что иногда регент бывает прав. Но это было еще не все — домашний зверинец Пеллы дополнялся пятиметровым удавом, который неподвижно лежал в наполненном сухим песком и опилками продолговатом стеклянном террариуме.

— Меланхолик спит почти всю зиму! — пояснила Пелла, показывая Джоанне змею. Она постучала легонько по стенке террариума, но удав даже не пошевелился. Пелла сказала, — вот надо мной все смеются здесь, но я выросла среди животных! Здесь с ними я не чувствую себя одинокой!

Ветер продолжал биться в стекла, но, судя по его реву, буря уже пошла на убыль.

Джоанна подошла к высокому стрельчатому окну и выглянула наружу. Да, подумала она, не слишком приглядная картина — деревья, с которых давно опала листва, мокрая земля и дорожки, разбухшие от влаги.

Джоанна поплотнее запахнула полы бархатного халата и зябко поежилась. Она прислушалась, как стучит дождь в стекла окон. Вдруг она подумала, что так оно и должно быть — что вмешательство волшебников в ход жизни рода человеческого должно сурово преследоваться. Возможно, даже смертью.

Вдруг одна из дверей отворилась. Девушка подняла глаза и увидела Пеллу. С ней была неразлучная Киша. Собачонка радостно вильнула хвостом и бросилась приветствовать Джоанну — она быстро привыкла к ней. Пелла, как райская птица, стояла в восхитительном наряде из зеленого и алого шелка, отделанном драгоценными камнями в тон. Лицо ее было печально и явно чем-то озабочено.

Тут Джоанна поняла, в чем дело — ведь поскольку Пелла была родом из страны, чье благополучие целиком и полностью зависело от торговли, ее очень беспокоила эта самая буря.

— Буря уничтожила торговый флот! — догадалась Джоанна, — да?

Пелла молча кивнула в ответ. Она была просто шокирована. Резко встряхнув головой, она точно проснулась.

— Все те корабли, которые прибыли, чтобы получить самые солидные барыши, снять с рынка пенки и сливки. И кто знает, сколько еще погибло между островами! — тут она бросила на спинку кресла накидку и широкополую шляпу с перчатками, словно гибель кораблей была не чьей-то еще, а ее личной трагедией. Она продолжала, — а ведь осень всегда считалась спокойным временем! Да, дожди, да, туманы, но такой бури — никогда! Ты бы видела порт — сплошная мешанина из поломанных мачт. Выловлено из воды сотни тел! Рассказывают, что Кальве Дирхам сегодня утром повесился, чтобы избежать преследования своих кредиторов!

Джоанна вспомнила того самого купца, утроившего по случаю открытия торгового сезона осенью костюмированный бал в своем доме — маленький юркий человечек, так и испускавший веселье. Он отпускал не всегда тактичные шутки, но внимательно следил, чтобы не один из его гостей не скучал. Тут девушку вновь захлестнула волна гнева — она вспомнила, как загадочно вчера улыбался губами бедного Гэри этот негодяй Сураклин.

— Послушай, — начала Джоанна, — а разбился ли хоть один корабль, в который вложил средства Сердик?

— Не знаю даже, — покачала головой принцесса, — там сплошная мешанина... тут она замолчала, поняв, к чему клонит Джоанна. И Пелла уставилась на пришелицу из другого мира с ужасом, — но этого не может быть!

— Отчего же нет, если логически подумать! — отозвалась девушка, вспомнив, как злорадно ухмылялся вчера череп-маска, в которой щеголял на балу Сураклин.

— Но как же, — шевелила побелевшими губами Пелла, — насколько мне известно, корабли Сердика находились далеко в ... Джоанна, почти все торговые суда разбиты в щепки! А сколько народу погибло!

— Значит, многие лишились и своих состояний? Да? — требовательно поинтересовалась Джоанна, — и теперь подумай, что может быть! Конечно, люди, которые лишились всего, станут косо посматривать на человека, который по странному стечению обстоятельств сумел сохранить свое имущество! Ты видишь, какое огромное состояние сумел Сердик сохранить этой ночью! Я готова спорить на что угодно, что ни один из кораблей, снаряженных на деньги Сердика, не пострадал и стоит в порту, словно никакой бури и в помине не было! Я сомневаюсь в том, что Сердик догадается, что все это Сураклин делает специально, чтобы поднять его авторитет. А Сураклин наверняка будет сыпать комплиментами о гениальности Сердика, которому наверняка нужно быть на троне и руководить всеми государственными делами! Старо, как мир. Уверена, что все именно так и есть! — тут Джоанна задумчиво посмотрела на бегавшую по комнате болонку и

продолжила, — я сначала и понять даже не могла, почему это Совет Кудесника запретил своим членам вмешиваться в дела рода человеческого под страхом смерти. Уже думаешь о пользе такого мудрого решения, когда видишь, как Сураклин советует Сердику в картах или заставляет своим энергетическим полем останавливать колесо рулетки с его шариком как раз напротив числа, на которое поставил наш простодушный принц! Есть люди, на которых были наложены приворотные заклятья... Ведь и с тобой, кстати, случилось нечто подобное... Хорошо еще, что теперь люди помнят битву на Стеллитовом поле, которая произошла пятьсот лет тому назад. Нельзя, чтобы нарушался нормальный ход жизни. Если каждый будет сразу и без затруднений получать все, что ему хочется, мир просто рухнет! Кстати, как ты думаешь, что еще я знаю?

Принцесса сверху вниз посмотрела на маленькую белокурую девушку, которая совсем распетушилась, высказывая одну за другой поразительные догадки.

— Они наверняка постараются каким-то образом возложить всю вину за случившееся все на того же Антрига, — наставительно сказала Джоанна.

— Регент не станет задавать мне лишних вопросов, если я скажу ему, что уезжаю в одну из его резиденций возле Кимила, — говорила принцесса, неприязненно поглядывая из окна дворца на простирившиеся за стеной парка жилые кварталы города, — тут все не слишком удачно шутят, называя мою Родину болотом. Но по крайней мере, там намного теплее! Если уж и нужна будет Фаросу отговорка, то я скажу ему, что хочу просто спрятаться от этого мерзкого холода, что тоже есть истина!

Принцессе невозможно было узнать — она оделась под кучера — в теплой войлочной шапке с меховой оторочкой и подбитую же мехом накидку. А когда Пеллицида уселась на козлы своего обычного с виду фаэтона, в ней и вовсе никак нельзя было заподозрить супругу фактического правителя империи. Кстати, эта мужская одежда очень шла Пелле, сочетаясь с ее квадратной челюстью и широкими губами. Джоанна уселась позади нее, закутанная в меховую накидку поверх тонкого платья, в котором она, кстати, щеголяла прошлой ночью на балу уже мертвого торговца. Обе девушки с явной радостью поглядывали на совершенно пустые улицы — в такую погоду обитатели и богатых, и бедных жилищ предпочитали сидеть возле огня и не показываться на улице. Даже собаки, и те куда-то подевались.

Джоанна только теперь заметила, какой ущерб нанес городу ураган. Повсюду валялись вырванные с корнями деревья, побитая, сорванная с крыш черепица, какие-то доски и камни. В бедных кварталах, наверное, царит еще больший хаос. Она вспомнила ветхие дома, словно поддерживавшие один другого. И еще было одно существенное различие: если в богатых кварталах наверняка убивались по разбитым кораблям, по уничтоженным товарам и деньгам, так опрометчиво вложенным в корабли (ну в самом деле, кто мог предвидеть такое бедствие!), то в бедных кварталах скорбели по другому поводу — ведь именно в них жили люди, чьи тела вытаскивали из холодной воды порта, из смеси обломков кораблей, клочков разорванных парусов и канатов. И не одна семья лишилась кормильца. Сколько родители не увидят своих сыновей, жены — мужей, сколько детей останутся сиротами. И сколько людей теперь уже не будут знать, что это такое — день без ощущения голода.

Джоанна резко дернула плечами, точно стараясь стряхнуть с себя невеселые думы. И, чтобы отвлечься, она спросила свою подругу по несчастью:

— Послушай, а ты не можешь сделать слепок с печати Фароса? — Пелла с готовностью кивнула. Несмотря на свою молодость, она быстро схватывала, что к чему.

— Вообще-то печать находится всегда под охраной, — сообщила принцесса, — и я не знаю, в каком точно месте. Но у меня есть два или три письма от него, и на них стоит отпечаток!

— Думаю, что Магистр Магус поможет нам разобраться с печатью! — сказала Джоанна и подумала, что он обязательно сделает это. Конечно же, поначалу он придет в ужас, как пришел в ужас вчера, когда Джоанна рассказала ему, что нашла в жене регента единомышленницу. Уж если они собирались спасти Антрига, то без подделки подписей и печатей тут не обойтись. А Магистр наверняка знает, как найти в городе Ангельской Руки специалистов, могущих за короткий срок за деньги сработать хоть какую печать.

А действовать нужно быстро, ведь теперь, когда горечь утраты легла на весь город, достаточно действий одного только хитрого манипулятора, который сможет направить накопившуюся в людях разрушительную энергию на кого угодно. И на кого, отлично известно.

Джоанна погладила лежавшую у нее за пазухой болонку. Принцесса же, как оказалось, была способна не только носить изысканные наряды и обвешиваться каскадами украшений. Она довольно ловко погоняла лошадей.

Джоанна не удержалась, и спросила, откуда у Пеллициды столь хорошие навыки обращения с лошадьми.

— А, — рассмеялась принцесса, — так это я всегда вертелась с конюхами! У нас был один умелец, который объезжал лошадей и учил их ходить под упряжью! Он меня всему этому и обучил. Разумеется, когда моя мама этого не видела. Честное слово, в конюшне я чувствую себя как дома. Я провозилась с лошадьми больше, чем разучивала разные танцы. В конюшне, по крайней мере, над тобой не смеются, если тебе вдруг случится нечаянно споткнуться. Знаешь, меня всегда как-то не слишком волновало, что я принцесса, хотя родители постоянно говорили мне, что нужно чувствовать ответственность!

Где-то в переулке какой-то визгливый голос вопил: "Да его судить нужно! Вздернуть на первом суку! Это все из-за него, это он накликал бурю!"

— Боже мой! — закусил губы Джоанна, понимая, кто имеется в виду. Девушки обменялись испуганными взглядами, и Пелла, взмахнув кнутом, погнала лошадей быстрее.

На площади, что носила название Губернаторской, что постоянно забывала Джоанна, собралась толпа человек в сорок. В основном тут был бедно одетый люд, вооружившийся чем попало — кто какими-то дубинками, кто хлебными ножами, кто топорами. Цепочка одетых в черную униформу гвардейцев выстроилась на пороге дома Магистра Магуса, сдерживая напор толпы.

— ... Все лето это продолжается! — надрывно кричал плюгавый мужичонка в одежде кучера, — сначала накликал на нас всех этих чудовищ. А потом поджег Сенной рынок! И урожай на полях сгубил весь на корню! А теперь вот... Да что же это делается такое!

Вдруг парадные двери растворились. Оттуда вышли четыре послушника и два одетых в серые рясы инквизитора. Они вели Магистра Магуса. Толпа разразилась бранью и проклятиями. Со всех сторон в сторону парадной двери полетели куски грязи и конского навоза. Магус не знал, куда деться от позора. Его руки были связаны за спиной. И тут Джоанне бросилась в глаза алая лента, которая обвивала окручивавший руки Магуса шнур — заклятье, которое предотвратило бы разрыв пут. Еще не осознавая, что делает, Джоанна приготовилась выскочить из повозки. Но сильная рука Пеллы остановила ее: «Все равно мы ничего не сможем поделать!»

Толпа продолжала бесноваться и напирать вперед. Гвардейцы и послушники из последних сил сдерживали ее напор. Двое инквизиторов остались возле своего пленника, держа в своих руках по концу стягивавшего его руки шнура. Будто бы этот робкий человек был способен подобно Брюсу Ли, как подумала горько Джоанна, ударами рук и ног повергнуть их на порог своего дома, а потом перепрыгнуть через толпу и скрыться в ближайшем переулке. Даже издали Джоанна видела, как бледно лицо предсказателя, на котором уже стали видны синяки.

— Нет, нельзя уходить отсюда! — сказала Джоанна Пелле, — в доме остались кое-какие мои вещи. Там лежит дискета, с помощью которой я могу обезвредить компьютер Сураклина!

Пелла тоже с ужасом взидала на беснующуюся чернь.

— Гвардейцам придется всю свою силу приложить, чтобы сдержать их!

— промолвила она, — впрочем, пока они там отвлечены друг другом, мы можем попытаться проникнуть в дом!

Джоанна содрогнулась: она просто представила себе, что будет, если инквизиторы схватят их. Тогда они наверняка попадут в руки Костолома — уж он-то свое дело знает! Но

она знала, что принцесса права.

— Можно попробовать, — сказала она, но не слишком уверенно.

Пелла поняла ее страх.

— Тогда я пойду, — сказала она, — а ты можешь придержать лошадей?

— и, видя беспокойство Джоанны, Пелла успокаивающе заметила, — да нечего волноваться! Даже если они и схватят меня, то не посмеют и пальцем тронуть! Ведь я — супруга наследника престола!

Джоанна вынуждена была согласиться с таким аргументом. Она описала принцессе, как выглядит ее знаменитый кошель и приняла из ее рук собачонку. Пеллицида легким движением спрыгнула с повозки и устремила к дому Магистра Магуса.

Возле парадного входа уже стояла черная карета с наглухо занавешенными окнами. Уж эту карету Джоанна помнила превосходно. В подобной карете везли ее саму после того, как инквизиторы схватили ее. Везли в крепость Святого Господина.

Тем временем гвардейцы, построившись клином и поместив внутрь его арестованного Магуса, начали прокладывать дорогу сквозь толпу. Разъяренные обыватели потрясали кулаками. Действительно, подумала девушка — нет ничего страшнее беснующейся толпы. Магус смотрел на собравшуюся публику глазами затравленного зайца. Вспомнив, что именно Магус помог Антригу выручить ее из цитадели Инквизиции, а в этот раз еще и приютил ее в своем доме, Джоанна почувствовала себя предательницей.

Вдруг неожиданно кто-то сказал на ухо Джоанне: «Не беспокойся, ты же понимаешь, что под охраной ребят Костолома ему будет куда безопаснее, чем дома!»

Испуганная, девушка посмотрела в сторону. Рядом с нею стоял... Керис!

— Что с ним будет? — тихо спросила она.

— С Магусом? — переспросил Керис, — если, конечно, Сердик замолвит за него словечко, то тогда его просто публично выпорют и отправят в изгнание, куда-нибудь в захолустье! но вот только есть одна сложность

— поговаривают, что Сердик нашел себе какого-то нового советчика и просто без ума от него!

Тем временем карета с Магусом начала отъезжать. Толпа зашевелилась: проклятия стали раздаваться еще громче, в экипаж полетели куски грязи и осколки кирпичей. Один кусок кирпича угодил случайно в коня, что был в упряжке, тянувшей карету Пеллы. Лошадь испуганно дернулась, но тут положение снова спасла быстрая реакция Кериса — парень мгновенно подхватил лошадь под уздцы и забормотал ей на ухо что-то успокаивающее. Тут появилась и сама Пелла, накидка ее оттопыривалась на животе — это она несла под одеждой принадлежности Джоанны. Увидев Кериса, принцесса в нерешительности остановилась.

— Все в порядке, — успокоила ее Джоанна, — по крайней мере, я уверена в этом! Но нам все равно нечего тут торчать!

В это время собравшаяся возле дома Магуса толпа стала постепенно рассеиваться, а возле парадного входа остались нести службу три гвардейца. Один из гвардейцев, видимо, старший, при этом опечатал закрытую дверь печатью красного воска.

— Ничего страшного, — сообщил и Керис. Но голос его звучал как-то взволнованно, что было на него не совсем похоже, — я только что случайно услышал разговор двух купцов. Они говорили, что в бухту вошли два корабля из флотилии Сердика — они совершенно не пострадали в пути! Говорят, что когда по морю гулял ветер, они укрылись у островов по чистой случайности!

— Бог мой! — проговорила Пелла. Она получила еще одно подтверждение, что готовится грандиозный по своему коварству замысел — страшный человек пытался захватить власть над этой страной, и делал это упорно, совершенно не разбираясь в средствах. Принцесса молча передала Джоанне ее кошелек, вскарабкалась на козлы кареты и привычным жестом ухватила за вожжи.

Керис, словно сговорившись с Пеллицидой, ловко вскочил на запятки кареты. Пелла дернула вожжи, и лошади не спеша порысали по мощеной камнем площади. Принцесса

сидела, как шоке. Впрочем, понять ее было можно — ведь Церковь постоянно твердила им, что никакого волшебства не бывает, потому что просто не может быть. Первое потрясение девушка испытала, когда злобный Сураклин наложил на нее заклятье и овладел ею. Теперь было второе потрясение — с этим ночным ураганом. Сколько их впереди будет еще?

Тем временем Джоанна посвящала Кериса в подробности, которых он еще не знал: «Сураклин как прилип к Сердику! Сначала он помогал ему в азартных играх, с его помощью Сердик обобрал там всех! Теперь Сердик по совету Сураклина наверняка примется разбрасывать эти деньги и за счет этого расширять круг своих знакомых! Я могу только предполагать, что теперь Сураклин хочет убить Фароса, потому что он стоит на его пути! Сураклин хочет властвовать над империей!»

— Это похоже на правду, — тихо сказал Керис, — но он тоже постарается перестраховаться. Говоришь, теперь он собирается стать одной из этих ваших машин? — в это время болонка осторожно обнюхивала Кериса, чтобы убедиться, что за человек прибил к ним. Керис небрежно погладил Кишу по голове, а затем выложил, — вот это я нашел в столе деда! — и он достал из кармана револьвер. Поначалу Джоанна подумала, что это тот же самый пистолет, что Керис отобрал у нее в тот памятный день. Но потом она поняла свое заблуждение — ее револьвер был 38-го калибра, а этот — 45-го. Джоанна поглядела в лицо послушника — оно было потухшим и ничего не выражающим.

Тут Джоанна вспомнила, как Керис убивался над бездыханным телом деда.

— Извини меня, Керис! — проговорила она и отвернулась.

Керис резко мотнул головой, но ничего не сказал. Все и так было ясно.

— А может, если бы ты показал пистолет вашему новому архимагу, то... — начала было Джоанна.

— Ничего хорошего из этого все равно не вышло бы! — решительно возразил послушник, — с одной стороны, я для них никто, это не мое дело — лезть туда, что не касается меня. Госпожа Розамунд слишком выразительно сказала мне, что это дело нужно закрыть и не ворошить. К тому же почти все Кудесники покинули Подворье. Уж они-то отлично знали, что такая буря была вызвана волшебством. Они даже попытались определить, откуда именно исходило это волшебство. Но буря была столь сильной, что у них ничего не вышло. Конечно, они знали, что их станут обвинять в этой буре и заодно во всех смертных грехах. Тем более, что после летних гонений тут вообще волшебников осталось не слишком много,

— Керис говорил глухим голосом, который от волнения даже подрагивал. Пелла несколько раз оборачивалась и внимательно смотрела на парня, но ничего при этом не сказала. Керис же продолжал, — почти всех послушников они тоже забрали с собой, но кое-кому, а я тоже был в их числе, приказали остаться и охранять имущество Совета от мародеров!

Установилась тишина, прерываемая только ритмичным стуком конских копыт. Джоанна понимала, что она задает не совсем тактичный вопрос, но удержаться она все равно не могла.

— И ты... ты останешься там? — в волнении поинтересовалась она.

Керис даже не посмотрел на нее.

— Джоанна, ты не поняла! — отозвался он.

Девушка в полоборота повернулась к нему, глядя в правильные черты лица парня.

— Все я понимаю, — тихо сказала она, — по крайней мере, большую часть! Я ведь сама оказалась замешанной во все события! После всего, что натворил Сураклин — и в твоём, и в моём мире — нельзя сидеть сложа руки. Может быть, не понимаю я только, как ты сможешь преодолеть противоречие — ведь тебя учили послушанию и умению не лезть не в свое дело. Но как ты можешь остаться в стороне, если знаешь, что произошло в действительности с твоим дедом. И при этом кудесники, которые должны командовать тобой и оставаться для тебя образцом кристальной честности, не хотят углубляться в правду? Но ты ведь понимаешь, что Сураклина нужно остановить любой ценой?

Стараясь держаться подальше от прибрежных бедняцких кварталов, Пеллицида направила конец влево. Они проезжали мимо громадного здания, увенчанного куполами в стиле неоклассицизма. Несомненно, это был банк. По ступенькам здания спускались и поднимались одетые в строгие темные наряды люди — наверняка, представители нарождающегося класса предпринимателей. Один из них, молодой человек, с озабоченным лицом сел в черную лакированную карету, и та быстро отъехала — видимо, молодой человек очень спешил. Когда черная карета поравнялась с ним, Джоанна увидела его лицо — бледное, с расширенными глазами, точно человек этот только что услышал смертный приговор себе.

— Не делай со мной этого, Джоанна! Не говори так! — раздался сзади отчаянный голос Кериса.

И тут Джоанна вспомнила, что точно такие же слова произносил Антриг, когда лежал связанным в комнате Гэри, ожидая прихода кудесников.

Джоанна даже не обернулась. Помолчав, она спросила:

— Но тогда для чего же ты кинулся разыскивать меня?

Керис вздохнул выразительно, точно не знал, что и сказать.

— Я хотел сказать тебе, что по нашему кварталу пронесся слух, будто Костолом, это самый главный инквизитор, выехал из города Ангельской Руки. А в это время буря прекратилась — словно как раз для того, чтобы облегчить ему путь! А Костолом направляется на юг, в Кимил! — сказал послушник.

— Ты злишься на Кериса? — спросила Пелла, разыскивая свечи в своих комнатах, — ведь тебе вроде бы нужно сердиться на него!

— Не совсем так! — сказала Джоанна, укладывая в аккуратные стопки разбросанные ночные рубашки, халаты и платья. Какой разор устроила тут Пеллицида, разыскивая потерянную перчатку! — я знаю, что он очень ревностно придерживается этой клятвы! Но ведет он себя иногда просто несносно! С этим уж ничего не поделаешь!

— Что поделаешь, к этому послушников приучают с младых ногтей! — покачала головой принцесса, — им вдавливают в головы, что для них нет иного закона, кроме как слова их наставника! Потому-то послушникам запрещено вступать в брак — чтобы в жизни у них была только одна цель

— служение своим господам, — тут принцесса задумчиво посмотрела на беззаботно резвящихся мопсов со знакомой уже болонкой и спросил, — а ты знаешь, что Совет Кудесников имеет даже право лишать послушников жизни за неисполнение приказов?

— Я слышала, что если послушник вдруг становится к службе непригоден... Может быть, калечится или мало ли что там еще... то он обязан совершить самоубийство, — отозвалась Джоанна, вспоминая помощника регента, Каннера, — но я что-то сомневаюсь, что страх перед наказанием привел Кериса сюда и заставил его остаться тут!

— Ты, пожалуй, права, — задумчиво сказала принцесса. Не найдя свечей, она принялась в полумраке помогать Джоанне укладывать в стоявший у стены большой сундук платки и юбки с кружевами, — а уж есть ли необходимость укладывать все это?

— Но ведь если ты станешь укладывать вещи, то придворные и слуги убедятся, что ты действительно собралась на юг, чтобы переменить климат, — возразила Джоанна. Сейчас она вдруг почувствовала особо острую симпатию к этой нескладной девушке — ведь она и сама не слишком много внимания придавала тряпкам. А окружающим, понятное дело, это не слишком нравится. Нет, без огня тут не обойтись никак. И Джоанна, сняв со спинки ближайшего стула висевший там кошелек, порылась и достала из его бездонной утробы записную книжку. Вырвав оттуда листок, девушка подала его принцессе. Пеллицида сразу вспомнила, что она собиралась зажечь свет. Свечи нашлись в инкрустированной перламутром коробке на каминной полке. Поставив свечи в подсвечник, Пелла зажгла в камине поданный ей кусок бумаги и поднесла его к свечам. Джоанна сказала, — все это имущество можно погрузить в багажную повозку, а мы поедем в твоём фэртоне, налегке!

— Надо бы еще взять рекомендательные письма, чтобы нам почаще меняли лошадей!

— Они тут! — хвастливо сказала Джоанна, хлопая по отдувшимся бокам кошелька. Так оно в действительности и было — девушка тоже весьма основательно подготовилась к поездке. Она запаслась и этими самыми «рекомендательными письмами» — отпечатанными типографским способом бумажками с требованием «от имени императора предоставить подателю сего свежую смену лошадей», и письмами Фароса к Пелле, на которых покачивались на витых шелковых шнурках восковые печати с оттисками имени Фароса. Эти печати Джоанна планировала привесить к текстам иного рода, чтобы с их помощью можно было проникнуть в Башню.

Тем временем Джоанна вообще вошла в раж: «Я думаю, что когда настанет время проходить в Башню к Антригу, то нам просто будет необходим послушник — так будет выглядеть более правдоподобно!»

— Но я и сама могу так одеться, что от послушника меня не отличишь! — возразила Пелла, — к тому же я обучена кое-каким их премудростям! Конечно, всеми секретами э-э-э... фехтовании... я не владею, но кое-чем могу похвастаться! К тому же у меня есть униформа послушников и меч! А для тебя запросто можно подобрать облачение гонца!

— А что, девушек тут назначают гонцами?

— Ну конечно! — удивилась Пелла, — женщина что, говорить не умеет? Или у нее память хуже, чем у мужчины? — тут Пелла зажгла свечи еще в нескольких подсвечниках, а потом сказала, — я даже могу раздобыть официальную бумагу, и этим же стилем мы станем руководствоваться в составлении пропуска в Башню! Но вот с подписью Фароса все обстоит намного сложнее! Как ее подделаешь? Лично я никогда не отличалась умением красиво писать пером, что там уж говорить о подделке чужого почерка! И к тому же Фарос левша!

— Ну, это я могу взять на себя! — великодушно сказала Джоанна, — моя мама тоже левша, но мне удавалось подделывать ее подпись. Знаешь, я чувствую к Керису какую-то жалость.

— Жалость — удивилась Пелла.

— У него вообще ситуация — хуже некуда! — торопливо заговорила Джоанна. Где-то во дворце послышались резкие голоса и затопали ноги. Пелла подскочила. «Что это такое?» — со страхом спросила она.

— Да нет, ничего, — отозвалась Джоанна, снова заливаясь краской смущения, — просто... просто если моя мама куда-то уезжала, что вообще случалось не слишком часто, то отец мой всегда приходил к ней в комнату и так торжественно говорил ей «до свидания». Конечно, этого от Фароса ожидать не приходится, но все же... — тут Джоанна замолчала, почувствовав, что аналогии тут не слишком уместны.

Ведь ее родители, как ни крути, любили друг друга, а здесь...

Только бы Фарос ничего не пронюхал, подумала Джоанна с испугом. Ведь достаточно только какого-нибудь незначительного шепотка, только сплетни о том, что принцесса обзавелась новой подругой. И тогда, конечно же, регент сразу опознает ее. И тогда просто страшно будет представить себе все возможные последствия. Вряд ли принц остался к ней благосклонным после всего, что случилось с Антригом.

Поэтому промедление смерти подобно.

Когда Пеллицида возвратилась в северное крыло дворца, то она сразу же распорядилась запрячь ее в фэтон свежих лошадей — но сделать это побыстрее, чтобы опередить инквизиторов. Но потом Джоанна отговорила ее от непродуманной спешки. Решено было подождать до утра, поскольку ночной отъезд больше мог походить на бегство. И, конечно же, нужно было обставить все куда более естественно — послать вперед гонцов, чтобы те передали распоряжение принцессы о подготовке к ее приезду Ларкмора — небольшого поместья, принадлежавшего регенту. Кроме того, нужно было позаботиться о внешнем оформлении отъезда — взять с собой слуг, если понадобится, больше нарядов и всевозможных припасов. Так, чтобы ни у кого и тени подозрения не могло возникнуть.

Видя, как догорает день, Джоанна почувствовала себя нервно. А времени меж тем было только половина четвертого. Девушкам было даже страшно думать, что они

принуждены будут сидеть здесь еще по меньшей мере пятнадцать часов, чтобы все прошло гладко. Джоанна могла только предполагать, чем занимался в это время Сураклин — находился ли он в обществе Сердика в его резиденции или же следит за Пеллой, почувствовав, что девушка так до конца ему и не покорилась. Покуда принцесса, не в силах сдержат волнения, ходила по бесчисленным помещениям дворца, Джоанна упаковывала вещи Пеллы. Сейчас пришельцу из другого мира раздражали две вещи: первое — что темнота продолжает сгущаться, второе — что золоченые стрелки замысловатых часов, изображающих нимф и фавнов, движутся чересчур медленно. А может, часы эти вовсе неисправны? Несомненно, главный инквизитор Костолом во весь опор мчится на юг, в Кимил, имея при себе необходимую бумагу — разрешение на казнь Антрига, что должно поставить точку в этом долгом деле. Тем более, что Совет Кудесников был уже просто не в состоянии помешать этому. А они с Пеллицидой должны сидеть в этих громадных комнатах, битком набитых дорогостоящим барахлом, и ждать, покуда перестанут волноваться те, кого нужно больше всего опасаться.

Что делать, сказала Джоанна себе несколько раз, спеша можно только все напортить. Тем более, что изнывающие от скучной дворцовой жизни многочисленные слуги только и ждут момента, чтобы приняться за обсуждение загадочного поведения принцессы — дай им только повод. Не зная, чем занять себя в эту томительную ночь, девушка вернулась к своему кошельку и в рассеянности принялась перебирать его содержимое.

Только утром, когда еще даже не рассвело, где-то часов около семи, громадная повозка принцессы наконец застучала по булыжным мостовым спящего города. Кстати, всю эту ночь Пеллициды тряслась, всякий раз ожидая прихода Фароса, который хотя бы из вежливости мог осведомиться о причине отъезда своей молодой жены. Ничего не было удивительного в том, что принц так и не появился. Впрочем, этого можно было ожидать, но Джоанна заметила, что даже это расстроило Пеллу. Ей стало жаль эту рослую девушку, которой уже пришлось столько вынести. Сама она всю эту ночь боялась, что Сураклин решит, что настала пора повторить атаку и придет к Пелле, чтобы покорить ее окончательно. И тогда все точно пропало.

С реки поднимался густой пар, плотный, точно жидкость. Ничего видно не было, приходилось только полагаться на слух. Но до ушей тоже не слишком много долетало — только стук конских копыт о брусчатку мостовой. В экипаже было невыносимо холодно, несмотря на положенные девушкам в ноги завернутые в меха горячие кирпичи. Джоанне страстно захотелось, чтобы выдыхаемый ею пар не улетучивался бесследно, а оставался возле нее и согревал их. Тут Джоанна снова подумала об отсутствии в эпоху средневековья достаточного комфорта — фаэтон то и дело подпрыгивал на ухабах из-за отсутствия подходящих рессор. И это называется карета жены наследника престола! Впрочем, это было все же лучше, чем ездить на крестьянских телегах, на которые положить солому, и то чересчур рачительные хозяева считают ненужным излишеством. В это время Джоанна старалась не думать об Антриге, но мысли об этом человеке лезли ей в голову как бы сами собой. А что, если она не сможет спасти Виндроуза? Или, что еще более вероятно, они с Пеллой проникнут в Башню, но уже и снятие ошейника не поможет этому человеку

— ведь Магистр Магус сказал, что Антриг, скорее всего, уже успел тронуться умом. Проклятье, выругалась про себя Джоанна, стараясь выбросить из головы и самого Магуса.

Но мысли все равно настойчиво сочились ей в голову. Он, должно быть, сидит сейчас в крепости Святого Господина. Возможно, в одной из тех камер, стены которой несут в себе заклятья против магии. Сама Джоанна тоже сидела, помнится, в подобной келье — вместе с той полубезумной старухой, что называла себя Правдивой Минхирдин. Это он, Магус, помог тогда Антригу выручить Джоанну...

Почувствовав нечто вроде головной боли, Джоанна откинулась на обшитый мрамором подголовник сиденья и закрыла глаза. Нет, сколько она ни старалась перестать думать обо всем происшедшем за последнюю неделю, ничего не получалось. Сама она тоже по чистой случайности провела эту ночь во дворце регента, где ее никто не додумался бы искать. Если

бы она вернулась в дом Магуса, то наверняка отправилась бы с ним вместе. Она все равно не смогла бы ничем помочь Магусу. Конечно, Магус был арестован не по ее вине. Но Джоанна все равно чувствовала себя виноватой.

Вдруг карета перестала подпрыгивать на ухабах и остановилась. Джоанна моментально открыла глаза. Тотчас же девушка почувствовала, как Пелла сильно сжала ее руку. Посмотрев на нее, она заметила, что принцесса неотрывно смотрит в окно.

Джоанна тоже выглянула в окно. Впереди, на дороге, стояла темная фигура человека с поднятой вверх рукой. Что-то было знакомое в этом силуэте... Лампы, прикрепленные к обоим бокам экипажа, освещали белокурые волосы этого человека...

Наконец Пелла, выйдя из оцепенения, рывком распахнула дверцу. Скрипя кожей ремня для ношения оружия, в карету влез Керис и принялся устраиваться напротив девушек, на диванчике для слуг. Он даже не посмотрел на них, не сказал ни слова. Тут кучер с гиканьем взмахнул кнутом, и карета снова понеслась навстречу неизвестности...

Глава 6

Керис вспомнил, как он вместе с архимагом Солтерисом прошел путь из Кимила до города Ангельской Руки за неделю. Тогда у них была одна цель — раскрыть убийство Тирле. Вроде бы все было ясно — убийство это было каким-то образом связано с Антригом Виндроузом. Самому Керису приходилось часто путешествовать из одного города в другой, но вместе с дедом он прошел этот путь впервые.

Тогда путешествие можно было бы назвать даже приятным — свежий воздух, теплые ночи, роса на траве... И все было так неспешно. А сейчас лошади неслись как угорелые. Да и погоду никак нельзя было назвать хорошей — стоило высунуть руку в окно, как встречный ветер просто обжигал кожу. Джоанна и Пеллицида были с ног до головы закутаны в меха и войлок, но все равно тряслись от холода. Впрочем, Керис, как тренированный послушник, не должен был ощущать холода.

Керис оставался один на один со своими переживаниями. Он совсем не разговаривал со спутницами. Впрочем, они его не тревожили — каждый думал свою невеселую думу. Только когда кучер остановил карету и принялся проверять, не соскочили ли с копыт коней подковы, Керис выпрыгнул наружу, чтобы придержать коней.

Только уже ночью, после непрерывной скачки, когда они остановились в маленькой захудалой гостинице «Под золотой уткой», где сняли весь второй этаж, и где Джоанна собрала на один стол все имевшиеся в их распоряжении лампы и принялась практиковаться в подделке подписи регента, Керис спросил:

— Ты думаешь, что это поможет нам?

Конечно, жизнь послушника приучила Кериса относиться ко всему крайне настороженно. Но Джоанна и сама была, что называется, на взводе

— Керис увидел в ее глазах искорку гнева, как в тот раз, когда он отказался ей помочь, ссылаясь на обет верности Совету Кудесников.

— Слушай, — прошипела девушка, — если у тебя есть более подходящий план, как можно вытащить Антрига из Башни, то может быть, ты поделишься им с нами?

Негнушимися от холода пальцами Джоанна выводила замысловатые завитушки принца — несмотря на полыхавший в углу очаг, в комнате было довольно холодно. Но пока что ничего из этого не получалось.

Естественно, подумала Джоанна, упорно продолжая копировать завитушки, что Керис не знает, что делать.

— Но ты не видела Антрига, — наконец тихо сказал Керис, — а я его видел!

— Это все из-за проклятой печати...

— Ерунда! Конечно, может, печать и повлияла на его сумасшествие, но это не значит, что если мы снимем с него ошейник, то к нему вернется вся его хитрость! Я сомневаюсь, что он придет в себя, во всяком случае, быстро! К тому же его состояние все ухудшается!

— И кто виноват в этом? — холодно бросила Джоанна.

— Ну, ты тоже помогла засунуть его туда!

Джоанна непроизвольно дернулась всем телом. Лицо девушки стало мертвенно-бледным. Помолчав, она отчеканила:

— Я знаю, что это я помогла посадить его в Башню! Никому, не только мне, не удастся изменить то, что уже произошло. Я не знаю, что нужно для него сделать, пока не увижу его. Но для этого сначала нужно проникнуть в Башню...

— Но ты что же, думаешь, что они возьмут, да и снимут еще одну такую же печать, что висит на двери? Чтобы я мог пройти туда с вами? Или ты думаешь, что часовые не поинтересуются, отчего это вдруг вас сопровождает послушник Кудесников, а не императорский паж, как положено?

Джоанна ничего не ответила, но глаза ее еще сильнее загорелись гневом, а руки даже затряслись. Но девушка сумела проконтролировать себя и не дать волю своим эмоциям.

— Но тогда скажи, — нарушила неловкую тишину Джоанна, — если ты уверен, что все наши попытки заранее обречены на провал, то для чего ты вообще к нам пришел?

— Потому, что когда вы попытаетесь вывести Антрига из Башни, — твердо сказала Керис, — Сураклин наверняка все уже будет знать об этом! И он придет... — от избытка чувств внук архимага даже вскочил со стула, — и тогда я просто убью его за все, что он сделал со мной!

— А почему ты так уверен, что тебе это удастся? — тихо спросила Джоанна.

Керису явно не нравился недоброжелательный блеск в глазах девушки, но он сделал вид, что не замечает его. И Керис, как ни в чем не бывало, ответил:

— Если даже у меня ничего не получится, то по крайней мере я смогу умереть, как и подобает настоящему послушнику!

Джоанна осеклась на полуслове. От удивления у нее даже челюсть отвисла, но она ничего не сказала на это. Постояв еще с минуту, Керис вдруг резко повернулся и вышел из комнаты. Джоанна смотрела ему безмолвно вслед.

Тут она поняла, почему Керис сказал это — возможно, он решил, что Джоанна подумала, будто он отступил от клятвы верности Совету Кудесников. И решил продемонстрировать ей свою последовательность. Керис ушел в конюшню. Сидя там на сваленном в углу сене, прислушиваясь к похрапыванию лошадей и вою ветра снаружи, он внезапно ощутил накопившуюся злобу на эту ершистую девушку из другого мира, которая вообще позволяет себе говорить слишком много. Но злости в нем накопилось много — теперь он злился и на обведшего его вокруг пальца Сураклина, на трусливых Кудесников, Которые удрали из города, как только почувствовали запах жареного, на эту нескладную принцессу, которая телосложением ничем не отличалась от обычного послушника. Злился он и на хозяина гостиницы, который содрал с них непомерную плату, но при этом явно экономил на топливе, словно задумал заморозить своих постояльцев. Конечно, настоящему послушнику не пристало показывать свои чувства, особенно на людях, но сейчас Керис явно не выдерживал — исподволь накопившаяся в нем энергия только теперь стала выходить наружу.

Только бы до Кимила продержаться, не сорваться на чем-нибудь, лихорадочно думал парень, вдыхая запах добросовестно просушенного летом сена.

— Керис?

Посторонний голос вывел его из оцепенения. Сколько времени он просидел здесь? Постепенно смолкли доносившиеся с нижнего этажа гостиницы выкрики и пьяный смех. Вдруг порыв ветра распахнул входную дверь, и ветер снаружи стал хлестать снегом. Было темно, но Керис, как и всякий волшебник, мог видеть в темноте. И он заметил, как девушка, стоя посреди конюшни, настороженно оглядывается по сторонам, ища его. Инстинктивно Керис отодвинулся дальше, в еще более густую темноту.

— Я тут! — наконец подал голос послушник, и девушка резко повернулась на голос. Он услышал, как под ее ногами зашуршала солома. Затем послышалось что-то вроде шлепка.

Керис сообразил, что она опустила на пол эту странную кудрявую собачонку. Он слишком мало знал об этой девушке. Единственное, в чем Керис сумел лично убедиться за время путешествия — что она великолепно умеет управлять лошадьми. Кажется, именно она была женой регента. Впрочем, Пелла совершенно не обладала величием, необходимой первой даме империи.

— Неужели ты думаешь, что Антриг и вправду не сможет нам помочь? — девушка сняла с плеч запорошенную снегом накидку и опустилась на сено рядом с ним. Рядом раздалось шуршание — вездесущая Киша была тут как тут.

Криво улыбнувшись в темноте, Керис сграбастал крохотное тельце животного обеими руками.

— Знаешь, — отозвался он, — с чем мне было труднее всего расставаться, когда я уходил в школу послушников? Это была моя собака! Ее звали Ратбан. — Керис умолчал, что потом, уже обучаясь в школе, он плакал по ночам, когда узнал, что его собака умерла. Конечно же, он не заплакал тогда. Ведь тогда уже Керису было шестнадцать лет, и кодекс чести послушника порицал даже оплакивание умерших родителей, что уж там говорить об одноглазой собаке.

— Я не знаю, — нарушил тишину Керис, — вообще-то Джоанна не послушница, не говоря уже о том, что она не волшебница! Она не понимает... — тут Керис сам содрогнулся, представив себе контуры печати Бога Мертвых. Послушник вспомнил, с какой ненавистью он помогал держать Антрига, когда кузнец заклепывал на его шею тот самый ошейник с печатью. Теперь одно воспоминание об этом вызывало тошноту, — сила, заключенная в печати, равна силе того волшебника, которого она должна удерживать! Печать сломила Антрига! Он не мог избежать той участи, которая в этом случае ожидает всех, надевших ошейник!

— Значит, ты думаешь, что все это безнадежно? — глухо спросила девушка.

— А ты думаешь иначе? — отозвался он.

Принцесса ничего не ответила, она многозначительно промолчала, словно давая понять, что знает о том, что Керис говорит не все. Тем временем ветер принялся завывать еще яростнее, и лошади принялись испуганно топтаться в стойлах. В воздухе пахло лошадьми и, как уловил Керис, слегка чувствовался аромат волос принцессы. Керис чувствовал, что ему просто необходимо лечь и заснуть, поскольку с наступлением рассвета им снова предстоит неблизкий путь. Но он понимал, что все равно не заснет сейчас — странным образом, тело его не чувствовало усталости и напряжения — обычно так бывает перед кулачной схваткой, когда участники состязаний выпивают эзм, напиток из сока диких ягод, чтобы подбодрить и вселить в себя уверенность.

— Пелла, — сказал послушник, — мне нужно одно-единственное! Я просто обязан убить Сураклина! Я... — тут злость перехватила дыхание парня. Злость накопилась в нем с того момента, как он обнаружил в ящике дедова стола пригоршню зловеще заостренных патронов к чужеземному пистолету. Наконец Керис выдавил, — я ведь любил деда! Вообще-то любовь — это негодное для послушника дело, я скажу тебе честно. Но я все равно больше всего на свете любил его! Даже сильнее, чем родителей, хотя они старались воспитывать меня, как могли и я не могу сказать о них ни единого дурного слова! Но они были простыми крестьянами, а дед... — тут Керис замолчал, не в силах больше бороться с внезапным приливом эмоций.

Пеллицида ничего не сказала, и потому Керис, собравшись с силами, продолжал:

— Я и послушником-то стал только из-за привязанности к нему! А он знал это, он был единственным человеком на свете, кому я сказал об этом! А когда в его тело вселился Сураклин, то и он тоже узнал это. И Сураклин стал бессовестно врать мне, вертеть и помыкать мной, как хотел! Он убил его, как разбойник на большой дороге убивает путника, чтобы завладеть его имуществом. Я был как бы частью этого самого имущества!

Керис снова замолчал, вглядываясь в темноту и рассеянно поглаживая болонку по шелковистой шерстке. Вдруг парень подумал, что его жизнь очень напоминает одну когда-то

услышанную им историю в которой гулящая женщина почти каждый день ходила в спальню соседа, подделывая свой голос под голос его жены. Так продолжалось довольно долго, но потом обман все-таки раскрылся.

— Теперь дороги назад у меня не остается! — горько сказал Керис, — к тому же я переступил клятвы, которые дал! Теперь мне нужно единственное — его жизнь!

В путь они тронулись даже до наступления рассвета. Копыта коней с хрустом взломали подмерзшую корку песка на дороге. Джоанна, усевшись в углу кареты, спала — она заслужила этот отдых. Ведь почти всю ночь, не смыкая глаз, она училась подделывать подпись регента. Мало того, что тут была масса очень характерных завитушек, так и алфавит был незнакомым. Да и к писанию гусиными перьями человек из технологического века тоже не слишком приучен. К тому же ее совершенно доконали переживания — Джоанна то и дело начинала думать, отправились ли в дорогу инквизиторы, и если отправились, то где они находятся сейчас — сзади них или спереди, возле Кимила. Как только на пути попадалось очередное здание имперской почты, Джоанна выбегала и справлялась о проезжавших за последние сутки каретах. Новости каждый раз были одни и те же — из них ничего нельзя было узнать. Станционные смотрители осторожничали, поскольку сама жизнь говорила им твердо: благоразумная недоверчивость — мать безопасности. Наконец в одном месте Джоанна услышала ужасную новость — Костолом был впереди них, он ехал по этой же самой дороге, причем делал в пути только самые короткие остановки.

— Послушай, а может, нам стоит попробовать догнать его, если мы будем ехать и по ночам? — обеспокоенно спросила как-то Джоанна Кериса, когда тот помогал ей выйти из кареты, — или хотя бы не каждую ночь, но через одну, поскольку мне же нужно сработать эти самые рекомендательные письма!

Наконец и Пелла, и Джоанна перестали заниматься подделкой почерка Фароса. Причем Джоанна сумела сделать в этом отношении довольно значительный прогресс. Пелла же, не приученная к письму, показала плачевные результаты. И это несмотря на то, что она все-таки знала местную грамоту. Потом последовали попытки снять одну из трех имевшихся в их распоряжении печатей и подвесить их к нужному листу бумаги. Но тут путешественники потерпели фиаско: то ли печать была хлипкая, то ли обращались они с этим кусочком воска не слишком тактично, но печать раскололась пополам. Прямо сущее мучение!

Все это время Джоанна, опасаясь всяких непредсказуемых случайностей, носила свой кошелек везде. Происшествие в доме Магистра Магуса, когда ридикюль остался там и его пришлось добывать с риском для жизни, научило Джоанну осторожности. Ведь в кошельке находилось сокровище, кое полагалось беречь, как зеницу ока — та самая дискета, что должна была уничтожить все плоды усилий Сураклина. Впрочем, Керис довольно скептически отнесся к этой затее Джоанны, когда она поведала ему о своих планах. Относительно Сураклина у него был более простой план, но, как ему казалось, гораздо более надежный.

Кстати говоря, разговаривая с Джоанной, Керис вдруг неожиданно поймал себя на мысли, что от его ночной хандры и злости на весь свет не осталось и следа. Словно бы присутствие в конюшне Пеллы, хотя она и не сказала слишком много, помогло выпустить Керису пар его ярости. Услышав предложение Джоанны о езде и ночью, Пелла с сомнением посмотрела на подругу.

— Боюсь, что это вряд ли возможно. Такая темнота, словно глаз выколи. Ничего не видно. Так далеко не уедешь.

— Если нам дадут очень выносливых лошадей, — возразил Керис, — то я могу править хоть всю ночь. Мои глаза запросто видят в темноте. Конечно, не столь остро, как глаза настоящих волшебников, но я все равно не чувствую себя ночью слепым котенком. Я смогу править конями,

— тут, поглядев на удивленное лицо Джоанны, внук архимага поспешно добавил: — Конечно же, я не уверен, что это принесет нам какую-то пользу, но мне будет просто приятно убедиться, что Антриг окажется и в самом деле не таким уж плохим парнем.

Керису вдруг показалось, что слова его звучат несколько грубо. Он даже обрадовался, когда заметил, что Джоанна не уделила им никакого внимания.

Впрочем, Керис еще не спросил, что они в случае удачи станут делать с сумасшедшим Виндроузом. Керис и Пеллицида периодически сменяли друг друга на сиденье кучера. Джоанна была избавлена от этой участи управлять лошадьми, она так и не научилась, это оказалось для нее куда более трудным делом, чем управлять автомобилем. Керис, бросая украдкой взгляды на Джоанну, видел ее хмурое лицо. По-видимому, она понимала, что впереди у них еще целая куча неразрешенных проблем. Если Антриг действительно безнадежно сошел с ума, то им ни в коем случае нельзя связать себе руки столь нежеланной обузой, тем более, что Сураклин наверняка уже что-то заподозрил. Впрочем, Керис знал, что Джоанна не только разбирается в этих загадочных машинах под названием компьютеры, но и достаточно умна. Любовь к Антригу не лишила ее чувства меры. Во всяком случае, подумал послушник, пока что Джоанна не совершила ни единого непростительного промаха.

В любом случае, будет немного более милосердным просто застрелить волшебника, переставшего быть самим собой. По крайней мере, это намного более лучшая участь, чем оставить его на растерзание Костолому и его приспешникам. На этот счет Керис был уверен на сто процентов.

В ту самую ночь Керис не выдержал и решил прикорнуть часа на три-четыре. Это было в очередной гостинице. Джоанна Пелла занялись уже ставшим привычным им делом — они называли его «чистописанием». Чистописание обе девушки перемежали с попытками осторожно удалить восковую печать регента с бумаги. Затем, как обычно, около полуночи они опять тронулись в путь. Ветер дул прямо в лицо. Причем именно в этот раз он был прямо ледяным, казалось, что кожа на лице немеет и сохнет. За пользование лошадьми в столь неурочное время Пелле пришлось выложить двойную цену. В конце концов выяснилось, что теперь они отстают от Костолома часов на семь-восемь пути. Вскоре долины закончились, и показались бесконечные холмы Сикерста, покрытые порывевшей травой, облепленной заледевшим снегом.

— Он все еще впереди, — нервничала Пелла, выходя из конюшни на очередной почтовой станции. В Сикерсте постоянные дворы отличались от тех, что были в долинах, тут они стояли как бы особняком, вне населенных пунктов. Можно было сказать, что вся жизнь таких гостиниц целиком и полностью зависела от интенсивности движения по имперским дорогам. Впрочем, в Сикерсте деревень было вообще немного. Оно и понятно, на холмистой местности невозможно вырастить приличный урожай.

Кстати, эта была та самая гостиница, в которой тогда Керис и Джоанна в сопровождении Антрига впервые столкнулись с регентом. Тогда они бежали по окружающим холмам, заставив погоню думать, что они движутся по дороге. Керис тоже тревожно оглядывался по сторонам, у парня явно не сложились хорошие воспоминания об этом месте.

— Послушайте, если мы будем скакать всю ночь, то к утру мы его догоним, — заметила Джоанна. Впрочем, голос ее звучал довольно измученно. В отличие от Кериса, ей так и не пришлось спать ночью, не было у нее и присущего Пелле умения спать в карете при такой бешеной тряске.

— А как насчет этих бумаг, по которым нас должны пропустить в башню? — поинтересовался Керис. — Вы подготовили их?

— Мне кажется, — отозвалась Джоанна, — что если к утру мы его все-таки не догоним, то тогда он доберется до Башни раньше нас. Тогда никакие бумаги уже точно не будут нужны. Впрочем, то что мы сделали, может и пройти.

Тем временем Пелла вскочила на запятки кареты, несмотря на откровенно осуждающий взгляд Кериса. Крестьянский парень не мог даже представить себе нечто подобное — первая дама Империи, дочь короля и жена наследника престола — и вдруг на таком зазорном месте. Но делать было нечего, Керис молча запряг свежих лошадей и они тронулись в путь.

День был невероятно хмурым, казалось, что свинцовое небо можно даже достать руками. Налетавшие временами порывы ветра осыпали путешественников и лошадей хлопьями снега, который потом леденел на ветру. Не слишком помогал и кожаный верх кареты — кожа давно еще намокла, а за время стоянок в гостиницах она не успевала даже просохнуть. Керис и Пелла стали очень часто сменять друг друга на вожжах, поскольку в таких условиях ехать было совсем невозможно. Бездонный ридикюль Джоанны содержал столько сокровищ, что никто не мог себе даже представить. Но кое-что хранилось и в ее карманах. К примеру, из внутреннего кармана своей куртки она извлекла бутылку сливового бренди. Сейчас этот напиток был весьма кстати. Можно было хоть немного разогреть застывшую кровь.

— Я не ручаюсь за себя, — усмехнулась Пелла. — Стоит мне принять стаканчик майского винца, и я уже начинаю раскисать. Иногда и пою.

Керис вдруг подумал, что он совсем не прочь услышать пение принцессы. У нее был довольно сильный голос, даже несколько мужественный, но грубым назвать его было все равно никак нельзя. Правда, справедливости ради нужно было сказать, что голос — это было единственное, что осталось привлекательным сейчас в девушке. Дело в том, что она, как и сам Керис, была вся заляпана грязью и ошметками снега, вся эта масса затвердела на холоде. А лицо было измученным, под глазами обозначились темные круги.

— А мне никак нельзя позволять себе расслабляться, — поддакнул принцессе Керис. — К тому же по небу можно определить, что к вечеру погода станет еще хуже.

Вдруг Керис пустил коней шагом, словно ощутив бесполезность их погони. Джоанна с ужасом поняла в чем дело.

— Ты уже почувствовал это? — спросила она.

Керис утвердительно кивнул. Но вдруг он точно преобразился.

— Все равно это никак нас не остановит, — сказал послушник. — Мы все равно будем двигаться вперед.

Керис решительным жестом схватился за кнут. Джоанна, высунувшись из окна, схватила его за руку.

— Нет! — воскликнула она. — Мне кажется, что он сейчас попробовал запустить свою программу. Это только проба, не больше. Он делает это только один раз в неделю. Обычно в выходной, когда не нужно идти на работу. Ничего страшного, больше пяти часов это не продлится.

— А если это все-таки не пробы? — упорствовал Керис, — что тогда будет?

— Нужно превозмочь все это, — подала голос Пелла. — Погода и так все ухудшается. Мы можем сбиться с пути, особенно, если будет буря.

— Мы не собьемся с пути, покуда лошадьми правлю я, — разозлился Керис.

— И все-таки нам лучше попробовать добраться до ближайшего постоянного двора и переждать это, — осторожно заметила Джоанна. — Мы не можем позволить себе так рисковать из-за нескольких лишних минут.

И действительно, странное состояние бессилия, когда даже лошади могли идти только шагом, длилось чуть больше четырех часов. В это время путники сидели в большом зале одного из постоянных дворов, поскольку заведение это было настолько захудалым, что не могло предложить постояльцам даже комнат. Ночь казалась невероятно длинной, ощущение было такое, что она никогда не кончится. Пеллицида, держа на руках съезжившуюся болонку, нервно меряла шагами комнату. Керис молча сидел в резном кресле, Джоанна задумчиво смотрела в окно. Кериса до сих пор не оставляла его всеобъемлющая подозрительность, но теперь ему стало жаль и принцессу, и ее собачонку — они успели хлебнуть изрядно лиха. Встав с кресла, Керис протянул руки, чтобы положить их на плечи девушки, но тут его словно подбросило: такого настоящему послушнику делать ни в коем случае не полагается. Но самому Керису было приятно сознавать, что он не один, что его объединяют с девушкой общие интересы.

Наконец период мрачной меланхолии прошел, все сразу почувствовали прилив свежих

сил. Пелла собралась на улицу, она хотела отдать распоряжение хозяину поскорее заложить лошадей. И тут... В зал постоянного двора вошел Костолом, главный инквизитор Империи...

Керис услышал его голос, когда тот еще раздавался снаружи и поначалу просто не узнал его. В комнате кроме них больше никого не было, если не считать двоих-троих постояльцев. Керис разговаривал со своими спутниками возле большой раскаленной плиты. Путешественники обсуждали одно и то же — как им поскорее обогнать Костолома и освободить Антрига раньше, чем инквизитор до него доберется. Подсознание Кериса сразу уловило голоса людей и конское ржание на улице, но он как-то не придавал этому значения. И вдруг голос, тонкий и холодный, проговорил озабоченно:

— Таролус, именно ты всегда был в ответе за такие дела. Такая небрежность дает мне повод усомниться в твоей профессиональной порядочности...

Сердце Кериса упало.

— Но мой господин, я же все рассказал, как было... я и понятия не имею, отчего это все произошло.

— Ничего не произошло, не надо говорить так. Но я зато могу сказать тебе, что каждый лишний день, что Антриг живет на этом свете, увеличивает его шансы на спасение.

Джоанна резко вскинула голову, глаза ее были полны тревоги. Она сделала было произвольное движение к двери, но Керис вовремя ее удержал, понимая, что сейчас лучше не привлекать к себе внимания. Как можно более непринужденно Керис повернулся спиной к вошедшим и вытянул руки к огню. Джоанна тут же последовала его примеру. Это было тем более необходимо, что Костолом знал их обоих в лицо.

— На спасение? Но господин мой, как это можно...

Керис слышал резкий неприятный голос инквизитора и видел в отражении треснутого зеркала, висевшего перед ними на стене, этого человека, седовласого, одетого в серую рясу. Человек этот был совсем непримечателен, как серая мышка. Даже глаза его и то были серыми. Двигался он подобно пауку, немного неуклюже, но зато с поразительной скоростью. Лицо его выражало одно-единственное чувство — сознание в правоте своего дела и непреклонной решимости довести начатое до конца.

— Таролус, ты наивен, — Костолом повернулся к своему спутнику, который был старше его и ниже ростом, такой же неприметный. — Желающих освободить его предостаточно, причем по совершенно разным причинам — от желания использовать его волшебство в своих неблагоприятных целях до стремления развязать ему руки для действий. К тому же есть просто фанатики, обожающие его как кумира. А мы по долгу службы и веры обязаны пресечь эти нечестивые поползновения. Нам нельзя терять ни минуты, нужно отправляться дальше.

— Но ехать ночью...

— Я отлично вижу в темноте, — раздраженно проговорил Костолом, и Керис понял, что он суетится, боясь упустить Антрига.

— Он заманил их в ловушку, — зашептала Пелла. — Они, наверное, сбились с пути, хотя ехали впереди нас. Скорее всего, им пришлось довольно долго идти пешком.

В правильности догадки принцессы путников убеждали промокшая насквозь одежда и обувь инквизиторов. В зеркало Керис углядел, что церковники направляются к огню, им, оказывается, тоже не чуждо ничто человеческое. Керис стал осторожно отходить в сторону, по-прежнему не поворачиваясь к этим опасным людям. Ведь он был уверен, что цепкая память Костолома отлично запомнила его лицо, в которое он заглянул тогда, в библиотеке Дома Волшебников в Кимиле, при свете горящих в очаге книг. «Убей его», — сказал он тогда одному из своих подчиненных, словно направляя собаку на нападающего. Хоть Керис и был сейчас одет совсем по-другому, он понимал, что стоит только инквизитору бросить на него один-единственный взгляд, как он будет мгновенно узнан.

Заслышав голоса новых постояльцев, в зале появился содержатель постоянного двора. И до слуха Кериса донеслись слова:

— Несчастный случай в дороге... аж десять миль пешком... сломанная ось...

Ага, очевидно, он пытался ехать на прежней скорости и днем, когда все теряли энергию, догадалась Пелла. Керис вспомнил свое собственное нетерпение и залился краской стыда. Ведь и он все порывался ехать вперед. Пелла повернулась назад, к Джоанне, но та куда-то исчезла.

Керис забормотал ругательства. В их распоряжении осталось еще несколько минут до полной готовности фаэтона к дальнейшему пути. Кстати, у остальных находившихся в зале гостей после появления свежих сил появилось острое желание пополнить свою горячность и хорошее настроение дополнительными дозами вина, благо что хозяин заверил всех, что вина в подвале хватит на всех. Джоанну можно было понять, она стремилась, чтобы инквизитор не узнал также и ее, но поспешность, которую наверняка проявили бы и Керис, и Пелла, бросаясь на ее поиски, наверняка возбудили бы у церковников подозрения.

— Но он же сломленный человек, — убеждал начальника Таролус, — бормочет сам с собой и плачет дни напролет. Никому от него не будет никакой пользы.

— Но он может помочь любому, кто проникнет к нему и сообщить, каким образом можно обрести силу, подобную его силе, — живо возразил Костолом, с наслаждением вытягивая руки к огню и зажмуривая глаза. При этом он встал почти вплотную к Керису, так что внук архимага ощущал исходящий от его одежды холод. — Неужели ты до сих пор ничего не понял? В таком состоянии он даже опасней, все, кому не лень, могут сделать его игрушкой в своих руках.

Снаружи, заглушая вой ветра, доносилось позвякивание упряжи и храпение лошадей. Костолом резко поднял голову, глаза его подозрительно сощурились. Как только Пелла вошла в зал, Костолом сказал ей:

— Сударыня позвольте осведомиться, это ваш экипаж закладывают на улице? Возможно, он может пригодиться нам... Мы действуем от имени церкви...

— Что вы, что вы, — засуетился хозяин гостиницы, не желая терять только что заплаченные принцессой деньги, — вы можете нанять лошадей в другом месте, к тому же ось вашей повозки можно исправить за несколько часов.

Керис с одобрением смотрел, как Пеллицида даже не потрудились уделить внимание этим разговорам. Девушка величественно прошествовала через зал к одной из дверей, держа в руках свою накидку. Затем она пошла к выходу на улицу. Керис немедленно последовал за ней.

Джоанна уже ожидала их в карете. Конюхи, державшие лошадей под уздцы, дрожали в своих легких одежонках, ветер хотя и стих немного, но теплее от этого нисколько не стало. Керис вдруг подумал, что сейчас снег на дорогах заledenел, и потому нужно ехать с особой осторожностью. Впрочем, ночью тут ехать все равно лучше, чем в долине. По крайней мере, тут не бывает таких густых туманов. Керис проворно вскочил на место кучера. Следом за ним в карету запрыгнула болонка, устраиваясь в ногах. Там были положены накаленные на огне кирпичи для тепла, за что было заплачено дополнительно. Устраиваясь поудобнее, Керис вдруг обнаружил под ногами какой-то незнакомый сверток.

— Это что еще такое? — забормотал он.

— Всекие запчасти для колес: спицы, заклепки, — авторитетно заявила Джоанна. — Нужно же всегда иметь запас под руками. По вашим дорогам только самоубийцам ездить на большой скорости. Кстати, тут же лежит и заклепка из старой кареты, что пока свободна. Вместо заклепки я вставила палочку, которую отрезала ножом от полена на кухне. Если все будет нормально, то она продержится пару миль, а потом треснет. Пусть тогда попрыгают. Хорошо бы еще вместе с шеей Костолома. А теперь давай, погоняй поскорее. По меньшей мере, мы оторвемся от них на целый день.

— Если только одного дня будет достаточно, — тихо сказал Керис, — и если действительно будет необходимость в спасении Антрига, — послушник потянул вожжи. Карета тронулась, но Джоанна ничего больше не сказала.

Глава 7

Джоанна все-таки заставила себя заснуть на несколько часов, скорчившись под шубами и обшитыми мехом кошмами. И ей приснился сон. Словно она опять оказалась в Башне Тишины, на сей раз в тесной и мрачной комнате, вдобавок еще и холодной. Цепями к стене был прикован человек, с которым она настойчиво пыталась заговорить. Человек с изуродованными руками бил клопов и вшей, что копошились в грязной соломенной циновке и на стенах. Из-под копны грязных, спутанных волос на мир с лихорадочным блеском смотрели ничего не выражавшие глаза. «Антриг, это же я», — то и дело кричала Джоанна, но он безучастно смотрел на нее, как будто бы тут никого больше и не было. Но Джоанна была настойчива. «Антриг, ты должен мне помочь», — взывала она. — «Одной мне ни за что не справиться с Сураклином». Девушке казалось, что Темный Волшебник кружит где-то поблизости.

— Я пытался помочь... пытался... — бессильно зашептал человек, — но мне невозможно было сражаться с вами всеми.

По лицу Джоанны катились слезы бессилия. И тут она проснулась. Первое, что она увидела, мрачные, безжизненные холмы на фоне серого неба. Сейчас лошадьми управляла Пелла. Собака Киша испуганно смотрела на Джоанну, словно чувствуя, что ей привиделся не слишком добрый сон.

— У нас есть восемнадцать часов, — подумала Джоанна. Это была ее первая мысль по пробуждении.

Но сон словно преследовал ее, как навязчивое видение.

Дорога вилась между холмами, и потому ветер не был столь сильным. Низкое небо не сулило хорошей погоды, но хорошо еще, что перестало извергать снег с дождем. Наконец они добрались до того поместья, что являлось вроде бы целью путешествия принцессы. Слуги были поражены и обеспокоены, когда хозяйка немедленно распорядилась оседлать трех лошадей.

— Я не знаю, что ожидает нас в этой Башне, — говорила Пелла, прохаживаясь по жарко натопленной комнате, в то время как Джоанна придирчиво осматривала сфабрикованные пропуска в Башню, тем более, что после всех этих происшествий на дороге, Костолом уж точно начнет подозревать, что кто-то пытается помочь Антригу.

Принцесса казалась спокойной и не паниковала, за что Джоанна была ей очень благодарна. Потом, уже в пути, Джоанна вдруг ощутила страх возможной опасности, о которой она до того как-то не думала. Нет, нужно обязательно спасти Антрига, как заклинание повторяла она. Но после спасения волшебника только начнутся основные трудности.

Башня Тишины находилась всего в нескольких милях от руин цитадели Сураклина. Именно там, в этих руинах, и находился скорее всего компьютер Сураклина, в чем Джоанна была уверена, хотя этих развалин и в глаза не видела.

А тут, в поместье, Джоанна вдруг обратила внимание, как Пелла натягивает черно-серые штаны. Рядом, на кровати, лежали вышитая золотом рубашка и накидка гвардейца регента и приличествующее этому оружие.

— Будет более правдоподобно и представительно, если в Башню пойдут два гвардейца, — объяснила принцесса удивленно до нельзя Джоанне. — К тому же я могу пойти с тобой, а Кериса мы оставим приглядывать за лошадьми. Тем более, что он все равно не сможет пройти мимо той печати, что не пропускает в Башню волшебную силу.

Говоря это Пеллицида ловко заправляла под шапку свои черные пряди волос, как обычно делали те гвардейцы, кто не желал расставаться со своими пышными шевелюрами, но должен был выглядеть так, как того требовал распорядок и строгое начальство. Но Джоанна видела, что принцессу что-то тревожит, несмотря на ее бесшабашный тон и наигранное веселье.

Впрочем, Джоанна тоже тревожилась, ведь пока что основные опасности поджидали их впереди.

Но Джоанне показалось, что Пелла прячет в себе еще знание чего-то такого, что не хотелось бы открывать посторонним, но что наворачивало слезы на ее глаза. Или же это ей только показалось?

— Ну вот, приехали, — тихо сказал Керис.

Джоанна стала напряженно всматриваться в сероватую мглу. Там она стояла, на высоком холме, точно одинокий перст, указывающий и предупреждающий об опасности, та самая Башня Тишины.

— Он должен быть еще жив, должен, — лихорадочно думала девушка, — как только мы снимем с него этот проклятый ошейник, то с ним все будет нормально. Я покажу охране наши бумаги, и она пропустит нас внутрь. Ведь все равно охрана не будет слишком внимательно разглядывать бумаги, если она не предупреждена заранее о подделке. А как только мы его освободим, он нам поможет.

Глядя на башню, Джоанна тяжело задышала. Он там.

Так, подумала девушка, настраиваясь на легенду, которую она сейчас выложит охране. Она якобы чиновница, доставила распоряжение регента. Регент облек ее большими полномочиями, и потому вести себя нужно соответственно.

— Что это?

Услышав тревожный голос Пеллы, Джоанна резко повернулась в своем седле. Со стороны Башни двигалась группа всадников, едва различимых во все сгущающихся сумерках.

— Скорее туда, — прохрипел Керис.

Тем временем другая группа всадников, уже большая, устремилась по соседнему с дорогой холму к Башне.

— Что-то там случилось, — догадался Керис.

— Может лучше повернем назад? — обеспокоенно спросила Пелла, — если там действительно что-то произошло, то они будут очень внимательны к нашим бумагам.

Керис тоже нерешительно уставился на Джоанну, которая вдруг почувствовала самый настоящий приступ раздражения. И все потому, подумала она, что они просто не в состоянии принять твердое решение, что и когда именно им следует делать.

— Нет, — наконец подала голос девушка. — Я не думаю, что завтра утром наши бумаги вдруг станут выглядеть более убедительно. К тому же не забывайте, что Костолом как бешеный рвется сюда. Нам нужно воспользоваться преимуществом во времени, которое у нас есть.

Не ожидая ответа Кериса, Джоанна прищипорила лошадь и направилась к воротам, что были устроены в окружающей Башню стене из серого камня. За ней тронулась Пелла, а потом и Керис, но не слишком охотно.

Подъемный мост через ров был сейчас опущен. Рядом стояла группка одетых в черное гвардейцев или послушников, они оживленно и чем-то спорили. Среди них путешественники заметили двоих в красных робах — люди Церкви. Точно такие же роботы Джоанна видела в тот день, когда забирали заманенного ею в ловушку Антрига. Через распахнутые настежь ворота был виден просторный двор, полный лошадей и бегавших суматошно людей. Как только трое путников приблизились к воротам, им навстречу вышел человек с острым лицом, напоминающим мордочку хорька или ласки. Джоанна нарочито официальным жестом потянулась к кожаной сумке с лежащими в ней документами. Но человек не проявил к этому жесту ни малейшего внимания, но зато резко спросил:

— Ну, как дела?

— Дела, — ошеломленно повторил Керис.

Вдруг Джоанна вспомнила, как Магистр Магус рассказывал о заведенном в Башне порядке — каждую неделю отряд часовых сменяется полностью. А поскольку черные плащи скрывали облачение гвардейцев регента, было неудивительно, что этот человек принял их за стражников очередной смены. Но затем он понял свое заблуждение.

— Вы от регента, да? — нахмурился он.

Пелла даже рот открыла, недоумевая, откуда же они могли так оперативно разузнать все это. Может, они опознали в ней жену Фароса?

— Да, — нашелся Керис. — И прибыли мы сюда для того, чтобы...

— Так люди регента тоже участвуют в поисках?

— В поисках? — брякнула Джоанна.

Стражник сплюнул с досады, и его плевок тут заблестел на припорошенной снегом земле, превращаясь в ледышку.

— Ну как же, пробормотал он. — Этот чертов колдун смотался.

— Конечно, он направился в Кимил, — убежденно говорила Джоанна, правя конем и поглядывая время от времени по сторонам, где пейзаж был одинаковым на десятки миль, те же склоны холмов, покрытые побуревшей от морозов травой. А стоило оглянуться назад, как взгляд невольно упирался в Башню Тишины. Временами налетал колючий ветер. Темнота быстро сгущалась, ночь была близка.

— Ты что, рехнулась? — взвился Керис. — Они как раз там и бросятся искать его. Я уверен, что инквизиторы обыщут каждый дом.

— Может быть, завтра. Конечно, людей у них много, но и их силы тоже не бесчисленны. Готова поклясться чем угодно, что они сейчас будут рыскать по ближайшим холмам и по дорогам, что ведут к северу.

Керис задумался, и Джоанна поняла, что послушник вспоминает, с каким потрясающим умением Виндроуз умеет прятаться и запутывать свои следы. Пусть даже он и сошел с ума, но инстинкт самосохранения в любом случае должен сработать отменно. Сама Джоанна с трудом удерживалась, чтобы там, в Воротах Башни не расхохотаться во все горло, ведь все их усилия, как оказалось, были тщетны. Но кто мог предугадать такой поворот событий? Керис же, вне всякого сомнения, был дико разгневан, Антриг в очередной раз провел не только стражу Башни, но, выходит, и их троих тоже.

— Мне кажется, он будет выжидать наступления ночи, — наконец прервал Керис свои размышления, — ведь в Кимиле есть люди, которые узнают его сразу, даже несмотря на его идиотские очки, если он, конечно, все еще их носит. Хотя я просто ума не приложу, каким образом он собирается проникнуть в город. Но вот что мне интересно узнать, каким это образом он умудрился проскочить и мимо печати, которая висит на двери Башни...

Керис слегка прищипорил лошадь, и она понеслась рысью вперед. Его спутницы последовали примеру внука архимага. Джоанна с тоской подумала, что завтра на ее теле будут новые синяки и ссадины от верховой езды, которые дополнят те, что появились после четырех дней путешествия в карете. Насколько она помнила, последний раз ей пришлось ездить на лошади в пятнадцатилетнем возрасте, да и то была пони.

Когда Башня скрылась из виду, Пелла повернула свою лошадь к поместью, к Ларкмору. Она заметила, что ее дальнейшее пребывание в компании Кериса и Джоанны будет только связывать им руки, к тому же ей не стоит навлекать на себя излишние подозрения. К тому же принцесса могла сослужить куда большую службу, если по возвращении в свою резиденцию напичкала бы слуг ложной информацией о всех встреченных ею по пути незнакомцах, ведь рано или поздно инквизиторы явятся в поместье и начнут расспрашивать все до мелочей. Керис же, когда они находились возле Башни, не поленился обойти по периметру опоясывавшую Башню ограду и, как ни странно, не сумел обнаружить следов. Трава, смерзшаяся от заморозков, представляла собой отличную гладкую поверхность, которая при прикосновении ноги немедленно несла на себе отпечаток. Так что если бы Антриг прошел там, проследить его маршрут было бы легче легкого. Но все оставленные возле Башни следы принадлежали только стражникам, которые с ног сбились, разыскивая как сквозь землю провалившегося пленника.

— Послушай, а тебе не кажется, что история с его исчезновением, это просто уловка, чтобы сбить нас со следа? — вдруг спросила обеспокоенно Джоанна. — Стражники сказали, что он вдруг взял, да исчез сам собой. Сидел сидел прикованным к стене, а потом пропал. Говорят, даже наручники не были повреждены. А вдруг его просто втихую убили, а потом

подняли шум, чтобы сбить с толку членов Совета Кудесников, которые не были заинтересованы в его смерти?

— Весь Совет разбежался, кто куда, — возразил Керис, — готов поспорить на что угодно, что Епископ, эта Герда, с точностью до минуты знала, когда удрал из города последний кудесник. Епископ города Ангельской Руки наверняка передал ей эти сведения по голубиной почте. Они могли просто перерезать горло Антрига на этой неделе в любое время.

— Может, это они и сделали, — вздохнула Джоанна.

— Но тогда к чему вся эта наша суэта? И там, в Башне, я заметил, что начальник караула был по-настоящему разъярен, — тут Керис понизил голос. — Не могу сказать, что он виноват в этом.

Тут внук архимага стал посматривать на землю, все еще надеясь углядеть след сбежавшего Виндроуза.

— Они сказали, что Антриг был босой, — нарушил тишину Керис, причем его голос звучал несколько сварливо. — Иногда он наворачивал на ноги какие-то тряпки для тепла, но на цепи, естественно, не слишком расходишься. Он знает эти холмы, как свои пять пальцев, ведь он тут целых восемь лет прожил у Сураклина. Но если брать в расчет его теперешнее состояние, далеко он не мог уйти. Ему нужна еда, ему нужно укрытие, и причем до наступления ночи. Кстати, снова собирается дождь со снегом. Ему не пережить этой непогоды.

— Он должен пережить ее, — пронеслось в сознании девушки.

Она и так была радостно удивлена, что Антриг сумел удрать из темницы, — он просто обязан выжить. А мы должны найти его перед тем, как его найдут инквизиторы, послушники Церкви или Совета Кудесников.

Тут девушка подумала, какие чувства может испытывать лично к ней волшебник после того, как она предала его. Но его личные симпатии и антипатии не должны помешать ему присоединиться к Джоанне и Керису, чтобы все-таки изловить и уничтожить Сураклина. К тому же Антриг сам должен быть заинтересован в объединении их усилий на этот счет. Но, с другой стороны, именно Джоанна обрекла его, хоть и не по своей воле, на мучения в Башне и пытки инквизиторов.

Но тут девушка подумала, что хорошего без плохого не бывает, по крайней мере, они теперь знают, что Антриг все-таки жив. Он наверняка находится где-то поблизости. Тем временем темнота все сгущалась и сгущалась, ветер завывал сильнее и сильнее. Да и температура тоже падала.

— Мне кажется, — подал голос Керис, что он сначала пойдет на север, потом опишет большую дугу.

Тем временем они неожиданно обнаружили, что находятся в нескольких сотнях метров от стен Кимила. Джоанна вспомнила, что летом тут были болота и сенокосные угодья. Теперь все превратилось в сплошную равнину, скованную морозом и припорошенную снегом.

— Они ищут Антрига на дороге в город Ангельской Руки, а она ведет на северо-восток, — продолжал Керис задумчиво. — Потом, конечно, они обыскивают каменную дорогу, что ведет к самой Башне. Скорее всего, ему придется пробираться через болота, но нужно быть безумцем, чтобы решиться на такое, ведь болота никогда не замерзают, только провалишься, как сразу и утонешь.

— Но он и так безумен, — напомнила ему Джоанна, к тому же отчаяние способно толкнуть на какой угодно поступок.

— Он безумен, но не туп. Если он промокнет, то к утру он точно окочурится.

Джоанна, содрогнувшись, сунула свои обтянутые кожаными перчатками руки себе под мышки, чтобы хоть немного согреть их. Впереди высились стены города, в котором можно было найти тепло, и, что тоже важно, пищу.

Возле громадных стен громоздились беспорядочно убогие домишки предместья. Где-то оранжевым глазком горел оставленный фонарь.

— А это что там такое? — поинтересовалась Джоанна, указывая пальцем в сторону.

— А там бедняки разные живут, — отозвался Керис, поняв, что девушку заинтересовали эти дома. — Они обычно собирают ягоды в болотах. А сейчас там, наверное, стража устроилась.

— А вдруг он скрывается в одной из этих хижин?

Керис, соскочив с коня, стал всматриваться в вереницу убогих лачуг. Вернувшись, он прошептал:

— Возможно, кто-то тоже думает, что он может быть там.

Джоанна поняла, в чем дело, впереди мелькали какие-то фигуры в черном. Впрочем, можно было догадаться, кто это бродит в такую непогоду в столь неподходящем для прогулок месте. Вдруг в руках одного из этих людей вспыхнул фонарь, и даже при его тускловатом свете Джоанна смогла явственно различить пистолеты и шпаги, которыми эти воины были вооружены. Ага, смекнула девушка, это могут быть только послушники Церкви, кого еще выгонишь на поиски сбежавшего волшебника в такую погоду? В это время ветер дул в сторону путешественников, указывая на стоявшую на отшибе хижину.

— А вы этот дом проверили?

И девушке показалось, что сейчас ее сердце выскочит из груди.

Один из послушников, судя по властному голосу и двум пистолетам за поясом, предводитель, принялся вдруг браниться, указывая рукой в сторону. Там замечались какие-то черные силуэты. Было видно, что послушники на этот раз чем-то очень сильно обеспокоены.

— Что это? — пошептал Керис, и почувствовал, как Джоанна сильно сжала его руку.

— Антриг, — отозвалась она. — Мне показалось, что это был его голос.

— Часовой?

Ни Керис, ни Джоанна просто не могли об этом подумать, но оба они не отрывали глаз от той самой хижины, в которую заскочил самый высокий ростом послушник. Кстати, хижина эта стояла неподалеку от городских ворот. Там тоже замечались люди с факелами в руках. Затем высокий человек появился откуда-то снова, он брел, шатаясь, по замерзшей грязи чуть в стороне от дороги. словно пьяный какой-то.

— Быть этого не может!

— Не может быть! Не может быть! — словно молотком, заколотило в голове девушки.

Тем временем послушники собрались в одну кучу. Кто-то спросил:

— Все на месте?

Несколько человек одновременно ответили утвердительно, хотя в такой темноте было сложно определить, действительно ли собрались все. Отвратительно ругаясь, послушники направились к городским воротам.

— Как так? — горячо запротестовал Керис.

— Послушай, — тихо отозвалась Джоанна. — Посмотри вон на тот дом. По-моему, он из него так и не вышел.

Керис уже проверял, заряжен ли пистолет, что он вытащил из-за пояса. Джоанна искоса посмотрела на оружие, это был местный пистолет, заряжавшийся с дула, а она ожидала увидеть в руках Кериса тот пистолет, 45-го калибра, что принадлежал Сураклину. На мгновение луна вышла из-за туч, и девушка сумела различить на стволе пистолета даже руническую надпись.

— У него ведь есть арбалет, — сказал Керис, поняв вопросительный взгляд Джоанны, которая тут же вспомнила, что послушник видит в темноте, словно кошка. — А он сейчас наверняка находится на взводе. Конечно, у любого нервы могут быть на пределе. В такой ситуации нажать на курок очень легко.

Керис затем принялся внимательно смотреть в сторону ворот, чтобы убедиться, что там действительно никого не осталось. Затем он задумчиво пробормотал:

— Джоанна, послушай, мне кажется, что если он сумел удрать из Башни, то он может быть не так уж и безумен.

Хижина эта и без того убогая и покосившаяся, выглядела еще более жалко на фоне

крепостных стен и башен. В отличие от других подобных домишек, хижина стояла на возвышенности. Впрочем, идти к ней нужно было по замерзшим нечистотам, что вытекали сюда из города по большой канаве, которая шла сюда со стороны городских ворот. Хорошо еще, что мороз сковал эту мерзость, не давая распространяться зловонию.

Джоанна, одетая, как известно, в одежду имперского гонца, тряслась от холода в куцем казенном наряде. Впереди шел Керис, которого сейчас холод явно не интересовал.

Джоанна с трудом различала его силуэт в густом тумане, но не могла видеть землю, по которой идет. Она дважды падала на скользком льду, но не закричала. Девушка почувствовала, как с каждой минутой пальцы на ее руках и ногах немеют все сильнее. Когда они подошли поближе к хижине, то стало немного легче идти, потому что тут уже было легкое мерцание факелов, укрепленных на городских воротах. Керис уверенно направилась к сбитой из досок двери хижины. И прежде чем Джоанна успела нагнать его, внук архимага, держа пистолет наперевес, ударом ноги открыл дверь и шагнул внутрь.

— Тихо, — раздался угрожающий голос Кериса.

Но стояла мертвая тишина. Джоанна встала у двери, как вкопанная, вся превратившись в слух.

И вдруг, тихий и осторожный, послышался голос Антрига.

— Ну здравствуй, Керис, — сказал чародей.

Раздался сухой щелчок и затем глухой стук, видимо, Виндроуз разрядил арбалет и бросил его на земляной пол хижины. Джоанна рванулась в хижину. В свете крошечного фонарика, свисавшего с потолочной балки, она увидела, как Антриг картинно поднял руки вверх. Он опять продолжал шутить, хотя даже от самого поверхностного взгляда не могла укрыться печать крайней усталости на лице этого человека.

Тут Джоанна поняла, что Антриг вообще-то мог пронзить стрелой арбалета кого угодно, но не Кериса, которого он по-прежнему, несмотря ни на что, продолжал считать своим другом.

Антриг резко поднял голову, и его очки знакомо блеснули. И еще почему-то Джоанне бросилось в глаза его руки, обтянутые перчатками с отрезанными пальцами, тряслись крупной дрожью. Антриг измученно прислонился к стене хижины и закрыл глаза. Его усталость понять было можно. Вдруг снова поднял голову и открыл глаза, теперь он не мигая смотрел на Джоанну.

Их глаза встретились. Но выражение лица кудесника не изменилось, на нем не отразилось никаких чувств.

Тем временем Керис, засовывая пистолет за пояс, счел своим долгом нарушить тишину.

— Сураклин сейчас в городе Ангельской Руки, — сообщил он кратко обстановку, — а мы пришли сюда за тобой.

— Прости меня за все Антриг, — тут ожила и Джоанна.

Девушке показалось, что волшебник собирается что-то сказать, но тот, открыв было рот, снова сжал губы. Глаза его наполнились горечью и болью.

— Дорогая моя Джоанна, — начал он своим обычным спокойным голосом.

Джоанна, уже не в силах контролировать себя, рванулась вперед и обняла его.

Вообще-то за всю свою жизнь Джоанна еще ни разу не делала такого жеста, отчасти из-за боязни, что над ней посмеются, а отчасти просто из-за того, что она терпеть не могла всех этих «телячьих нежностей». Кстати, она забыла снять и висевший на ее животе ридикюль, который, казалось, вот-вот лопнет от распиравшего его бока содержимого. И в руках ее был небольшой электрический фонарик, а потому объятия получилось несколько неуклюжими. Впрочем, сообразила это она только потом. Руки Антрига изо всех сил прижали ее к телу. Джоанна почувствовала учащенное дыхание Виндроуза. И тут она содрогнулась, как же истощен Антриг, кожа да кости. Девушке вдруг захотелось впитаться в этого человека, слиться с ним в единое целое, чтобы потом уже больше никогда не отпускать его от себя.

В следующую секунду губы их встретились. И тут Джоанна поняла, что по ее лицу

заструились слезы.

Наконец Антриг поставил девушку на землю, поскольку за это время он сумел как-то приподнять ее. Отступив назад, он глухо кашлянул и, подняв голову, провел рукой по шее. Керис и Джоанна увидели на его шее тот самый железный ошейник. Кожа вокруг него была покрыта рубцами и кровоточащими ранами.

— Вы можете снять это с меня? — уже с ноткой юмора сказал Виндроуз. — Но при себе у вас, конечно же, напильника нету?

Джоанна безмолвно порылась в ридикюле и достала миниатюрный напильничек. Антриг довольно ухмыльнулся и снова поцеловал девушку.

— Если это обычный сон, — сказал он затем, — то поутру я буду чувствовать себя особенно горько.

Ошейник Антрига был обмотан грязным зеленым шарфом из тонкой ткани. Виндроуз встал на колени и Джоанна, просунув шарф между ошейником и кожей кудесника, стала примеряться, где пилить.

— Послушай, Керис, ты не можешь поддержать фонарь? — обратилась она к послушнику.

— Нет, — резко сказал внук архимага.

— Все правильно, — улыбнулся Антриг. — Кто-то должен стоять на охране. Мы и без того тут расшумелись, сюда может прийти кто угодно.

— А может, нам лучше сначала уехать отсюда подальше? — предложил Керис.

Антриг, который взял фонарик из рук Джоанны и направил его на свою шею, покачал головой.

— Нет, сначала снимите эту штуковину.

Ошейник не смог помешать Антригу убежать из Башни, подумала Джоанна, но это означает, что носить его как украшение очень приятно. Станным образом, напильник довольно быстро расправился с железом. Вот только шум при этом стоял порядочный. Перед приходом в этот мир, еще дома Джоанна специально практиковалась перепиливать железо, и это наверняка сыграло свою роль. Только ошейник, распиленный на две половинки, глухо стукнул о земляной пол хижины, как Керис зашептал:

— Сюда кто-то идет.

Антриг трясущимися руками почесывал шею, не веря, что так быстро избавился от ошейника.

— Спасибо, — прошептал Антриг, а Джоанна уже схватила в руки фонарик. Она посветила на то место, где прежде был ошейник. И на шее оставалась неестественно черная полоска — все, что теперь напоминало о пребывании Антрига в Башне Тишины. Кстати, при этом Джоанна заметила, что Антриг хоть и держал ошейник в руках, при этом он старался не прикоснуться к печати Бога Мертвых.

— Это Хасу, — свистящим шепотом сообщил Керис, отскакивая от двери. — Чертовы церковники.

С этими словами внук архимага схватил валявшийся на земле арбалет и передал его Виндроузу.

Антриг безмолвно покачал головой, словно предлагая иной вариант. И точно, отодвинув одну из досок хлипкой стены лачуги, кудесник кивком головы указал на образовавшийся проем.

— Но ведь они запросто заметят нас в темноте, — в ужасе прошептал Керис.

— Конечно, они могут нас заметить, — подтвердил спокойно Антриг, засовывая в карман половинки ошейника и направляясь к лазу.

Все трое бесшумно выскользнуть наружу, но это не помогло: их заметили. Сразу же раздались грозные и ликующие голоса. Без сомнения, преследователи отлично знали приметы Антрига — в очках и без бороды. В стену соседней хижины ударила пущенная из арбалета стрела.

— Да ты и вправду сумасшедший, — прохрипел Керис.

Теперь им оставался один путь между стенами двух соседних лачуг, по другую сторону этой своеобразной улицы.

Антриг, увлекая за собой своих спутников, метнулся через проделанный в стене другой хижины лаз. В ней по щиколотку стояла вода, покрывшаяся ломким ледком. Эта хижина почти примыкала к городской стене, и дверь выходила прямо к ней. Эту дверь рывком и распахнул Антриг. Они оказались возле громадной кирпичной трубы: еще один канализационный сток, поняла Джоанна. Так вот каким образом собирался проникнуть в Кимил Антриг.

С другой стороны хижины, в переулке, растерянно шлепали по вонючей жиже хасу, недоумевая, куда могли подеваться преследуемые. Джоанна ни на секунду не упускала Антрига из поля зрения. Но Антриг увлек их в следующую хижину, и как только за Джоанной, замыкавшей их бегство, задвинулась доска лаза, у трубы раздалось хлюпанье воды — хасу остановились там.

Антриг бессильно привалился к стене, тяжело дыша. Несмотря на холод, по его лицу струился пот. На щеке Джоанна все еще могла различить шрам, оставленный ударом кнута регента.

Джоанна, выглянув в щелку, увидела, как хасу, поняв, что они потеряли след, еще несколько минут покрутились на месте и наконец побрели к мосту. Один из них закричал гортанным голосом, требуя прислать часовых, очевидно, для охраны этого места. Вдруг сбежавшие снова появятся из трубы?

— Неужели печать Тьмы? — догадалась Джоанна, видя, как оба хасу вдруг что есть мочи припустились бежать к освещенным городским воротам.

Антриг кивнул.

— Говорят, такая штука очень хороша для укрытия от погони, она лишает преследователей храбрости и умения ориентироваться, — сказал он, — вот потому-то мне и удавалось спрятаться от них. Теперь я уверен, что они решили, будто я прошел в город через эту трубу. Конечно же, они станут прочесывать квартал за кварталом, думая, что сижу я где-то там. Надеюсь только, что вы не задумали искать убежища в Кимиле? — говоря это Антриг весь напрягся от усталости, нервного напряжения, и, конечно, от холода. Впрочем, все три беглеца промокли буквально до нитки.

— Нет, это в поместье под названием Ларкмор, — покачала головой Джоанна.

Услышав название поместья, Антриг удивленно поднял брови, но сумел быстро пригасить свои эмоции. Ведь он знал, что в его отсутствие могло случиться что угодно, потому удивляться было нечему. Хотя он все-таки был озадачен. Тем более, что Джоанна прибавила: — Мы считаемся вроде как гостями Пеллициды из Сентервинга.

— Боже мой, — пробормотал Антриг. Таким удивленным Джоанна видела его впервые.

— И нужно поспешать, лошади ждут нас.

— Подождите минутку, друзья, — и Антриг, отогнув доску, выскочил из лаза и отправился опять к трубе, к немалому ужасу своих спутников.

Наконец послышался хруст ломаемого льда, Антриг возвращался назад.

— Ты не только безумец, но еще и глупец, — забормотал Керис. — Ведь теперь городской гарнизон на чеку. А уж у ворот обязательно кто-то стоит.

— Не говори глупостей, — отрубил Виндроуз, на ходу отскребая щепочкой грязь с какой-то вещицы, которую он держал в руках. — Ведь Герда сделала это специально для меня, и было бы черной неблагодарностью выбрасывать такой подарок. Джоанна, дорогая моя, не положишь ли ты это тоже в свою чудесную сумочку? — маг передал этот предмет Джоанне, и она увидела, что это были все те же половинки ошейника, на одном из которых темнела оттиснутая на кованом железе печать.

Затем путешественники проделали путь к застоявшимся лошадям, уже без особых затруднений и происшествий. По пути им встретилась еще одна группа послушников, которых Антриг при помощи иллюзии тоже направил к городским воротам. Лошадей было всего две. На одну вскочил Керис. На долю Антрига и Джоанны оставался второй конь.

Девушка, промокшая, стучащая зубами от холода, вскарабкалась на спину лошади и прижалась к костлявой спине Антрига. Девушке показалось, что в таком положении она запросто может уснуть и проспит столько, сколько потребуется на дорогу до Ларкмора. Только Ларкмор в их теперешней ситуации был их единственным надежным убежищем.

Глава 8

— Так что именно убедило тебя окончательно, что я говорил правду?

Антриг, облаченный в камзол лилового бархата (говорили, что это была одежда самого императора Херальда), сидел вместе со своими спутниками за небольшим столиком, неторопливо попивая чай со сладостями. На улице еще стоял день, но он был настолько хмурым, что прислуга любезно зажгла лампы. В этой комнате были масляные бра, отбрасывающие на панели резного кленового дерева загадочные тени. Было очень приятно сидеть в этой комнате, с чашкой горячего чая в руках, прислушиваясь к пронзительному вою ветра снаружи.

Джоанна поглядывала внимательно на Антрига. Только теперь она заметила, что в его волосах прибавилось седины. При свете дня, хоть таком и скупом, Антриг выглядел каким-то постаревшим и съезжившимся. Шея, обмотанная бинтами, скрывавшими слой целебных мазей, была закрыта у Антрига еще высоким кружевным жабо камзола. Но все равно было видно, как он исхудал — кожа да кости, снова подумала Джоанна с жалостью. Но, несмотря на все это, руки его сохранили былую легкость движений, а глаза по-прежнему лучились той самой загадочностью, что всегда удивляло девушку и вызывало в ней самые противоречивые чувства.

— Мы видели этого Сураклина, — тихо сказала она. — Ты действительно оказался прав. Ему нужен был сообщник из моего мира, программист. Потому-то он и прицепился ко мне. Но затем он вселился в тело Гэри. Гэри... он был моим... моим... другом.

— Ага, — сообразил Антриг. — Это человек, который настраивал машины, чтобы они помогали Сураклину в его делишках.

Джоанна кивнула, вспоминая сотрудничество Гэри и Сураклина, с которым она догадалась, хоть и поздно, и о котором она уже вовремя узнала из файлов «Сил Тьмы».

Некоторое время девушка сидела молча, разглядывая замысловатый узор на чашке с чаем. Она думала, что Гэри, связавшись раз с Сураклином, уже просто не имел шансов выпутаться из его сетей. Затем она принялась обстоятельно рассказывать Антригу обо всем, что произошло за это время — начиная с ее страхов в Сан-Серано до самых последних часов, когда они уже искали Антрига возле Кимила. Попутно Джоанна рассказала о Пеллициде, о Сердике и его новом советнике, в котором принц теперь уже души не чаял. Особенно подробно девушка старалась описать ночь на балу в доме веселящегося перед смертью купца и последовавшую за тем бурю.

— Самое ужасное заключается в том, что все это никак не докажешь,

— подытожила Джоанна свой рассказ. — Все настолько не укладывается в единое целое, что просто ни к чему не придерешься. И эти периоды меланхолии, когда из живых вытягивается энергия, они все продолжают. Только никого не убедишь в их истинной причине. Иногда я и сама начинаю задумываться: неужели все это правда?

— Неужели? — улыбнулся Антриг. — Конечно, большинство людей неспособны поверить в то, что не очевидно. Ты сейчас находишься в положении, в котором может находиться человек, глядящий на расположенный внизу лабиринт. Тебе не нужно искать выход, пробираясь по лабиринту наугад. Кстати, на севере отсюда есть Цитадель Магов. Вот там есть один лабиринтик. Конечно, никто и понятия не имеет, откуда появляются все эти напасти, одна за другой. Потому-то их и связывают с тем, что проще всего объяснить, то есть с тем, что произошло у конце лета со мной. А тот, кто в этом заинтересован, будет последовательным до конца. Вот увидите, что после того, как я сейчас удрал из Башни, снова начнутся покушения на Фароса.

Поставив тихо чашку на стол, Виндроуз принялся потирать виски, словно желая пригасить головную боль.

— Думаю, — продолжал он после минутного перерыва, — что покуда я видел в Башне, то этих попыток не было? Сураклин, конечно же, тоже не дурак, он всегда действовал очень тонко.

Виндроуз посмотрел на Кериса. Послушник был облачен в расшитую золотом ливрею слуги. От этого шитья даже в глазах рябило. Внук архимага задумчиво вертел в руках сдобную булку с изюмом, которую есть явно не собирался.

— Керис, и ты меня прости за все, — тихо сказал Антриг.

Молодой человек вскинул голову, точно волк, попавший в ловчую яму и готовый откусить протянутую ему руку помощи.

— Сураклин уничтожил человека, которого мы оба очень любили, — продолжал Антриг. — Он лишил его тела и разума, использовал их в своих бесчестных целях, а потом выбросил все это, как ненужную вещь. Но факт остается фактом — я убил то, что осталось от твоего деда.

— Если бы я увидел его в сарае таким, как сейчас выглядит наш император, — тихо сказал Керис, — честное слово, я сделал бы тоже самое.

— Мне кажется, что Сураклин как раз на это и рассчитывал. Конечно же, он знал, что я не смогу бросить то, что стало с Солтерисом, в чужом мире на произвол чужих людей. Но все равно, чтобы с архимагом не случилось, оставил ли я его в живых или убил бы, все равно в этом обвинили бы меня. А Пелла, — тут чародей посмотрел на притихшую принцессу, которая поглаживала собачонку и испуганно глядела на него,

— тебе не повезло почти также, как и всем нам. Только тебе было еще тяжелее, ты оказалась в чужом мире, в совершенно неподходящее время, да вдобавок тебя выдали замуж за совершенно неподходящего человека. Спасибо тебе за все, что ты для нас сделала. Керис... Джоанна, — Виндроуз повернулся к ним, — вам я обязан своей жизнью. Мне бы не хотелось ввергать вас в новые опасности, которые просто идут за мной по пятам. И мне очень жаль Гэри, — прибавил он, — уже с того момента, когда я его увидел, я понял, что он кончит плохо.

Джоанна вздохнула, представляя Фэйрчайлда живым.

— Нет, иначе быть никак не могло, — решительно сказала она.

Эта ночь была тоже очень холодной. Когда окончательно стемнело, Джоанна выскользнула из своей комнаты и по длинному коридору прокралась к комнате Антрига. В комнате потрескивал огонь, и было слышно его гудение в дымоходе. Это был единственный доносившийся оттуда звук, к которому примешивалось еще завывание ветра. Антриг лежал на широкой резной кровати. Сомнения не было, он спал.

Больше Джоанне тут делать было нечего — она только хотела удостовериться, что с ним действительно все нормально. Ведь все эти два месяца она молила Бога, чтобы Антриг остался в живых, чтобы они могли встретиться снова.

Завтра, может быть, послезавтра, им придется встретиться с Сураклином, придется, скорее всего, спуститься в подземелье в его разрушенной цитадели, где скрывается украденный им компьютер. Им нужно уничтожить или, по крайней мере, умереть при попытке уничтожить эту ставшую адской машину. Девушке даже не хотелось думать, что будет, Если они в конечном итоге потерпят поражение и станут пленниками Темного Волшебника.

Но пока, в этой роскошной комнате, было тихо и спокойно. Тревоги, казалось, находились где-то в ином мире, где-то далеко. Еще вчера она тряслась в фаэтоне Пеллы, испытывая страх перед грядущей неизвестностью, боясь, что это путешествие так никогда и не достигнет своей цели. Завтра они все трое могут умереть. Завтра всего этого уже может не быть — равномерного дыхания Антрига, его поседевших волос, рассыпавшихся по накрахмаленной наволочке.

Джоанна молча стояла и смотрела на Антрига, который вдруг неожиданно открыл

глаза.

Когда Джоанна ушла, Антриг заснул опять. Виндроуз проспал почти весь день. Джоанна думала, не видя его за обеденным столом, что он без труда проспит и весь следующий день — настолько Антриг устал за это время.

— Знаете, они теперь возлагают вину за все это на вас! — сообщила Пелла, — за бурю, за все эти напасти, за потерю почти всего урожая! — принцесса протянула болонке кусочек намазанного маслом хлеба, который та осторожно взяла, — они полагают, что если Антригу удалось убежать из Башни несмотря на все принятые меры, то ему ничего не стоило устроить все это, еще находясь там!

— Я знаю! — сказал Антриг, входя в комнату, — но я, конечно, вовсе не использовал при бегстве волшебство! Как же мог пользоваться волшебством, если они обвесили все печатями, которые не дают магии действовать там!

— Но как же тебе тогда удалось снять с себя цепи?

— Подобрал ключи, вот и все! Просто еще раньше, года три-четыре назад, когда Герда пригрозила посадить меня на цепь, я на всякий случай сделал ключи, которые у воров называются отмычками! Там, в Башне, уже столетиями торчат из стен вделанные на такой случай железные кольца! Я давно положил эти отмычки в щели между кладкой стен и держал их там до поры до времени! Вот и весь секрет!

А потом я просто периодически, когда был удобный случай, Открывал замки и выходил вниз, в комнату для стражи! Постепенно я обзавелся разными нужными вещами — бритвой, чтобы сбрить бороду и лишние волосы, набрал одежды всякой, но делал это постепенно! А потом я украл даже меч, вот тогда они и всполошились! Стража обыскала всю башню, но все равно ничего не нашла! А я прятал это в стене, вытащив камни из кладки, там много пустот! Впрочем, на меня было трудно подумать! Даже с их факелами не слишком-то заметишь, что кто-то периодически разрушает кладку стены. А я-то могу видеть в темноте отлично! На это у меня ушел примерно месяц! Но чтобы отогнать подозрения, я часами сидел в углу, скорчившись и принимался болтать всякую чепуху! Я даже отрастил бороду, чтобы они представляли меня себе только так, бородатым! Мне еще нужно было, чтобы зажали пальцы на руках! Инквизиция постаралась обработать их, когда допрашивала меня, но в действительности сломала только четыре! Они, видите, и сейчас немного кривоваты! Но я для пущей убедительности наворачивал на них разные тряпки и завывал, чтобы стража по-прежнему думала, что я безнадежный калека!

— Так вот почему ты все это время притворялся сумасшедшим! — вырвалось у Кериса.

— Вообще-то я делал это по нескольким причинам! — признался Антриг, задумчиво поглаживая мягкий бархат камзола, — а вообще-то главной целью было усыпить в страже бдительность по отношению ко мне! Потому-то я и бормотал там всякую чепуху! Одновременно с этим я делал вид, что разговариваю со святыми, которые ко мне являются!

— Что? — удивилась Пелла, даже улыбаясь. Конечно, ведь Джоанна ей об этом ничего не рассказывала!

— Просто большинство послушников Церкви — это самые обычные монахи, — улыбнулся Антриг, — я сам два года провел в монастыре, и потому отлично знаю всех их праведников и почитаемых людей! Между прочим, вы знаете, что у святого Кальвидоса был железный нос? Свой настоящий он как-то умудрился потерять, отстаивая свою веру. Так вот, знаете, что я настолько понравился стражникам, что они в конце концов упростили Епископа сменять их каждые несколько недель, и не раз в неделю!

— Ты перехитрил послушников! — понял Керис.

— Не совсем так, — сказал Антриг после недолгого молчания. Маг поглядел в окно, за которым ветер немилосердно трепал потерявшие давно листву деревья. — Я и сам так ужасно устал! Эта печать, как вы понимаете, не только иссушает силы волшебника, она калечит его и физически! И я чувствовал, как я медленно угасаю! Мне не хотелось есть, я не мог заснуть! Это было страшно! — тут Антриг снова замолчал,

— мне нужно было снять этот ошейник, сломать его! Даже если бы они не прикончили

меня по приговору своего суда, то печать dokonала бы меня как пить дать!

— Но вот что интересно, — подозрительно спросил Керис, — как тебе все это удалось? Ты же сам сказал, что никакому волшебнику не под силу преодолеть противодействие печати Бога Мертвых! А печать ведь, насколько я знаю, висела на двери в Башню! Даже вдруг если бы тебе удалось как-то проникнуть в комнату стражников, переодеться в одного из них, сбрить бороду и сделать короткую прическу, вооружиться, то как ты сумел выйти из Башни, в которой, как ты сам признался окон не было?

— Это еще не все! Мне нужно было перекрасить волосы. Я имел при себе книгу с заклятьями, которая написана на одном древнем языке, который я, по счастью, немного понимаю. К тому же у меня было еще кое-что, кроме изложенных в этой книге практических советов — сажи от ламп и факелов в Башне сколько угодно. Мне говорили, что в Трембергиле есть растение, корень которого, если его разжевать хорошенько и проглотить, способствует превращению седых волос в черные! В свое время королева Дирта Вторая отвалила аж четыре слона, десять рулонов первосортного шелка и двух мальчиков-танцовщиков за этот краситель, который едва уместился на ее ладони! Так что мне было легко сделать краску для волос! Тем более, что стражники все время что-то воровали друг у друга, потому-то на мои кражи они не обратили внимания!

— Но ты так и не сказал, — упорствовал Керис, — вот после всего того, что ты там сделал, загримировался и переоделся, как же тебе удалось выйти за дверь?

Антриг ничего не ответил, принявшись потирать свои искалеченные подчиненными Костолома пальцы. Джоанна поглядела на него и вдруг догадалась:

— Это была потеря чувствительности ко всем воздействиям, да? В моем мире часто так делают, когда лечат разные там предрасположенности и фобии!

Губы Виндроуза растянулись в загадочной улыбке.

— Когда я спускался вниз, то я боялся только одного! — сказал Антриг. — Что я просто не смогу пройти! И действительно, это далось мне с большим трудом! Ведь преодолеть внешнее воздействие очень трудно! Тем более, когда речь идет о печати! Уж она-то никогда не теряет своей силы! Но вот что — я ведь успел за два месяца притерпеться к ней! Она же постоянно была на моем ошейнике! А я еще минут пять стоял там рядом, чтобы собрать в кулак все нервы! Я стоял внизу, одетый в униформу стражника, и все не решался сделать роковой шаг. К счастью, там обнаружили мою пропажу, возникла суматоха, и я проскользнул вместе со всеми наружу!

Антриг даже как-то виновато посмотрел на Кериса, который не знал даже, что и сказать! Естественно — Керис, как, впрочем, и Джоанна, ожидала рассказа Антрига, как тот отважно, с мечом в руках, прокладывал себе дорогу к свободе. А Антриг тем временем продолжал:

— А уж стоило мне выйти за порог Башни, то я попросту присоединился к своим собственным поискам. Они обыскивали снова и снова Башню и окружающую местность. Между прочим, я спрятал свою одежду, срезанные волосы и что там еще от меня осталось в полости в стене, чтобы они не догадались, что я переоделся. И точно — они думали, что ищут босого и оборванного калеку! Но мне пришлось снять очки — ведь послушники очков не носят! Мне говорили, что некоторые из послушников вынуждены были покончить жизнь самоубийством, поскольку их зрение стало ухудшаться. Потом я присоединился к одной группке, которая направилась обшаривать выделенный ей холм. А поскольку стража все-таки сменялась в Башне достаточно часто, да и не все они помнили, как я выглядел в лицо, да и сами они друг друга толком не очень хорошо знали. А потом... — Антриг пожал плечами, — все было уже легче легкого

— оторваться от группы, надеть очки и идти в Кимил. Уже было темно, потому я быстро сумел проникнуть в город по той самой трубе. Там я обзавелся этим шарфом, которым закрыл проклятый ошейник. Потом нужно было выйти обратно. Вот и все!

И Антриг, откинувшись в кресле, полузакрыв глаза. Вдруг он поднял глаза и принялся разглядывать лежащие на дне чайники, словно желая узнать, что ждет их в будущем. Джоанна

вспомнила, что он делал то же самое на дороге в город Ангельской Руки из Кимила, чтобы заработать на скромный обед себе и своим спутникам. И тем более, как знала Джоанна, он неплохо умел угадывать будущее. Кажется, что Антриг углядел на дне чашки что-то не слишком хорошее — он рывком поставил хрупкую фарфоровую посудинку на стол и отвернулся.

Естественно, что Джоанна тут же поинтересовалась, что именно он там углядел.

Но Антриг ничего не ответил. Установилась неловкая тишина, и Керис спас положение, спросив Антрига:

— А ты знаешь, что это действительно был твой последний шанс? Что за тобой ехали?

— Да, знал! — отозвался Виндроуз, глядя на внука архимага каким-то отсутствующим взглядом, — а уж теперь-то и подавно, если они до меня доберутся, то прикончат на месте безо всяких колебаний! Но это не только мой, это наш последний шанс — нужно не только остановить Сураклина, уничтожив его компьютер, который, как я уверен твердо, спрятан где-то под руинами его цитадели, нужно уничтожить самого Сураклина! — тут Антриг улыбнулся, — но на этот раз я никак не должен ударить мимо цели!

— Все случилось так быстро, да?

Керис поднял глаза, глядя на двери, в которые вышли Антриг с Джоанной. Пелла сидела в обтянутом розовым шелком креслице, прижав к себе притихшую Кишу.

— Как буря с востока, да? — закончил фразу Керис, понимая, что именно имела в виду принцесса.

— Так же неожиданно, как и замаскированная яма-ловушка, — улыбнулась девушка, — о ней думаешь только в тот момент, когда твоя лошадь уже начала в нее проваливаться!

— Так ты увлекаешься охотой? — удивился Керис такому сравнению.

— Не то чтобы! — ее глаза вспыхнули, — я вообще всегда любила животных, так что охота здесь ни при чем! Просто я страстная любительница верховой езды! Когда разгонишься как следует, то такое ощущение, будто летишь! А вообще-то мои мама и тетя никогда этого не одобряли!

— А уж общение с послушником и подавно! — ответил Керис остротой на остроту.

— Моя мама приходила в ужас, если на моем лице появлялась хоть малейшая царапина. Когда мне было десять лет, я очень хотела, чтобы на лице у меня был шрам — такой, какой был на лице у Тибала, моего двоюродного брата. А когда мы ехали из города Ангельской Руки, я все украдкой восхищалась твоим шрамом, — тут девушка рассмеялась. Одновременно с нею расхохотался и Керис, представляя, как принцесса Сентервинга убеждает родителей, что без шрама на лице ей никак не обойтись.

— Мы положили столько сил, чтобы добраться сюда раньше этих инквизиторов! Мы так беспокоились об этом Антриге, — заговорила девушка уже спокойно, — а он... всегда такой?

— Сейчас он ведет себя тише воды, ниже травы! — сообщил Керис, и Пеллицида снова расхохоталась.

— А как ты думаешь, эта штука... она действительно спрятана в цитадели?

Керис, вздохнув, встал с места, следом за ним поднялась и Пелла с уже заснувшей болонкой на руках.

— Должна быть там, но лучше не думать об этом слишком много. Кстати, я собираюсь проверить окрестности перед наступлением темноты. Ты не хочешь составить мне компанию?

Керис всегда делал это — обследовал местность вокруг предполагаемого ночлега перед тем, как лечь спать, чтобы убедиться в отсутствии какой-нибудь опасности. Когда они останавливались в дороге, то Пелла неизменно обходила маршрут вместе с ним. Керис только приветствовал это — отчасти потому, что девушка имела кое-какую воинскую подготовку и была единственной, на кого можно было положиться в случае опасности. Несмотря на свою неуклюжесть во дворцах, на природе Пелла чувствовала себя как рыба в

воде.

Но, кроме того, Керису было приятно общаться с этой девушкой. Когда наступали периоды истощения жизненной энергии, было приятно чувствовать себя не одиночкой. Тем более, что Керис знал о неумолимо приближающейся схватке с Сураклином, в которой, как ему казалось, он должен был погибнуть. Кериса угнетало и сознание того, что он нарушил клятву на верность Совету Кудесников. И ни что не могло утешить парня, который твердо причислил себя к числу клятвопреступников. Впрочем, и утешать себя было тоже делом, недостойным настоящего послушника.

Конечно же, Пелла и на этот раз не отказалась составить компанию Керису. Набросив войлочную накидку, девушка последовала за ним к боковой двери, через которую они и выскользнули на улицу. Поместье со всех сторон окаймляла ровная линия вязов, которые и были тут специально для того посажены, чтобы противостоять диким ветрам Сикерста. Под ногами хрустела слегка припорошенная снегом побуревшая от морозов трава. Из тени дома Керис стал внимательно осматриваться по сторонам, поскольку и гвардейцы, и послушники Церкви могли быть уже здесь. Но сколько Керис не вслушивался, не всматривался в корку подмерзшего снега, так и не смог уловить ничего подозрительного.

Затем Керис и Пелла направились к конюшне, там тоже не было ничего необычного — разве только то, что им пришлось спрятаться за стог сена, чтобы проходящая мимо группа конюхов не подумала чего-нибудь приличествующего случаю, на что обычно так способны слуги. После чего оба направились к большому амбару с фуражом для лошадей. Амбар замыкал группу строений поместья, и если выйти за него, то можно видеть близлежащие холмы. Нет, нигде не было никаких следов. Керис проверил также положенные на кануне им на землю в разных местах щепочки и соломинки, но они тоже лежали по-прежнему. Пелла стояла в тени, отбрасываемой стенами амбара, и смотрела на манипуляции Кериса.

— А не лучше ли вам выждать денек-другой, прежде чем идти к этой цитадели? — спросила девушка, когда Керис закончил осмотр.

— Мы не должны потерять так много времени! — запальчиво отозвался внук архимага, — конечно, день на отдых нам нужен в любом случае. Когда мы нашли Антрига, тот был уже на пределе возможного. Да и мы сами тоже подустали. Но трех дней на это — слишком много. Сураклин тоже не дурак! Джоанна вот думает, что Сураклин будет как раз по ту сторону Пустоты, в ее мире! А может, он уже сейчас там! Нам нужно действовать как можно скорее. Ведь он может возвратиться сюда в любую минуту. А по возвращении он сразу же узнает об исчезновении из Башни Антрига. Мы должны побыстрее пробраться в его цитадель, преодолеть все препятствия и ловушки, которые Сураклин, конечно же, подготовил для незваных гостей. Затем Джоанна отравит, как я понял, компьютер Сураклина, а мы станем поджидать его, чтобы сразиться. Это должна быть наша последняя битва! Но если он заранее узнает, что Антриг на свободе

— тогда у нас скорее всего просто нет никаких шансов.

— Нет, я совсем не это имела в виду, — смущенно проговорила Пелла и покраснела. Она неловким движением поправила выбившуюся из-под капюшона прядь волос, — я просто думала, что вам лучше дождаться хорошей погоды.

— Тогда, получается, мы как птицы, которые сидят в подвале и ждут солнечного тепла! — улыбнулся Керис, — но мы не можем сидеть здесь до самой весны.

— А-а-а, — протянула разочарованно принцесса голосом ребенка, которому не терпелось попробовать, что такое кофе, а потом обнаружившего, что это горьковатая гадость.

Тут Керис подошел к Пелле и встал рядом с нею. Теперь стены амбара больше не защищали их, и потому ветер остервенело хлестал по ним, уж точно насквозь продувая ливрею Кериса.

— Говорят, — обратился задумчиво послушник к своей спутнице, — что уроженцы Сикерста, оказавшись вдали от родной земли, скучают по этой суровой зиме.

— Так ты нездешний? — догадалась Пеллицида.

— Я родился в долине, это там, где выращивают хлеб, — покачал головой послушник, — там на многие мили тянется равнина, гладкая, что твоя ладонь. Люди сеют там зерно. Там такая черная земля. Там много речек, деревья вырастают толстыми-толстыми... Там тоже есть зима, выпадает снег, но нет таких ветров. Зимой можно идти бесконечно по этому снегу, а он такой серебристый под луной. И такая тишина стоит, что слышно, как лают в соседней деревне собаки. А деревни у нас находятся неблизко друг от друга. Но у нас там такая спокойная жизнь!

Тут Керис замолчал, и Пелла поняла, что он не один раз уже задумывался о своей родине, которую он покинул еще мальчиком.

— Послушай, — наконец нарушил Керис тишину, — а ведь они не должны были отпускать тебя одну?

В ответ девушка чарующе улыбнулась, и Керис тоже ответил улыбкой.

— Конечно, мне не следовало этого делать, — отозвалась принцесса,

— но я все-таки это сделала! Ведь мне так часто приходилось переступать общепринятые нормы. Еще в детстве я убегала из дому и отправлялась вместе со своим двоюродным братом Тибалом и его товарищами на охоту. Мы стреляли птиц. Мне так нравится быть на природе! Иногда бывает очень приятно побыть одной. Знаешь, Керис, я терпеть не могу думать каждый раз, как я выгляжу, что обо мне скажут придворные... К тому же при дворе всегда стоит такой шум! Как будто бы летом, к примеру, в саду больше нечего делать, как приглашать туда целую ораву гостей и устраивать там танцульки.

Принцесса замолчала и уставилась в серую мглу ночи, будто бы думая, что можно делать летом в саду более интересное, чем балы. Керис искоса посмотрел на девушку и вдруг увидел в ее глазах слезы. Наконец она тихо спросила:

— А если этот Сураклин... если он все-таки наладит свой компьютер, то все будет по-другому? Он будет управлять всеми нами, да?

— Да! — нетерпеливо заметил Керис. — А ты не хочешь пойти с нами?

Девушка резко повернула голову, и в ее глазах мелькнул отблеск охотничьего азарта. Но в следующую секунду Пеллицида быстро отвела глаза и дрожащим голосом сказала:

— Но я не могу!

— Извини меня, я сказал глупость, — выдавил из себя Керис, — я не должен был...

— Да нет, нет! — торопливо сказала девушка. На мгновение их глаза встретились. И в глазах Пеллы Керис прочел отчаяние, как у загнанного в угол зверька. Тут же она добавила, — если бы все не было так сложно, я бы обязательно пошла с вами, честное слово. Дело не в том, что я не хочу сражаться за жизнь Фароса, хотя этот ваш... Гэри, Сураклин то есть, все время намекал мне, что его жизни грозит опасность. Он очень жестокий человек, злой... Я вот думаю, во имя чего мне нужно делать это... Во имя справедливости? Порядочности? Скажи, а ты вообще веришь в доброту людей?

— Я верю в то, что в этом мире существует зло! — отчеканил Керис.

— И я твердо знаю, что нужно остановить Сураклина! — тут парень подумал, что остановить Сураклина, даже их общими усилиями, будет, может быть, вряд ли вообще возможно.

Тут Пелла отвернулась, при этом ее руки дрожали.

— Дело в том, что я никак не могу рисковать! — наконец тихо сказала она, и голос ее звучал как-то пристыженно. — Просто мне кажется, что я ношу в себе ребенка Фароса.

Кериса внезапно охватил приступ бешеной ярости, гнева, негодования. Словно эта девушка призналась ему в совершении какого-то очень неблагоприятного поступка. Керис едва сдержался, чтобы не наговорить оскорбительных слов, причем сам не зная, по какой причине. Пелла успела схватить его за руку, когда внук архимага развернулся, чтобы войти в дверь.

— Керис... — прошептала она отчаянно.

По лицу девушки градом катились слезы. Тяжело дыша, Керис остановился. Смущенный, парень остановился, соображая, как такое вообще могло получиться — как он

мог так отреагировать на то, что его вовсе не касалось. Ответ он тут же прочел в глазах Пеллы.

Его ярость тут же превратилась в ужас, даже в горе. Ему показалось, что он падает в какую-то бездонную пропасть. И Керис все понял.

— Пелла, я... я не могу сделать этого! — тихо прошептал он.

Пелла даже не спросила, что он имеет в виду. Все было понятно без слов.

— Я это знаю, — прошептала она. — Ты не должен размягчать себя. Ты должен сохранить в себе свою ненависть, ведь с нею тебе предстоит идти к цитадели Сураклина, возможно, даже завтра. Но... — тут она затряслась в беззвучных рыданиях, — прошу тебя, не испытывай ненависти ко мне. Не презирай меня. Я... Я...

Так они и стояли возле стены амбара на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Керис вдруг почувствовал, как в нем нарастает новая волна гнева — на сей раз против Фароса, который заставил блестеть страхом глаза девушки. В следующую секунду, уже не в состоянии контролировать себя, Керис порывисто обнял девушку, которая прижалась к нему и с болью заплакала.

— Вообще-то мне не хотелось делать этого...

Кругом была темнота. К вою ветра теперь примешивался еще и стук дождя по крыше и окнам, причем капельки его тут же застывали на стекле. На столе горело сразу десятка полтора свечей, поставленных в разномастные подсвечники. Это Антриг зажигал их одну за другой, когда стало окончательно темнеть.

— То есть, ты хочешь сказать, что это было изнасилованием? — спросила Джоанна, лежа в его объятиях.

Антриг только вздохнул. Приподнявшись, он посмотрел девушке в глаза и снова опустил лицо в подушку, сильнее сжав свои объятия.

— Я только хочу, — наконец сказал он, — чтобы ты не попала в еще более трудную ситуацию, чем та, в которой ты уже находишься.

— Ну что же, — спокойно сказала девушка, — завтра мы выступаем к цитадели Сураклина. Сначала мы должны преодолеть все барьеры, которые он расставил на пути к своему компьютеру. А потом я должна проникнуть в систему. А потом, если у нас все выйдет, мы притаимся и будем ждать его самого... Если, конечно, не окажется так, что он уже поджидает нас там. Сураклин, в конце концов. Охотится за мной, а за тобой вообще гонится целая свора — и Церковь, и регент, и Совет Кудесников, и Инквизиция. И каждый из них, конечно же, готов покарать и меня как сообщницу. Возможно, что они и мне припишут что-то такое, типа приманивания сюда чудищ... Так что уж вряд ли моя ситуация может ухудшиться. Если, правда, на нас не наскочит стая каких-нибудь монстров с другой планеты или не нападет орда взбесившейся черни с факелами. Но в этом случае, я думаю, ты сможешь с ними как следует разобраться!

— Перестань утрировать, — сурово сказал Виндроуз. — Ты же знаешь, о чем именно я говорю.

— Я знаю, что ты просто боишься, что со мной может что-то случиться.

— Вообще-то, да! — признался он, разминая в своих пальцах прядь волос девушки, — но подумай серьезно, в какую ситуацию мы попали. И не так-то просто ее разрядить. С нами обоими может случиться что угодно. Я и сам не могу контролировать обстановку, я не лгу тебе. Вообще-то я имею некоторое представление о том, что именно будет поджидать нас в цитадели, ведь кое-какие устройства я и сам помогал там устанавливать. И мне не хотелось бы, чтобы мои друзья пали жертвами моих же трудов. Но, с другой стороны, мне все равно самому не удастся сладить с этим самым компьютером, кто же нам в любом случае понадобится умелый воин, который будет охранять нас с тыла. Во всяком случае, у нас с тобой нет права выбора — мы должны идти туда. Выбирать могут только Керис и Пелла. Мы не в силах заставить их идти с нами.

— Керис пойдет с нами, — тихо сказала девушка, — и Пелла тоже.

— Да, — промолвил Антриг, — это люди, которые не страшатся обычной опасности,

которая грозит человеку как живому существу. Но здесь не совсем обычная опасность. Хотя я не побоюсь сказать, что Сураклин постарается воспользоваться ими обоими, перетянуть их на свою сторону или что-то подобное выкинет. Ведь он однажды уже вселился в тело твоего... друга Гэри, а теперь собирается подчинить своей воле тебя.

Джоанна содрогнулась, вспоминая то, что ей удалось вычитать в файлах Темного Волшебника — как он постепенно, шаг за шагом, овладевал своей жертвой.

— И все это время, покуда я сидел в Башне, — продолжал Антриг, — я боялся, что с тобой что-то может случиться. Я боялся, что Сураклин подчинит тебя себе так, что ты до самого последнего момента даже не догадаешься, что случилось, а когда все поймешь, то будет уже слишком поздно!

Джоанна молчала, теребя в руках кружево подушки. Она знала, какие страдания пережил сам Антриг и была глубоко тронута, что этот человек еще находил в себе силы переживать за других.

Свет свечей отбрасывал на Антрига загадочный отблеск.

— Я восемь лет прожил у Сураклина, — снова заговорил Виндроуз. — Можно сказать, что я даже как человек сформировался в его доме. Я видел, какие вещи он может проделывать с людьми, как шутя он вертит ими и направляет их действия для достижения своих собственных целей, — тут голос его слегка задрожал, — он и мной тоже помыкал, как хотел, я не делаю из этого никаких секретов. Если хочешь знать, когда я сидел в Башне, я не испытывал к тебе ненависти за твое предательство. Хотя, — его голос зазвучал тверже, — в этот вечер, когда я уговаривал тебя в доме Гэри развязать меня, я был готов стукнуть тебя как следует головой о стену, вот тогда я действительно был невероятно зол!

Джоанна рассмеялась, и они снова замолчали. Свечи догорали, растекшись на низком прикроватном столике разноцветными восковыми лужицами. Откуда-то издали слышались задорные голоса Кериса и Пеллы, где-то ссорились и бранились слуги. Дождь стал вроде бы стихать. Даже огонь в камине, и то, казалось, уже не гудел так сильно.

Вдруг Джоанна подумала, что это, быть может, даже их последний вечер. А потом... Потом их ждет пугающая неизвестность.

Завтра предстояло сделать самое ответственное — проникнуть в святая святых Сураклина и свести на нет все плоды его усилий.

Как и Антриг, девушка понимала, что выбора у нее нет. Если Сураклина не уничтожить сейчас, то рано или поздно он сам доберется до нее.

Словно читая ее мысли, Антриг сказал:

— Если нам удастся уничтожить компьютер и остаться при этом в живых, то тогда мне, тебе и Керису после всего этого нужно снова сюда вернуться. Впрочем, я не думаю, что твое присутствие сможет помочь мне в схватке с ним... — тут Виндроуз поколебался, и нехотя выдал, — и я даже не уверен, что смогу защитить тебя от него.

— Я понимаю тебя, — мягко сказала Джоанна. Она провела ладонью по его груди, — вот потому-то... потому ты и не хотел привязывать меня к себе, чтобы я не чувствовала близости с тобой, ты не позволял мне любить тебя... Скажи, ты не уверен, что выйдешь живым из этой схватки?

Антриг поспешно отвел глаза, даже в постели на нем были эти несуразные очки. Помолчав, он тяжело вздохнул:

— По правде говоря, дитя мое, я вообще уверен, что я погибну.

Глава 9

Хотя ей трижды пришлось побывать в этих местах, Джоанна готова была поклясться, что ей еще ни разу в жизни не приходилось видеть места более унылого и уединенного, чем окрестности цитадели Сураклина. Даже летом трава тут росла не слишком хорошо, и вряд ли только постоянные ветры были тому виной. Особенно поражала стоявшая тут мертвая тишина. Когда они ехали сюда в карете Пеллы, взгляд путников выхватывал среди

неприметного пейзажа то зайцев, то каких-то птиц, вспархивавших прямо с дороги.

Возле же руин цитадели вообще не было никаких живых существ. Сюда вела все та же дорога, вымощенная потрескавшимися плитами, Сквозь щели которых пробивались побитые морозом травы. Беспорядочно громоздились посеребренные инеем руины, перемежавшиеся ямами и какими-то канавами. Лошади то и дело нервно храпели, и их храп далеко разносился в морозной тишине. Даже когда Керис выхватил рывком меч из ножен, и то раздался довольно зловещий скрип.

— Странно все это! — сказал Антриг, Настороженно озираясь по сторонам.

Керис снова оглянулся назад, а потом посмотрел туда, куда был устремлен взгляд Виндроуза.

— Что там? — живо спросил он, — я не вижу ничего подозрительного.

— Я тоже, — отозвался чародей, — вот потому это и странно, — легким жестом Антриг поправил свои очки и соскочил с лошади, — давайте оставим лошадей здесь и дальше пойдем пешком, — тихо заметил он, — теперь нам ни в коем случае нельзя терять друг друга из виду, — Виндроуз помог Джоанне спуститься с лошади, Поскольку конь был довольно рослым.

— Но нам все-таки лучше рассредоточиться, — нервно заметил Керис,

— чего бояться, ты ведь сам научил меня утром заклятьям, Которые не дадут Сураклину застигнуть меня врасплох. А откуда Джоанна держит на плече свою сумочку, а в ней лежит эта печать, То Сураклин не доберется и до нее. А Церковь знает, чьим учеником ты был в свое время. Конечно, они ожидают, что ты рано или поздно возвратишься сюда. Хасу видели тебя у стен Кимила, значит, теперь они знают, что ты удрал, переодевшись одним из стражников. И если отряд послушников окажется поблизости, то им не составит труда заметить группу людей.

— Ты что же, собрался оторваться от коллектива и в одиночку обыскивать всю цитадель? — осведомился лукаво Антриг, — да еще для расстриги-кудесника, который к тому же вроде бы и свихнулся? Не глупи!

— Виндроуз резко повернулся. Он был по-прежнему одет гвардейцем, на его поясе болтался настоящий боевой меч, — меня беспокоит только то, что поисковые группы могли прийти сюда еще вчера и попасться в ловушки Сураклина! Оставайтесь пока тут, — с этими словами Антриг погладил по шее нервно дрожащую лошадь и спешил.

Все последовали его примеру. Когда они отошли метров на десять, Джоанна не выдержала и оглянулась: лошади по-прежнему стояли на месте, глядя вслед уходящим седокам. Встряхнув головой, Джоанна заспешила вперед, внимательно глядя при этом под ноги, чтобы не провалиться в одну из бесчисленных ям.

Когда они еще подъезжали к этому месту, то развалины цитадели было почти невозможно разглядеть — настолько слились они с окружающей местностью. Впрочем, этому было еще одно объяснение. Керис сказал, что во времена Сураклина люди тоже часто не замечали еще стоявшей цитадели и скакали по холмам во весь опор, а когда они вдруг врывались в ворота, и те с треском захлопывались за ними, было уже поздно.

Когда они приблизились к развалинам наружной стены, Джоанна вдруг подумала, какая гигантская сила потребовалась, чтобы разметать в стороны громадные каменные блоки, из которых было сложено это сооружение. Тут и там в земле темнели трещины, теперь оплывшие и заросшие травой. И повсюду эти каменные блоки, некоторые величиной с приличный грузовик.

Дождь немного повысил температуру воздуха, и лед, покрывавший камни, растаял. Ветра тут тоже не было, поскольку со всех сторон к развалинам цитадели подступали высокие холмы. Чем ближе они приближались к цели, тем сильнее девушка ощущала витавший в воздухе запах разложения.

Джоанна оглянулась назад — Антриг, напряженно застыв, казалось, весь превратился в слух. Своим длинным носом он словно впитывал в себя этот подозрительный запах, стараясь уловить, откуда он исходит.

— Любопытно, очень любопытно, — забормотал Виндроуз, — но, вообще-то, логически рассуждая, люди, которые бывают здесь, в один голос говорят, что все находящееся здесь стоит охранять.

— Кстати, — тихо сказал Керис, — я слышал, что это и есть излюбленная тактика Сураклина — он заманивает людей, изображая все таким образом, будто тут полная безопасность. И они, как следствие, теряют бдительность. Когда понимают, что случилось, отступать уже поздно.

Антриг потер указательным пальцем переносицу.

— Отчасти ты прав, — признался он, — но поскольку мы с тобой все-таки имеем кое-какое отношение к волшебству, то мы сможем почувствовать опасность заранее.

— А ты что, думаешь, что это нам как-то поможет?

— Нет, конечно, — как-то диковато ухмыльнулся безумный чародей, — но зато цель нашего поиска никуда от нас не сможет удрать.

Керис нервно потрогал рукоятки пистолетов, висевших у него за поясом — того самого кольта 45-го калибра и своих, кремневых пистолетов. Другой рукой он уже давно сжимал меч. Словно получив дополнительный заряд уверенности, Керис заторопился за своими спутниками, где этот неприятный запах был еще гуще.

Тут они разошлись немного в стороны — Антриг осторожно пробирался между валявшимися обломками камней — до колена высотой — которые густо усеяли землю. Это было все, что осталось от внутренних стен цитадели. Рядом с ним, чертыхаясь, пробиралась Джоанна. Разбросанные камни очень напоминали ей лабиринт. В одном месте ее глаза выхватили из мешанины каменных обломков и сухой травы бесформенные куски ржавого железа...

— Здесь была кухня, — тихо пояснил Антриг, — а вон там, где большие ямы, были кладовые. Когда у меня случалось что-то серьезное с Сураклином, я прятался от него там. Конечно, спрятаться от него надолго было трудно, но ведь у меня тоже волшебный дар, так что это немного помогало, — тут Антриг замолчал, и морщина явственно обозначилась на его переносице. Джоанна вдруг как-то особенно осознала, что она любит этого немного нескладного человека, поседевшего от пребывания в Башне Тишины.

— Ты иногда... скучаешь по нему? — тихо спросила девушка.

Антриг удивленно поглядел на нее. Наконец, немного нахмурившись, он отозвался:

— Мне его всегда недоставало... С того самого дня, когда я познакомился с ним... Я думал, что это так... Даже потом, когда я понял, что его забота обо мне — это только часть его плана, поскольку это ему было просто нужно... Я не знаю даже! Но мне все равно нравилось, что обо мне кто-то заботится! Ведь ты сама знаешь, что как правило люди редко заботятся о ближнем, — тут Антриг принялся потирать озябшие пальцы — ведь у него были перчатки воина, пальцы на которых были отрезаны для удобства действия в бою.

Помолчав, Антриг продолжал:

— Знаешь, я готов был мириться со всем — с постоянными побоями, с кровоточащими ранами, с разными заклятиями, превращениями, которыми я занимался ночью вместо сна... И я знал, что все происходящее там — самое настоящее Зло. Я готов был примириться со всем, если бы он действительно любил меня так, как говорил об этом. Ведь у меня могло бы сложиться еще более несчастливое детство... Мне было иногда лестно, что такой могущественный волшебник так цацкается со мной. Я верил ему,

— тут Виндроуз скривил губы, — как верит рыбка, клюющая на насаженного на крючок червяка. Но его любовь была... какая-то дежурная, он, возможно, дарил прежде ее тем людям, которые до меня принесли себя в жертву Сураклину. И это были очень хорошо отрететированные чувства, очень хорошо! Иногда он брал у меня какое-то количество крови для своих опытов, и я чувствовал, что если он вдруг пожелает забрать все, что отказать ему я буду не в силах...

А вокруг них громоздились развалины цитадели, погруженные в мрачную и торжественную тишину. Джоанна вспомнила, что сооружение это в свое время было

возведено на пересечении энергетических линий, линий, которые проходили не только в этом мире, но и в других мирах, в том числе и в ее собственном. Тут девушка подумала, что Антриг и Керис, возможно, Как раз и прислушиваются к гудению энергии на этих подземных линиях.

— Солтерис рассказывал мне, что они устроили громадный костер, в который бросали все имущество Сураклина, — забормотал снова Антриг, — бросали все, что попадалось им тут под руку — книги, разные приборы, драгоценности, картины... Там были и настоящие произведения искусства, Сураклин очень любил красивые вещи. Нельзя забывать, что Сураклин был сказочно богат. Он окружил себя сказочной роскошью, Которая не только услаждала его, но и должна была внушать окружающим мысль о его величии. Иногда он даже позволял себе полюбоваться красивым закатом или послушать пение птиц. Но особым для него развлечением было манипулировать людьми, подчинение их своей воле. Вот это было для него верхом удовольствия. Впрочем, людей труднее держать под своим постоянным контролем, чем вещи...

— Но ведь ему удавалось и это, — вставила Джоанна.

— Да, — согласился чародей, — ему действительно удавалось это. Поэтому меня не удивляет, что он хотел жить вечно, это желание было для него выше, чем любовь к красоте и гармонии мира, он сам говорил об этом.

Так не потому ли, подумала вдруг Джоанна, Сураклин выбрал именно Антрига себе в ученики, в рабы, в жертвы? Не потому ли, что и Антригу была свойственная своеобразная любовь к окружающему миру? Впрочем, они все-таки отличались друг от друга. Были такие вещи, за которые Антриг не задумываясь отдал бы свою жизнь. А Сураклин... Девушка вытянула руку и почувствовала теплоту его руки.

— Антриг! — раздался вдруг крик Кериса. — Здесь!

Виндроуз сразу завертелся, глядя по сторонам. Керис стоял в стороне, на небольшой возвышенности. Джоанна вдруг подумала, что это запросто могло быть самой обычной иллюзией, которую навел Сураклин, чтобы заманить их в ловушку. Но Антриг, постояв немного на месте, потащил Джоанну за собой.

То, что лежало в гуще сухой травы, было уже мертво несколько недель. Ветра тут не было, и потому вонь была просто отвратительная. Едва только взглянув на распухший труп, синее лицо, покрытое копошащимися пухлыми личинками, Джоанна почувствовала сильнейший приступ тошноты и отвернулась в сторону.

Затем Виндроуз внимательно посмотрел в лицо Джоанне.

— Это же какое-то чудовище! — воскликнул Керис, — тоже попало сюда из другого мира и попало в одну из ловушек Сураклина. Даже не определишь, человек ли это или какое-то животное. Я заметил просто его след в траве, она до сих пор примята...

Виндроуз же осторожно подошел к трупу и склонился над ним, изучая.

— Очень любопытно, — пробормотал он задумчиво, — почему же почти все личинки мертвы, а те, что живы, тоже еле шевелятся?

Превозмогая отвращение, Джоанна подошла поближе. Антриг и Керис настояли на том, чтобы она не надевала униформы гвардейца — ведь она совершенно не знала, как они должны вести себя в случае чего. Потому она оделась в малиновую одежду пажа регента, при ней был ее кошелек, и в кармане — пистолет 38-го калибра. Девушка опустила пониже, чтобы разглядеть труп.

— Личинки не слишком крупные, — сказала она, — те, что умерли, даже еще не успели разрастись, значит, они и не ели это тело, — тут отвращение ее переросло в удивление, — вы только посмотрите, тут даже есть мертвые мухи.

Джоанна, нахмурившись, подняла глаза на Антрига, а потом снова глянула на труп.

— Неужели... неужели эти ловушки Сураклина, — забормотала она, — могли сделать даже такое. Убить не только эту жертву, но и паразитов, которые размножались на ней?

Антриг задумчиво посмотрел в низкое хмурое небо. Он глядел на груды камней, что вытянулась узкой полосой в сторону Башни Тишины. Затем он посмотрел уже в другую

сторону — там одиноким бугром высился оплывший от времени курган. Затем экс-кудесник снова посмотрел на мертвое тело.

— Это и в самом деле очень странно, — пробормотал он.

— А может, это и есть один из защитников тайн Сураклина, — кончиком меча Керис осторожно прикоснулся к тому, что очертанием напоминало пасть мертвого страшилища. Из распухших сизых губ, тоже покрытых червяками, во все стороны неровным частоколом торчали желтые кривые зубы.

— Но что же в таком случае убило его?

— Гвардейцы? Или инквизиторы? — пожал Керис плечами, — я знаю, что Костолом уже приглядывался к этому месту, когда ты сидел в Башне. Он говорил, что это место нужно вообще распахать.

— Странно только, что если он тут бывал, не столкнулся ни с какой защитой, — удивился Антриг, осторожно ковыряя палочкой сероватую поверхность лежащего рядом камня и землю, — очень все это странно. Дорогая моя, пойдем, — он слегка тронул Джоанну за рукав, — Керис, а ты прикрывай меня сзади. Сураклин обычно выдерживал десятиметровую длину между началом и серединой ловушки.

Наружная стена цитадели была когда-то около шести метров толщиной. От нее еще сохранилась нижняя часть, вокруг были разметаны обломки. Все это было покрыто целым лесом почерневшей травы. Вдруг Джоанна попятилась — позади остатков стены зияла глубокая яма. На ее дне тоже стояла вода, отражавшая серое небо. Из воды торчали обломки камней. На разной высоте в стенах ямы виднелись ходы и какие-то двери, из чего можно было сделать вывод, что под цитаделью вся земля была пронизана ходами и галереями. Всего Джоанна насчитала семь подземных этажей. Стоявший рядом Антриг загадочно молчал.

— А ты... после разрушения цитадели хоть раз приходил сюда?

— Очень давно. Мы приходили сюда вместе с Солтерисом, — кивнул Виндроуз, — мы просто тогда шли в одно место, и по пути заглянули. Вообще-то мне не хотелось идти сюда, но Солтерис был так настойчив. Может быть, он просто хотел показать мне, что Сураклина действительно больше нет на свете. Он хотел изгнать из моей души страх перед Темным Волшебником. Даже смешно, — тут голос его осекся, — когда начинаешь думать об этом.

Джоанна подумала, что Антригу не хочется вспоминать, как Солтерис относился к этим безмолвным руинам. Ведь именно Солтерис вел объединенные войска на штурм цитадели Сураклина. Хотя потом архимаг настойчиво пытался помочь тогда еще молодому Антригу изгнать из себя страх, для того и привел его сюда. Что должен был потом испытать Антриг, когда уже сидя в Башне Тишины, он увидел, как глазами Солтериса на него смотрит Сураклин?

— Жаль только, что я его не знала, — тихо промолвила Джоанна.

Антриг как-то странно посмотрел на нее, словно не веря в то, что она сказала. Вздохнув, он положил руку ей на плечо.

— Где-то тут должна быть лестница, подъем, — нарушил Антриг тишину, — она была спрятана за фальшивой перегородкой возле камина в большой гостиной. Потом при штурме все это разрушили, сровняли с землей, но я боюсь, что все внутренние, подземные помещения сохранились.

— А как насчет того, когда я появилась первый раз? — поинтересовалась девушка, — кажется, это был какой-то подземный переход?

— Это был просто тайник, схрон, — покачал головой экс-кудесник, — и галереей он был соединен с той большой ямой. Мне кажется, что Сураклин направлялся туда прямо из Пустоты, когда возвращался от Гэри. Ведь ты помнишь, как выглядели его метки?

Антриг медленно отошел от края ямы.

— Я должен отойти от тебя ненадолго тут, — сказал он тихо, — но я просто не знаю, какие именно защитные устройства должны сработать теперь. А вдруг нам уже поздно спускаться? Ведь там были хитрые штуки, с замедленным действием. Вряд ли Сураклин

уйдет отсюда, не приведя в готовность свои ловушки... Если, конечно, он не сидит где-то внизу и не поджидает нас, — тут Джоанна заметила, что лицо Антрига покрыто смертельной бледностью. Девушка вдруг подумала, что Сураклин, может, и не собирается убивать их троих. Возможно, они нужны ему живыми.

— Но все дело в том, — продолжал Антриг, — все тут как-то слишком тихо, и это очень сильно меня тревожит.

— И это так тревожит тебя? — спросила испуганно Джоанна, чувствуя, что ее сердце учащенно забилося.

— Стой на месте и все время будь готова к... — тут Антриг, словно собака при приближении дичи, резко поднял голову, — о, черт возьми.

— Что такое? — зашептала Джоанна.

— Инквизиторы, — тихо отозвался Виндроуз, — и Костолом с ними.

— Антриг, — к ним сбоку подскочил Керис, — ты слышишь, на энергетической линии...

— Да, там Костолом.

— А ты не можешь использовать какое-нибудь заклятье?

— Но ведь с ними хасу. К тому же если я использую свое волшебство, Сураклин живо поймет, где я нахожусь. Смотри, вон они, они пришли сюда.

Антриг указал на север, где на фоне серого неба обозначались темные силуэты. Затем вдруг показались ярко-алые пятна — это были плащи церковников. Один из этих людей — это было хорошо видно, — прищепил лошадь и стал осторожно спускаться с откоса.

— Ага, они, наверное, наблюдали издали в подзорную трубу, — догадался Антриг, хватая Джоанну за руку и увлекая ее на вершину массивной каменной платформы, — конечно, Костолом отлично знает меня. Ведь это он выбивал из меня все эти признания.

— Смотрите туда, — прохрипел Керис, указывая на запад. И там было видно, как по склонам спускалось десятка полтора человек. В их руках поблескивало холодной сталью оружие.

— Но почему же тогда бездействуют все эти ловушки Сураклина? — удивился Антриг.

— Может быть, нам все-таки лучше рассредоточиться?

— Нет, только не это. Нам надо спрятаться в какую-нибудь яму.

— Ты что, окончательно рехнулся! — забормотал испуганно Керис, — если ловушки Сураклина там, то...

— Виндроуз! — послышался в морозном воздухе голос Костола. На расколовшихся каменных плитах, бывших когда-то двором цитадели, инквизитор натянул поводья лошади. Ветер принялся яростно трепать его седую гриву. Ветром с инквизитора сдуло шляпу. Даже издали было видно, что лицо его превратилось словно в каменную маску. — Я подозревал, что рано или поздно ты вернешься сюда, к месту, где жил твой хозяин, — тут к Костолому подъехало несколько хасу и послушников. Постояв еще с минуту, главный инквизитор осторожно направил лошадь вперед.

Керис лязгнул мечом.

То, что случилось потом, произошло мгновенно, чего никто даже не ожидал. Потом видение этого не раз посещало Джоанну, и каждый раз она снова и снова содрогалась, точно видела это впервые. Только лошадь Костола ступила в выложенный из камней круг, как нечто, похожее на огромную медузу с длинными щупальцами, выскочило откуда-то из-под земли прямо на всадника.

Ужас охватил Джоанну еще до того, как все услышали истошный крик инквизитора. Со всех сторон к нему помчались послушники. Антриг схватил за руку Джоанну и потащил ее к тому месту, где должна была находиться потайная лестница. Оглянувшись, Джоанна увидела, как лошадь Костола с бешеным ржанием носится по кругу, разбрызгивая кровь. Щупальца твари охватили голову и плечи всадника, они были покрыты кровью и какой-то дымчатой слизью.

Времени больше не было, чтобы разглядывать эту ужасную сцену. И в самом деле —

прямо под ногами Джоанна как-то внезапно заметила выщербленные ступени старой лестницы, плотно поросшие травой. Антриг повел ее в низ. Девушка с трудом сохраняла равновесие — ступени были неровные, с выбитыми краями, а приходилось нестись чуть ли не бегом. Наконец под ногами пошли одни ступени, травы, в которой запутывались ноги, уже не было. Но откуда-то уже сверху продолжал доноситься дикий крик Костолома. Боже, подумала Джоанна, да когда же этот инквизитор наконец отдаст концы?

Вдруг девушка поскользнулась. Упав, она покатилась по крутой лестнице, словно по ледяной горке. Где-то внизу Антриг подхватил ее и поставил на ноги. Джоанна, переводя дух, увидела прямо перед собой сводчатую арку — вход куда-то. Сзади доносились проклятия Кериса — внук архимага ни на шаг не отставал от них.

— Что ты собираешься тут... — начал было яростно Керис, но договорить не успел — Антриг сунул руку за один из грубо вырезанных из камня фигурных столбиков и принялся шарить там. Но ничего не последовало. Тогда Антриг выхватил меч, вставил его за столбик и что есть силы нажал на него. Сверху вдруг снова донеслись крики инквизитора, но теперь это уже были вопли обезумевшего существа, а не человека. Но крики Костолома больше не отвлекали их. Тем более, что усилия Виндроуза увенчались успехом — раздался какой-то скрежет, и перед ними открылся темный провал хода.

Антриг довольно бесцеремонно толкнул Джоанну вперед, а за тем последовал за ней. Но не успел он сделать и двух шагов, как Керис схватил его за руку и прошипел:

— Да ты идиот!

— Э, нет! — возразил чародей. — Может, я и безумец, но никакой не идиот, — тут он рывком выдернул свою руку из хватки ошалевшего Кериса. Проникавший откуда-то сверху скупой свет фокусировался на дужках его очков. Антриг уже более спокойно продолжал, — конечно, их невозможно убедить, что это не я вызвал чудовище. Теперь они думают, что Костолом погиб из-за того, что попытался схватить меня. И Джоанну, — тут Антриг помолчал, а потом решительно сказал, — и тебя тоже, Керис.

— И это ты считаешь достаточным основанием, чтобы лезть очертя голову в ловушки Сураклина? — голос Кериса дрожал от гнева.

— Понимаешь, дело в том, — сказал Виндроуз спокойно, — что мы сами пока что не попали ни в одну. Вот это само по себе очень странно, — тут чародей убрал меч в ножны, но Керис из своей обычной осторожности не захотел последовать его примеру. — Керис, нам рано или поздно все равно нужно было прийти сюда. Если это ловушка, то это очень хитрая ловушка. По крайней мере, мы сможем оценить хитрость Темного Волшебника.

Постояв, все трое двинулись вперед, словно в разверзшиеся врата ада. Там была кромешная тьма, но не мертвая, как ночью, а словно живая, и потому страшная. Джоанне казалось, что за ней из темноты наблюдают чьи-то глаза. Иногда спереди веяло каким-то могильным холодом, и тогда Антриг быстро командовал своим спутникам — прижаться к стене. Волна холода с шипением прокатывалась мимо них по проходу. Прислоняясь к Керису, Джоанна чувствовала, что тело парня содрогается от ужаса и отчаяния. Тут она вспомнила — ведь он был из рода волшебников, и потому мог видеть в темноте.

Иногда в темноте просто выплывали какие-то белые фигуры, напоминающие свиней с отрубленными лапами. Но чаще зрелища бывали более прозаичны — крысы, шурша и отвратительно пища в темноте, ссорились друг с другом из-за добычи. В одном месте они даже что-то такое грызли. В одном месте стену целиком покрывала какая-то ярко-оранжевая плесень, издававшая в темноте слабое свечение. Антриг строго-настрого приказал не прикасаться к ней. В другом участке галерея настолько расширилась, что стала напоминать комнату. Тут ход был уже не выкопан, а вырублен в скале. В разных местах валялись еще несколько мертвых чудовищ. На них копошились тараканы и крысы, причем при свете голубоватого фонарика Антрига было видно, что тараканы достигают размеров суповой тарелки, а крысы были таких размеров, что невозможно просто было поверить в их существование.

Но они шли и шли, и покуда на них никто не напал, хотя для атаки подземелье было

самым подходящим местом. Антриг вел своих спутников все дальше и дальше. Всюду они натыкались на старые свидетельства злой активности Темного Волшебника. Даже обитавшие в этом подземном лабиринте призраки, и те шарахались по сторонам, словно опасаясь гнева властителя этих подземелий.

— Ничего не понимаю! — прошептала Джоанна.

Наконец они спустились вниз. По всей видимости, это была самая глубокая комната, дальше под ними был уже только материковый камень. В середине комнаты темнела плита, под которой оказалось жерло колодца с черной водой. Рядом была плита, вырезанная уже из какого-то голубоватого камня, причем фонарик Антрига не мог хорошо освещать эту плиту. В этом, видимо, и заключалось волшебство этой комнаты. Сам Виндроуз неподвижно стоял на одном месте, словно потеряв все свои силы. На полу было видно, что тут в свое время кто-то очертил мелом большой круг. К чему он здесь? По бокам синеватого камня были вырезаны по три ступеньки. Кажется, это было некое подобие алтаря. И все, больше ничего, кроме этих камней и темноты.

— Это и есть то самое, да? — спросила недоуменно Джоанна, глядя на плиту.

Антриг утвердительно кивнул. Скупой синеватый свет его огонька показывал, как напряглось и заблестело от пота его лицо.

Джоанна посмотрела на чародея, и ей сразу не понравилось выражение его лица — там ясно читался какой-то ужас.

— Ты... Ты... ты что, — забормотала она, — видишь там что-то такое, чего я не вижу?

— Я вижу там только прошлое, дитя мое, — пробормотал Виндроуз, — только давным-давно минувшее, — тут он с широко раскрытыми глазами повернулся к ней, — да, ошибки быть не может, это и есть то самое место... Это центр цитадели, тут находится и источник его силы. Тут находится его будущее. Это место, где он, а может быть, и я сам, заправляли его громадным волшебством.

— Ты? — подозрительный голос Кериса зазвучал уже как крик и многократно отразился от каменных стен и сводов подземелья.

— Антриг поглядел на алтарь, потом отвел глаза от синеватой глыбы.

— Понимаете, — начал он, — есть такие виды волшебства, которыми старому человеку оперировать очень трудно. И он, — тут Антриг оглядел своих примолкших спутников, — тут концентрировалась его сила, и я вам скажу, друзья мои, что мы попали в источник. Мы сами теперь как бы его сила, — тут Антриг сделал легкий жест рукой, и яркий свет залил все помещение. Он отражался от темной воды, безмолвно стоявшей в вырубленном в камне колодце. Теперь можно было убедиться, что в этой пещере ничего больше действительно не было...

— Но там все эти чудовища, они-то как... — начал было Керис.

— Они и не собирались охранять все это, — пояснил Антриг, — к тому же, если ты внимательно смотрел на их морды и оскаленные зубы, то можно было без труда заметить, что они травоядные. А мы с вами стоим сейчас на пересечении энергетических линий. Когда Пустота открывается, то энергия на время перестает течь по линии... Пока я этого не чувствую... Что касается этих чудовищ, то я уже сказал, что они для нас безвредны.

— Безвредны? — негодование прямо-таки било из Кериса.

— Относительно безвредны, — свет же в пещере стал снова постепенно гаснуть, и в конце концов превратился в слабое мерцание, словно тут горели свечи. Антриг медленно направился к каменной арке, которая вела снова в лабиринт и наружу.

— Безвредны по сравнению с кем? — упрямый Керис рванулся за Антригом.

— Безвредны по сравнению с тем, как если бы вдруг что-то более разумное попало в наш мир, — пожал плечами расстрига-кудесник.

Больше никто из них не проронил слова. До тех пор, куда они не выбрались наружу, на поверхность земли. За это время успело порядочно стемнеть. Перед тем, как окончательно выйти из подземелья, Антриг некоторое время внимательно прислушивался к доносящимся сверху звукам. Поднявшись немного повыше, Виндроуз осторожно высунулся и стал

наблюдать за местностью. Так и есть — послушники Церкви залегли на соседних холмах, наблюдая за развалинами. Несмотря на всю свою решимость и военную подготовку, Они не находили в себе смелости приближаться к руинам обители Сураклина под покровом темноты. Впрочем, понять их было можно — наверняка гигантская медуза будет сниться многим из них до конца дней. Осторожно выйдя из укрытия, путешественники натолкнулись на мертвую лошадь Костолома. Рядом с нею валялись обугленные останки этой самой твари, что наделала такой переполох. Тут же валялись в беспорядке клочки одежды, пропитанные кровью. Вообще, вся трава была забрызгана кровью и слизью. Керис поднял с земли кусок человеческой руки — несомненно, это была рука Костолома. Кое-где мясо было обглодано, и сквозь порванные сухожилия, покрытые запекшейся кровью, торчала сахарно-белая кость. Антриг только посмотрел на эту руку, кисть которой была до сих пор обтянута сафьяновой перчаткой, но ничего не сказал.

Только тогда, когда они, проскользнув мимо часовых, поднялись на один из холмов, Джоанна спросила:

— Но если компьютер Сураклина находится все-таки не в цитадели, то где тогда он еще может быть?

— Да где угодно! — досадливо передернул плечами Антриг.

Конечно же, лошадей своих они не обнаружили — инквизиторы посчитали их своей добычей, когда стали окружать развалины цитадели. Так что теперь путникам предстоял весьма неблизкий путь обратно до Ларкмора. Антриг добавил, — и, к сожалению, теперь он знает, что я уже не сижу в Башне и что я пустился искать его. Он начеку, но мы так и не узнали его самой главной тайны.

Глава 10

На следующую ночь все трое покинули Ларкмор. Лошадей они не взяли, так что пошли не торопясь, пешком, держа путь на север.

Вообще-то это время года не располагало к долгим путешествиям. Конечно, Керис понимал это — он с беспокойством поглядывал, как Джоанна то и дело спотыкается на неровной дороге, состоящей из скованной морозом грязи. Керис подумал, что Сикерст — вообще непригодная для жития людей земля.

Конечно же, бегство Антрига из Башни Тишины и последовавшая вслед за этим страшная смерть главного инквизитора империи всколыхнули и без того беспокойную жизнь. Дорога из Кимила в город Ангельской Руки кишела самыми различными патрулями, сторожевыми постами. Но на этот счет Антриг был спокоен — он говорил, что стоит им удалиться от главных имперских трактов, в сельскую глушь, где крохотные деревеньки или хутора разбросаны друг от друга на большом расстоянии, им намного легче пробраться на север.

— Знаете, есть еще одно пересечение энергетических линий, — рассказывал Антриг своим спутникам, покуда она шла по унылым холмам, — оно находится на острове Тилратин, это двадцать пять миль по реке от города Ангельской Руки. Ведь Сураклину все равно нужно устанавливать свой аппарат именно на пересечении энергетических линий. Остров для него даже удобнее собственной цитадели — не слишком привлекает к себе внимания, является собственностью принца Сердика, к тому же...

— Но что мы станем делать, если окажется, что логова Сураклина нет и там? — твердо спросил Керис. Он чувствовал себя совершенно опустошенным — ведь, отправляясь к руинам цитадели. Он приготовился к смертельной схватке, но его предчувствия оказались напрасны, — что же делать нам тогда? Отправляться в тайгу, чтобы обследовать цитадель магов? А что, если Сураклина и там не окажется? А вдруг он вообще установил свою машину в том, в другом мире? Подумай сам, ведь такое тоже может быть.

— Да, но ведь мы уже знаем, что Сураклин хочет поставить под свой контроль сначала эту Империю, — резонно заметила Джоанна, — так что круг нашего поиска можно

ограничить этим миром.

— Но меня и в самом деле очень занимает эта идея — а вдруг он и в самом деле в цитадели магов сидит? — пробормотал Антриг с легкой ухмылкой, — ведь там тоже пересечение линий, причем последнее на территории Империи. Если только госпоже Розамунд намекнуть на это, она в обморок хлопнется от возмущения. Но, впрочем, нам туда отправляться совсем не обязательно. Просто если я встану на эту энергетическую линию в тот момент, когда компьютер заработает, я смогу определить направление тока энергии и узнаю, что он собирается делать и где Сураклина можно ожидать. А пока что будем заниматься делами обыденными.

Повседневными делами они занимались еще в поместье Пеллы — отсыпались почти весь день перед дальней дорогой, собирали необходимые вещи, запасались провизией. В путь тронулись часа через три-четыре после наступления темноты. Тогда Керис насчитал семь патрулей на окружающих холмах. В само поместье явились целых две группы стражников

— одна от Инквизиции, вторая — от Церкви. Пока что они просто задавали вопросы, но потом могли получить соответствующее разрешение и просто обыскать Ларкмор. Подумали они и о маскировке — решили в случае чего выдать себя за ученых-физиков. Антриг напялил на себя старомодную мантию университетского профессора резедового цвета, которая, правда, оказалась вся в пятнах от когда-то пролитых крепких напитков. Керис должен был изображать из себя попутно еще и студента-медика. Антриг же повесил на шею еще нитку бус с крупной позолоченной медалью, которая должна была придавать ему солидность и респектабельность, как-то затеняя пятна от спиртного. Впрочем, ни Антриг, ни Керис все равно не выглядели слишком убедительно теми, за кого себя выдавали.

Джоанна же надела на себя теплый бараний тулуп с капюшоном, шерстяные брюки — чтобы выглядеть как служанка. Это был для нее единственный выход, поскольку ни за послушника, ни за студента она уж точно выдать себя не могла.

— Ну что же, — сказал Антриг, — ты можешь выдать себя за девушку, которая приехала издалека изучать язык нашей страны, предложил Антриг,

— этого никто не сможет опровергнуть!

— Да ладно, — отмахнулась девушка, — лишь бы только меня не обвинили в колдовстве!

— А ты не давай повода! — рассмеялся Антриг, — когда находишься на публике! Мы скоро доберемся до одного постоянного двора, там хозяйка так готовит, что запросто можно отравиться! Смотри, чтобы она не свалила вину на тебя! А то скажет, что ты заколдовала еду, и тогда жди инквизиторов!

Джоанна звонко рассмеялась, отчего из ее рта в морозный воздух вырвался клуб пара.

А вообще-то путники не слишком стремились подолгу задерживаться на постоянных дворах. Керис родился и рос в долине, где население было большим. А тут на многие мили иной раз не было человеческого жилья, и в случае чего невозможно было даже отыскать лекаря. А потому к ним относились достаточно радушно — Антригу даже прощалась залитая выпивкой мантия. Их постоянно просили посоветовать что-то, спрашивали о целебных снадобьях. Часто приходили страдальцы — с переломами конечностей, которые приключились с ними или летом, или недавно, во время периодов потери жизненной энергии. Они почему-то не заживали, и люди были серьезно обеспокоены. Антриг осматривал переломы, а когда спрашивал пациента об обстоятельствах травмы, то в ответ слышал неизменное: «И сам даже не знаю, как это случилось в тот день...»

Керис был очень удивлен — Антриг не только выдавал себя за физика-ученого и доктора-профессора, но и действительно оказался хорошим лекарем.

— Но послушай! — как-то поинтересовался Керис, — а вдруг Совет Кудесников и Инквизиция вычислят, где мы находимся, когда почувствуют твоё волшебство? — в это время Антриг озабоченно щупал пульс у маленького мальчика со сломанным запястьем. Над головой его висел фонарь, но света от него было немного. Впрочем, Антриг, равно как и

Керис, в свете не нуждались.

— Это верно, они и в самом деле нашли бы меня в два счета, если бы я лечил людей при помощи волшебства! — сказал Антриг, — но вон, видишь, сидит мужчина? У него воспаление легких, а это можно вылечить обычными травами! Я попросил лекаря Пеллы поделиться со мною толикой его запасов. Если они будут делать все так, как я им сказал, то они смогут выздороветь!

Это была бедная хижина, кровать, и та состояла из сложенных штабелем мешков с горохом и чечевицей. Но разницы в этом не было — Антриг лечил людей совершенно бесплатно. Но если кто-то хотел отблагодарить его как врача, то от продуктов Виндроуз не отказывался.

— Там мать ребенка, она волнуется, — сказала Джоанна, входя в комнату. Три дня пути убийственно подействовали на девушку. Хотя она теперь не слишком страдала от холода, путешествие в зимнюю пору тоже не прибавляет здоровья.

— Надеюсь, ты сказала ей, что с малышом все будет нормально! — поднял голову Антриг, глядя, как Джоанна ставит рядом на столик чайник с кипятком. Тем временем подсел следующий пациент, тоже мальчик, с воспалением легких. С ним была его мать, которую интересовало, будет ли почтенный доктор пускать ее сыну кровь. Антриг заверил ее, что именно это и собирается сделать. Взяв со столика небольшую фарфоровую чашечку, он наполнил ее до половины кипятком, достал нож, аккуратно вскрыл вену на тонкой ручонке мальчика и стал спускать в воду ярко-алую кровь. «Надо же, — пробормотал Антриг, — даже крохотная капелька крови способна так резко изменить цвет воды! Джоанна, будь любезна, промой как следует кипятком эти инструменты!»

— А что, ты больше не будешь пускать ему кровь? — удивился Керис.

— Нет, хватит! Мальчику нужны силы, сейчас зима, а где ему взять витамины на освежение крови, тем более, если я возьму у него часть?

— Но разве кровопускание не снижает жар? — допытывался упорно Керис.

— Мой опыт не говорит о таком! Кровопускание чаще всего повергает пациента в состояние слабости. Ему хочется спать. Впрочем, сон тоже приносит здоровье, как известно, — тут Виндроуз аккуратно промыл свой нож, насухо вытер его чистой тряпочкой и, сложив лезвие, убрал в карман, — только напомни мне, чтобы я поставил на спину ребенка отметку перед нашим уходом! Это будет выглядеть убедительнее, что я действительно врач! Я приготовлю настойку на кипятке, и он каждый день должен будет вдыхать ее пар. Это поможет ему!

Из-за голенища Антриг извлек плоскую стеклянную фляжку, из которой он стал поливать джином ранку на руке ребенка. Для верности Виндроуз перетянул и затем зашил рану шелковыми нитками, чтобы потом можно было их легче удалить.

— Ты разговариваешь такими терминами, как будто ты и в самом деле врач! — обратился Керис к Антригу, когда они держали путь к следующей деревне, — а может, ты и в самом деле лекарь?

В то утро им здорово повезло — крестьянин довез их на своей телеге, благодаря чему путешественники сэкономили много времени и сил. Керис то и дело с беспокойством поглядывал на север — оттуда дул холодный ветер, предвещающий снегопад.

— Вообще-то волшебники обучают своих учеников и медицине, — рассказывал Антриг, — но вот только не разрешают пользоваться своими умениями! Можно только лечить друг друга! Но я много путешествовал, и кое-чему сумел научиться в дороге! Так что нечему тут удивляться...

— А вот дедушка... — сказал Керис и вдруг осекся. Его глаза затуманились одновременно печалью и ненавистью. Но Керис быстро взял себя в руки и продолжил, — когда я был мальчиком, дедушка тоже многому научил меня! Для меня это было каким-то развлечением — отыскивать разные травы и высушивать их. Было даже интересно узнавать, что та травка помогает от жара, та останавливает кровь... Бабушка моя занималась акушерством. Так что я, — закончил Керис с легкой улыбкой,

— перед тем, как стать послушником, тоже кое-чему подучился полезному! смогу выправить вывих или наложить шину!

И послушник замолчал, погружившись в воспоминания. Стало понятно, что вызвало их к жизни — запах распаренных трав и крови. Затем он резко встряхнул головой, точно стремясь избавиться от наваждения. Но тут он вспомнил другое — тот вечер с Пеллой возле амбара, ее руки, запах ее волос... Керису было жалко эту девушку, которая ждала совсем нежеланного ребенка. В последний день, когда они вернулись от развалин цитадели Сураклина и готовились выступить к острову Тилратин, Керис делал все, чтобы только случайно не остаться наедине с Пеллицидой.

Впрочем, девушка не искала его общества. Она прекрасно его понимала.

Большую часть своей сознательной жизни Керис провел в беспрестанных тренировках, во время которых его учили не только рубить и колоть мечом, но и думать чересчур много. Но теперь жизнь волей-неволей заставляла его задумываться. За последние два месяца произошли события, которые навечно разрушили его прежний образ жизни. Раньше все было понятно: вот цель, к ней нужно стремиться. Особенно характерно это было тогда, когда он преследовал Антрига в Пустоте. Ни в коем случае нельзя было упускать его из поля зрения, чтобы не остаться навеки в бесконечном пространстве Космоса. Оказывается, не всегда нужно смотреть в упор на то, что волнует тебя больше всего в этот момент. Керис понял это тогда, когда усилием воли заставлял себя избегать взгляда Пеллициды. Проявлять слабость было никак нельзя. И Пелла тоже знала это — она ведь и была так воспитана.

Теперь же цель была одна, и ни в коем случае нельзя было сворачивать с намеченного пути. Нельзя было думать даже по типу «а что было бы, если...», нужно было смотреть вперед. Раньше это было проще, но сейчас... Сейчас Керис глядел на многие вещи по-иному, чем хотя бы месяца три назад. Невольно мысли Кериса вновь и вновь возвращались к Пелле. Нет, что за наваждение! Ведь она — принцесса, жена Фароса и мать его ребенка. А что он, Керис! Уже пропащий человек — нарушил данную Совету клятву верности, да и дал провести себя этому Сураклину... Он же бесполезный человек! Но теперь нужно было довести до конца свою главную задачу — отомстить Темному Волшебнику, отомстить ему даже ценой своей собственной жизни. Ведь он все равно оставался послушником, а что может быть лучше для послушника, для воина, чем смерть на поле битвы?

Но с некоторых пор он стал чувствовать не только решимость и готовность отдать жизнь в схватке с врагом, но и разные доселе вовсе незнакомые чувства.

Одно из этих чувств он осознал — это было чувство дружбы, которое отличалось от чувства войсковой дружбы, чувства локтя, которое культивировалось в послушниках в школе воспитателями. Он понял, что у него действительно есть общие интересы с этой странной девушкой Джоанной, которая призналась, что и сама годами ни с кем не водила дружбы, кроме невиданных машин под названием компьютеры. Потом было еще одно чувство — чувство наслаждения жизнью. И пусть оно возникло впервые зимой, когда природа, наоборот, умирает, пусть даже впереди его самого ждала смерть, но он никогда раньше не ощущал этого! Как-то внезапно он понял, что ему интересно совсем иными глазами смотреть на улетающих по осени в теплые края гусей, на колышущиеся под ветром камыши на озере, приятно гладить доверчиво прижимавшуюся к его широкой груди болонку Пеллы. Ему нравилось стоять и слушать игру принцессы на клавесине. Все это было в новинку, и было приятно осознавать себя как бы родившимся заново. А может быть, так оно и было?

Всю свою предыдущую жизнь он смотрел на вещи через призму клятвы верности Совету Кудесников. Инструкторы в школе крепко умели вколачивать в головы своим питомцам, что смелого воина в жизни должны волновать по-настоящему только две вещи: оборона и нападение. Не больше и не меньше. Раньше ему не приходило в голову, выбегая на зарядку, посмотреть на солнечный восход, а ложась спать — на мерцающие в небе звезды.

Но Керис тоже осознавал, перед лицом какой беды все они оказались. И, как назло, эти новые чувства! Ни в коем случае нельзя позволить себе размягчаться! Ведь ему все равно не

суждено жениться на супруге накрашенного и надушенного садиста!

Иногда, глядя в глаза Антрига, Керис понимал, что Виндроуз догадывался обо всех его чувствах. И послушник в эти минуты отчаянно ненавидел кудесника за его пронизательность, хотя старался не показывать этого и не казаться несдержанным мальчишкой. Но, впрочем, осознавать все это было чертовски неприятно. Но зато Керис обладал железным терпением, и это здорово ему помогало.

Ко всем же этим человеческим чувствам примешивалось еще и волшебство. Керису было неприятно, что волшебная энергия вытекает из него. Ведь она могла пригодиться для решающей схватки с Сураклином!

Впрочем, Керису пока не оставалось делать ничего, кроме как прилежно изображать из себя студента-медика. Благо, что тут был Антриг, от которого можно было чему-то подучиться. Еще в школе послушников он получил некоторое представление о характере ранений и переломов костей. Конечно, настоящий воин должен уметь исцелять себя по мере сил, чтобы как можно скорее встать в строй и снова быть готовым броситься в бой. Поэтому-то инструкторы неплохо обучили их кое-чему. Керису же давалось это легко — ведь с самого раннего детства он видел, как его дед, Солтерис, занимается врачеванием. Антриг же обучал его простейшим вещам — как определить заболевание по цвету глаз, краснотам или по цвету мочи. Кроме того, Виндроуз старательно объяснял, что означает замедленное или учащенное биение сердца, как правильно нужно щупать пульс и многое-многое другое. Украдкой, чтобы никто не видел и не слышал, Антриг учил Кериса заклятьям, которые нужно было налагать на пациентов, чтобы ускорить или улучшить процесс лечения разными солями или травами. Постепенно Керис чувствовал, что голова его пухнет от накопленных знаний.

Однажды парень даже ужаснулся — оказывается, это волшебство и вовсе не такая уж сложная штука. Страшило его то, что Совет Кудесников, который был для него всем, постепенно начинает терять в его глазах всю привлекательность.

— Мне, наверное, не стоило заниматься всем этим! — признался Керис Джоанне, когда они сидели в небольшой скупой освещенной комнате в доме местного дворянина. Антриг ушел вместе с хозяином наверх, чтобы посмотреть его жену, юную семнадцатилетнюю особу, которая была беременна и, как обеспокоенно сказал ее супруг, постоянно жаловалась на разные недомогания. Керис же занимался совсем несвойственным делом

— как-то Антриг показал ему загадочный карточный пасьянс, который, если его собрать, вызывал прилив хорошего настроения и бодрости. Но собрать требуемую комбинацию было совсем невозможно.

— Вообще-то я имею в виду совсем не это, — вздохнул Керис, кивая на разложенные карты, — просто... — тут он замолк, соображая, что же он в действительности имел в виду.

За окном яростно завывал ветер, хлопая сорванными с крючков ставнями. Пламя свечей тревожно дрожало в залитом воском фарфоровом подсвечнике работы кимилских мастеров. Это было типичное поместье мелкого дворянина — построенное на берегу реки, все сооружения были из дерева, и все казалось тут несколько мрачноватым. Джоанна вдруг подумала, что в таких вот местах водятся разные привидения.

— Так что ты имеешь в виду? — сказала Джоанна, лишь бы не молчать,

— то, что в вашей школе этому не обучают?

— Да, из нас прежде всего там делали убийц! — отчеканил Керис.

— Нет, я имела в виду только тебя, а не остальных! — пояснила девушка. Разговор их был каким-то дежурным, было ясно, что каждый думает точно о чем-то своем.

Керис вообще ничего не ответил.

Джоанна, увидев одну из карет, на которой была изображена схематично печать, прикоснулась осторожно к ней. В этом пасьянсе не было ничего необычного — волшебной силы Кериса не доставало для того, чтобы угадать по разложенным картам то, что ожидает их в недалеком будущем. Скорее всего, Керис и разложил эти карты, чтобы просто отвлечься от невеселых размышлений.

— Знаешь, — сказала Джоанна, — даже тогда, когда я первый раз встретила тебя в

убежище Сураклина, мне уже казалось, что ты уже приготовился к смерти! Ты был готов и резать, и убивать за свое, но в еще большей степени ты готов был пожертвовать собой во имя этого!

— Так уж заведено у послушников, — отозвался невесело внук архимага, — в любую минуту нужно быть готовым умереть за того, кому ты принес клятву на верность!

— Я знаю это, — тихо заметила девушка. По ее лицу бегали отблески пламени свечей, — но вот только после того, как мы ушли из Ларкмора, мне стало казаться, что ты готов и жить нормальной жизнью, только не знаешь, с чего и начать!

— Ты права, — сказал Керис, прислушиваясь к завываниям ветра снаружи, — я действительно не знаю, что мне делать! У меня такое ощущение, что я стою на развилке сразу нескольких дорог! Столько разных путей, и все кажутся поначалу одинаковыми! Первое время я даже не мог понять, что со мной вообще такое происходит! Вот ты. Вот Антриг. Мы с Пеллой много говорили по дороге в Кимил, я даже не знал, что это! У вас всех вроде бы ясные цели, каждый знает, чего добивается. А я? Я вообще как котенок, у которого только-только глаза открылись. Я знал, что должен защищать вас. Раньше, когда я узнавал, что если кто-то не знает что делать, я презирал таких людей! А теперь вся моя жизнь рухнула, когда я узнал, что дед мой давно мертв! И в Совет мне нету обратной дороги!

Керис принялся разглядывать инкрустацию на ломберном столике, на котором он и раскладывал свой пасьянс.

— Послушай, — обратился он к Джоанне, — помнишь, когда ты возле ручья подстрелила инквизиторов, и я сказал тебе, что теперь лучше не думать чересчур много?

Она утвердительно кивнула. Керис вспомнил ту душную ночь в амбаре, вспомнил, как он вслушивался в приглушенные сеном рыдания девушки, и вспомнил свою собственную зависть — она сделала то, чему он учился несколько лет без передышки, а так и не совершил. Она убила человека в бою! И не одного, а целых двух! И теперь Керис все удивлялся своей тогдашней зависти. Прошло около трех месяцев с того момента, но для него это было вечностью.

— А ты хочешь учиться?

Керис посмотрел куда-то в сторону. Джоанна, в ее коричневой рубашке с примитивной вышивкой, с ее светлыми волосами, собранными сзади в хвост узеньким кожаным ремешком, — казалась серенькой мышкой по сравнению с Пеллой. Керис подумал, что только Джоанна, Пелла и Антриг проявляли к нему интерес, к его переживаниям после того, как он в тринадцатилетнем возрасте покинул отчий дом.

Как только он вспомнил про свою родню, мысли парня сразу вернулись к Сураклину. Как все так могло получиться? И чем он провинился перед Богом за такое наказание?

Пламя свечи заметалось из стороны в сторону — в комнату ворвался легкий сквозняк от распахнутой настежь двери. Сначала раздалось легкое покашливание хозяина дома, которого звали, кажется, Альпортом, а за ним шел Антриг.

— Ну, как она?

— Боится, — отозвался немного суровый чародей, — но на самом деле все намного проще, чем она думает!

Керис видел девушку, жену дворянина, когда еще они остановились тут. Она была вдвое моложе своего супруга, и хрупкая красота хозяйки дома как-то не сочеталась с большим животом. Вообще-то Керис достаточно знал обо всех тонкостях деторождения и процесса беременности от бабки — она же была акушеркой. И, глядя в запавшие щеки и лихорадочно блестящие глаза будущей мамы, Керис почему-то подсознательно ужасался. И теперь, глядя в лицо Антрига, Керис вдруг решил, что тот собирается о чем-то его спросить.

За эти два дня уже Керис видел, как Виндроуз кое в чем все же применяет свое волшебство — где-то нужно было успокоить не в меру расшалившееся сердце, где-то избавить человека от одышки, кому-то мешали боли в желудке. Это было не волшебство, так, скорее, просто баловство. И потому члены Совета Кудесников, которые наверняка сейчас сидели где-нибудь на энергетической линии, выслушивая внимательно — не

раздастся ли где-то голос Антрига, вызывающего силы природы или что-то в этом роде, не могли определить его местонахождение. Но сейчас было иначе: жизнь будущей матери могло спасти только настоящее волшебство.

Взгляды Кериса и Антрига встретились. Они долго и внимательно смотрели друг на друга в упор. Еще Виндроуз не заговорил, как послушник уже знал, о чем именно его сейчас спросят, и в нем почему-то просыпалось страшное раздражение.

— Ты не должен меня спрашивать такое, — сказал Керис, когда Антриг собирался было задать свой вопрос, — я ведь убийца, а не лекарь!

Антриг только выдохнул воздух, не в силах что-то сказать. Хорошо еще, что Керис не стал изображать из себя непонимающего. «Но ты же просто изображаешь из себя...», — начал было Виндроуз, но осекся.

— Я буду делать только то, чему учился! — воскликнул Керис, глаза его воинственно сверкнули, — и давай не будем усложнять друг другу жизнь!

Конечно, Антриг пытался склонить его к другому нарушению клятвы верности Совету Кудесников. Он пытался заставить его вмешаться в дела людей, и, что хуже того, в дела Бога, чего, конечно же, больше всего терпеть не может Церковь. Деторождение — это промысел Божий, как все время говорят они. «Я знал, что ты не согласишься на это...», — пробормотал Антриг.

— Не соглашусь! — вдруг взорвался Керис, — даже не в том тут дело! Если бы я не учил всех этих заклятий, которые ты все время вколачивал мне в голову, если бы ты не говорил, что у меня есть возможность спасти ей жизнь... Если бы у меня действительно были силы...

— Но сила у тебя действительно для этого есть, — тихо сказал Антриг.

Этот спокойный тон настолько вывел Кериса из равновесия, что тот даже задохнулся от ярости.

— Послушай! — наконец сказал он, — если ты не станешь этого делать, то пусть так оно и будет! Ты спасешь ее твоим волшебством, и Совет сразу доберется до тебя. Ты спасешь какую-то женщину только ради того, чтобы она жила! А Совет расправится с тобой! И некому будет покарать Сураклина? Неужели нельзя пожертвовать одной женщиной во имя тысяч других? как ты не поймешь этого?

Теперь уже Антриг ничего не ответил. Он молча стоял, положив руки на спинку стула Джоанны, и созерцал колеблющиеся огоньки свечей и капающий воск.

— Я знаю, что действительно не должен так делать, — глухо заговорил Антриг, — и в этом парадокс нашей жизни. Кто-то обязательно должен быть принесенным в жертву ради всеобщего блага. Но я знаю и другое — что я не могу оставить в беде того, кого могу спасти!

— Опомнись! — в гневе закричал Керис.

Керис знал, что говорит. Он был отменным воином, он готовился стать кудесником. Но теперь уже ему ни за что не стать магом. А теперь он и подавно не сможет противостоять Сураклину.

— Но почему ты такая тряпка, почему? — простонал Керис, — неужели ты не можешь взять себя в руки? Ведь сейчас все зависит от тебя!

Антриг снова ничего не ответил.

Керис, ненавидя Антрига и себя одновременно, решительно бросил: «Зря я не убил тебя тогда в Башне!»

Заклятья, как понял Керис, были делом куда более серьезным, чем это ему казалось раньше. Важно не только было правильно произнести нужные слова или осуществить необходимые манипуляции, важно было еще почувствовать, что заклятье исходит от тебя, несет в себе частичку твоей волшебной энергии. Антриг как раз именно это и втолковывал Керису. Керис был парнем смышленным, тем более, что Антриг объяснял ему все точно так же, как, бывало, в школе послушников инструктор объяснял им новый прием обращения с оружием. Это было немудрено — ведь Антриг и сам прошел через эту школу.

Керис жадно слушал Виндроуза. Тем более, ему казалось, что через Антрига, ученика

Сураклина, ему передается и сила Темного Волшебника.

Вдруг неожиданно он подумал, что когда сам занимаешься магией, это подобно полету под облаками.

Впрочем, волшебная сила Кериса была совсем невелика, и он ничего не мог поделать, чтобы увеличить ее. Даже Антриг не мог помочь ему в этом деле. Но Керис делал свое дело — мысленно он проник в утробу, где находился неродившийся пока ребенок и стал осматривать его разорванные кое-где кровеносные сосуды. Вот в чем была причина недомогания жены дворянина! нужно было только сосредоточиться, чтобы увидеть все это, чтобы все это представить. И Керис сидел, обхватив руками голову, заставляя себя поверить, заставляя себя воплотиться в свой разум. И ему казалось, что его начинает наполнять волшебная сила. А может, так оно и было?

Где-то, словно за пределами сознания, глухо звучал голос Антрига вперемешку со сдавленными рыданиями девушки. И везде этот сладковатый запах крови... Керис вспомнил, что этот запах он запомнил с того момента, как убил первого в своей жизни человека — кажется, это был осужденный на смерть вор. Он был привязан к столбу. Керис помнил, что когда он подходил к своей жертве, держа меч наперевес, то вены на шее вора вздулись, а глаза расширились. Тогда он заглянул в лицо смерти. Керис взял в свои руки руки женщины — он почувствовал ее рассудок, ее разум, затеняемый уже не воображаемой, а самой настоящей болью. Так, думал Керис, у этой женщины будет дочка, она должна жить, должна жить, ребенок выживет...

В следующий момент до его слуха донесся слабый писк младенца.

И тут все кончилось. Он почувствовал, что словно падает в пропасть. Опустившись на пол, Керис заплакал. Но сам он этого пока не осознавал.

Джоанна слышала, как в соседней комнате нервно перешептывались слуги. В следующую секунду дверь растворилась, и вошел комнатный мальчик, держа в руках поднос с горячими сдобными булками. В комнате было темно — лампы так никто и не зажег. Но они были и не нужны — уже рассвело. За двойными рамами можно было разглядеть укутанную снегом землю. В угловом окне скрипел ставень. Джоанна механически отметила, что слуги совсем запустили свою работу — нужно давно было смазать петли. Она даже не заметила, когда это Антриг успел потребовать приготовить завтрак. Ей показалось, что после всех потребностей процедуры деторождения ей просто кусок в горло не полезет.

Сам он спал на бархатном диване, крывшись резедовой мантией. Джоанна видела только разметавшиеся по валику волосы (и о подушке не позаботился) и вытянутую в сторону руку с искалеченными пальцами. Тут Джоанна вспомнила, что она выдает себя за слугу. Ну конечно! Приняв из рук мальчика поднос с завтраком, она тихо поставила его на тот самый ломберный столик, на котором еще были разложены игральные карты — вчерашний пасьянс Кериса. Джоанна повернулась назад — в дверь смотрели несколько пар любопытных глаз.

Вот так, подумала она, попутешествовали на север до сих пор неузнанным! Теперь о них уже наверняка знают те, кому положено.

В голове Джоанны события прошедшей ночи спутались в единое целое. Что за чем было? Этого она не помнила. Сначала эта неопределенность в словах Кериса, когда он раскладывал пасьянс... Потом Антриг... Запах крови... Рождение ребенка... хозяин дома рыдает, стоя на коленях перед Антригом и припав к его руке. Что-то странное было в этом человеке — полный, уже пожилой с виду, а стоит на коленях и ревет в три ручья... Кажется, он был уверен и давно примирился с мыслью, что его горячо любимая жена не переживет родов...

Джоанна направилась обратно к дивану, на котором спал Виндроуз. У него под глазами снова были темные круги — как в тот раз, когда он сидел в Башне Тишины. Даже во сне, казалось, его и то одолевают разные тревоги. Девушка подумала, что после бегства из заточения жизнерадостности в нем точно поубавилось. Еще бы — столько переживаний за короткое время!

Вдруг внизу раздались громкие голоса. Реакция Джоанны была мгновенной — она сразу смекнула, что никто из обитателей этого дома не станет орать во все горло после ночных событий, а лестница не может так тяжело скрипеть, даже если на нее встанут все слуги и хозяева с новорожденным в придачу. Страх обуял девушку, но многочисленные опасности научили ее действовать быстро и решительно — схватив свой верный ридикюль, она выдернула из него пистолет. А Керис, куда подевался Керис?

Дверь распахнулась. На пороге появился Керис, одетый в свою красную робу. Позади него угадывалась фигура хозяина дома, одетого в коричневый камзол, который как-то мешковато сидел на его фигуре. Дальше весь проход был забит крестьянами — мужчинами и женщинами, закутанными в припорошенные снежной пылью овчинные тулупы. Нет, слава Богу, все они были безоружны. Слабеющими руками Джоанна попыталась было засунуть пистолет в карман, но тут ее взгляд случайно упал на Кериса.

— Что случилось? — сонно забормотал Антриг. Приподнявшись, он стал водружать на нос очки, но спросонья долго не мог с ними справиться, очки то и дело выскальзывали из его поврежденных пальцев. Наконец это ему удалось и он, недоуменно моргая, уставился на столь представительное собрание.

— Эти люди наслышаны о тебе от той женщины, сына которой ты вылечил от воспаления легких, — тихо сказал Керис, — и они очень хотят поговорить с тобой, есть ли какие-то заветы против периода истощения жизненных сил!

— Да неужели? — глаза Виндроуза широко раскрылись от удивления.

— Так ты хочешь сказать, что кто-то заметил, как эти периоды происходят примерно в одно время? — догадалась Джоанна, глядя на крестьян.

— Что-то вроде этого, — поспешно сказал Керис, явно стараясь, чтобы голос его звучал ровно, — они говорят, что знают, отчего это происходит! В общем, источник этих периодов находится в их деревне!

— Что? — ахнула Джоанна и тут же подумала, что они совершенно не готовы к такому повороту событий. Посмотрев на Антрига, она поняла, что и тот совершенно выбит из колеи таким неожиданным известием.

Антриг внимательно посмотрел на Кериса и наконец тихо спросил:

— Что там такое?

— Бог Мертвых! — последовал краткий ответ.

Глава 11

— Антриг, даю руку на отсечение, что они не врут! — возбужденно говорил Керис, отходя к стене, покуда хозяин дома выталкивал пришедших из комнаты, в который уже раз объясняя, что им лучше подождать внизу, покуда лекарь отдохнет как следует. Глядя в окно на покрытое снегом поле, Керис признался, — я и сам так напугался!

— Вроде бы похоже на Сураклина! — подала голос Джоанна, — по всем статьям он! Выходит, что он установил компьютер вовсе не на пересечении энергетических линий! Просто выбрал одно укромное местечко!

— Но ведь тогда компьютер не станет работать! — заметил Керис.

— Да, он его не сможет пустить! — согласился Антриг, — но мысль, конечно, неплохая! Ведь он наверняка догадывается, что кто-то ищет его компьютер! Ведь даже неизвестно, когда именно он собирается запускать свою машину!

Все трое замолчали, и сразу стало слышно раздававшиеся внизу громкие голоса. И вдруг все перекрыл громкий крик родившегося вчера маленького человека.

— Неужели мы ошиблись во всем, — недоверчиво спросил Керис, — ведь не может быть так, что за всем этим стоит Бог Мертвых!

— Странно, да? — невесело улыбнулся Антриг, — Керис, послушай меня! Для человека, который не признает даже Старой Веры, ты уж слишком озабочен возвращением того, чего на самом деле никогда не существовало! Честное слово, мне нужно поговорить с

архиепископом города Ангельской Руки о пробелах в религиозном воспитании послушников!

— Я? Беспокоиться? — забормотал Керис, и его лицо покраснело — верный признак начала раздражения, — если уж ты считаешь меня испуганным, и если Бог наградил тебя куриными мозгами, тогда и тебе следует быть напуганным!

Антриг широко улыбнулся.

— Я весь прямо-таки дрожу! — сообщил он, — все поджилки трясутся!

— Резко поднявшись с постели, он прошелся по комнате, разминаясь, раскрыв двери и стал спускаться вниз.

Ноздри Кериса вообще раздулись, словно у коня. Он направился было за Антригом, но Джоанна схватила его за рукав.

— Все равно это не обойдется без Сураклина! — но даже себе самой ее слова показались неубедительными.

— Я тоже так думаю! — Керис поглядел на лестницу, по которой неторопливо спускался Антриг, — они рассказали мне, что Бог Мертвых потребовал возобновить жертвоприношения, которые совершались в старину. Все сразу пришли в ужас! Говорят, что ужас был такой же, как и во время Сураклина, когда тот еще сидел в своей цитадели! Нет, тут никакой ошибки быть не может — это только Сураклин!

Где-то снова заплакал ребенок, властно требуя к себе внимания. Внизу раздался гул возбужденных голосов. Глянув в глаза Кериса, Джоанна прочла в них какое-то отчаяние, безысходность. Что вдруг так встревожило его?

Тут вдруг она поняла, в чем дело — Керис осознал, что это была первая жизнь, которую он дал живому существу, а не отнял у него. Керис криво улыбнулся и отвернулся к окну, чтобы не показать своей слабости. Наконец, решившись, он круто повернулся и вышел из комнаты. Вскоре послышался скрип лестницы — Керис направлялся к Антригу.

Джоанна, как во сне, направилась за ним, стараясь догадаться, как такое вообще могло случиться — как это Сураклину удалось обеспечить приток энергии в компьютер, расположив его не на стыке энергетических линий. Все случилось так неожиданно, что Джоанна даже представления не имела, возможно ли вообще такое.

Итак, крестьяне сообщили, что все началось с каких-то постукиваний, скрежетаний и шорохов в здании церкви. Старый священник заявил, что все это происходит из-за того, что церковь насквозь пропиталась запахом покойников, которых тут отпевали, и они каким-то образом смогли обрести энергию. А где мертвые — там и Бог Мертвых. И священник отказался вообще переступить порог церкви. Но там был и молодой священник, только что прибывший после окончания семинарии в городе Ангельской Руки. Он был человеком невероятно самоуверенным и сказал, что все это выдумки досужих бездельников. В общем, молодой священник настоял на продолжении служб во имя Единого и Неделимого Бога в этой церкви.

— Ага, значит, было уже известно с самого начала, что это такое? — дотошно выпрашивал все подробности Антриг. Его глаза немигающе смотрели на сгрудившихся в углу крестьян сквозь треснувшие стекла очков.

— О да, мой господин! — крикнула староста деревни, женщина лет сорока высокого роста, к которой все обращались как Грир. Было видно, что еще недавно это была статная дородная женщина, но теперь расшитая белая рубашка и меховая душегрейка висели на ней мешком, указывая, что женщина стремительно теряет вес. Тут Джоанна обратила внимание, что все крестьяне выглядят исхудавшими и замороженными. Впрочем, за время путешествия по Сикерсту Джоанна успела привыкнуть видеть жителей именно такими — истощенными, теряющими стремительно жизненную силу. Сколько же это должно продолжаться?

Но было и нечто новое — в глазах этих крестьян стоял затаенный страх, каждый скрип двери привлекал их внимание.

— Но мы примерные верующие, мой господин! — продолжала Грир, — мы верим в доброго Бога и его светлое Всемогушество! Но Бог Мертвых ужасен!

Несмотря на долгое общение с кудесниками, Керис был старовером, и потому речь женщины разозлила его. Но Антриг, вовремя заметив это, погрозил парню пальцем, делая знак молчать.

— Конечно, конечно, — забормотал Виндроуз, — ведь истинная вера она всегда истина, и отступаться от нее негоже. Но Бог Мертвых — это штука серьезная, и его нельзя смешивать с другими божествами! — Да, мой господин! — сказала женщина, — и старый наш священник отлично это знал! Но ведь в городе Ангельской Руки живет архиепископ, а при нем — Инквизиция. Они постоянно требуют, чтобы в вероисповедании не было никаких отступлений, а только то, что предусмотрено в Священном писании. Прочее называется ересью! И они прислали нам нового священника, отца Свидума, который должен это повторять каждый день! Он приказал выкорчевать из земли старых идолов и обнести забором прилегающую к церкви территорию — чтобы без надобности никто к святому месту не приближался!

Глаза женщины сузились, когда она стала более внимательно рассматривать этого человека, устроившегося у натопленной печи. Эта крестьянка не зря была выбрана старостой деревни — опытный ее взор мгновенно оценил выцветшую слегка робу, которая висела на исхудавшем теле Антрига, словно на вешалке, оценила и подвешенную на шею медаль, его седые волосы.

— Вот потому-то мы и обратились к вам, отец мой, — начала женщина,

— барин сказывали, что не изволили надеяться, что ребенок выживет, а тот мальчик, что с воспалением легких, так он тоже был...

Антриг замотал головой.

— Но я вовсе не использовал при этом магию, — тихо сказал он, — и даже бы если я был в состоянии делать это, то это было бы просто незаконно! И что же случилось с бедным священником, который, надо понимать, пошел в церковь, чтобы поиграть на органе?

Грир просто рот разинула от удивления, но в следующую минуту взяла себя в руки.

— Все это было делом времени, — промолвила она, — сходил он туда раз, другой, потом третий. Он ходил туда по утрам и вечерам, и все проклинал старого священника, отца Дела, который твердил, что это заколдованное место, в котором лучше не появляться! Но это, как оказалось, была граница владений Бога Мертвых! Свилум упорно ходил туда, все пытался служить утренние службы, хотя пойти туда не было желающих, кроме него самого! А в тот день... Я была одной из тех... Мы просто работали неподалеку от церкви... И тут мы услышали такой дикий вопль — он до сих пор у меня в ушах стоит. Ни за что не подумала, что так кричать может обычный человек! Мы, конечно, сразу все бросились внутрь... Он лежал между входом и алтарем, из носа и ушей у него текла кровь... Такая красная... А на лице было такое выражение, словно он заглянул вдруг в самую преисподнюю!

— Пойдите, а это случилось до или после восхода солнца? — обеспокоенно спросила Джоанна, вспоминая, как в Сан-Серано тоже разверзлась Пустота, и слабый отблеск восходящего солнца играл на лакированных кузовах стоявших на парковочной стоянке автомобилей.

— Конечно, перед восходом! — сказал Антриг, и Грир кивнула утвердительно головой.

— Он же просто пошел туда поиграть на органе или отслужить службу, если бы кто-то еще пошел с ним в церковь! Он так чудесно играл гимны! Хотя бы тот, в честь солнца! А когда мы открыли дверь, то свет как раз упал на его тело...

Джоанна бросила на Кериса тревожный взгляд. Керис сидел, прислонясь к пышущей жаром печи, да еще при этом закутавшись в полушубок — видимо, он до сих пор не мог согреться.

— А как долго раздавались его крики? — поинтересовалась Джоанна, причем заметила, что голос ее звучит довольно обыденно — за столь короткое время она успела привыкнуть ко всем этим ужасам.

— Да почти сразу мы и прибежали, — сообщила крестьянка, а ее односельчане загалдели, — мы и не думали, что такое случится! Это ведь уже три-четыре дня

продолжалось, все эти звуки и шорохи!

Джоанна вспомнила, что примерно в то же время должен был состояться пробный запуск экспериментальной ракеты нового поколения «Тигр». Так, а Гэри, Сураклин то есть, как раз работал над какими-то программами, и по этой причине подолгу засиживался на работе. Впрочем, это не столь существенно — ведь его компьютер был пущен в действие еще за несколько недель до всех этих событий. Джоанна чертыхнулась, как будто у нее снова не получилось собрать какую-то хитроумную головоломку. Оглянувшись, она увидела, как Антриг обхватил руками голову — он напряженно размышлял.

— Мы... Мы побежали и позвали отца Дела, — нарушила Грир тишину, — но в саму церковь мы больше не заходили! Там был такой запах — как смешались вместе вонь гниения, плесени, даже чего-то похуже! А когда потом мы снова открыли дверь, там была такая темнота! — тут крестьянка непроизвольно понизила голос и со страхом посмотрела в окно, как будто туда мог заглянуть кто-то. Но ведь она даже не знала, кого именно ей следует бояться, — так вот, господин, он стоял... отец Свилум стоял на ногах! Он был уже давно мертв, и все равно стоял на ногах! Еще так легонько покачивал головой и кровь текла из его рта, капала на пол... И он сказал:

— Я Бог Мертвых! Я вернулся, как и обещал вашим предкам! — Это он точно сказал, я хорошо запомнила эти слова!

— Ага, — пробормотал Антриг, — «КОГДА ДОГОРИТ ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ ТЫСЯЧИ СВЕЧЕЙ, ТЬМА СНОВА ВЕРНЕТСЯ НА ЗЕМЛЮ, И ХОТЯ ТЫСЯЧА ГОЛОСОВ БУДЕТ НАПЕРЕБОЙ РАСПЕВАТЬ ГИМНЫ ЖИЗНИ, ИХ ДЫХАНИЯ ПРЕКРАТЯТСЯ, И НАСТУПИТ ТИШИНА». Так, так!

Джоанна бросила взгляд на Кериса — послушник с мелово-бледным лицом взирал на Антрига, как на живую змею.

— Тьма побеждает, выходит! — пробормотал внук архимага, переводя взгляд на Джоанну.

— Точно! — отозвался Виндроуз, глядя на сбившуюся в кучку, перепуганных крестьян. Впрочем, это наверняка были самые бесстрашные жители деревни, которых односельчане и отрядили в поход за защитой, — а теперь скажите, чего он от вас там потребовал? Что ему нужно?

Антриг говорил таким голосом, словно заранее знал ответ на свой вопрос. Когда он замолчал, в воздухе повисла зловещая тишина. Грир, пряча глаза, глухо вымолвила: «Жизнь». И затем, как бы осмелев, сказала уже погромче, чтобы все слышали и подтвердили: «Жизни!»

— Так-так, — невозмутимо сказал Антриг, точно получил ключ к разгадке какой-то тайны, или по крайней мере недостающее звено. Но глаза его, которые он не отрывал от Грир, излучали сочувствие и тревогу.

Крестьянка несмело подняла глаза, и словно извиняясь, пояснила:

— Он еще сказал, что если мы не подчинимся, что он нас уничтожит!

— Я это знаю! — отозвался Антриг негромко, и Джоанна вдруг обозлилась на него за этот холодно-расчетливый тон. Неужели он не поможет этим несчастным людям?

— А он действительно способен на это, — продолжала Грир, — он вытягивает из человека жизненные силы, словно лиса осторожно прокусывает украденное из курятника яйцо и выпивает содержимое! Он умеет вызывать силы разрушения, силы смерти. Так он сказал отцу Делу и нашему лавочнику Петтину. Это их мы послали в церковь, чтобы они узнали, что нужно ему, за что на нас свалилась такая напасть. Это они передали нам его требования!

— Да, — вмешался бородатый высокий человек, который стоял у самой двери, — по моему, это был даже не дед, потому что у него совсем уже крыша поехала! Это нам сказал Петтин! Теперь он со своими сыновьями и работниками постоянно дежурит у церкви. Он говорит, что все время старается задобрить бога Мертвых во имя нас, для нашего блага, и потому мы тоже должны помогать ему! Лично у меня он забрал трех овец, и я точно знаю,

что овец они слопали сами, а Бог Мертвых тут был совершенно ни при чем!

Послышались не слишком довольные шепотки, но Антриг невозмутимо произнес:

— Ага, великолепно, просто великолепно! Но ведь Богу Мертвых, насколько я понял, животные-то как раз были не нужны?

Снова установилась тишина. Тут разговор подошел к самому главному

— сельчане понимали, что согрешили. Джоанна тоже все поняла, хотя местные реалии были для нее загадкой — но она догадалась, что люди эти вынуждены были время от времени посылать новоявленному божеству человеческие жертвы. А это, конечно же, само по себе было большим грехом. Вопрос был только в том, как много уже людей они послали в логово Бога Мертвых. И по какому принципу эти люди отбирались. Наконец один старик, седой как лунь, решил:

Нет, животные ему и в самом деле были не нужны! Только люди. Один раз он попросил ребенка, — тут снова повисла тишина, и все словно услышали истошные рыдания матери, чьему ребенку было суждено отправиться в церковь, — и это продолжалось каждый день! Потом было три-четыре дня, когда ему вовсе не требовались люди! А теперь уже прошло три дня, когда он опять требует по человеку!

— Господин лекарь, умоляем вас, заклинаем, — заговорила сбивчиво Грир, — пойдемте с нами! Ради всего святого, ради того Бога, в которого вы веруете! По ночам он выходит из церкви и блуждает по улицам. И тогда мы чувствуем тоже самое, что чувствовали этим летом, когда просто лежали пластом на кроватях, потому что сила выходила из нас, слабость не давала даже подняться на ноги! Теперь понятно, что это было все из-за него! Мы сидим в домах, слышим его шаги и трясемся! А когда по утру выходишь из дома, то там, где он проходил, тянется такая полоса слизи и жидкости, точно там волочит ли труп! И этот страшный запах. Обычно он проходит до ведьминой тропы и обратно. Он медленно губит нашу деревню. Говорят, что он просто выпивает жизнь!

— Но для чего Сураклину нужно делать все это? — удивлялась Джоанна, когда они снова сидели сверху, в отведенной для них хозяином светелки. Антриг жадно поглощал уже давно остывшие булки с творогом, — и ведь это просто не может быть Сураclin! Я-то отлично знаю, где он был в это время, перед восходом солнца в тот день!

— Если это действительно никакой не Сураclin, — подал голос Керис,

— то нам нечего размениваться на мелочи! Нельзя сворачивать с пути! Если поставили себе цель, то и нужно к ней стремиться! К тому же если мы впутаемся, то нас еще могут убить прежде, чем мы доберемся до Темного Волшебника! — внук архимага возбужденно расхаживал по комнате, глаза его горели, белокурые волосы были растрепаны. Время от времени прядь волос падала ему на лоб, закрывая глаза, но Керис досадливым жестом смахивал волосы назад и снова принимался расхаживать по комнате.

— Вряд ли нам стоит так поступать, — поднял глаза от стола Антриг,

— кстати, не хочешь булку? Свежие! Странно, что тут еще пекут булки из такой качественной муки! Такая на рынке в Кимиле по двенадцать крон за бушель! Чего было тратить на нас, булки из ржаной муки несколько не хуже! — Антриг слизал с пальцев остатки творога и уставился на Кериса, который как раз в этот момент гневно воззрился на Виндроуза сверху вниз.

— Надо же быть столь легкомысленным! И вправду, безумец! — сказал послушник.

— Уже желание покуситься на Сураклином есть настоящее безумство! — отпаривал Антриг, — не говоря уже о наших блужданиях по Ферриту в такую погоду! Впрочем, мы все уже давно безумцы, так что ничего не попишешь! Но нам обязательно нужно туда попасть, чтобы сделать кое-какие выводы! — тщательно вытерев руки о полотенце, Антриг, поморщившись, поднял с пола упавшую свечу и поставил ее в подсвечник, удалив предварительно остатки прежней, сгоревшей свечи. Сейчас было утро, но небо было все равно хмурым — видимо, собирался снегопад. Предчувствуя еще большее потемнение, слуги разносили по комнатам свечи. Антриг, словно глядя куда-то вдаль, задумчиво скатывал в шарик оплавленный воск. Глаза его как-то странно поблескивали. Наконец он, положив

шарик на подоконник, вдруг неожиданно вытащил шпильку из своего кружевного жабо и принялся выцарапывать ее острым концом на поверхности шарика какие-то непонятные знаки.

— Керис, ты останешься здесь, — подал наконец голос Виндроуз, — этот шарик называется лайпой. Положи его куда-нибудь на видное место и внимательно за ним наблюдай. Если он вдруг покраснеет, то раздобудь как можно скорее лошадь и во весь опор скачи в деревню! Но только когда будешь въезжать туда, гляди в оба! Если же шарик почернеет... — тут Антриг замолчал и, вздохнув, выдавил, — если лайпа почернеет, то боюсь, что тебе придется ловить Сураклина самостоятельно!

Неужели это столь важно? — спросила Джоанна, примеряясь к новому полушубку. Правое плечо приятно оттягивал ее кошелек. День клонился к вечеру, но ветер продолжал завывать с прежним упорством. Девушке показалось, что она так продрогла на холоде за всю предыдущую неделю, что проведенных в доме дворянина суток оказалось вовсе недостаточно, чтобы окончательно согреться. Впрочем, если бы теперь, на пути из дома гостеприимного хозяина в объятую ужасом деревню Антриг сказал ей, что это была всего лишь шутка, испытание ее воли, она все равно не согласилась бы повернуть назад и погрузиться в блаженное тепло.

Еще издали они увидели шпиль той самой проклятой церкви, как выражались крестьяне о своем недавнем святилище. Даже Грир, которая всю дорогу посвящала путешественников во все подробности случившегося, при виде шпиля церкви испуганно замолчала. И тут со стороны церкви подул ветер — и сразу пахло трупным запахом. Грир передернуло. Антриг невозмутимо сказал Джоанне:

Что-то смотрю я на эту церквушку, и у меня возникают дурные предчувствия! Я все надеюсь, что то, что там внутри находится, не имеет к Сураклину никакого отношения. Но может как раз оказаться и наоборот!

Когда они преодолевали последние пять миль, жители деревни и вовсе примолкли. Джоанна несколько расспрашивала их о каких-то мелочах, но получила неизменно сухие и однозначные ответы. Словно крестьянам кто-то жернова на шею повесил! Пройдя еще немного, они вдруг остановились — взгляды всех были прикованы к шпилю церкви и колокольне, острой, словно рыба кость.

— Антриг, — нарушила тишину Джоанна, — скажи мне, — кто такой этот Бог Мертвых?

Тут же Джоанна вдруг уловила в воздухе какое-то незнакомое движение, похожее на прикосновение ветра в спокойную летнюю погоду. Но что это было, если ветер и так бушевал уже дальше некуда, а она ощутила словно бы прикосновение к себе? Джоанна была явно не одна, кто почувствовал это — крестьяне заохали и принялись поспешно бормотать разные молитвы. Антриг продолжал внимательно посматривать на церковь.

— Бог Мертвых, как считают многие, — наконец прервал Виндроуз созерцание, — это повелитель Ворот, которому когда-то давно поклонялись земледельцы. Со временем его имя обросло самыми невероятными легендами! Бог Мертвых — это бог тех, кого уже никак нельзя считать живым, кого уже не тревожит ничто, происходящее в этом мире! Но он повелевает не самими мертвецами, а тем, что их сделало такими — самой смертью. Я уже сказал, что когда гаснет последняя свеча, а с нею вместе и все надежды на избавление — как отмирает трава, чтобы дать жизнь следующему поколению. Это и есть Бог Мертвых! И, как очень часто случается, зло побеждает!

Тут налетевший порыв ветра принялся яростно трепать полы его мантии. Джоанна вдруг подумала, что Виндроуз сейчас своим исхудалым видом сам напоминает этого самого Бога Мертвых, хотя она просто не представляла себе, как он в действительности должен выглядеть.

— Теперь ты понимаешь, почему Бог Мертвых предпочел для себя смерть? Потому что смерть для него, как это ни странно звучит, и есть источник жизни! Он умер, и ему ничто не грозит — ни болезни, ни голод, ни тем более забвение! Он вечен, как вечна и сама смерть!

Неважно, каким почетом и популярностью пользуются у людей всякие другие боги, но ведь люди в конце концов все равно попадают к Богу Мертвых!

— Так значит, — заговорила Джоанна, — тут не может быть никакого Бога Мертвых? Для чего ему появляться в деревне и требовать для себя каких-то жертв, если он все равно знает, что его холодных объятий не избежать никому? Так должен действовать настоящий Бог Мертвых! Для чего ему являться людям прежде времени, для чего оставлять на траве свои следы? Но получается, что... Пойдите!

— Это ты точно сказала! — Антриг словно не слышал призыва девушки. Наоборот, засунув поглубже руки в карманы полушубка, он широкими шагами направился в видневшимся во мгле строениям на окраине деревни.

Джоанна, спотыкаясь на неровной земле, где все рытвины и впадины были старательно прикрыты снегом, бросилась за ним следом.

— Стой, Антриг, — забормотала она, — но тогда что же сидит в церкви?

— Мне кажется, что именно то, чего я так долго опасался! — ответил чародей, — там одно из чудовищ, но на сей раз уже не простое, а с разумом!

— Черт побери! — воскликнула Джоанна, но сама поймала себя на мысли, что на сей раз Антриг не слишком ее удивил.

— И мне очень хочется надеяться, — продолжал Виндроуз, — что там только это, и больше ничего!

Даже не верится, — вздохнула Джоанна, — что там может быть что-то даже еще худшее!

— А ты поверь! — хмуро отозвался Антриг.

Деревня встретила их мертвой тишиной, даже вой ветра, и тот прекратился. Грир и ее односельчане вообще примолкли еще на пути к деревне, и теперь шли, озираясь испуганно по сторонам, словно были не у себя дома, а в стане врага. Большие деревенские дома и подсобные помещения, сложенные из больших бревен, отбрасывали зловещие тени. Глядя на все это, Джоанна вспомнила один фильм ужасов, виденный ею в детстве и потрясший ее тогда до глубины души. Тут не было обычного шума, присущего сельскому селению — и мычания коров, ни хрюканья свиней, ни кудахтанья кур. Даже собаки, и те куда-то подевались. Только в одном месте, через раскрытую дверь сарая, она увидела двух лежащих на полу коз, глаза их блестели каким-то неестественно-зеленым светом. И отовсюду было видно церковь, хотя было уже довольно темно. Церковь словно служила напоминанием, отчего все это тут произошло.

Джоанна содрогнулась и подошла ближе к Виндроузу. Ей показалось, что здесь значительно холоднее, чем на открытой местности, на холмах, хотя здесь, по идее, дома должны закрывать дорогу ветрам. Казалось, весь воздух тут был пропитан гнилостным запахом разложения. Антриг напряженно всматривался в окружающие дома, лицо его сразу стало казаться каким-то старым и чужим.

— О, Грир вернулась! — послышались радостные возгласы.

И из небольшого круглого строения — возможно, какого-то общинного здания — к ним устремились люди. Кто-то принес факел, и оранжевое пламя скупо освещало дюжину односельчан Грир, которые к тому же были еще вооружены. Но оружие их могло вызвать разве только что улыбку — Джоанна видела то, чем вооружались крестьяне всех народов в средние века — топоры, косы. Лишь два мужчины имели при себе мечи, выглядевшие довольно внушительно. С ними был еще человек, резко от остальных отличавшийся. Чем именно, Джоанна поняла только потом — он не выглядел столь исхудавшим, как другие. Рыжеволосы, одетый так, как одеваются довольно зажиточные, но небогатые селяне. Он был без оружия, но возле него стояли два верзилы с топорами. «Как это глупо!» — проговорил рыжий, глядя на пришедших. Джоанна заметила, что у него во рту находится целое произведение искусства — золотой зуб с вделанным в него крохотным рубином.

Григ явно разгневалась на такой прием. Она только собралась ответить что-то тоже не отличавшееся любезностью, как Антриг опередил ее. «Дорогой мой Петтин! — крикнул

он, — вообще-то тебе нужно понять ее беспокойство! Конечно, Великий Безымянный не стал бы посвящать в свои планы столь низкоорганизованное существо, как она! Потому она не знает, насколько это действительно опасно! Она сделала то, чего было логично ожидать от не! Но ты не переживай столь бурно, ничего опасного для тебя в этом нет!»

Джоанна, видя как и тот самый торговец по имени Петтин, и Грир уставились на Виндроуза вытаращенными глазами, подумала, что все-таки лучше него самого никто не может так разрядить обстановку.

Антриг же пожал руку ошеломленному лавочнику и дружелюбно хлопнул его по плечу: «Конечно же, ты ведь не думаешь, что Он... — тут Антриг многозначительно кивнул в сторону церкви, — просто так возьмет, да и выпустит ее из деревни! Значит, на то была его воля!»

— Но... — забормотал Петтин.

— А где Дел?

Тут вдруг внимание Джоанны привлек Григ — наливаясь краской, крестьянка вся затряслась от дикой злобы. Подскочив к одному из охранников Петтина, она вырвала из его рук топор и рванулась вперед, размахивая этим топором направо и налево.

— Предатели! — завизжала Грир, — вы связались с ним!

В последний момент Джоанна успела подставить взбесившейся женщине подножку.

Сама же Джоанна даже не успела толком понять, что произошло. Раньше в детстве ей очень хотелось подставить подножки бегающим сверстникам, и не только им. Но она знала, что за это ей в конечном счете придется расплачиваться, и потому подавляла в себе это искушение. Теперь она подумала, насколько же обиденным делом оказалась эта подножка — вытянул ногу, и человек летит на землю. Так или иначе, девушка была первой, кто успел отреагировать на неожиданный поворот событий. В следующую секунду охранники лавочника вихрем налетели на поднимающуюся с земли женщину и, выхватив из ее рук топор, заломили ей руки за спину. Джоанна мельком взглянула на лезвие топора — острое, точно срез листа бумаги.

— Перестаньте! — закричал Антриг, видя, как один из парней уже собирается ударить Грир кулаком в лицо. Парень сразу опустил руку, повинувшись начальственному голосу Виндроуза. Антриг же холодно сказал,

— посадите ее под замок! Но не причиняйте ей вреда! — тут Антриг посмотрел на ничего не понимающего Петтина и пояснил, — ну ведь ты сам знаешь, что их трогать нельзя!

— Да, господин мой! — механически повторил торговец, так и не выходя из близкого к столбняку состояния.

Величественным жестом, достойным самого императора, Антриг скинул с плеч полушубок. Джоанна, продолжая играть роль слуги, ловко подхватила одежду и перебросила ее через руку. Антриг ловко выхватил из рук стоявшего возле него охранника Петтина дубинку, конец которой, ко всеобщему удивлению, вдруг оделся ярким пламенем. Крестьяне поспешно попятились назад, некоторые из них принялись срывающимися от страха голосами бормотать молитвы.

— Делайте, как Бог повелел и никого не подпускайте к дверям! — распорядился Антриг. Голос его звучал как-то заносчиво и самоуверенно, но Джоанна заметила, что на его лице заблестели капельки пота. Кажется, еще магистр Магус говаривал, что Виндроуз запросто сможет выдать себя за самого авторитетного знатока в какой угодно области. Антриг же продолжал, — и слушайте моего слуги, как меня самого. Во всяком случае, до тех пор, покуда я не выйду обратно, — с этими словами чародей направился к церкви. Притихшие люди смотрели ему вслед.

— Лжец! — раздался вдруг пронзительный голос. Едва только нога Антрига коснулась первой ступени, ведущей в храм, как его двери распахнулись. И тотчас же Джоанна почувствовала резкий запах разложения. Он был настолько силен, что все поспешно зажали носы. Навстречу Антригу рванулась какая-то темная фигура. Причем человек этот нетвердо

держался на ногах, шатаясь на ходу.

— Уйди с дороги, отец Дел! — тихо, но твердо сказал Виндроуз.

— Шарлатан! Мошенник! — завопил старик безумным голосом.

На священника было страшно смотреть — кожа да кости, только глаза сверкают, как два фонарика. Джоанна с ужасом подумала, ел ли этот старик вообще после прихода сюда Бога Мертвых. Девушке показалось, что запах этот исходит как раз от Дела...

— Но я такой же, как и ты, слуга Великого Безымянного, — успокаивающе заговорил Антриг, — ты ведь уже даже не Дел! А Он послал за мной, и Он вызвал меня, и я пришел, повинуюсь его зову!

— Врешь ты все! Ты проходимец! — отец Дел стал спускаться навстречу Антригу, угрожающе размахивая длинным дубовым шестом с укрепленным на его конце заточенным куском железа, — да, он действительно послал за тобой — ему просто было выгодно, чтобы ты сюда пришел! Ведь все в конце концов приходят к нему! Он все видит, все знает, ничто не способно скрыться от него! Он волшебник! Он сказал, что свет проходит через твоё тело, но не так, как через других людей. Ты не такой, как все! он сказал, что ты лжец! — тут Дел замахнулся дубиной уже прицельно. Снова пахнуло запахом мертвечины, и Джоанна поспешно зажала нос.

Антриг даже не шелохнулся, зато крестьяне нервно принялись потрясать своим оружием. Джоанна даже не знала, что делать: если бежать к Антригу, то может случиться что-нибудь непредвиденное. Но и стоять опасно.

— Он чувствует твой рассудок! — заверещал безумный священник, — твой и еще одной девки! Ведь вы хотите его уничтожить! Но он все равно получит вашу плоть!

Вдруг кто-то сзади схватил Джоанну за руку и принялся выкручивать ее. Девушка, даже не видя врага, изо всех сил ударила его каблуком по колену. Хватка ослабла. Джоанна, не теряя больше времени, рванулась вперед, взбегая по крутым кирпичным ступенькам церкви. В этот самый момент Антриг резко швырнул свой факел прямо в лицо сумасшедшему Делу и выхватил из его рук дубину. Люди Петтина волной хлынули на ступени, и общий гул голосов на мгновение заглушил нечеловеческий вопль Дела.

Все еще сжимая дубовый шест с куском железа на конце, Антриг толкнул Джоанну вперед, в темный провал дверей церкви и направился за нею вслед. В следующий момент тяжелые двери с лязгом захлопнулись за ними.

Глава 12

— Подержи-ка вот это!

Тихий голос Антрига прозвучал, как щелчок кнута в мертвой тишине. Джоанна, которую мучило от нестерпимой вони, с трудом поняла смысл сказанного. Но она слегка подрагивающей рукой приняла-таки из рук Антрига факел и дубовый шест, хотя ее слух инстинктивно цеплялся за раздававшийся снаружи лязг засовов — крестьяне запирали за ними двери на замки, чтобы было надежнее, чтобы они не смогли вырваться. Но Антриг, не обращая на это никакого внимания, деловито встал на колени и принялся чертить на каменном полу большой круг мела, который он достал из кармана. Круг получался довольно правильным — должно быть, Виндроуз практиковался в таких художествах, подумала Джоанна, немного успокаиваясь. В церкви было не слишком светло, но зато теплее, чем снаружи.

Девушка поняла, что эта церковь была просто наполнена особым злом, с которым ей до сих пор не приходилось сталкиваться. Этим злом дышала темнота, о ней напоминала отвратительная вонь, которая словно пропитала каменные стены и поддерживавшие потолок столбы. Даже пламя факела горело не в полную силу из-за большой плотности зла. Теперь Джоанна уже понимала, почему крестьяне были объаты таким ужасом.

Антриг принялся обводить контуры круга, и постукивание мела о гранитные плиты пола вывело девушку из состояния оцепенения. Джоанна невольно залюбовалась

поддерживавшими потолочный свод колоннами — они были все покрыты резьбой, и ни один столб не был копией другого. Вдруг ее руки задрожали — факел подозрительно зашипел. Потом раздался скрип

— это было уже знакомо, так скрипел кожаный пояс Антрига, который все еще ползал по полу. Он уже нарисовал вокруг них второй, внешний круг. И теперь в этом круге он старательно вычерчивал пятиконечную звезду. Джоанна знала про такие штучки достаточно, и потому поняла, что ни в коем случае нельзя переступить пределы внешнего круга.

И тут началось... Где-то за дальним рядом колонн почудилось какое-то движение.

Вдруг раздался какой-то хруст, напоминавший хруст ломаемой фанеры, но только более тихий. А потом еще сильнее пахнуло гнилью и повеяло каким-то могильным холодом. Джоанне показалось, что однажды она уже чужла подобный запах — когда пробиралась по Пустоте. Только без паники, несколько раз повторяла она себе, стараясь дышать ровно и глубоко, не давая сердцу биться и провоцировать себя на страх. Ведь если страх все-таки захлестнет сознание, то тогда захочется бежать, а бежать здесь некуда. Этот могильный холод словно въедался под кожу, даже дышать, и то было холодно. Шевелиться не хотелось вовсе, нападала какая-то вялость. Джоанна подумала, что это даже лучше, потому что она не сможет визжать, если что.

Наконец Антриг поднялся, на его лице блеснул пот. Он молча принял из рук Джоанны факел и дубовый шест. Наконец он сказал совершенно спокойно:

— Джоанна, сядь там, где ты стоишь. Закрой лицо ладонями. Заткни уши. Я думаю, что мне придется ударить первым. Но только прошу тебя — не двигайся с места! И ничего не бойся!

Джоанна даже не стала вытягивать из него никаких подробностей. Она поспешно плюхнулась на колени, прижала к животу свою самую большую драгоценность — кошелек, в котором, как известно, лежала та самая дискета, — и обхватила голову руками, как рекомендовали делать в случае ядерного взрыва на занятиях по гражданской обороне. Антриг же тихо положил все еще горящий факел рядом на пол и выжидательно встал, сжимая в руках шест с железным наконечником. Кстати, он засучил почти до колен свою мантию, и Джоанна, глядя на медные пряжки его башмаков, почувствовала себя несколько увереннее. Вдруг ей захотелось превратиться во что-то маленькое и не видеть, не слышать всего этого кошмара, не ощущать его запаха.

И вдруг где-то в темноте, за колоннами, что-то стукнуло об пол.

Впрочем, это мог быть удар о стенку или о какой-то другой достаточно твердый предмет. Затем еще несколько осторожных стуков, и вдруг раздался такой жуткий удар, точно в пол ударила молния. Затем эти удары стали раздаваться все быстрее и быстрее. Джоанна повторяла себе, что это всего лишь звуки, и ничего больше. Ведь сколько до сих пор еще неизученных природных явлений! Но руки ее дрожали все сильнее, она еле подавляла в себе страстное желание закричать. Но она упорно повторяла, что это просто шум, потому что что-то должно шуметь, подобно тому, как бывает темно из-за поворота земного шара. И запах потому, что абсолютно без запахов воздух никогда не бывает...

Но нет. Нет!

Что-то пронеслось мимо в воздухе, поблескивая. Металл, возможно, добросовестно начищенная медь, подумала Джоанна, глядя краем глаза за происходящим. И Антриг ударил шестом прямо по этой вспышке, отбрасывая ее к ближней колонне. И тут Джоанна поняла, что это такое было — это была купель для крещения. А Антриг уже ловко отбивал следующий заряд — каменную глыбу, которая оказалась отбитой головой статуи херувима. Следующий «снаряд» прилетел быстро, теперь он был направлен ниже, чтобы поразить лодыжку Виндроуза. Джоанна, видя приближающийся быстро предмет, сжала зубы, чтобы не закричать. Но все оказалось нормально — Антриг отбил и эту атаку. Джоанна подумала, что это начинает напоминать крикет или бейсбол. Только это вот была смертельная игра, в которой ставка — жизнь. Но в следующий момент что-то ударило Виндроуза в грудь — до девушки донесся его сдавленный стон.

И тут что-то, залившись ярким светом, устремилось к ним из-за колонн. Какой-то ослепительный огненный шар, отбрасывающий короткие лучи. Джоанну точно током ударило, когда это нечто врезалось в невидимую линию волшебного круга и рассыпало целый сноп искр. Джоанна посмотрела на Антрига — тот хмуро уставился куда-то в сторону, из раны над глазом текла кровь. Все еще висевшая на его шее золотая медаль ученого поблескивала в неярком свете факела.

И вдруг там же, за дальним рядом колонн, снова заблестел яркий свет! Джоанна поспешно закрыла ладонями лицо. Но и этот сгусток света рассыпался, ударившись о линию внешнего круга.

Но зато теперь на них накатила настоящая волна трупного запаха. На какое-то мгновение Джоанна увидела и источник этого запаха — громадное, точно оплавленное лицо с торчащими из разложившихся губ длинными клыками. Впрочем, это были не клыки, а обломки ребер. Там, где должны были находиться руки человекообразного существа, свисавшее клочьями полусгнившее мясо открывало взору кости. Тут Джоанна подумала, что это сознание наверняка материально, телесно, и потому в состоянии переступить круг. Инстинкт подсказывал девушке, что нужно подниматься и бежать к дверям, барабанить в них кулаками, может, крестьяне и откроют. Но колени ее словно прилипли к холодному граниту пола. Антриг застыл, как вкопанный, держа шест перед собой. Антриг стоял и глядел вперед, а чудовище вдруг обрушилось на его голову... Нет, он был просто не в состоянии сбросить ЭТО с себя!

Но нет, все это только показалось Джоанне! Чудовище зависло в воздухе прямо у меловой черты, когда Антриг вдруг вышел из оцепенения

— резко взмахнув шестом, он вонзил отточенный кусок железа прямо в брюхо адского создания, причем в брюхо погрузилась значительная часть шеста. Ноги Антрига подогнулись — чудовище всей массой навалилось на шест, но сила, невидимая сила, которая сконцентрировалась у круга, не давала этому созданию проникнуть внутрь. Антриг резко дернул шест на себя, и вместе с железным наконечником крестьянского оружия из брюха страшилища вырвался зловонный фонтан, что чувства, которые испытала Джоанна в этот момент, просто невозможно описать. Чудовище всей массой рухнуло на пол, и стены задрожали, с потолка посыпался песок. Уже лежа на полу, монстр продолжал поднимать голову и разевать страшную пасть, из которой сочилась какая-то бурая жидкость. Тело монстра дергалось в конвульсиях. Наконец создание затихло. Антриг еще несколько раз для верности ткнул концом шеста в тело адского существа и вытащил оружие, причем с наконечника продолжала капать эта самая жидкость — то ли гной, то ли трупный яд.

И наступила мертвая тишина, от которой мороз по коже пробежал по коже. Глаза умершего существа были раскрыты, но Джоанна готова была поклясться, что в них продолжает теплиться жизнь. Девушка, стуча зубами, спросила:

— А-а-антриг! А ты, может, все-таки разрубил эту мерзость на куски?

— Можно, — сказал Виндроуз, — но вот только боюсь, что это зрелище не покажется тебе слишком приятным. К тому же это не совсем материальное существо — им движет духовная сила, так что это не простая туша, которую можно разрубить мечом, и больше не беспокоиться! Так что не вижу смысла в напрасной трате сил!

Джоанна, понятное дело, спорить не стала и нервно сглотнула слюну.

Антриг, пошатываясь, приблизился к самому краю круга. И тут произошло невероятное: он заговорил с поверженной им тварью! Голос его разносился под высокими сводами церкви, тут была великолепная акустика.

— Послушай, — сказал Виндроуз спокойно, — ты слышишь меня? Я пришел не для того, чтобы тебя уничтожить!

Джоанне показалось, что чудовище выжидает.

И вдруг на руку девушке упало нечто влажное. Мгновенно повернув голову, она увидела на запястье капельку крови. И тут откуда-то из темноты сверху упала вторая капля. Джоанну всю передернуло. А затем капель посыпалось уже много — прямо, как морозящий

дождь! Кровь стекала по колоннам, оставляя яркие следы и скапливалась на полу, образуя небольшие лужицы. Воздух мгновенно напитался сладковатым запахом крови, которым невозможно было дышать. Горящий факел стал шипеть и потрескивать, пламя его как будто уменьшилось. И в самом деле

— темнота приблизилась к Антригу и его спутнице, сжимая кольцо, словно стая волков теснее окружает свою добычу.

— Говори со мной, — настойчиво продолжал Антриг, — если я смогу, я помогу тебе!

Тут голова чудовища стала медленно подниматься, через прорехи в сгнившей плоти его шеи стали видны сахарно-белые позвонки.

— Я... Я... Я Бог Мертвых! — Джоанна задрожала снова, чувствуя голос с того света, — я питаюсь жизненной силой, которая содержится в человеческой плоти! Все в этой жизни временно, быстротечно, жизнь — это только текучая вода! В конце концов все равно ко мне возвращается любое тело! Любое существо! Я ведь Бог Мертвых! В этот момент чудовище село на полу, и изо рта его и в прореху в животе потекли ручейки черной жидкости, с тела на пол упали сгустки слизи. Страшилище продолжало:

— Бог Мертвых требует... требует положенного ему по закону... Я не могу проходить через пустоту из одного мира в другой... Все взаимосвязано, можно попасть из вселенной во вселенную...

— Что? — прошептал Антриг.

— Неужели ты ничего не понимаешь? — спросила его Джоанна.

Антриг замотал головой, демонстрируя полное свое неведение.

— Что такое вселенная? — спросил Антриг.

— Он из другого мира, вот что! — отозвалась девушка. — Он попал сюда! Или его специально притащили сюда!

Все еще не выпуская шеста из рук, Антриг придвинулся к поверженному страшилищу еще ближе.

— Послушай! — заговорил он. — Я ведь действительно могу помочь тебе! Я могу отослать тебя обратно!

— А, ты волшебник! — пробормотал Бог Мертвых, — но твоя сила излучается телом, я это чувствую! Я выпью твой мозг, твоя сила войдет в меня! И тогда я стану еще сильнее, я ведь — Бог Мертвых!

— Но-но, — забормотал предостерегающе кудесник, следя за каждым движением твари. Чудовище снова задвигало челюстями, демонстрируя готовность сломать обоих скрывающихся в недоступном кругу. Но Антриг снова заговорил, и голос его звучал теперь еще увереннее, — Джоанна, милая моя, у тебя есть с собой какое-то оружие? Впрочем, я не уверен, что пистолетом можно чего-то добиться! Да и мой меч не поможет! Ведь это же просто мертвая плоть...

— Но чем-то его можно прибить! — отозвалась девушка, как зачарованная, глядя на движение пришельца из другого мира.

— Мне кажется, — сказал тут Антриг, — что дело просто в том, что силу ему придали тела тех людей, которых он успел сожрать! И с каждым новым съеденным человеком она растет еще больше!

— Дело не только в самих людях, а в их мозге! — догадалась Джоанна, — он ведь сам проболтался!

— Но он не может пользоваться мозгами съеденных людей, а только жизненной энергией, которая в мозге заключается! — понял Антриг, — и чтобы существовать, ему нужно все время кого-то есть, иначе жизненная сила истощится и покинет его!

— Но мне кажется, что жизненной энергии там немного! — подхватила Джоанна, — к тому же он сказал, что пожрав твои мозги, он овладеет твоими знаниями! Значит, он обращает себе на службу и накопленную людьми при жизни информацию! Только я сомневаюсь, что Бог Мертвых сможет причинить нам вред своими знаниями! Ведь пока что его жертвами были полубезумный старый священник и те люди, которых ему скармливали!

Думаю, что это вряд ли были умные и полезные люди! Какие-нибудь пропойцы да воры!

— Фу ты, — сплюнул Антриг в сторону растянувшегося на полу врага,

— но ведь он подслушивает нас!

— Да пусть делает это сколько угодно! — воскликнула Джоанна задорно, — он может использовать против нас знания своих жертв. Даже если он и соберет их воедино, это не будет кладезем полезной информации! Уж в этом я уверена! — девушка вскочила на ноги. Она выхватила из висевших на поясе Антрига ножен меч, испытывая желание рубануть по порождению ада, — только для нас могут быть опасными те знания, которые получил при жизни тот человек, который потом превратился в эту гадость!.. Нужно поскорее до него добраться!

— Если он, или она, конечно, помнит все это!

Джоанна, все еще с опаской глядя на притихшее чудище, рывком сорвала с плеча ридикюль и принялась копать в нем. Наконец она извлекла на свет божий тот самый швейцарский нож со множеством лезвий и всяких полезных приспособлений. Открыв одно из лезвий, Джоанна принялась проводить на полу его концом какие-то черточки.

Царапанье ножа о камень, скрежет были отлично слышны в мертвой тишине.

— Я видела это в «Красной Планете Марс», — пояснила Джоанна, продолжая свои манипуляциями.

— Смотри, не ошибись! — предупредил Антриг, — и моли Бога, чтобы эта падала оказалась с математическими способностями!

— Я не думаю, что это существо обладает какими-то чрезвычайно необычными способностями!

Пауза, один... Пауза, пять...

— Хм, что-то пока не слишком...

Пауза...

И вдруг, точно удар железной двери, раздался какой-то хлопок. А затем тишина, точно после удара грома. А затем опять два удара, от которых даже стены задрожали. Тишина. Шестой раз!

А затем опять тишина, уже кажущаяся вечностью!

— Итак, пять! — возвестил Антриг, и Джоанна, охваченная страхом, продолжала свою работу.

Итак, внимательность — внимательность прежде всего, поскольку именно от этого качества зависело сейчас многое, если вообще не их жизнь.

И тут снова три глухих удара: — пять, восемь...

— А ты можешь воспроизвести печать? — шепотом спросила девушка.

— Но для чего?

— Это нужно! — передразнила она, хотя для шуток это было не самое подходящее время, — просто эти ваши печати — как наши чипы в компьютерах. Чип — это переплетение разных тонких линий, в которых таится своеобразная логика! Ага, — просияла Джоанна, подыскивая точное сравнение, — как извилины в мозге! Если мне удастся нацарапать на полу что-то похожее, то можно проникнуть в его мозг и узнать, что он замышляет! Можно даже ввести нужную команду! Как ты думаешь, получится?

— Понятия не имею, — признался Виндроуз, — но мне же для этого нужен кусок металла...

— У меня в кошельке лежит моток медной проволоки, он подойдет?

Антриг заколебался.

— Мне тогда придется выходить из пятиугольника! — он говорил, не отрывая глаз от лежащего совсем рядом чудища.

Факел горел, но пламя его становилось каким-то тусклым. Джоанна, глядя на начерченные ею линии на полу, вдруг заметила, что они тоже начинают отливать каким-то холодным загадочным светом.

— Но постой! — воскликнула девушка, как зачарованная, глядя на эти линии, — тебе

не нужно выходить, если ты просто сделаешь маленький рисунок!

Виндроуз непонимающе посмотрел на нее, но затем, поняв шутку, тоже улыбнулся устало. Подумав, он передал шест Джоанне. Приняв шест с железным наконечником, девушка была немало удивлена его весу.

— Смотри, не урони его! — предостерег Антриг, — он весит больше, чем ты сама!

— Ты не возьмешь меч назад?

Виндроуз только резко покачал головой — в следующую секунду он вынул из кармана кусок мела и вышел за пределы круга. Между дальними колоннами сразу заметалась голубоватая вспышка, словно там произошло короткое замыкание. Затем снова тишина и томительное ожидание. Бог Мертвых сразу зашевелился, заметив, что Антриг не находится больше под защитой волшебного круга. Виндроуз, склонившись над свободным участком пола, торопливо чертил сложный рисунок той самой печати, что наделала столько бед.

Джоанна снова посмотрела на светящиеся линии — свет теперь сиял куда четче. Теперь засветились и линии, которые выводил Антриг! Причем свет тот был ярче, он освещал и длинный нос экс-кудесника, и падал отблеском на безумные глаза Бога Мертвых. Джоанна поняла, что взор чудовища устремлен на нее. У нее было сейчас все их оружие, но она все равно не смогла бы в нужную минуту использовать этот арсенал. Держа стоявший на торце шест одной рукой, свободной рукой девушка залезла в свой ридикюль и достала оттуда моток медной проволоки и две свечи, которые она зажгла от уже угасающего факела. Конечно, света от этого немногим лишь стало больше, но Джоанна знала, что Антриг отлично видит в темноте. Приседая и перехватываясь по шесту все ниже и ниже, Джоанна молила Бога, чтобы оружие крестьянина не потеряло равновесия, иначе его потом точно не удержишь. Но все обошлось, поставив свечу на пол, Джоанна приняла прежнее положение.

Было тихо — слышно было только царапанье мела по каменным шершавым плитам, да учащенное дыхание Антрига. Глядя на все усложняющийся чертеж спутника, Джоанна вдруг узнала кое-что из фигур, которые от нечего делать в доме дворянина чертил на бумаге Керис: печать на Воротах, печать Одного глаза, печать Силы и увенчанная рогами печать Теней, которая означает все тайное и скрытое. Там же пристроились и печать Дорпог, которая означала любопытного Потерянного Бога, который постоянно силился все узнать, впрочем, без особых результатов. Джоанна бросила Антригу моток проволоки и проводниковую ленту, поскольку Керис как-то обмолвился, что без металла здесь никак не обойтись. Бог Мертвых пополз к другой стороне круга, к Антригу, царапая плиты длинными ногтями и оставляя за собой след из слизи.

Когда Антриг наконец закончил свою работу и выпрямился, Джоанну неприятно поразило его мелово-бледное лицо. Виндроуз словно залюбовался своей работой — знаки древних божеств были соединены между собой проволокой и лентой. Казалось, что они даже оторвались от камня и парят в воздухе. Антриг сделал глубокий вдох и, вытянув руку вперед, шагнул навстречу Богу Мертвых.

С ужасным рычанием чудовище задрало обе своих руки, или лучше сказать — передник лапы. Оно еще ползло, сгибая столь ненавистный круг, но скорость движения его упала. И тут чудовище сделало рывок! Антриг увернулся в сторону, но на сей раз ловкость ему изменила. Клешни твари, схватив его, прижали к ближней колонне. Радостно завывая, страшилище стало неспешно подтягивать все свое тело, понимая, что уж теперь-то жертва никуда от него не денется.

Джоанна, с ужасом осознавая, что у нее не хватает мужества выйти из круга, чтобы как-то помочь Антригу, качнула шестом. Его железный наконечник с оглушительным грохотом ударил по столбу позади нее. Бог Мертвых повернул голову, обеспокоенный внезапным шумом. Джоанна тут же догадалась, что ей нужно делать. Подхватив с пола валявшийся там кусок мела Антрига, она склонилась и принялась вычерчивать на каменной плите символы:

Бог Мертвых застыл на одном месте, вглядываясь в чертимую Джоанной комбинацию. А в следующий момент твари снова развернулась в сторону, где на каменном полу бессильно

лежал поверженный Антриг. Схватив одной своей клешней Антрига за шею, а второй — за руку, чудовище одним рывком поставило его на ноги. И тут глаза их встретились — глаза Бога Мертвых горели ярким пламенем, точно глаза взбесившегося животного, а глаза Антрига спокойно, без страха взирали на своего противника. И вдруг Виндроуз, схватив врага за запястья, поволок его к нарисованным значкам. Странное дело, но чудовище совершенно безропотно дало повести себя в нужном направлении. А затем Антриг свободно отцепился из хватки Бога Мертвых и по символической Дороге отошел от него.

Тут Виндроуз посмотрел на значки Джоанны.

— Что это такое? — прохрипел он.

— Постоянная Планка! — последовал ответ.

— Уверен, что госпожа Планк была бы польщена, узнав, что кому-то нужны ее результаты! — скривился Антриг, и по его неловким движениям девушка догадалась, что при ударе о колонну он сломал себе ребро.

— Если он ученый, то он должен сразу узнать это! Я нарисовала схематично коэффициент энергии по отношению к частоте светового излучения — есть такая штука в физике. Это для того, чтобы показать ему, что мы знаем — он вовсе никакой не Бог Мертвых! И таким образом, мы сможем разузнать, кто же он такой на самом деле!

Антриг встал на колени возле печати Тени и осторожно прикоснулся раскрученному проводу и проводниковой ленте.

— Может, он и сам этого не помнит! — сказал Виндроуз задумчиво, — тогда нам нужно освежить его память!

Антриг рукавом вытер сочившуюся из его разбитой губы кровь, — а Джоанна, осторожно положив шест на пол, все еще опасливо поглядывая на Бога Мертвых, подошла к Антригу и склонилась на коленях возле него.

— Мне кажется, что тебе нужен все-таки технический консультант! — сказала она несмело.

Его глаза за перепачканными кровью линзами загорелись беспокойством, но отрицать верность сказанного девушкой у него не хватило духу. Поколебавшись, Виндроуз взял ее руки своими руками, одетыми в измазанные слизью страшилища перчатки, и поднес их к переплетению провода.

— Вообще-то я не знаю, как много тебе удастся услышать, — виновато пробормотал он, — если ты почувствуешь, что он пытается овладеть твоим рассудком, сразу прекращай это дело! И даже не пытайся как-то помогать мне! Хорошо?

Джоанна усилием воли заставила себя согласно кивнуть. Девушка закусила губу и уставилась вниз.

— Ну вот и хорошо, умница! — Антриг глубоко вдохнул и, приложив руку к тому месту, где находилось сломанное ребро, закрыл глаза. Видимо, он сейчас не излучал волшебную энергию. Скорее, наоборот — он эту самую энергию впитывал из нарисованных магических печатей.

Джоанна не родилась с волшебным даром, и потому чувствовала она действительно не слишком много. Единственное, что она ощущала хорошо — это тепло от проходившего света, который тек по медному проводу под ее пальцами. Но она ничего не чувствовала. Глянув на Виндроуза, она заметила, что тот беззвучно шевелит губами. И тогда Джоанна поняла, что она не чувствует ничего потому, что все ее внимание по-прежнему сосредоточено на Боге Мертвых и на окружающей тьме.

Ну что же, подумала она. Теперь можно попробовать свои способности в медитации. В свое время ей приходилось кое-что читать на эту тему, и потому она знала, что нужно делать. Вообще-то самым трудным казалось просто закрыть глаза, потому что в этом случае она не могла контролировать ситуацию. И, как следствие, не было полной концентрации на мыслях и ощущениях. Трудно было... ни о чем не думать.

Усилием воли девушка заставила себя смежить веки, и тут откуда-то издалека до нее донесся голос Бога Мертвых...

— Чем больше жизнью я возьму, тем сильнее станет моя сила! Виндроуз, я могу выпить всю магию твоего рассудка, твоего мозга. Это поможет мне не только приостановить распад брэнной моей плоти, но и также привлечь к себе дополнительную энергию. Ну, скажи, для чего я должен возвращаться в свой мир, когда я могу распространить свою волю по всему этому миру и стать его владыкой?

— Конечно, ты сможешь сделать это запросто! — отозвался Антриг, причем голос его звучал бодро и молодо, — тем более, что у тебя есть какое-то сознание! Вижу, что ты в состоянии позаботиться о себе! Но тебе трудновато придется! Ведь жизненная энергия людей все равно не заменит тебе той привычной пищи, которую ты потреблял в своем мире! Я уже не говорю, что здесь и воздух совсем другой!

— Ничего страшного, моя плоть спокойно переносит вашу атмосферу!

— Ха, все-таки ты сам себя травишь, и знаешь это не хуже меня! Ты понял это тогда, когда по ночам прогуливался до ведьминой тропы и когда пробовал употреблять в пищу кровь животных!

И тут Джоанна почувствовала разгневанный рев Бога Мертвых:

— Я снова голоден!

— Вот именно, вот что бывает от необычной пищи! — не удержалась девушка от едкой ремарки.

— В своем мире я ничего не значит, — продолжало чудовище, — так, обычный техник, помощник, ассистент в экспериментах, которые проводили другие! Там никто не обращал внимания на меня! А тут у меня сила, власть!

— Постой, это появится только тогда, когда ты вернешься полностью в сознание, — остудил чудища Антриг, — да, мое волшебство действительно способно дать тебе больше силы! Но только ум твой все равно станет затухать! Ты не заметишь, как уже не сможешь контролировать все свои порывы. Так будет продолжаться некоторое время, покуда кто-нибудь не уничтожит тебя, как уничтожают бешеных собак. А может произойти и так, что кто-то станет помыкать тобой, управлять тобой, как сейчас тобой управляет этот Петтин! Так что видишь, у тебя действительно нет выбора!

Тут ослепительно сверкнул свет, а в следующее мгновение рассудок Джоанна уловил поднимающуюся где-то в ином измерении волну гнева, волну ненависти. Джоанна вырвала свои пальцы из рук Антрига и открыла глаза. Она тут же заметила, что чародей с криком оседает на бок. Хотя Бог Мертвых оставался в той же позе, что и раньше, девушка заметила глубокие царапины на лице и шее Антрига. В следующую минуту царапина появилась у него на подбородке — она возникла как бы сама собой, поскольку чудище и не думало шевелиться. Снова послышался утробный рев

— Бог Мертвых продолжал неистовствовать. Антриг извился от боли, кровь текла из его ран, но он все-таки не отрывал рук от печати Тени.

И тут рев прекратился.

Сердце девушки бешено колотилось, она не могла поверить, что все уже закончилось. В это время Антриг настойчиво повторил:

— А теперь скажи, где же твое настоящее тело, в котором ты пришел из своего мира?

Должно быть, Бог Мертвых что-то ответил, поскольку Антриг сказал:

— А поскольку твое тело в этом мире не разрушилось, то я могу помочь тебе снова вернуться в свое тело, а затем через Пустоту туда, где тебе помогут! Ну что, согласен?

Наступила тишина. Наконец Антриг широко улыбнулся.

— Да, — проговорил он, — конечно же, тоже безумен! Ты просто не в состоянии понять, что я не стану уничтожать тебя, как только ты допустишь меня в свой разум. Но ведь ты согласен с тем, что я действительно могу тебе помочь?

Если бы он был вменяем, то он был бы согласен, подумала Джоанна. Но он был бы вменяем, если бы за все это время, пока он тут находился, он не питался бы неподходящей пищей. Нет, Антриг не должен доверять ему, не должен первым раскрывать ему свой рассудок, иначе произойдет непоправимое. Нельзя позволить Богу Мертвых достичь своей

цели. А Антриг тем временем, оторвав свои руки от изображения печатей, медленно поднялся на ноги. Бог Мертвых вытянул вперед свои покрытые тлением руки, чтобы помочь чародею подняться. И вдруг оба — и волшебник, и чудовище — исчезли в густой темноте. И тут свет, который испускали печати, стал медленно, но верно гаснуть, и постепенно Джоанна все сильнее различала только меловые штрихи на полу, до мотки медной проволоки. Проволока загадочно поблескивала в свете единственной свечи, что горела на полу возле Джоанны.

Девушка даже не помнила, как долго сидела она одна в темноте. Каждый ее нерв был напряжен, она вся превратилась в слух, улавливая малейшие звуки, которые раздавались снаружи — в самой церкви было тихо, как в могиле. Медленно догорала свеча. Джоанна чувствовала, что силы оставляют ее. Впрочем, это было немудрено: ведь целый день она была на ногах. Сначала шли пешком, потом этот сон урывками — во время рождения ребенка. Сами роды, казалось, были просто бесконечны. Тут она обратила внимание, что кровь, пролитая во время схватки Антрига с Богом Мертвых, исчезла без следа. А девушка даже не заметила, как и когда это произошло. Она тут же подумала, не галлюцинацией ли все это было — эта битва и пролитая кровь.

Антриг был один — он сидел в склепе, устроенном под дальней стеной. Джоанна даже почему-то не удивилась, что он до самого их ухода так и не проронил ни слова. Он был какой-то обессиленный. Впрочем, и этому девушка не удивилась — видимо, Виндроуз расходовал всю свою энергию на поддержание какой-то мысленной связи с рассудком Бога Мертвых. Антриг старался не терять этого контакта, который достался ему столь тяжко. Тут она почувствовала, что воздух становится холоднее. Джоанна снова набросила на плечи свой полушубок и смотрела, как при дыхании изо рта ее вырываются клубы пара. Свеча по-прежнему теплилась, но надолго ли хватит ее?

Надолго хватит перед чем?

Громадные, окованные железом ворота церкви были задвинуты снаружи на засов. Джоанна, стоя рядом со входом, подумала, что она только ценой невероятных усилий сможет заставить себя пройти через темный лес колонн обратно к склепу неведомого праведника.

Вдруг послушался какой-то шум — Джоанна, не ожидавшая этого, подпрыгнула, словно от удара током. Шум этот оказался лязганьем засовов. После чего послышались непристойные ругательства. А затем до девушки долетела струя воздуха снаружи, который оказался куда более теплее, нежели мертвенный холод внутри помещения.

— Джоанна!

Золотистый свет факела освещал белокурую шевелюру Кериса и отблескивал на лезвии его обнаженного меча. Сделав несколько шагов, внук архимага непроизвольно попятился назад.

— А какого черта... — начал он.

— Тут! — Джоанна вскочила на ноги, которые заныли после продолжительного сидения. Керис схватил ее за руку, и тело девушки затряслось крупной дрожью. Джоанна подумала, что Керис выглядит весьма странно — нацелил ремень с ножнами поверх рубашки студента. Керис пришел один, только где-то далеко в дверном проеме было видно испуганное лицо человека, который, по-видимому, отважился встать на самую первую ступеньку.

— Керис, мы тут... — замялась Джоанна.

— Но он-то куда подевался? — парень поднял факел повыше и стал оглядываться по сторонам, — неужели он...

— Он опустился туда, вон в тот склеп, вместе с Богом Мертвых, — показала Джоанна в дальний угол, — он говорил, что хочет попытаться отослать Бога Мертвых назад, в его мир... Керис, а ведь ты тоже за него беспокоишься, да? — это было вполне понятно, поскольку послушник был явно не уверен, что справится с Сураклином сам.

— Он самый безголовый теленок, которого мне только приходилось знать в жизни! На

свою голову! — взорвался Керис, даже не потрудившись ответить на вопрос Джоанна, — но если он все-таки отсюда...

Послушник замолчал и взял девушку за руку. Вдруг могильный холод вокруг них словно встряхнулся, подобно теребимой ветром занавеске. Ужас объял девушку, и она еще сильнее вцепилась в грубый шерстяной рукав накидки Кериса. Казалось, что сама вселенная рассыпается на мелкие частицы.

— Пустота, — прошептал Керис.

Снаружи вдруг донесся протяжный крик, это был крик человека, заглянувшего в лицо смерти. Джоанна узнала этот голос — это кричал отец Дел.

— Он ушел, — прошептала девушка.

Керис, подняв свой факел, решительно направился в дальний угол, к темному провалу склепа.

Керис, пробираясь вперед, закашлялся — из склепа несло отвратительным запахом. Джоанна, невзирая на зловоние, направилась вслед за Керисом. Сделав несколько шагов, она остановилась от ужаса: перед ней темнела лужа слизи и черной крови с месивом мелко наколотых костей. Ага, это все, что осталось от несчастного отца Свилума, плоть которого, как и плоть других жертв, Бог Мертвых использовал на сооружение своего собственного тела. Алтарь у стены и ведущие в склеп ступеньки были забрызганы похожей смесью. Джоанну передернуло, хотя она уже успела насмотреться и нанюхаться вполне достаточно. Тут она поняла, почему же внутри церкви царил такой страшный холод — Бог Мертвых нарочно поддерживал тут столь низкую температуру, чтобы предохранять от разрушения свое новое тело, хотя это не слишком ему помогало. Возле гроба-раки с мощами святого лежало зловонной прели и плесени. В углу были грудой свалены иссохшие кости вперемешку с лоскутами истлевшей златошвейной материи. Череп издевательски скалил зубы, немного откатившись от разрушенного скелета. Джоанна поняла, что это были останки того самого святого, который был похоронен в склепе. Очевидно, он чем-то не угодил новому жильцу. А в каменном гробу, лицом вниз лежал Антриг, и в его предплечье мертвой хваткой сцепилась сгнившая рука Бога Мертвых...

— Антриг... — девушка осторожно подошла поближе. Потрескивал негромко факел. От этого потрескивания и зова Джоанны тело Виндроуза вдруг дернулось. И вдруг его рука резко поднялась и схватилась за запястье девушки — возможно, ему обязательно нужно было дотронуться до живой плоти. Джоанна даже не обратила внимания, что рука Виндроуза была сплошь покрыта слизью и потемневшей, испорченной кровью.

— Вытащите меня отсюда? — прошептал Антриг.

Керис подобрал валявшуюся на ступеньках накидку Антрига и аккуратно обернул ее вокруг его плеч. Джоанна выхватила из кармана плоскую стеклянную фляжку с джином, который Антриг начал жадно пить, как умирающий пьет эликсир жизни. Когда чародей все еще трясущейся рукой подал девушке почти пустую бутылку, та подумала, что все-таки зря постоянно врачи и разные там общественные активисты вопят о вреде алкоголя для здоровья. И вдруг сверху, в проходе в склеп, разом засветились яркие факелы и фонари. Подняв голову, Джоанна увидела много людей. Она узнала Петтина, который выглядел смертельно напуганным, там была Грир, которая явно с облегчением убедилась, что все три охотника на ведьм живы, хотя не так уж и невредимы. Но сколько Джоанне не высматривала отца Дела, так и не смогла увидеть старика.

— Как ты думаешь, считают ли в этой деревне хорошим тоном напоить гостей отменным чаем? — наконец спросил Антриг, но руки его по-прежнему тряслись. Виндроуз посмотрел на Кериса, и глаза его вдруг снова лукаво засветились, — что-то ты, парнишка, подозрительно быстро сюда домчался?

— Перестань говорить чепуху, — отрезал Керис, но не слишком резко,

— я просто шел следом за вами, почти следом! — внук Солтериса стукнул мечом, но не зачехлил его, — только вот вышла небольшая заминка — нужно было убрать с дороги этих непонятливых ребят Петтина!

Разглядывая столпившихся при входе охранников Петтина. Да и то у одного из них под глазом сиял здоровенный синяк, а второй то и дело поправлял повязку на запястье, пропитанную кровью. К тому же у него на лбу вздулась огромная шишка — чуть помельче голубиногo яйца.

— А ты? — в свою очередь поинтересовался Керис, — ты не боишься, что теперь по волшебной энергии Совет отследит тебя? Что ты собираешься делать?

— Вряд ли, — беззаботно сказал чародей, отбрасывая окровавленной рукой прядь волос со лба, — я ведь тут использовал не слишком много волшебства! Разве что пришлось применить ее, чтобы отправить душу Бога Мертвых в его первоначальное тело, а потом и обратно через Пустоту! Кстати, как и все эти чудовища в цитадели Сураклина, он не мог дышать нашим воздухом, но по этой же самой причине наши паразиты, которые поселяются на мертвечине, не приставали к нему! Но печати и сами в состоянии передавать силу и энергию! Джоанна же вот сказала, что они — схематическое изображение человеческого мозга. Они, как и телисы, насыщаются и работают на энергии волшебства, которую они извлекают из окружающей действительности!

Тут Антриг нахмурился — видимо, он вспомнил что-то. И сразу на его лбу обозначились те самые царапины, которые причинило ему чудовище.

Керис непонимающе уставился на чародея, держа в руках коптящий факел. На его лице отразилось сочувствие — в конце концов, оба они прошли школу послушников, так почему же один послушник не мог посочувствовать другому? Тихо, точно желая, чтобы никто, кроме самого Кериса не мог это услышать, Керис пробормотал:

— Но ты должен понимать, что рисковать тебе не нужно!

Антриг метнул на него быстрый взгляд, но предпочел промолчать.

В конце концов может наступить такой момент когда тебя просто загонят в угол, и тогда тебе придется либо использовать всю свою силу, либо умереть!

Казалось, что чародей пропустил и это замечание внука Солтериса Солариса мимо ушей, но затем все-таки отреагировал.

— Я это знаю, — тихо сказал он, — это случится уже скоро!

Тут Антриг бессильно опустил на каменную крышку саркофага, будто силы окончательно его покинули.

— Я больше всего боялся, что Сураклин прослышит о Боге Мертвых раньше нас и примчится быстрее! — признался Антриг, — независимо от того, присоединился бы к нему Бог Мертвых по собственной инициативе, или Сураклин бы просто подчинил бы его своей воле и стал диктовать ему, что делать, это было бы ужасно... но...

Тут вдруг Виндроуз замолчал лицо его исказил испуг — Джоанна поняла, что внезапно он отгадал последнюю тайну этой страшной загадки. Джоанна вспомнила, что на лице Виндроуза было точно такое же выражение, когда Фарос рассказал, что в действительности случилось с его отцом.

— Что такое? — обеспокоенно спросила девушка.

Антриг посмотрел на нее и быстро отвел глаза.

— Так, ничего особенного, — поспешно, даже слишком поспешно, отозвался он, — а как ты думаешь, не предоставят ли нам эти люди кроме чашки чая еще чего-нибудь пожевать и ночлег? Должен признаться, что устал я смертельно!

Джоанна, когда они уже лежали на громадной кровати в доме Грир посреди выделанных овечьих шкур, видела, что Антриг задумчиво смотрит в потолок. Это было последнее, что она помнила. Потом девушка была уверена, что Антриг почти всю ночь не спал — встреча с Богом Мертвых натолкнула его на какую-то догадку.

Глава 13

Все последующие три дня Джоанна все пыталась разузнать у Антрига, о чем тот разговаривал с Богом Мертвых, но тот либо отмаливался, либо поспешно переводил разговор

на другие темы. Впрочем, молчание Антрига длилось не слишком долго — всю дорогу он рассказывал разные истории о религиозных сектах и интересных фактах из жизни прежних правителей этой страны, о самоисцелении и лечении травами, Джоанна же тоже не стремилась хранить тишину. В свою очередь, она сообщила спутникам о новом компьютерном оборудовании и проблеме видеопиратства. Но девушка инстинктивно чувствовала, что за наигранной веселостью Антрига стоит удивление и испуг.

Наконец они прошли Сикерст и направились по долине, что простиралась к востоку от города Ангельской Руки. Путь они держали к острову Тилратин, который находился как раз на пересечении энергетических линий. Джоанна вдруг подумала, что даже Антриг не всегда бывает исключительно храбр — сейчас что-то пугало и угнетало его. Больше всех везло Керису — тот обладал железной верой в то, что достигнет желаемого, и потому мучительные раздумья не изводили его. Джоанна же чувствовала себя примерно как и Антриг — то и дело ей в голову приходили самые противоречивые мысли. К тому же слишком часто Виндроуз приходилось жить со страхом в душе, а потому он как бы привык к нему. Наверное, чародей даже ощущал дискомфорт, когда вдруг осознавал, что в данный момент ему ничего не грозит.

— Я уверен, что Сураклин действует по заранее намеченному плану, — как-то вечером обронил Антриг. В тот вечер они заночевали в одном покинутом доме, сквозь худую крышу которого были видны яркие звезды на небе.

По мере приближения к цели путешествия они старались обходить населенные пункты, тем более, что теперь это можно было сделать, поскольку зима в этой части Феррита суровостью никогда не отличалась. К тому же здесь было много развалин и покинутых домов, так что проблем с поиском ночлега не возникало. В деревне, которую Антриг избавил от Бога Мертвых, благодарные крестьяне снабдили их целой горой сухарей и сушеного мяса, так что можно было позволить себе не заходить в деревни за провизией.

Антриг задумчиво посмотрел на горящую свечу:

— Хотелось бы думать, чтобы все было именно так!

Он говорил так часто, словно бы у них шел какой-то разговор. Даже было непонятно, что именно он подразумевает. Из рта Антрига пошел пар, и Джоанна вспомнила, что это заброшенный дом, что на дворе зима, и поплотнее запахнула свой полушубок.

— Вообще-то я не столь искушен в психобиоаналитике, — продолжал Виндроуз, — но я уверен, — что у Бога Мертвых все эти накладки произошли потому, что он доверил свой разум существу, которое никак к нему не относилось! Я даже допускаю, что у него была такая психокинетическая способность — запросто проникать и манипулировать человеческим рассудком, что обычно под силу только волшебникам, да и то очень могущественным. Но он не мог брать полный контроль над человеком, покуда в нем сохранялась хоть капля сознания. В общем, в конце концов человека нужно было просто прикончить, что он и делал. И я даже уверен, что делал это Бог Мертвых просто инстинктивно, а не по злему умыслу, это не было его главной целью!

— Да, это так! — согласилась Джоанна, — может, кое-какие мелочи не совпадают, но суть ясна.

— Но зато с Сураклином у нас уж точно такой проблемы не возникнет!

— Ты прав, — снова согласилась Джоанна, — на моей дискете нет ничего, что могло бы относиться к перемещению рассудка одного человека в тело другого — я только успела забрать из его файлов то, что показалось мне самым важным! К тому же часть информации он изъясил еще до того, как я проникла в его систему! Но мне все это поначалу показалось сущим бредом, я копировала это только потому, что Сураклин действительно стерег эти секреты, как зеницу ока! Но сам Сураклин тоже переходит из одного тела в другое, хотя с ним ничего подобного не случается. Новообретенная плоть не портится!

Виндроуз вытащил из стоявшего у костра для просушки башмака свои очки и водрузил на свой заплывший синяками нос. Он задумчиво посмотрел на девушку и спросил:

— Но там тебе не попадался хотя бы намек на место, где Сураклин держит свой

компьютер?

— Вроде бы нет! — Джоанна сняла свой полушубок, поскольку костер разгорелся сильнее и стало жарче, — я и сама искала что-то подобное, но ты сам понимаешь, что я больше упирала на копирование, для осмысления не было просто времени! К тому же я тебе сказала, что далеко не все успела скопировать! Может быть, он там даже и не указал, где стоит его машина!

В подтверждении своих слов девушка вытащила из отделения для бумаг в своем ридикюле небольшую фотокопию фрагмента текста.

— Вот, погляди, это частица его секретов! — бросила она фотографию Антригу.

Тот, глядя на снимок, пробормотал:

— Ха, я так могу выучить и твой язык!

— Даже если вы его и выучить, — улыбнулась Джоанна, — ты все равно ничего не поймешь! Ведь кроме разговорного языка, есть еще и язык программирования! Есть такой язык, он называется ФОРТРАН. Постой! — просияла она, — пойми, что это примерно также, как и сама не могу понять ваших заклятий! Гэри — пока это действительно был Гэри — накапливал нужную Сураклину информацию по-английски, потому что ему не под силу было выучить ваш странный алфавит! Да и даже если бы он его выучил, эти значки нужно было бы вводить в компьютер специальной программой, а программу эту нужно было писать! Но ведь Сураклин-то наверняка торопил его! Интересно только знать, на каком языке теперь Сураклин думает?

Вдруг Джоанна содрогнулась — на нее напало какое-то дурное предчувствие, депрессия. Антриг успокаивающе сжал ей руку, словно говоря, что бояться здесь нечего. Джоанна подумала, что Сураклин опять принялся выкачивать энергию, это должно продлиться несколько часов — как раз остаток ночи, так что о здоровом сне и отдыхе лучше не помышлять. Впрочем, чего бояться — не впервой!

— Нет, — вдруг прошептала она, — я чувствую, я этого не вынесу!

— Ничего, ничего! — успокоил ее Антриг, — ты же знаешь, что паразиты никогда не убивают тех, на чьем теле они живут! Так что все будет нормально!

Джоанна стиснула зубы и склонилась на его костистую грудь. Вообще-то она сама никогда не думала, как много энергии забирает Сураклин у самого Антрига, но теперь, когда они вошли в близкие отношения, она поняла, что в Виндроуз тоже подвержен потерям сил.

— Солтерис, Сураклин, то есть, — заговорила Джоанна сонным голосом, — как-то обмолвился, что люди, дескать, со временем ко всему привыкают, и несколько лет спустя даже не замечают, что с ними что-то не так! Теперь мне понятно, что он имел в виду!

Вдруг девушка почувствовала на себе внимательный взгляд Антрига.

— А, что он действительно сказал так? — спросил чародей серьезно. И тут его ноздри раздулись в гнев! Джоанна впервые видела его таким рассерженным. Затем Виндроуз даже убрал руки с ее плеч и, извинившись лихорадочно стал рыться в своих глубоких карманах.

— Ну, конечно, — подумала Джоанна, — мне нужно было понять раньше, что он вовсе меня не любит!

Тут же она резко оборвала свою мысль — ведь она была в корне неверна. И как такое только могло прийти ей в голову? Наконец Антриг нашел то, что искал — это была миниатюрная астролябия, которую он попросил у Пеллы. Джоанна выжидательно уставилась на него.

— Сураклин так и думал, это верно, — пробормотал Виндроуз, настраивая астролябию на Северную Звезду, которая была отлично видна в кристально чистом морозном воздухе, — он-то ведь исходил и из того, что он умнее любого человека на свете! Конечно, в этом он в основном прав, но вот только самоуверенность до добра никогда не доводит! Он даже и мысли не допускал, что чего-то не сможет понять!

Антриг принялся подлаживать астролябию, что-то подкручивать и подвинчивать. Он довольно часто пользовался этим прибором, поэтому Джоанна следила за его манипуляциями без особого интереса. Вдруг Антриг насторожился, а спустя несколько

секунд и Джоанна услышала какое-то похрустывание. Но тревога оказалась ложной — это Керис возвращался с обхода окрестностей. Керис был весь продрогшим и промокший — он провалился в какую-то лужу с водой. К тому же ему не нравилось место для ночлега.

— Кругом хворост валяется, — бурчал он, — я шел, так треск за мной слышно!

— Ну и что! — удивилась Джоанна, — если вдруг кто-то придет сюда, то хворост и под его ногами захрустит! Сразу и узнаем, что гости пожаловали!

— Хватит молоть чепуху, — оборвал их Виндроуз, — если я не ошибся в вычислениях, то энергетическая линия лежит в трех милях к юго-западу от нас. А пока что я должен проверить кое-что, откуда энергия течет по линии.

— Так что же, ты хочешь сказать, — яростно начал Керис, — что ты можешь чувствовать линию не только на ее пересечении с другой? И для чего мы только тогда тащились черт знает куда, только для того, чтобы...

— Конечно, только потому, что мне дико нравятся пешие прогулки в сотни миль длиной в зимнее время, — закончил Антриг, выпрямляясь. В его глазах плясали огоньки крайнего раздражения.

Керис хотел было сказать что-то в ответ, но внезапно переменялся.

— Извините меня, — пробормотал он, — сам не знаю, что на меня нашло.

— Я понял это сразу, — примирительно сказал Антриг. Он повернулся к Джоанне. — Ты не хочешь пойти со мной? То, что должно случиться, надеюсь, не столь опасно, как мне кажется.

Джоанна, так и не понимая смысла его слов, безмолвно направилась следом за ним. Они шли через лес в полной тишине. Лес был редким, где-то поблизости мерцали огоньки селения, но опасаться встречи с местными жителями не приходилось, вряд ли кто в такое время сунется в лес. Впрочем, подумала Джоанна, глядя на свои часы, сейчас не слишком поздно. Она вспомнила, что сейчас это самое «зрительское время», в Калифорнии все сидят дома перед телевизорами. Интересно, что делают люди здесь, ведь на их несчастье телевизоры изобрели много позднее.

Девушка всеми силами старалась как-то развлечь себя, вспомнила разные смешные случаи и анекдоты, чтобы стряхнуть депрессию, хотя знала, что это бесполезно. За время их путешествия периоды изматывающей меланхолии становились все более длинными и повторялись чаще. Сураклин, видимо, входил во вкус, и ему требовалось все больше и больше энергии. Не было никаких сомнений в том, что в конце концов Темный Волшебник завершит все свои эксперименты. Джоанна даже подозревала, что осталось ему сделать не так уж много. При этой мысли сердце девушки захолонуло.

Кажется, Антриг сказал, что это их последний шанс. Но сейчас Джоанне казалось, что у них вовсе нет никаких шансов на удачу.

Когда они добрались до того места, где находилась энергетическая линия, Джоанна даже не почувствовала, что там есть нечто необычное. Впрочем, если не чувствовала Джоанна, этого еще нельзя было сказать об Антриге. То и дело поднимая голову вверх, где в просветах между ветвями деревьев виднелись звезды, Виндроуз повел своих товарищей к западу, при этом он успокаивающе держал Джоанну за руку. Девушка забыла надеть рукавицы, когда на привале упаковывала вещи обратно в ридикюль. Она тогда ничего не помнила о рукавицах, главное это были дискеты. А теперь руки ее онемели от холода, перчатки же, как она помнила, она засунула на самое дно ридикюля. Руки озябли настолько, что не чувствовали даже тепла прикосновения Антрига.

Через некоторое время Керис отстал от них и направился назад, убедившись, что его спутникам ничего не грозит. Он звал с собой Джоанну, но она отказалась, и теперь молча шла рядом с Виндроузом, немного злясь на то, что он угрюмо молчит. Что означает это молчание?

— Ага, — вдруг нарушил Антриг тишину, — кажется, мы пришли.

Посреди стеблей и листьев побитых морозом хвощей и папоротников возвышался серый шершавый камень, неровно обработанная каменная плита, когда-то вкопанная тут в

землю. Вокруг нее все поросло кленами и вязами. Постояв, чародей снял перчатки и направился через эти папоротники, которые тревожно зашумели: человек перепугал нашедших тут пристанище разных мелких животных. Подойдя к камню, экс-кудесник осторожно провел рукой по его бугристой поверхности, словно желая окончательно убедиться, что это тот самый камень. Видимо, все казалось в порядке, поскольку Антриг затем опустился на колени перед глыбой, приложил обе руки к ребру плиты. Затем он приложил ухо к камню, как бы желая что-то услышать внутри него. Джоанна готова была поклясться, что под кончиками его пальцев, там, где они касались поверхности камня, стали пробегать крохотные голубоватые искорки, как в церкви, когда нарисованные на полу печати тоже засветились таким цветом.

Вдруг губы девушки непроизвольно залепетали какую-то чепуху, но она сумела вовремя сдержаться. Она в следующий момент поняла, что на нее по-прежнему действует эта самая черная меланхолия, к которой теперь примешивался и страх перед этим лесом. Она даже не имела представления, чего тут собирался делать Антриг, но когда Виндроуз снова приблизился к ней, он был сильно разгневан.

— Будь он проклят, будь он проклят, — повторял кудесник, когда они возвращались назад. — Может быть, он и есть самый могущественный в мире волшебник, но при этом он еще и безмозглый дурак.

— Но в чем дело? — Джоанне пришлось бежать в припрыжку, чтобы поспевать за его размашистым шагом.

Заметив это Виндроуз сбавил темп, даже укрыл ее краем своей накидки. Даже сквозь несколько слоев одежды Джоанна чувствовала ребра

— настолько Антриг был измучен.

— Это не так просто объяснить, — сказал кудесник задумчиво, — не то чтобы объяснить, в это невозможно поверить. Просто... Ты, конечно, знаешь, что окружающие предметы неодушевлены... Вот Сураклин на это и упирает...

— Но... э-э-э... — залепетала Джоанна опять, поскольку всей ее сообразительности сейчас не хватало, чтобы понять, куда же Антриг клонит.

— Ну вот, — невозмутимо продолжал он, — но я же не таков. Кстати, милая моя, когда ты читала эти файлы «Силы Тьмы», ты там случайно не натолкнулась на упоминание, где Сураклин хранил все это время шары-телисы, которые он собирал в течение многих лет? Ведь как раз сейчас он и использует эти телисы, чтобы превращать в электричество жизненную энергию, которую он вытягивает из живых существ.

Джоанна кивнула, из ее памяти всплыло упоминание подходящего места, которое Сураклин даже выделил в компьютере специальным шрифтом.

— Там упоминался какой-то Костяной Колодец", — сказала она.

— Это как раз то, чего я боялся, — вздрогнул Виндроуз. — Уж я-то отлично знаю. Почему там никто не станет искать его.

Лицо мага выглядело до крайности измученным, при каждом шаге он хрипел и вздрагивал.

Оглянувшись назад, Джоанна внимательно посмотрела на стоящий безмолвно камень, который сейчас напоминал карлика. Казалось, что контуры его посвечивали. Или это было просто галлюцинацией?

И тут девушка догадалась, что это был за камень — это был первый путевой камень на той самой Чертовой дороге, которая стрелой протянулась до острова Тилратин, к перекрестку энергетических линий.

— Ты думаешь, что Сураклин прячет все свое на острове Тилратин? — тихо поинтересовалась Джоанна, — и компьютеры, и сами эти телисы? Но разве может быть, что Сураклин станет держать это так близко от города Ангельской Руки?

— Почему бы и нет, если он уверен, что сможет изгнать из города архимага и весь остальной Совет. Он это уже и сделал, — Виндроуз осторожно ступал по небольшим круглым камням, что лежали в русле покрытого тонкой коркой льда ручейка. Затем он подал

руку Джоанне, помогая ей сохранить равновесие, Ступая на противоположный берег, девушка вдруг заметила какой-то странный след, не похожий на след человека или животного. Антриг же продолжал, — но куда мы не находимся на самой энергетической линии, об этом нельзя говорить с уверенностью.

— Мне хотелось бы надеяться, что логово Сураклина окажется именно там.

Виндроуз удивленно посмотрел на нее, но при этом ничего ей сказал.

— Время играет ему на руку, — пояснила Джоанна, — конечно же, мне не слишком хочется столкнуться с ним лицом к лицу, как того жаждет Керис. Но если мы попадем туда и обнаружим, что он уже запустил свой компьютер, то есть если Сураклин запрограммировал его на самого себя, я не берусь сказать, как успешны будут наши действия.

— А может, мы просто расколотим его?

— Вряд ли этим мы добьемся какой-то цели, — ухмыльнулась девушка,

— ведь он, насколько я понимаю, вечен, и разум его не ограничен какими-то пределами. Он может вбирать в себя сколько угодно информации. Нет, компьютер уничтожается иначе — нужна соответствующая программа. Но на это, чтобы ввести программу, чтобы подобрать нужные ключевые слова, требуется всегда время. Время нужно и Сураклину, чтобы сработала его программа. Но только он в более лучшем положении — он знает, что делает, к тому же телисы помогают ему в некоторой степени ускорить процесс. Если же компьютер не работает, тогда наша задача значительно упростится. Но я сразу предупреждаю, что я в обоих случаях могу налепить кучу ошибок. Но нам нельзя терять и времени — чем больше времени в его распоряжении, тем меньше шансов остается у нас. К тому же он наверняка готовит новые системы защиты, он знает, что нам нужен его компьютер.

— Понятно, — Антриг поправил очки на носу, — но только перед тем, как стать компьютером, ему нужно непременно сделать одну вещь. Впрочем, может оказаться и так, что он это уже сделал, куда мы блуждали по Сикерсту под видом медиков. Ах, если бы я это знал наверняка. У меня такое чувство, что он все равно опередит нас.

Тут Антриг замолчал, оглядываясь вокруг. Но стояла тишина, даже ветра не было. Со всех сторон высились темные контуры деревьев. Джоанне они казались абсолютно одинаковыми, но Антриг явно знал, куда нужно идти. У него тут существовали какие-то свои приметы и ориентиры. Она также знала, что тончайший слух волшебника способен уловить опасность. Джоанна все еще испытывала мрачную меланхолию, она продрогла и выбилась из сил, ей очень хотелось сейчас пойти обратно, к заброшенному дому и завалиться спать возле костра. Но усилием воли Джоанна сумела пригасить эмоции, сейчас не время для слабостей.

— Так это тебя и беспокоило? — спросила она, наконец обретая душевное равновесие.

— Нет, — резко покачал головой чародей, — после беседы с Богом Мертвых я чувствую, что что-то идет не так, как я предполагал. А сегодня я ощутил ток энергии в камне... Знаешь, я понял, что как только Сураклин войдет в компьютер, он станет безумцем.

Рано поутру, двое суток спустя, трое путешественников добрались до острова Тилратин. Стоял густой туман. Куда они осторожно пробирались через туман, Джоанна предположила, не является ли это одной из мер предосторожности, защитой, что расставил Сураклин на пути к своему логову. Но Керис отрицательно покачал головой.

— В такое время возле рек всегда стоит густой туман.

— Пожалуйста, потише, — пробормотал Антриг, уже в сотый раз останавливаясь и прислушиваясь, с тех пор как они вышли из леса и ступили на берег реки. Вообще-то Джоанне в жизни не слишком часто приходилось выбираться на природу, но она помнила, что в конце лета этот лес кишит разными птицами, которые верещат на все голоса, в воздухе стоит сплошное гудение от бесчисленных комариных стай, вода-то близко, а в реке то и дело прыгает вверх, резвясь, непуганная средневековая рыба. Теперь же тут царила гробовая тишина, только изредка ее нарушал тихий всплеск воды. Саму реку не было видно в тумане, но она то и дело напоминала о себе потоками холодного воздуха.

— Конечно, если туман, да еще и холод, — прошептал Антриг, — то нас довольно

трудно держать под наблюдением, да еще и просто заметить. Но если он на острове, и уже нас заметил, то пусть он хоть на какое-то время потеряет нас из виду.

— Пусть, — повторила Джоанна, засовывая пальцы под мышки, чтобы согреть их.

Керис ничего не сказал, только с большим усердием завертел головой. После того, как прошел период мрачной меланхолии, Керис почувствовал себя более уверенно, он за эти двое суток часто ершился, предлагая свои маршруты поиска Сураклина, в общем, снова стал упрямым послушником. Казалось, что осторожность иногда его мало беспокоила. Это можно было понять, ведь Керис твердо приготовился умереть в схватке с Сураклином.

— Остров Тилратин и лес возле него и Чертовой Дороги тоже имеют дурную славу, как развалины цитадели Сураклина, — сообщил Антриг. — Дело не только в том, что молва связывает эти места с самим Сураклином, тут еще часто встречаются разные чудовища. Сколько уже людей тут пропало.

— Час от часу не легче, — Джоанна, услышав о чудовищах, стала лихорадочно озираться по сторонам. Она вспомнила, что вчера они уже проходили мимо почти полностью разложившегося трупа какого-то чудовища, но тогда она не придавала значения словам Виндроуза.

— Но вообще-то, — продолжал чародей, — я сомневаюсь, что до того момента, когда мы ступим на остров, нам на пути попадутся какие-нибудь ловушки. Сураклину нет резона привлекать к этому месту чье-то внимание. Тем более, что город Ангельской Руки совсем недалеко отсюда.

— И он заручился поддержкой Сердика, — горько сказал Керис.

— Это все пока что с конца сентября длится, он еще не слишком продвинулся в своей работе, — успокоила послушника Джоанна. — Он, наверняка, все это время только налаживал свой компьютер. Жаль только, что вы не проверили Ворота Дьявола, когда мы там проходили.

— Я был там двадцать или тридцать лет назад, — сообщил Антриг, — тогда я был еще учеником. Конечно, у меня не было большого опыта, но там, кажется, все было нормально. Странно, что я ничего не вижу и не слышу, кроме... — нахмурившись, Антриг стал прислушиваться, замерев в одном порыве, а затем, словно разочаровавшись, он пробормотал: — Ладно, пойдемте дальше.

Керис выхватил меч из ножен, его что-то сильно встревожило. Джоанна задержалась было на месте, чтобы понять, что так испугало ее спутников, но, так ничего и не услышав, бросилась вслед за ними, в таком тумане немудрено было отстать и потеряться.

Наконец они вышли к реке. У самого берега вода подернулась корочкой льда. Девушка невольно залюбовалась водой: чистая-чистая, каждую песчинку, каждый листок дерева, упавший осенью, видно. Что же, цивилизация еще не добралась сюда. Воды было немного. Острова самого не было видно, пелена тумана полностью скрывала его. Они даже не знали, как далеко Тилратин отстоит от берега. Керис выругался, но Антриг покачал головой.

— Используйте охраняющие заклинания, которым я вас научил! — пробормотал он. Виндроуз, не обращая внимания на холод, разулся, подоткнул за пояс полы своей мантии, — стойте тут. Если я свистну, можете идти, значит, безопасно! — чародей стал осторожно пробираться к воде, стараясь не наступить на валяющиеся под ногами сучья и острые камни. Затем, полуобернувшись, он с усмешкой бросил, — если свиста не будет, а только сильный всплеск, это значит, что вам лучше поискать другой способ добраться до острова!

— Спасибо за совет! — пробормотал Керис, глядя, как силуэт Антрига скрывается в тумане.

Медленно потекло время — казалось, что прошло менее двадцати минут, но часы Джоанны показали, что всего пять. Сквозь туман прорвался низкий свист Виндроуза. Стуча зубами от холода, Джоанна разулась, закатала до колен штаны и, держа в руках пистолет, шагнула в ледяную воду.

Брела она не долго, но переход этот показался ей вечностью. То девушке казалось, что сейчас она провалится в какой-нибудь омут, то боялась разрезать ногу о разбитую бутылку

(откуда тут бутылки?). Наконец, из тумана показались ветви деревьев и очертания фигуры Антрига. Виндроуз стоял на торчащем из воды камне. Он помог девушке выбраться на берег, который оказался тут достаточно крутым и первым делом сказал:

— Обувайся скорее.

Джоанна терпеть не могла мужского шовинизма, не любила, когда ее понуждали к чему-то столь безапелляционным тоном, но на сей раз ничего не сказала. А что было возражать, если ей был подан разумный совет? Затем она стала лицом к лесу, держа пистолет в руках, покуда Антриг подавал руку показавшемуся из тумана Керису. Туман был тут даже гуще. Впрочем, это можно было легко объяснить — ведь этот кусочек суши со всех сторон окружен водой. Тут стояла полная тишина. Впрочем, Джоанна предпочла бы, чтобы тут слышались какие-нибудь звуки — звуки какие бывают в самом обычном лесу, пусть даже зимнем. — Остров длиной где-то около полумили, — пояснил вполголоса Антриг, — если Сураклин здесь, то он уже знает, что у него гости. Так что нам нечего рассчитывать на внезапность.

Покуда он говорил, Джоанна вдруг почувствовала дуновение слабого ветерка, который был каким-то странным — ни холодным, ни теплым, словно искусственным. Туман же начал быстро рассеиваться. Возле воды по-прежнему туман был густым, но на берегу уже можно было отчетливо различить вязы и дубы, кора их была почти черной от влаги. За ближним рядом деревьев можно было видеть вкопанные в землю камни, которые образовывали правильный круг.

— Ты ничего не чувствуешь? — шепотом спросила девушка Антрига, но тот только резко махнул головой, что могло означать что угодно.

— Нет, это вряд ли, — наконец отозвался Виндроуз, — там только камни, крыши не видно. А компьютер он ни за что не поставит под дождь и снег. Конечно, это нужно проверить для очистки совести, но я уверен, что там ничего интересного нет, — с этими словами чародей направился к груде камней, но при этом он даже не потрудился выхватить меч.

Каменная окружность на острове Тилратин была заброшена уже в течении многих столетий, массивные светлые камни были густо увиты плющом и диким виноградом, но что-то все равно настораживало Джоанну. Ей уже пришлось вдоволь насмотреться на подобные сооружения на Чертовой дороге и во время скитаний по бескрайним просторам Сикерста, причем некоторые из них достигали аж пятнадцати футов в высоту. Но когда они подошли поближе к этому островному сооружению, Джоанна прикинула на глаз высоту и решила, что она никак не меньше двадцати футов. Стоящий рядом человек казался просто карликом возле массивных глыб. Когда они вошли в середину круга, Джоанна подумала, что это здорово смахивает на древнегреческий амфитеатр. Но в самом центре темнел небольшой квадратный водоем. Он был почти до краев наполнен застоявшейся свинцового цвета водой.

— А это что такое? — зашептала удивленно она, — для чего эта яма?

— Для самых различных целей, — еле слышно прошептал Антриг, продвигаясь внутри круга от одних ворот к другим, которых тут всего насчитывалось пять. Он внимательно обследовал каждые ворота, словно ища на них какие-то знаки. Полы его мантии цеплялись за засохшие верхушки травы, Антриг словно пытался ощутить начерченные в камне руины, которые мог видеть только он. Но он одновременно уделял внимание и своим спутникам, — этот бассейн использовался во многих случаях. Взять хотя бы лечение. На пересечении волшебных линий любой достаточно могущественный волшебник в состоянии вдохнуть жизнь в умирающего. Тогда за это еще не преследовали, потому что Церкви не существовало и в помине. Можно было кое-что услышать. Можно было набраться силы и крепости от самих камней, — тут голос Антрига понизился до шепота, точно он хотел утаить сказанное даже от безмолвно стоящих камней, — Джоанна, — это сооружение очень древнее. В камнях заключена огромная энергия. Как в ваших батарейках, только намного большая. Камни веками стоят тут, слушают и смотрят, они уже давно превратились в хранилища знаний и мудрости столетий. Они — как голоса из прошлого.

— Ты что же, хочешь сказать, что они и разговаривать умеют? — Джоанна подошла к одному из упавших во внешнем круге (которых тут всего было три) камней и склонилась над ним на колени. Керис же безмолвно вглядывался в глубину маленького бассейна в середине комплекса.

— Разговаривать они умеют, только с нами не будут, — Виндроуз приложил ладони к одному из камней, точно так, как он делал это в лесу. Склонив голову, точно вслушиваясь, Антриг коснулся упавшими с головы прядями волос серой поверхности камня. И вдруг поверхность камня засветилась — какие-то очертания, кружочки, ромбы, руны, отметки давно уже умерших волшебников несколько минут сияли на казавшейся незадолго до этого поверхности храмового камня. Да, Антриг проник в самое сердце камня, где он хранил накопленную информацию.

— Вот так-то, теперь тут поглядим, — сказал чародей удовлетворенно, направляясь к соседнему камню, — мы не слишком их обеспокоим, хотя чертовски интересно заставить их всех разговориться. Многие маги ошибочно полагают, что их отметки не сохраняются долго на различных предметах. Это очень большое заблуждение. Они... Керис! Немедленно отойди отсюда!

Парень удивленно уставился на Виндроуза. Вскочив на ноги, он нехотя отошел от водоема.

— Что ты там такое увидел? — миролюбиво поинтересовался Антриг.

Керис покачал головой.

— Ничего, — промямлил он, и сразу стало понятно, что он солгал. Лицо его было бледным, а глаза — испуганными.

Антриг внимательно посмотрел в глаза Кериса, и внук архимага поспешно опустил голову. Наконец Керис пробормотал:

— Они использовали этот бассейн для предсказания будущего, да? Они думали...

— Чтобы разобраться в этом, нужна огромная волшебная сила! — наставительно сказал Виндроуз, — ведь с водой всегда сложно. Обычно все, что люди там видят, не сбывается или сбывается наоборот. Если, конечно, они вообще могут что-нибудь там такое заметить.

Керис внимательно и изучающе посмотрел на Антрига, но было видно, что он не слишком поверил в эти слова. Но тем не менее парень согласно кивнул и отвернулся. Затем он решил перевести разговор на другую тему:

— А не мог Сураклин устроить свое логово под землей? Например, под этим вот островом?

— Если бы тут были столь грандиозные земляные работы, — возразил Антриг, — их сразу бы заметили, ведь город-то рядом! Сураклин слишком много времени истратил на обдумывание своего плана, он ведь педант, каждую мелочь выверяет, потому у него было не слишком много времени на устройство гнезда. К тому же, насколько мне известно, он собрал свой компьютер, разместил в нужном порядке телисы и установил преобразующий механизм, что собрал для него Нарвал Скипфраг только несколько месяцев назад. Нет, наша лучшая тактика сейчас — это выжидание. На том берегу реки есть заброшенная часовня. Там мы расположимся и подождем, когда он снова примется выкачивать нашу энергию. Тогда послушаем энергетические линии. Я лично не могу поверить, что он устроился в Цитадели Магов.

Внезапно Керис что есть силы ударил в стоявший рядом камень — его обуяло раздражение. Глаза его сверкнули, правильные черты лица исказились неумной злостью:

— Посреди зимы продирались сквозь лес только ради того, чтобы посидеть пару дней в часовне, про которую все давно забыли?

Не успел он закрыть рот, как Антриг предостерегающе поднял руку, словно напоминая, что рядом может быть опасность. Джоанна, сколько не вслушивалась, ничего не могла уловить, кроме плеска близкой воды, но зато Антриг и Керис испуганно переглянулись.

— Я не... — зашептал внук Солтериса.

— Гвардейцы! Или послушники! — прошептал в ответ Виндроуз, — на конях, причем

на обоих берегах. Мне кажется, что они собрались сюда.

У Кериса отвисла челюсть, но он быстро совладал с собой. Его рука легла на рукоять меча, и он прошептал:

— Выходит, что нас предали!

Глава 14

— Не может быть, чтобы нас выдала Пелла! — в отчаянии зашептала Джоанна.

Керис посмотрел на девушку, ее всю трясло. Керис и сам не верил в то, что сказал, но его руки ходили ходуном. Что же в действительности случилось? Конечно, это место не слишком подходило для убежища, но все-таки это было лучше, чем сражаться в чистом поле.

— Но тогда кто же проболтался? — Керису хотелось не говорить шепотом, а кричать во весь голос. Вот и верь после этого людям! Хотя по идее энергетические линии должны были доносить до слуха все передвижения преследователей, Тут было странно тихо, а то, что слышно, доносилось как-то неразборчиво, — они ведь никак не могли увидеть нас, когда мы подошли к реке. Такой туман стоял! А следов за собой мы не оставили. Кстати, они расположились на обоих берегах. Выходит, что они заранее знали, что мы здесь появимся.

— В самом деле? — Антриг, зацепившись веревочной петлей, наброшенной на острую верхушку одного камня, поднялся на несколько футов в высоту, чтобы лучше слышать доносившиеся с обоих берегов звуки.

После этого и Керис, и Джоанна тоже взобрались при помощи веревок на гребни камней. Как оказалось, вовремя, поскольку преследователи перебрались по мелководью и стали медленно, шаг за шагом, прочесывать остров. Их было дюжины три. Они четко выполняли все приемы, идя друг от друга на расстоянии двух вытянутых рук, но при этом никому из них просто не приходило в голову взглянуть вверх, к тому же на высоте двадцати футов беглецов скрывал туман. Антриг же, пробираясь по вершинам камней, добрался до одного, который немного наклонился в сторону. И тут Виндроуз совершил достойный самой ловкой обезьяны прыжок, целясь на перекладину двух исполинских глыб, что образовывали ворота. Керис закрыл глаза, ожидая страшного грохота падающих камней. Но ничего этого не произошло. Устыдившись своей минутной слабости, Керис понял, что камни простояли в таком положении тысячелетия, и ничего с ними не случилось, к тому же они были слишком тяжелы и массивны, чтобы вес одного человека мог повлиять на них. Но самому себе Керис мог признаться, что у него самого не хватило бы духу совершить такой прыжок.

Тем временем Виндроуз принялся наматывать на руку висящий свободно конец веревки.

— Они прочесали весь остров и этот храм, а теперь они будут снова прочесывать лес, — он внимательно поглядел вниз, откуда донесся треск сломанной сухой ветки, — теперь им нужно проверить участок, который как раз примыкает к Чертовой дороге.

Керис полузакрыв глаза, стараясь оторваться от окружающей действительности и уловить звуки, которые неслись издали. Он так ничего и не сумел услышать, но не сомневался, что Антриг уже уловил что-то.

— Но ведь они знают, что мы все равно где-то тут, — зашептал он своим спутникам, которые расположились рядом, — они знают, что далеко нам все равно не уйти. Они не уйдут, куда все не обшарят.

— Но я уверена, что Пелла здесь ни при чем! — зашептала яростно Джоанна, вслушиваясь в плеск воды на реке, — это не она выдала, Керис, хоть тебе и легко думать об этом.

Кериса точно током подбросило, когда он услышал сказанное Джоанной. Рука его потянулась к мечу, Керис словно рассудок потерял, до такой степени он разозлился. Джоанна, схватив ножны меча, резко дернула их на себя:

— Вот так, и хватит тут показывать свой характер.

Минуту спустя они слезли вниз. Стоя в сухой траве по колено, Керис вдруг остыл. Он

сообразил, что какой-то голосок в его душе и в самом деле говорил, что виновна в их обнаружении Пелла. Так чего тогда злиться на Джоанну?

Девушка между тем продолжала:

— Нечего думать, что мы столько времени проплутали по вашей стране и никто не обратил на нас внимание. Ведь временами мы вели себя более чем странно. Сураклин наверняка сложил воедино все факты и пришел к какому-то мнению, так что тут все логично.

Керис тряхнул головой, точно стараясь сбросить наваждение. Конечно, она говорит правду, но вот только она не знает, что ему довелось увидеть в свинцовой воде храмового бассейна. Резко развернувшись, Керис направился к тому месту, где возле брода их уже поджидал с нетерпением Антриг. Джоанна, подумав, заспешила за ним.

— Наверное, за ней следили, — сказал Керис задумчиво, снимая башмаки, — мы же знаем, что Сураклин хитер, как тысяча чертей.

На это Джоанна ничего не ответила. Туман снова сгушался — Антриг умел устраивать густые туманы с такой же легкостью, что и разгонять их. Теперь берег реки снова исчез из виду, и сколько Керис не вслушивался, он так и не смог уловить с той стороны ни одного подозрительного звука. Керис первым перебрался на берег с острова. Убедившись, что все в порядке, он засвистел. Поеживаясь от холода и нетерпения, он подождал, пока Джоанна присоединится к нему.

Путешественники с радостью убедились, что преследователи не смогли обнаружить их поклажу. Справедливости ради нужно было сказать, что гвардейцы и не задавались целью разыскивать что-то, кроме людей. Керис сообщил свой план — отправиться к гвардейцам и разузнать их планы. Он сказал, что скорее всего, преследователи не слишком хорошо знают друг друга, к тому же накидка гвардейца, которую он сам носил, должна была подкрепить его легенду. Риск был, конечно, но где бывает полная безопасность?

— А куда ты собрался идти? — поинтересовалась Джоанна, — ты что, знаешь, где они находятся?

— Пойду в поместье, — решительно отозвался послушник, — я уверен, что именно там они расположились. Там можно что-то разнюхать...

— Попробуй раздобыть что-нибудь съестное, — посоветовал Антриг, беззвучно выступая из сплошной стены тумана, — я, честное слово, умираю с голоду.

Керис грустно посмотрел на него — ведь и так было ясно, для чего он в самом деле собрался в поместье, что именно там его интересовало.

— На том берегу есть заброшенная часовня, по течению это мили полторы отсюда, и футов четыреста от берега, в лесу, — продолжал Антриг, — но если окажется, что гвардейцы все еще прочесывают местность, то тогда мы будем ждать тебя у протока Спелд, на холме, это десять миль к северу отсюда. В пятидесяти футах от места на земле будут лежать два камня. Это знак, что все нормально. Если ты не сумеешь обернуться до темноты, тогда жди двух костров. Перед тем, как приблизиться, попробуй просвистеть соловьем. Договорились?

Керис согласно кивнул. Чтобы там он не думал об Антриге, в маскировке толк он знал.

— Хорошо, я все так и сделаю, — отозвался внук Солтериса.

Виндроуз поднял вверх правую руку и растопырил изуродованные инквизиторами пальцы:

— Ну тогда удачи!

— Ни пуха, ни пера! — поддакнула Джоанна.

Керис вздрогнул, услышав такое напутствие. Он сразу вспомнил такое далекое теперь детство. Помнится, так всегда приговаривала его бабушка, провожая кого-то в дорогу.

— Только не говори, что ты веришь в это! — пробурчал Керис.

— Я во все верю! — запальчиво сказала Джоанна. Через минуту они с Антригом скрылись в непроглядной стене молочно-белого тумана.

Во время своего пребывания в поместье, которое они окрестили Чертовыми воротами, Керис крепко врезал в свою цепкую память все подходы и укромные места. Конечно, облетевшие деревья и кустарники не могли скрыть никого, а на фоне красных гранитных

стен дома, обложенных еще розоватым кирпичом, тоже лучше было не искать убежища. К тому же окружающее поместье пространство летом стараниями придворных садовников превращалось в сплошной цветник. Понятно, что сейчас там было голое пространство, которое великолепно просматривалось из окон. Река была далеко отсюда, и потому туман тут не был таким густым. Так что маскироваться было нечего и думать.

Прижавшись к земле, Керис видел, кто за ними охотится — неподалеку, негромко переговариваясь, прошли одетые в черную униформу гвардейцы с вышитыми золотом и алыми шелками инициалами регента. Итак, его личная гвардия.

Как только часовые прошли, Керис кошкой метнулся за конюшню. Возле стены рос толстенный вяз, за которым внук Солтериса и спрятался. Вынув из кармана подзорную трубу, Керис стал внимательно оглядывать окрестности.

Попутно он размышлял — если личные гвардейцы Фароса здесь, значит, он собственной персоной пожаловал в это поместье. Но что это означало?

Когда Керис пробирался к поместью, ему несколько раз встретились вооруженные люди. Теперь это можно было как-то объяснить — вечно подозрительный и всего боящийся Фарос, как обычно, велел все хорошенько обыскать, чтобы предупредить возможные покушения на свою драгоценную персону. Так что, кажется, ничего экстраординарного пока не случилось.

Но вот только в чем была странность — ведь это поместье, Чертовы ворота, принадлежало Сердику. Оно располагалось в двух сутках пути от города Ангельской Руки. Что такое? Впрочем, мало ли что могло взбрести в голову сумасшедшему поклоннику мальчиков, тем более, что он являлся фактическим правителем империи. Ум Кериса все еще продолжал прокручивать виденное в храмовом водоеме на острове Тилратин. Зрелище было ярким, и забыть такое было нелегко. Во всяком случае, так скоро. Ему казалось, что виденное им происходило в Ларкморе, но потом парень понял, что это могло случиться и здесь. И тут же гнев и ярость обуяли Кериса, его рука еще крепче сжала меч.

А что он видел, снова напомнила о себе навязчивая мысль. То, что он обманул ее, ввел в заблуждение?

Конечно, так оно и было. Впрочем, из всех теперешних страхов это был самый меньший.

Вдруг Керис увидел — по посыпанной белым речным песочком дорожке двигался одетый в светлые одежды человек. Он шел быстро, явно спеша? Керис знал, что предвещает его приход. Все, он увидел тут нужное, и делать тут теперь было уже нечего. Тихо поднявшись на ноги, Керис направился обратно к лесу, не забывая ворошить за собой опавшие, покрытые изморозью листья, чтобы потом никто не смог определить по следам, кто здесь побывал. Но затем он раздумал — уже должно темнеть, подумал Керис, может быть, стоит заглянуть в дом? Зимний день короток, темнота быстро ложится на землю, может быть, никто его и не увидит.

К западу от дома стояла мраморная арка, выстроенная в популярном лет сорок назад стиле. Она одиноко возвышалась среди голых газонов и клумб. Керис только посмотрел на окна, из которых струился темно-желтый свет, как вдруг его внимание привлек какой-то короткий блеск. Внук архимага сразу насторожился, пытаясь определить, что это может быть такое. Наконец он понял — это подзорная труба. Значит, охрана! Неужели его заметили? Если бы заметили, подняли бы тревогу или выжидают, чтобы схватить уж наверняка? Керису сразу расхотелось идти обратно в лес. Он повернулся в сторону и обошел дом, подходя к нему с востока. Удобно расположившись в кустах шиповника, он наблюдал в подзорную трубу, как со стороны имперского тракта сюда направляется небольшая точка, которая с каждым разом все больше увеличивалась в размерах. Он уже сообразил, в чем дело. Так оно и есть — посвечивая красноватыми глазками ламп, во весь опор мчалась запряженная семеркой лошадей карета регента. Керис сложил подзорную трубу и, больше не таясь, выбрался из убежища и направился параллельно дороге прямо к дому. Теперь охране было не до него — гвардейцы и слуги сломя голову неслись к парадному входу, строясь

ровными рядами, чтобы приветствовать своего господина. Когда Керис вошел в кухню, стоявшие у дверей два охранника задали ему пару каких-то дежурных вопроса, которые они могли задать кому угодно. Керис решительно направился через анфиладу комнат к месту, которое он наметил для укрытия. Возможно, теперь все получится, думал внук архимага.

Огонь полыхал в камине той комнаты, которая считалась кабинетом принца Сердика. Окна были плотно закрыты тяжелыми портьерами темно-малинового бархата. Это тоже было знакомо — Фаросу постоянно казалось, что за ним кто-то следит. Так, это то как раз, что нужно, подумал Керис, усаживаясь на широком подоконнике одного из окон и задвигаясь при этом портьерой. На всякий случай он держал в руке кинжал.

Если этого потребовалось бы, Керис мог подождать тут час, два. Но, как оказалось, в этом не было необходимости — несколько слуг внесли по громадному подсвечнику, на которых горели охапки свечей. И это тоже было знакомо — Фарос ненавидел темноту. Керис возликовал — он все правильно рассчитал. Где-то вдалеке захлопали двери, на улице ржали лошади, которых выпрягали и уводили в конюшни. А через пару минут послышалась дробная поступь высоких каблучков по замысловатому узору паркета.

Керис загодя устроил между складок занавеси небольшую щелку, в которой можно было увидеть что-то, если бы возникла необходимость. Первым в комнату вошел человек никак не меньше шести футов ростом. Судя по описаниям Джоанны, это был Каннер, личный телохранитель регента. Керис профессионально позавидовал его оружию — про таких как раз и говорят: вооружен до зубов. Кажется, это его сильнейшая лихорадка сделала глухим, отчего он стал непригодным для послушничества и должен был покончить жизнь самоубийством. Но зато он устроился куда более удачно, став телохранителем Фароса.

Следом за Каннером вошел юноша, одетый в камзол из белого бархата с таким количеством жемчужной отделки, что даже шедший позади него уже сам Фарос остался как бы незаметен. Да, это был он — Фарос Херальд Дестрамор, извращенный садист, всесильный супруг Пеллициды и прочая и прочая, и прочая. Керис во все глаза уставился в щель.

Внук архимага впервые столь близко находился от правителя Ферриты. Он видел его довольно часто раньше, но все как-то вскользь. Последний раз их встреча произошла на постоялом дворе по дороге в город Ангельской Руки — но тогда его лицо было скупое освещено мерцанием факелов. Со странным холодком в груди Керис внимательно наблюдал за человеком, от которого зависела жизнь и смерть многих людей, в том числе и Пеллициды. И это куклоподобное существо, полное злобы и подозрительности ко всем без исключения, теперь расхаживало по комнате, кусая накрашенные губы.

Юноша в белом бархате глядел во все стороны наивным взором глаз цвета спелой ежевики, рот его тоже был накрашен яркой помадой.

— Ах, господин мой, — томным голосом проговорил он, — как здесь прекрасно! Благодарю тебя! Я буду вечно благодарен тебе!

Фарос довольно улыбнулся и потрепал юношу по румяной щеке:

— Не скромничай, Леннарт! Эта комната и все здание даже недостойны твоей красоты! Пришло наконец и моему двоюродному братцу Сердику узнать, что вся собственность императорской фамилии есть моя собственность! Пусть довольствуется тем, что он является самым крупным ростовщиком теперь. Как говорится, слишком много — слишком вредно! Если я пожелаю, ты будешь жить здесь год, десять... А то и все время, до конца дней... Ведь не секрет, что от тебя я получаю в десять крат больше наслаждения, чем от этого Сердика!

Юноша рассмеялся и обнял своего покровителя, при этом с его закрученных раскаленным железом локонов посыпалась золотистая пудра. Оказалось, что этот Леннарт выше своего покровителя чуть ли не на полголовы. Наконец, закончив изъявления своей преданности, юноша уставился на регента сверху вниз:

— Как бы я хотел отправиться дальше с тобой!

— Но лапочка моя, — проворковал Фарос, — ты же знаешь, что это невозможно!

Леннарт быстро отошел сначала к письменному столу полированного вишневого

дерева и, постояв, чуть ли не бегом бросился к камину из розового мрамора. Он стоял так близко от Кериса, что тот, если бы захотел, мог вытянуть руку и свободно прикоснуться к белому бархатному рукаву камзола. Глядя в огонь, юноша сказал капризно:

— Но почему невозможно? Ты ведь знаешь, что для тебя нет никаких преград! Кто она такая, чтобы не дать тебе привезти меня туда?

— Она, — отчеканил Фарос и разглядывая свои наманикюренные ногти,

— моя жена!

Кериса передернуло — и как только у этого напмаженного садиста язык поворачивается говорить такое! Впрочем, Керис отлично знал, в чем тут дело. Он понимал, почему Фарос не хочет тащить с собой своего интимного друга.

Леннарт игриво рассмеялся, стараясь смягчить внезапное раздражение своего повелителя:

— Но я вспоминаю, что ты рассказывал мне о ней: вороная кобыла, каковых крестьяне любят впрягать в свои повозки по случаю какого-нибудь праздника. Как вспомню ее платье для верховой езды отвратительно-желтого цвета, так мне дурно становится... До чего же они все-таки безвкусны, эти женщины... Только я...

— Она носит то, что ей нравится, — поспешно отозвался Фарос.

— Но только не шелк лавандового цвета, да?

— Ну и пусть, я же не смотрю на нее все двадцать четыре часа!

— Но какой у нее дурной вкус! — презрительно проговорил Леннарт, — бьюсь об заклад, что ванны она принимает, как это делают у нее дома — в дубовой бочке с дождевой водой! Фу! Я просто не представляю, как это ты остановил свой выбор именно на ней!

— Неужели? — регент как-то странно посмотрел на своего интимного друга.

— А эта ее собачонка! Я просто не знаю почему ты не наказал ее как следует, когда она ударила тебя из-за той паршивой псины! Тоже мне, собака!

— Но так ведь, — отозвался Фарос примирительно, — конечно, пакость, конечно, мерзость, но все-таки ее собственная!

— Собственная, как и я — твой! — юноша отошел от камина и направился к регенту. Взяв унизанную перстнями руку, он поднес ее к своим губам, — ты имеешь право мучить кого угодно, и меня тоже! Ты это знаешь!

— Да, — сказал принц. Голова Леннарта все еще была опущена вниз, поэтому он не видел удовлетворения, которое светилось в глазах Фароса,

— да, я это понимаю, — тут принц вдруг резко развернулся и отошел в сторону, и Керис потерял его из виду. Судя по его голосу, он стоял у следующего окна, рядом с закрытыми портьерами нишами, в которых помещались статуэтки богов Старой Веры и столь любимые Сердиком книги по оккультизму и магии. Леннарт остался стоять на месте, но теперь лицо его выглядело крайне озабоченным.

— Я не собираюсь постоянно ссориться с ней, Леннарт! — наконец вымолвил Фарос, — мне же нужен ребенок!

— И все? — грубо расхохотался юноша, — но когда это вдруг человек должен где-то испрашивать разрешение, чтобы покрыть собственную кобылу? Честное слово, я что-то не могу тебя понять!

Керис вдруг почувствовал боль — его пальцы вцепились в рукоять кинжала. Внук архимага с трудом заставил себя ослабить хватку. Послышался скрип — регент присел на стул у окна.

— Леннарт, — сказал он мягко, — они пытаются погубить меня. Все они плетут заговоры и интриги против меня — Сердик, Магистр Магус, Совет Кудесников, который всеми силами упирался и так и не дал мне уничтожить этого Виндроуза, когда у меня была возможность сделать это. Кто может поручиться, что это не они помогли ему бежать из Башни? А может это сделала Епископ Герда, которая вообще всегда подозрительно вела себя? И вот что я теперь тебе скажу — на этой самой ловкой амазонке я женился потому, что знаю, что наследником моим, как ни крути, является Сердик! Безвольное чучело! Если я

только умру, эти проклятые колдуны станут вертеть и помыкать им. И еще — если уж я женился на ней и не могу дать ей всего, что дает настоящий муж жене, то я уверен, что она получит одно — почет, который должен оказываться ей, как моей жене.

Вдруг по лицу Леннарта заструились слезы. Он порывисто рванулся с места, уходя из поля зрения Кериса, и внук Солтериса видел сейчас только одного Каннера, который бесстрастно стоял возле входа. Послышался шелест шелка и стук — Керис сообразил, что юноша упал на колени.

— И как ты думаешь, что она теперь станет делать? — забормотал его голос, почему-то дрожа, — она же не станет выгонять тебя палкой из своей постели. Конечно, она тоже желает иметь ребенка! Это бесспорно, ведь ей нужен кто-то при дворе, потому что она тут чужая, безродная провинциалка. Придворные в открытую насмеются над ней. Конечно, ей нужен ребенок. Но только не отворачивайся от меня к ней, не забывай меня. Фарос, я тебя люблю! Я клянусь, что если я почувствую, что ты меня больше не любишь, то я убью себя!

Керис, чувствуя приступ тошноты, резко отвернулся к окну, за которым распростерла свои объятия холодная ночь. И послушнику внезапно захотелось выйти отсюда на свежий воздух, где нет всяких дворцовых сплетен и грязных извращений, где все просто и спокойно. Отсюда можно было различить Чертову дорогу. Он был по горло сыт причитаниями и стонами этого испорченного великовозрастного дитяти, шелестом изысканных кружев. И тут Керис внезапно понял, почему плачет этот Леннарт — он уловил каким-то своим чутьем, что Фарос уважает свою жену. И подобно Керису, он осознал, во что же в действительности может вылиться это уважение.

Керис снова вспомнил, что он видел в мутной воде бассейна: Фароса и Пеллу, которые сидели рядом на большой кровати, и на коленях Пеллы безмятежно спала ее многострадальная болонка. Причем сидела она с каменным лицом, но в глазах ее не было совершенно никакого страха, точно она принимала все так, как и должно быть. А глаза Фароса были устремлены на нее, и в них не было никакой подозрительности.

— Я никогда не получу ее, — подумал Керис с горечью. И вдруг он ощутил страстное желание обладать этой девушкой во что бы то ни стало. Тогда, когда гвардейцы Фароса прочесывали остров, он истолковал увиденное в водоеме как предательство Пеллициды, но теперь все понял. Но зато сейчас Керис почувствовал некоторое облегчение. Ведь предательство он всегда считал одним из самых тяжелых грехов. Конечно, Пелле никогда не суждено быть его женщиной! Она не из его круга. Да и Керис все равно не сможет привыкнуть к той жизни, что вела она. В отчаянии Керис подумал, что все это просто очередная насмешка судьбы — Фарос будет продолжать ненавидеть свою жену, как ненавидит он без сомнения всех женщин. Неужели любовь всегда так зла? На этот вопрос Керис не мог ответить при всем желании, поскольку так он в жизни еще никого не любил.

— Антриг? — тихо позвала Джоанна, чувствуя, как мышцы его груди напряглись, когда он повернул голову. Они долго лежали в полной тишине. Причем они выбрали очень подходящее место — в саркофаге безвестного святого в той самой покинутой часовне. Саркофаг был давно пуст, но зато сух и держал тепло тел. А возле часовни на небольшом расстоянии друг от друга горели два небольших костерка. Свет от них проникал через широкий вход в саму часовню, отбрасывая на стену причудливые красноватые отблики, от которых в помещении было даже уютно. Виндроуз надел очки и приподнялся на локте, задумчиво глядя в потолок.

— Послушай, — прервала цепь его размышлений Джоанна, — а что бывает, если вдруг какой-то предмет копил-копил волшебную энергию, а потом она вдруг резко высвобождается?

— Не знаю даже, — отозвался чародей, и грудь его заходила ходуном под ухом Джоанны, — в этом я подобен Сураклину. Впрочем, Сураклин не считает, что в мире есть кто-то, подобный ему. Но он в какой-то степени прав!

— Ты сказал, что у каждого камня в том храме на острове есть свой голос, и что они даже разговаривают друг с другом. Потому что энергия, которая за века накопилась в них,

сама начинает искать выход.

— Да, — его рука сжала плечи Джоанны под ворохом накидок, полушубков и чего там еще было у них теплого, — волшебство наукой не назовешь, хотя Совет Кудесников с пеной у рта утверждает как раз обратное. Но это и не искусство, как говорит Сураклин! Это просто сама жизнь! Волшебство влияет на все на свете, в особенности на то, с чем оно соприкасается чересчур долгий период. Я все вспоминаю этого беднягу ученого, который изображал себя Богом Мертвых в церкви. Он не знал, что прикасаясь к чему-то, чтобы продлить еще на один день свою жизнь, он только все сильнее подвергал себя заразе. Сураклин сейчас, наверное, возится со своими телисами — накануне они хорошо поработали, взяли столько энергии. В том числе и из нас! Но вот в чем дело — все эти штучки способны поглощать жизненную энергию, но на энергии волшебной они останавливаются. Эти телисы вообще невозможно уничтожить. Там есть такие старые, что уже невозможно установить, сколько тысяч лет назад они сделаны! Там были два или три, у Сураклина, которые даже напугали меня. Мне совсем не нравится думать, что сейчас эти шары покоятся в Костяном колодце под Цитаделью среди разложения. Разложение и труха — это полудемоны, которых мы сначала вызвали к жизни, а потом поместили в этот колодец. Мы тогда не могли уже уничтожить такого демона, и потому они так и остались там!

Но теперь же эти телисы перерабатывают не только жизненную, но и волшебную энергию! И работают они двадцать четыре часа в день. Я не знаю, сколько времени это будет продолжаться — год, два, десять или больше. До тех пор, покуда это не надоест Сураклину, чей ум станет умом компьютера! Как только там накопится чрезмерное количество энергии, может произойти что-то невероятное. Впрочем, и Сураклин тоже не знает, что может случиться. Но все равно — это очень опасно, потому что Сураклин считает, что сейчас главное — это завершить все работы с компьютером.

Путешественники в общей сложности три дня провели в заброшенной часовне на берегу реки Глитден, ожидая, когда начнется новый период мрачной меланхолии. Погода была холодной. Вода на реке по ночам замерзала, но к полудню лед таял. Время тянулось жутко медленно, и они решительно не знали, чем занять себя.

Антриг все время проводил в древнем храме на острове, изучая накопленную камнями за столетия информацию. Когда Керис предложил перебраться в какое-нибудь другое убежище — ведь здесь было близко от города и до поместья чересчур настороженного регента — то Виндроуз наотрез отказался. Керис, который поначалу занялся было охотой на дичь, нашел это занятие утомительным и в конце концов тоже стал ходить на остров вместе с Антригом. Антриг рассказывал Керису много интересного, и тот жадно впитывал в себя информацию. Вспомнив, что внук Солтериса проявлял живейший интерес к предсказанию будущего, чародей принялся обучать его и этому. По вечерам же, когда они разводили костер поярче и сидели возле огня, Антриг продолжал рассказывать. Он много знал, он недаром провел детство в доме Сураклина. На следующее утро после приезда в поместье Фарос покинул его, и Антриг следил за находившимся там Леннартом. Но юноша оказался вполне безобидным созданием — он редко покидал свою новую резиденцию и вообще вел себя так, будто его не существовало в природе.

Керис, который уже успел кое-что узнать от Антрига о волшебстве, старался воплотить свои знания в практику, хотя все его существо противилось этому. Антриг явно понимал это, но не показывал вида. Керис знал, почему ему так хочется быть ясновидящим — перед его глазами всегда стояла Пелла. И каждый вечер ему хотелось знать, где сегодня заночует Фарос, не доберется ли он до девушки.

Каменное кольцо, возведенное в незапамятное время неизвестно кем, стояло на пересечении энергетических линий. Пока все было спокойно, сколько Антриг не вслушивался. Джоанна, изнывая от скуки, уже в двадцатый раз вытряхивала из ридикюля и своих бездонных карманов все свое имущество и укладывала все в новом порядке, который казался ей более рациональным. Попутно она проверяла наличие «жучка» — той самой

программы, которая должна была стереть все труды Сураклина. Керис же все пытался заставить себя заняться отработкой и повторением воинских упражнений, а не ясновидением, от которого, он знал точно, в их нынешнем деле все равно толку не было и быть не могло.

Однажды ночью, неожиданно проснувшись, Керис не вытерпел. Тихо, чтобы не разбудить спящих товарищей, он оделся и выскользнул из часовни. Перейдя реку, он прошел в древний храм и склонился над заветным колодцем. Но, к большому разочарованию послушника, он ничего там не увидел, кроме отражения равнодушно взиравших на него сверху звезд. И внезапно Керис почувствовал какую-то тревогу. Наверное, ему не следовало приходить сюда одному. Взглянув на безмолвные камни, он непроизвольно подумал, что если они сейчас сдвинутся к центру, то раздавят его в лепешку.

Наутро Керис почувствовал себя невероятно опустошенным и разбитым. Когда он подумал, что Фарос все ближе и ближе к резиденции Пеллы, он почувствовал себя еще хуже. Чтобы как-то сбросить хандру, внук архимага принялся ходить по лесу, заодно взяв на себя функции дозорного.

Во время одного из таких обходов, он распознал приближение вооруженных людей.

Был вечер, причем температура опустилась ниже, чем обычно, благодаря чему любой звук далеко разносился по лесу. Едва заслышав стук копыт по скованной морозом земле, Керис кошкой метнулся в заранее выбранное укрытие — яму от вывороченного с корнем дерева. Некоторое время он прислушивался, прикладывая ухо к земле. Судя по звукам, сюда приближался отряд никак не меньше пятидесяти всадников, да еще с повозками. Если это было так, то случилось что-то непоправимое и страшное.

Странно, что Антриг не смог предугадать их приближения. Вчера он заметил, как в расположенную у кромки леса деревню бредет одинокий нищий, потом пронеслось несколько повозок. Судя по пьяным выкрикам, в деревне была свадьба и народ гудел вовсю. Но как же можно было пропустить такое приближение? Что все это могло значить?

Донельзя удивленный Керис прервал свои размышления. Тут показалась и процессия — всадники в черно-белых нарядах какого-то незнакомого покроя, за ними двигалась уже тяжеловооруженная кавалерия в наброшенных поверх доспехов изумрудно-зеленых плащах. От опытного взгляда Кериса не укрылось, что воины все молодые, но довольно тренированные. Конечно же, полные рвения и боевого задора. Всадники образовывали каре, внутри которого двигалась запряженная четверкой лошадей карета, за которой ехало еще несколько маленьких повозок, тяжело груженных багажом.

Нет, пронеслось в голове Кериса, Антриг не мог не предвидеть этого. Но если знал, то что заставило его солгать?

Керис пораскинул мозгами: единственное место, куда может направляться столь представительная процессия — это только Ворота, Чертовы Ворота. Бросившись напрямик через лес, Керис добрался до поместья раньше кареты и ее охраны. Теперь в саду не было гвардейцев Фароса, и потому проскользнуть в дом не составляло никакого труда. Керис устроился в мраморном гроте, откуда при помощи подзорной трубы можно было видеть все малейшие детали. Это место было удобным еще и потому, что отсюда можно было добежать до леса, причем быстрее самих телохранителей, если уж они вдруг бросятся в погоню.

Удобно устроившись, Керис принялся наблюдать за происходящим. Первое, что он увидел — это был Леннарт, стоявший на ступеньках дома. Он был одет в огненно-красный камзол. Он выглядел осунувшимся и изможденным, словно тоже провел эти двое суток в лесу. Даже издали Керис отлично различал целые слои косметики, наложенные на его лицо. Наконец карета остановилась у парадного входа. Только тут внук архимага поразился роскоши отделки экипажа — карета вся блистала позолотой. Вдруг Леннарт радостно всплеснул руками. С радостным криком он бросился вниз по ступенькам, а вышколенные слуги уже предупредительно открыли дверцу кареты.

Как только дверца кареты раскрылась, и из нее вышел человек, ради которого и затевался весь этот шум, Керис понял, почему на сей раз Антриг предпочел умолчать. Внук

архимага отлично знал, что волшебникам трудно следить за передвижениями других волшебников. Даже заклятья, которыми окружали себя чародеи с целью предосторожности, могли быть уничтожены теми, чьи волшебные силы были мощнее. Антриг просто не знал, кто сюда пожалует! И хотя Магистра Магуса повсюду считали шарлатаном, тот, судя по почету, с которым его встречали, все-таки имел кое-какую реальную силу.

Возможно, подумал Керис, свою силу Магус употребил как раз на то, чтобы кто-то влиятельный вырвал его из лап Инквизиции.

Из второй дверцы вышел не кто иной, как принц Сердик, и Магистр тут же низко поклонился ему. Сердик показался Керису намного располневшим по сравнению с тем, каким Керис его видел в прошлый раз. Теперь принц щеголял кружевными перчатками хитроумного плетения и камзолом дымчато-синего бархата, украшенным бриллиантами. Керис поджал губы — наряд этот, должно быть, стоит больше, чем вся карета, да еще и с лошадьми и слугами в придачу. Леннарт снова почтительно поклонился. Да, в тактичности ему нельзя было отказать — хотя регент решил поселить здесь своего протеже, юноша не стал накалять обстановку и дал понять, что считает себя гостем Сердика.

А третий... Керис не сразу понял, кто был третьим гостем. В его лице было что-то знакомое. Еще далеко не старый, лет тридцати пяти, но лицо уже кое-где избороздили морщины. Одет он был очень просто — кафтан какого-нибудь придворного звездочета средней руки зеленовато-персиковой расцветки безо всяких украшений. Но встречали его явно не по одежке — как только этот человек подошел к ступенькам, Сердик поклонился ему, а Леннарт, тот вообще упал на колени и поцеловал руку гостю. Кого же это так помпезно приветчают здесь? Память Кериса услужливо подбросила ему одну знакомую деталь — волосы гостя. Он был очень коротко подстрижен, даже короче, чем требовали наставники от своих питомцев в школе послушников. Где же он видел эти волосы? И тут Керис начал припоминать — этого человека он видел...

Приехавший принялся жестикулировать, картинно указывая на дом. И тут Керис вспомнил! Вспомнил и содрогнулся.

Это лицо он тогда видел в скупом свете луны и освещении дома. Он видел его в окно, когда тот вымаливал прощение у Джоанны, голоса его не было слышно из-за гремевшей странной музыки и пьяных выкриков расходившихся гостей. Они тогда вовсе веселились возле пруда. Это было там, в другом мире. Это было лицо бедняги Гэри Фэйрчайлда, но вот жестикулировал он точно так, как его дед, как Солтерис Соларис...

И тут Керис понял, что видит Сураклина...

Глава 15

Но ведь это же несправедливо! — Леннарт резко повернулся, и мелкий снежок, нападавший на плечи его богато расшитой накидки, посыпался вниз. Ни слова не говоря, он провел гостей в залу, где в камине уже жарко полыхал огонь. Все сели к огню в предусмотрительно поставленные слугами глубокие бархатные кресла, и Керис больше не мог слышать, о чем говорит юноша.

Как только Керис увидел, кто пожаловал в Чертовы Ворота, так сразу понял, что это неспроста. Воспользовавшись всеобщей сумятицей, он снова попытался проскользнуть в комнату и спрятаться в своем старом месте — в нише окна, за занавеской. Но осторожность подсказала ему, что делать этого не следует. Одно дело было — подсматривать за регентом, который хоть и подозрителен, но все же не обладает большой проницательностью, как Сураклин. И потому Керис устроился в соседней комнате, которая примыкала к залу для гостей. Внук архимага забрался в отделенную от остальной комнаты большой бархатной портьерой клетушку и устроился там в кресле. Он слышал, как приехавшие и Леннарт прошли мимо него. Он надеялся, что сейчас эти люди не поставят возле двери часового из опасения, что он сможет услышать их разговор. Керис боялся другого — как бы кто-нибудь из чересчур ретивых слуг не обнаружил его тут.

Из тех же соображений безопасности они оставили и дверь настежь открытой — чтобы кто-нибудь не подслушал.

Керис обратил внимание на интерьер комнаты, в которой сидели прибывшие, потому что в прошлый раз не разглядел всего этого. Пол и стены были отделаны мореным дубом. Такой стиль был в моде лет пятьдесят назад. Вся мебель там тоже была из дуба. Особенно внушительно выглядели тяжелые дубовые кресла с резьбой и бархатными подушками. Затем Керис стал рассматривать то, что окружало его самого. И тут же в глаза ему бросились книги. Их было много — по волшебству и магии, предсказанию будущего и оккультизму. Некоторые он узнал — он видел их на Подворье Магов. Интересно, они были взяты оттуда или просто тут стояли одинаковые? В углу стояли статуэтки богов Старой Веры и различные приборы, назначение большинства из которых внуку Солтериса было непонятно. Впрочем, это пока не слишком его интересовало. Правда, его заинтересовали боги Старой Веры — двадцать одна статуэтка. Видимо, их изготовил один и тот же мастер. Сейчас люди уже и не знали всех их имен.

Но зато их знал Керис! Тетка Мин, предположительно самая старая из живущих волшебников и уж точно самая старая из живущих на Подворье, когда-то давно пришила на стены своей комнаты листки с указанием имен этих богов и их деяний. Листки висели с незапамятных времен, и от старости все пожелтели и просалились. Мин была отъявленной и упорной староверкой. Но эти... Стоявшие в этом дворце статуэтки представляли собой целое сокровище, произведение искусства. Вырезаны они были из нефрита и малахита. Глаза некоторых из них были устремлены на Кериса, словно жалуясь на свою теперь незавидную судьбу — служить украшениями, добавками к роскошной мебели.

Сураклин подошел к камину и сел на позолоченный стульчик. Уставившись в пламя, он подпер голову кулаком. Видимо, и его одолевали невеселые думы. Но Кериса поразило другое — это ведь тоже был типично дедов жест, он часто сживал так. И тут вдруг послушник подумал — как же это он был столько лет безнадежно слеп, что не заметил изменения, произошедшие в Солтерисе. Можно было запросто определить это по той насмешке, которая горела в глазах новоявленного Солтериса. У настоящего деда глаза светились иначе...

Но тут Керис подумал: а что он смог бы тогда сделать, даже если бы раскрыл подмену?

— Прошу вас понять меня правильно, — сказал просительным тоном Леннарт, — я вовсе не пытаюсь оскорбить ее, — но было видно, что он лжет, — но ведь и она сама не оказывает ему достаточно внимания и почета! Она просто неспособна на такое! Все, что ее интересует, — это выгоды, которые она может получить от своего статуса. Вот что ей нужно! Стоит ему только начать оказывать ей знаки внимания, как она воспользуется этим, окрутит его, опутает и подчинит своей воле, станет им помыкать, как захочет...

— Я всегда думал, — сказал участливо Сураклин, — что какая-то провинциалка, жадная до денег и невиданных раньше нарядов — не самая лучшая пара нашему Фаросу! Даже если бы она и была семи пядей во лбу, чего я в действительности вовсе не могу о ней сказать!

Хорошо еще, что наставники постоянно вбивали в головы ученикам послушание. Керис сумел проконтролировать свои эмоции, и только потому не обнаружил себя. Сураклина стоило ненавидеть уже за одно только то, что он говорил о Пеллициде! Но ведь ему и нужен Сураклин... Стоит ему только рывком распахнуть дверь, а уж пистолет, надо думать не подведет...

Впрочем, Сураклин ведь волшебник — ему ничего не стоит при виде нацеленного на него оружия заставить Кериса промахнуться или чтобы пистолет дал осечку. К тому же тут полно гвардейцев, отсюда не удастся уйти. Но даже если он и выберется, то куда в таком случае бежать? Для чего подвергать опасности Джоанну и Антрига? В конце концов, они и так собираются добраться до Сураклина, хоть и позднее!

Все это вихрем пронеслось в сознании Кериса, когда заговорил уже сам Темный Волшебник:

— Нет, Леннарт, тебе вовсе не зазорно было критиковать ее — она ведь недостойна такого внимания Фароса! Ведь ты знаешь, что ничего у нее не забираешь! Все, что тебе нужно — это твоя любовь, которая вполне должна вознаграждать твою преданность! — Тут Сураклин приподнял руку, и где-то в полумраке скрипнуло кресло — Магистр Магус бросился к своему избавителю.

Магус изменился, и это изменение одновременно расстроило и разгневало Кериса, словно он увидел, что кто-то жестоко обращается с животным или ребенком. Когда он был гостем Магуса в городе Ангельской Руки, то он презирал Магистра за его шарлатанство, за то, что он без особых усилий зарабатывает почет и деньги, в то время как настоящие волшебники либо в тюрьме, либо прячутся по тайным норам. Но сам Магус хорошо к нему относился, он без колебаний приютил и его, и Джоанну у себя, даже когда знал, какой опасности подвергается при этом сам. Он и помогал им по мере сил. Теперь же, глядя на почтительность, с которой Магистр приближался к новому хозяину, Керис понял, что оправдываются его самые большие страхи. Стоило только Магусу побывать в руках инквизиторов, как надеяться на него больше было уже нельзя. Из лап Инквизиции его могли вырвать только два человека — принц Сердик и его советник, то есть Сураклин. Впрочем, это было естественно — ведь Сураклину нужен был прирученный волшебник.

— Это я приготовил для вас! — Магус почтительно протянул Темному Волшебнику красную сафьяновую коробочку. Сураклин взял ее, и Магистр с поклоном отступил снова куда-то в темноту. Темный Волшебник, нажав на какой-то гвоздик, открыл коробочку, Леннарт и Сердик с любопытством уставились на нее.

— Великолечно! — пробормотал Сердик, осторожно прикасаясь к коробочке, — розы! Да таких даже в самом Меллдейне не сыщешь! Красота-то какая!

— Тихо, — рассмеялся Сураклин, — не касайся их, иначе ты почувствуешь, что твое отношение к Леннарту... э-э-э, несколько изменилось!

Принц поспешно отдернул руку и отскочил назад. Леннарт покраснел, а Сураклин расхохотался, видя все это.

— Подобные вещицы устанавливаются в спальнях для... для большего эффекта, господин! Это довольно пустяковое заклятье, но зато эффективное! — в его глазах плясала насмешливость, — но только Леннарт, я тебя предупреждаю, обращай с этой штукой поосторожней, иначе все, кому не лень, вдруг почувствуют страсть к тебе и станут ломиться в твою спальню. Тогда уж на долю бедняги Пеллы никого не останется! К чему такая несправедливость? И еще — не касайся цветков сам до того момента, как ты окажешься в кровати его высочества. Иначе все испортится! Я надеюсь, ты сумеешь справиться с этим?

Юноша горячо закивал головой.

— Только уважаемый Гэrr! — забормотал он почтительно, — мне нужно, чтобы вы выполнили свое обещание и доставили меня в Кимил раньше, чем его высочество прибудет туда! Если все так произойдет, то тогда трудностей не возникнет — его телохранители пропустят меня в его покои!

— Положись на меня, мальчик! — Сураклин широко улыбнулся, — я верю тебе, и ты верь мне!

Темный Волшебник доброжелательно потрепал юношу по щеке. И он снова заговорил:

— Признаться, мальчиками я сам никогда не интересовался. Теперь я понимаю, почему! Но ты получишь много власти, ты будешь править, даже не сидя на троне, со стороны! Только, прошу тебя, сделай все мудро и осмотрительно, чтобы не подвергать опасности в первую очередь себя самого! Ты можешь мне это обещать?

— Но мне вовсе не нужна власть, — со слезами в голосе проговорил юноша, — только его любовь, любовь!

— Хорошо сказано! Ну что же, любовь, так любовь! Ты ее получишь!

Тут Керис, сидя в своем убежище, догадался, что это было такое — приворотное зелье! Они решили отвратить Фароса от Пеллы! Чтобы принц снова начал нянчиться со своим юным дружкой, а девушка плакала от стыда и унижения!

Где-то в глубине души Керис спрашивал себя, какое ему вообще дело до всего этого. Ведь он сам две ночи не мог уснуть, всякий раз представляя себе, как Фарос обнимает Пеллу. Он наоборот должен благодарить этого Леннарта! Но Керис также чувствовал, что развязка близится, что скоро ему придется сойтись с Темным Волшебником, и что ему суждено погибнуть в этой схватке. Поэтому нельзя было желать, чтобы Пелла проявляла какой-то интерес только к нему, Керису... А что будет с нею потом?

Да, в самом деле Совет Кудесников был прав, когда говорил, что тело послушника и его ум наполнены нерешительностью и горем. В самом деле, правы были наставники, когда говорили, что нельзя позволять обычным человеческим страстям пожирать себя. Но тут же он вспомнил другое — муки роженицы и затем крик нового человека, это он, Керис, помог ему выжить. Тогда он не думал, для чего это он сделает. Кем он будет, этот человек?

Тем временем Леннарт, упав на колени, стал целовать руку Сураклина. Рядом в дугу изогнулся Сердик. Конечно, подумал Керис, и этот заинтересован в устранении Фароса — ведь тогда он будет вполне законным наследником престола! А может, он просто горел желанием помочь кому-то, воображая себя добрым богом, благодетелем. Ему все равно было, кому помогать — «Гэрру» ли, Леннарту ли. Глупый, самонадеянный дурак!

— Ладно, пора действовать! — сказал решительно Сураклин. — Захлопнув коробочку, он передал ее Леннарту, который алчно схватил вещицу, — мне пора! К полуночи нужно успеть обернуться! К тому же у меня есть здесь еще кое-какие дела! Магус...

Пока Сураклин и Магистр Магус неспешно направлялись к двери, Керис выскользнул из своего убежища. Бросившись через пустынные комнаты, он выскочил на улицу. Поскольку тут не было боящегося темноты Фароса, огней было мало. За все время Керис встретил только троих конюхов, коротающих время в ожидании хозяев рассказами разных баек.

Отбежав от поместья, Керис остановился. Сейчас его рассудок раздирали противоречия. Что делать? С одной стороны — Пелла, регент, потом этот ослепленный своей любовью Леннарт... Но с другой — тут остается Сураклин! Неужели Антриг в чем-то ошибался? А вдруг компьютер и в самом деле скрыт где-то поблизости под землей, как Керис и предполагал? А вдруг он сейчас заберется в свое логово и снова примется выкачивать энергию живых существ? Ведь случиться может всякое

— Антриг и сам сказал, что их рассуждения построены на чистых догадках. Пока что у них нет никаких доказательств... Сам Виндроуз уже не говорил с Сураклином один на один целых двадцать семь лет. Откуда им с Джоанной знать лучше Кериса, что затевает Темный Волшебник?

Но не может оказаться так, что Сураклин укрыв компьютер прямо здесь, в поместье?

Керис притаился за конюшней. До него донеслись голоса, потом зазвенел беззаботный смех Сердика, а затем Сураклин проговорил серьезно:

— Господин мой, извините меня, что я заставляю вас изображать из себя кучера, но другого выхода у меня в самом деле нет!

Они обогнули конюшню. Впереди шел слуга с ярко пылавшим факелом. Сердик, не обращая внимания на присутствие слуги, упал на колени и поцеловал руку Сураклина:

— Кучера? Но господин мой, за то, что вы сделали для меня, я готов лично открывать даже дверцу вашей кареты!

Сураклин, рассмеявшись, поднял Сердика с колен, и слуга поспешил вытереть тряпкой грязь с колен бархатных бриджей принца.

— Это уже не люди, а машины, так говорил Антриг. Они становятся похожими друг на друга, когда Темный Волшебник овладевает их душами, завоевывает их преданность... Но, надо отдать Сураклину должное, если он и привязывает к себе кого-то, то уже до конца...

С бешено колотящимся сердцем Керис шмыгнул в какой-то сарай, чтобы посмотреть, что будет дальше. Он даже не знал, что делать. Тем временем все прошли мимо кареты — очевидно, Сураклин передумал ехать в экипаже. Но зато они направились к оседланным коням. Сердик должен был изображать слугу. Он взял в руки фонарь, чтобы освещать

дорогу. Керис тут же хмыкнул — это была маскировка, ведь Сураклин, как подобает волшебнику, отлично видел в темноте. Наконец раздался стук копыт по мерзлой земле, и три лошади вылетели в раскрытые ворота. Керис глядел на удаляющегося Сураклина. А что, если ему больше не суждено увидеть его так близко? Ведь известно, как бывает трудно отыскать волшебника. Тем более, если он того не желает. Впрочем, даже если он его и найдет каким-то чудом, вряд ли он справится с ним. Сураклин — это не одноклассник в школе послушников, с ним не сладишь.

— Я только обычный воин! — подумал с горечью внук архимага, — к тому же давно не отрабатывал упражнений! Наверняка приемы уже не будут столь отточены и верны! И, как выяснилось сейчас, я еще и нерешителен! Нет, нечего даже и думать сойтись с ним в схватке...

Джоанна как-то спросила, почему ей суждено что-то там было сделать. Но тем не менее она всегда рвалась навстречу Сураклину, готова была пойти и под пытки инквизиторов, и стреляла в их послушников...

Но, поразмыслив, Керис решил, что все не столь уж плохо — он узнал тут достаточно, будет что поведать Антригу. Уж он-то сможет сделать нужные выводы.

Бесшумно, точно летучая мышь, Керис продвигался по клумбам и газонам, стараясь не подставляться под свет одиноко горящих фонарей. Он держал путь к реке, где его наверняка уже заждались. Где-то вдаль скакали три всадника. Сураклин теперь был первым, свет факела в руках Сердика освещал его меховой полушубок. Сердик замыкал их небольшую процессию. Керис удивился, что этот полный человек так хорошо держится в седле. Когда они удалялись от поместья, Сердик то и дело оглядывался, очевидно, помня наказ Сураклина — смотреть, чтобы кто-то не проследовал за ними. Вот наблюдатель из принца, как понял внук архимага, никудышный. К тому же он очень сильно нервничал. Дорога изгибалась большой дугой, и потому когда Керис прошел напрямую через поле в лес, где дорога продолжалась, он поспел туда намного раньше всадников. Перебегая от дерева к дереву, он сумел разглядеть кое-какие подробности. Средним скакал Леннарт. Одной рукой он держал поводья лошади, а второй прижимал что-то к груди. Керис догадался, что это была коробочка с приворотным зельем. Вдруг подул холодный ветер, небо стало затягиваться тучами. Очевидно, собирался сильный снегопад.

Керис продолжал продвигаться прежними темпами, не упуская всадников из глаз, тем более, что по лесной дороге они скакали не слишком быстро. Вскоре послышался плеск реки, а в следующую секунду глаза Кериса различили среди ветвей светлые силуэты камней древнего храма.

Кони с разбегу влетели в воду реки, взломав корку подмерзшего песка и льда у берега. В лесу было тихо, и плеск разнесся далеко-далеко. Уже на острове Сураклин и Леннарт спешили, бросив поводья коней Сердику, который остался сидеть в седле. Керис укрылся в зарослях берез у самой кромки воды. Он вжался в землю, поскольку чересчур старательный Сердик то и дело поднимал фонарь вверх и оглядывался. Сураклин, встав на наклоненный к земле камень, на котором стоял и Антриг, глядел как раз в сторону Кериса. Послушник принялся твердить себе, что Темный Волшебник не ожидает увидеть его здесь, и к тому же он слишком далеко от него находится, заслоненный стволами молодых березок.

Керису страстно хотелось покинуть свое убежище, перебраться на остров и посмотреть, что там делает Сураклин. Но тогда можно запросто обнаружить себя! Керис рискует не только собой, но и своими спутниками, ведь Сураклин сразу догадается, что здесь что-то не так! Керис поглядел на небо — судя по положению звезд, сейчас было что-то около полуночи. Сураклин что-то говорил насчет того, что им кто-то поможет. Уж не компьютер ли он имел в виду? Неужели эта машина начинает работать по ночам? Но вдруг Антриг блуждает где-то поблизости, ничего не подозревая? Тогда он попадет в ловушку! Хотя это будет сюрпризом и для самого Сураклина!

Сураклин еще какое-то время смотрел в сторону Кериса. Наконец, к облегчению последнего, он отвернулся и куда-то пропал. Леннарт, прижимая к себе свою бесценную

коробочку, безмолвно последовал за ним. Некоторое время Керис видел в кустарнике отблеск его белых чулок и плюмажа на шляпе, но затем и это растворилось в темноте...

Керис раздумывал — что делать? Сидеть тут и ждать, что произойдет дальше? Но сколько времени уйдет на это? Но в любом случае они вошли во внутренний круг...

Наконец Керис решился — глубоко вздохнув, он вышел из своего укрытия.

Вдруг у него за спиной раздался чей-то холодный и властный голос:

— Взять его!

Керис резко повернулся назад, рука автоматически выхватила из ножен меч. Он готов был поклясться, что он никого не видел за собой. Но тогда эти темные фигуры появились прямо из-под земли! Холодно блеснула сталь... Керис рубанул мечом ближайшую фигуру, и понял, что попал в цель. Но в следующую секунду ему самому пришлось уклоняться от удара. Керис отскочил к воде, сразу погружаясь по шиколотку в холодный ил. Выставив вперед меч, он отбил новый удар. Посыпались искры. Отлично, подумал Керис, по крайней мере, тут хоть есть нормальные люди, не призраки, как он подумал сначала, ударяя по первому из нападавших. Вдруг со стороны реки к нему рванулся кто-то с топором в руках. А с берега наседали кто-то. Бородка клинышком показалась Керису знакомой. Такую же носил и Магистр Магус. Отбив этот удар, он развернулся к реке, поскольку топор был уже занесен над его головой. Тут Керис подумал: а почему это пришедший по воде не издал при беге ни единого плеска? Словно он передвигался по поверхности воды... Выходит, это была иллюзия! Но тогда не нужно обращать на это внимания!

Но было слишком поздно. Покуда Керис сообразил, что к чему, кто-то из настоящих людей зацепил его ногу крючком и рванул на себя. Падая, Керис почувствовал страшный удар по голове. То, как он ударился головой о каменистый берег, Керис уже не помнил...

Очнувшись из небытия, Керис подумал:

— Это Магус наложил на воинов заклятье, которое сделало их невидимыми... Если бы я был настоящим волшебником, я смог бы вовремя заметить их... Я если бы я был настоящим искусным воином, то я был бы более осторожен. Так что в любом случае сам виноват...

В следующую секунду Керис снова погрузился во мрак, потеряв сознание. Это было на подворье Магов, в доме деда. Солтерис сидел в своем кабинете, за письменным столом, который всегда так поражал воображение Кериса.

— Керис, не думай обо мне плохо, не убегай от меня, — тихо говорил он. — Почему ты думаешь, что я сам разрешил Сураклину вселиться в мое тело, вселиться в мой разум? Мы просто дружим друг с другом, мы не считаем себя пленниками и захватчиками. Он позволил мне войти с ним в подлинное бессмертие. Ты же просто не представляешь, на что в действительности способен человеческий мозг. Он может вместить в себя сколько угодно душ. Там полно места для нас всех. Керис, я не умер... Только с моим телом теперь все кончено... Но сам подумай, разве бабочка когда-нибудь скорбит по оставленному ей кокону? Керис, прошу тебя, пойдем.

И тут вытянул вперед руки, тонкие, но сильные, вены вздулись, и их сразу стало заметно на фоне белой кожи. Он напрягся. Его глаза, на которые так были похожи глаза Кериса, излучали свет. В их глубине только тлел какой-то желтоватый огонек. Этот огонек, он какой-то странный...

Увидев этот блеск, Керис отпрянул назад. Он так скучал по потерянному деду, тосковал по нему все эти месяцы. Значит, в его напряженных венах текла теперь не кровь, а волшебная энергия, сила, которая освобождает и раскрепощает, которая многое позволяет своему хозяину.

Словно читая мысли внука, старик пробормотал:

— Керис, только я могу помочь тебе. Я ведь и сам врачеватель. Только ты сам знаешь, что настоящие волшебники никогда не похваляются своими знаниями и умениями. Посмотри, посмотри на ладони рук твоих...

Вздвогнув от ужаса, Керис проснулся. Он был весь в поту. Поначалу ему показалось,

что он видит на стене у изголовья кровати какие-то светящиеся серебром значки. Да, так оно и есть. Керис протер глаза, но неожиданно откинулся назад. Голова раскалывалась, а тело было словно чужим. На него было наброшено какое-то одеяло. Керис пошарил руками возле себя, так и есть, оружие куда-то пропало. Он посмотрел на потолок помещения. Судя по богатству отделки, он лежал в одной из комнат поместья Сердика. Единственное окно было забрано кованой решеткой. С трудом поднявшись, Керис подошел к окну и проверил решетку. Ничего не скажешь, ее делал мастер своего дела. Он протянул руку к стеклу, и тут его охватил панический страх неизвестности. Керис поспешно отдернул руку.

Простояв пару минут, он сообразил в чем дело. Конечно, это вызывающие страх заклятья. Выходит, горько подумал послушник, все это время Сураклин знал, что за ним следят. Он улучил подходящий момент, отозвал в сторону Магуса и велел ему подготовить ловушку. Возможно, он нарочно заманил его на остров... Но как он обо всем догадался?

Но тут Керис подумал — если его не прикончили там, на берегу реки, значит, он для чего-то понадобился Сураклину? Что предложит ему Темный Волшебник?

Эта мысль ужаснула его.

А вдруг окажется, что его сон — это реальность? Вдруг Сураклин не убивает жертв, лишая их души и тела, а как бы соседствует с ними, гарантируя вечную жизнь и им?

Керис резко встряхнул головой, отгоняя абсурдную мысль. Чтобы Сураклин делал что-то еще в чье-то благо — да ни за что на свете. К тому же он достаточно успел проявить себя — идет по трупам, не разбирая дороги.

И тут вдруг Керис подумал — а что если позвать Темного Волшебника, поговорить с ним, спросить его?

Если спросить его, то о чем? О чем можно вообще говорить с этим подлецом, несколько раз подряд спросил себя Керис с отвращением? Нет, прочь эти мысли, это наверняка Сураклин нашептывает ему все, чтобы и его склонить на свою сторону, сделать орудием в своих руках. Тут Керис подумал: Сураклин сумел завоевать доверие Магистра Магуса. Интересно, как ему удалось повернуть то же самое с Солтерисом?

Антриг, пронеслось в голове Кериса, Антриг. Теперь он наверняка хватился меня. И теперь наверняка пустится меня разыскивать.

Но вдруг Антриг уже попытался спасти его, и при этом попался сам? Сердце Кериса учащенно забилося, когда он представил себе, что не только сам дал обвести себя вокруг пальца, но и подвел товарищей.

Керис обвел глазами комнату. В ней не было совершенно никакой мебели, кроме кровати, на которой он лежал, да стола без скатерти. На столе лежала краюха хлеба и стоял кувшин с водой. В углу высилось прикрытое обрезком доски ведро — параша, сообразил парень. Керис снова выглянул в окно, точно, комната находилась вверху, возможно, что даже под самой крышей. Тут было очень тепло. Неподалеку он увидел крыши хозяйственных построек, густо припорошенных снегом. Отойдя от окна, Керис попробовал хлеб — мягкий, возможно, утренней выпечки. Почувствовав голод, Керис отломил кусок, поднес его ко рту, но в последний момент раздумал есть его.

Положив кусок хлеба на стол, Керис поднес к лицу сосуд с водой и втянул в себя запах. Нет, ничего подозрительного, вроде бы они ничего не подмешали. Обычно разным волшебникам подмешивают в пищу и питье всякие порошки.

Впрочем, он не мог похвастаться большим опытом в этой области, ему еще ни разу не приходилось иметь дело с вводящими в заблуждения заклятьями, поскольку у тех чародеев, которым он служил, на подобные трюки существовало строжайшее табу. Усилием воли Керис заставил положить обратно и воду, и хлеб. Не хватало только, чтобы он попался и здесь.

Такого длинного дня в его жизни точно еще не было. Небо было таким странным — ни хмурым, но и не ясным, из него периодически сыпалась мелкая снежная пыль, и это было все. До самых сумерек он видел из окна одно и то же — покрытые слоем снега крыши. В довершение всего у Кериса дико болела голова. Он к тому же не знал, во сколько пришел в

сознание, что только затрудняло определение времени. И когда он очнулся утром? Или может быть днем? Иногда снизу доносился топот входящих и выходящих, неясные голоса команд. По крайней мере, Керис сделал вывод, что там находятся гвардейцы принца. Где-то на дворе переговаривались слуги, но это было все.

Затем присев на кровати, внук Солтериса принялся размышлять, сколько времени пройдет, прежде чем сюда заявится Сураклин.

Положение, короче говоря, было просто хуже не куда. Но, как казалось, хуже все-таки могло быть. Керис почувствовал это, как только на него напала мрачная меланхолия. Нетрудно было догадаться, что Сураклин в очередной раз запустил свой компьютер. Неужели компьютер стоит здесь, в поместье? Или же в древнем храме, от которого досюда рукой подать? Какой-то внутренний голос говорил, что теперь для него это уже не столь существенно. Его начали одновременно мучить голод и жажда. Напавшая депрессия только усилила этот проклятый внутренний голос. Он принялся нашептывать, что нет никакой разницы в том, подмешано ли что-нибудь в пищу и воду, или не подмешано, ведь в конце концов Сураклин доберется до него. Нет, невозможно перебороть искушение. Превозмогая сильную вялость, Керис поднялся с кровати, разломил хлеб на мелкие кусочки и побросал все в ведро, стоявшее в углу. Сверху он залил кусочки водой из кувшина.

Кто-то рассказывал, что безумный Антриг, сидя в Башне, часами напролет мог постукивать в стену или просто испускать дикие вопли. Только теперь Керис понял Антрига. Где же теперь Виндроуз?

Нет, так лежать нельзя, нужно что-то делать. Ведь может случиться так, что Антриг и Джоанна отправятся в храм, чтобы поискать там снова компьютер Сураклина, и как раз попадут в ловушку, расставленную Темным Волшебником.

Кериса охватило дикое отчаяние, из-за наивности своих спутников, из-за собственной тупости и легкомыслия, из-за безнадежности положения, в котором он оказался. Он с ужасом представил, что может случиться: Антрига и Джоанну убьют, его сделают рабом, а Пелле до конца дней придется прозябать в атмосфере насмешек и презрения со стороны бесчисленных завистников-придворных.

Неужели так оно и случится?

Керис снова погрузился в дремоту, и опять ему приснился Солтерис, который медовым голосом принялся убеждать его верить Сураклину.

Потом, очнувшись, внук архимага расхаживал по комнате, схватившись руками за голову, которая просто раскалывалась. Мимоходом он обратил внимание, что дверь обита изнутри войлоком, видимо, чтобы сидящие тут пленники не слишком развешивали уши, вслушиваясь в доносившиеся из-за двери звуки. Потом он заснул, и снова увидел Солтериса Солариса. Наконец период мрачной меланхолии прошел, и сновидения стали другими. Отчаяние больше не одолевало его, зато образ деда вставал перед его глазами даже тогда, когда Керис не спал. Солтерис все твердил, что Сураклина недопонимают, как и он недопонимал, но лучше отбросить в сторону ненужные заблуждения и предрассудки. Но в глубине души его глаз по-прежнему горел янтарным огнем. Керис раздраженно вскочил с кровати и бросился к окну. Прижавшись лбом к холодной решетке, он простоял так несколько минут, надеясь, что наваждение скоро пройдет. Затем он резко повернулся и... застыл.

Прямо над изголовьем кровати, там, где он видел посвечивающую серебром отметку мага, снова виднелся тот же самый серебристый узор. Керис в отчаянии ударил себя кулаком по лбу, сколько же будут длиться эти проклятые галлюцинации? Или он тоже начинает сходить с ума?

Но какое-то поскрипывание вывело его из состояния оцепенения. Кажется, это снаружи отодвигают засов. Если так, то Керис почувствовал, что готов прыгнуть к двери и вцепиться вошедшему в горло. Но нет, показалось... Керис, повернувшись к боковой стене, увидел там... стоявшего безмолвно Антрига. Внук архимага почувствовал себя плохо, галлюцинации стали еще сильнее. Но нет, это на сей раз никакая не галлюцинация. Перед

ним стоял настоящий Антриг.

Керис открыл было рот, но Виндроуз быстро поднес палец к губам, требуя полной тишины. Машинально внук Солтериса глянул в окно, там уже сгущались сумерки.

— Когда мы будем проходить через арку главного входа, постарайся не дышать, — зашептал Антриг, и Керис согласно кивнул, подавляя в себе отчаянное желание спросить, почему.

Они вышли в коридор. В дальнем его конце, возле выхода, стоял большой круглый стол, за которым сидя спали два охранника, положив головы на разбросанные на столешнице карты. Из-за бархатных занавесей высывались ноги еще нескольких стражников, кто-то храпел под лестницей. Снова была ловушка, догадался Керис, глядя на спящих воинов. Они держали меня как приманку, зная, что кто-нибудь явится на выручку.

— Я подбавил в ламповое масло немного опия, — прошептал еле слышно Виндроуз, ступая на самые края ступенек, чтобы те не скрипели. — Это кое-что из моих познаний в области медицины. А лес просто кишит гвардейцами. Только вот что странно, это не гвардейцы регента, а...

— Это люди Сердика, — прошелестел в ответ послушник, — но как тебе удалось пробраться сюда?

— Благодаря тому, что многие из почивших уже императоров позволяли себе грешить, — усмехнулся Антриг, в то время внимательно поглядывая по сторонам. — Тут есть одна потайная лестница, которая ведет как раз из спальни хозяина в подземный ход, а оттуда в тот самый мраморный грот, что стоит перед домом. Я как посмотрел, что стража расставлена в порядке, который позволил бы схватить меня там, то понял, что меня ожидали со стороны конюшни. Хитрецы, нечего сказать. Кстати, не поверишь, но это действительно так. Императрица Шананда сидела пленницей в этом доме, ее посадил сюда ревнивый муженек за ее шашни. Так она и тут нашла себе любовников. Исторически доказанный факт: через этот самый подземный ход в ее спальню приходило тридцать восемь любовников. Ладно, смех в сторону. Вот мы и пришли. Только не шуми.

— Антриг, а Сураклинов ком...

Впоследствии Керис так и не мог понять, что именно насторожило Антрига, либо какая-то естественная угроза, либо он уловил чутьем мага, что тут было какое-то заклятье. Только Антриг осторожно дотронулся до фарфоровой ручки двери, как резко отскочил назад и оттолкнул Кериса в сторону. Вдруг раздался лязг засова сзади, где они только что были, и из этой самой двери вырвалась пущенная из арбалета стрела, со свистом пролетая на уровне груди, как раз там, где они только что стояли. Рядом темнела лестница, и Керис вдруг увидел стоящего на ней человека, закутанного в шубу, в руке от сжимал кинжал. Глаза его горели отчаянной решимостью.

— Прекрати, Магус! — закричал Виндроуз.

Не слушая его, предсказатель судеб с грохотом швырнул свой арбалет и схватился за рукоять торчавшего у него за поясом пистолета.

Лицо Магистра было бледно, как снег, он явно был в нерешительности.

— Прости меня, Антриг, — пробормотал он, направляя пистолет в грудь Виндроузу.

Но в этот самый момент за спиной Магуса показался силуэт, судя по одежде, это был один из пажей Сердика. Но вот только белокурые волосы показались Керису знакомыми. Неужели это она?

Да, это действительно была Джоанна. Подняв в воздух руку с зажатым в ней пистолетом, девушка с размаху обрушила ее на голову Магуса...

Раздался глухой удар, но результат превзошел все ожидания. Магус закричал, как будто бы ему в спину вонзили нож. Он на секунду повернулся назад. Этого было достаточно, чтобы Керис одним прыжком добрался до него. Керис был рад поквитаться с Магусом, это он наслал на него иллюзию на реке, благодаря чему его и схватили, это он насылал на него иллюзии в комнате, изображая помешательство Кериса. Кулак послушника лег очень удачно, и Магистр с грохотом покатился вниз по ступенькам. Казалось, что этот грохот разбудил

весь дом.

Где-то поблизости загрохотали по полу подковки на башмаках гвардейцев.

Антриг рывком отворил ведущую в спальню дверь.

— Скорее сюда.

Керис потянулся посмотреть, что такое бросила на пол Джоанна, когда ударила по голове пистолетом Магистра Магуса. Подняв вещицу, он вскрикнул от ужаса, это была печать Бога Тьмы. Джоанна на ходу подхватила вещицу.

Джоанна, заворачивала на ходу печать в свинцовую пластинку, которая предохраняла от вредного воздействия печати, перепрыгнула через распростертое тело Магуса и устремилась к ведущей в спальню двери. Бросаясь следом за девушкой, Керис мельком посмотрел на ее рукава и увидел, что они перепачканы ламповой сажой. Очевидно, она специально переделалась пажом для того, чтобы подбавить в ламповое масло зелье. Плоды ее трудов были налицо: все послушники спали, словно без задних ног.

— Он ведь мог убить тебя, — прошептала Джоанна Антригу, задыхаясь и бросая на него обеспокоенный взгляд.

— Это Сураклин, — выдохнул обессиленно Керис. — Он сделал и Магуса своим подручным. Уже когда я пришел сюда, они все были заодно.

— Сураклин здесь? — ахнул Виндроуз, глаза его вспыхнули.

В следующий момент он бросился вниз по лестнице. Тут бежать было трудно, винтовая лестница обвивала громадную печную трубу, которая прямо-таки дышала жаром.

— Но этого не может быть, — быстро заговорила Джоанна. — Ведь компьютер работал.

— Значит он спрятан где-то в доме, — Керис схватился рукой за деревянную балку, чтобы сохранить равновесие, так как тут им пришлось поворачивать за угол. — Ночью он был в храме. Хорошо еще, что вы не натолкнулись там на него. Но он зачем-то ходит туда.

Вдруг Антриг прижался к кирпичной стене. Его спутники мгновенно последовали его примеру. Откуда-то сверху сочился узкий лучик света, в котором глаза Антрига казались отливающими серебром.

— Ты говорил с ним? — Антриг требовательно уставился на Кериса.

Керис резко покачал головой. Было видно, что Антриг не верит ему. Несколько дней назад Керис просто захлебнулся бы злостью от такого явного недоверия, но за эти сутки он кое-чему научился. Поэтому Керис спокойно сказал:

— Они, то есть Сураклин и Леннарт, ушли на остров, когда Магус и его люди наскочили на меня. Я не знаю, чем они там занимались. Я даже не знаю, для чего я мог понадобиться Сураклину, то ли в качестве приманки, то ли для чего-то еще... Я даже не знаю, вернулся ли он обратно сюда или нет.

— А ты ел или пил что-нибудь, пока ты сидел тут? — снова спросил Виндроуз.

— Нет, — Керис сглотнул слюну. — Они поставили мне на стол кувшин с водой и там же была хлеба краюха. Я выкинул это все к чертям собачьим. Но эти проклятые видения. Комната отмечена печатью волшебника.

— Все понятно, — вздохнул чародей. Развернувшись, он уверенно нашел в темноте вход в тоннель. Оттуда несло могильным холодом и сыростью. Не обращая внимания на это, Антриг нырнул в темный подвал, а Керис и Джоанна направились за ним следом. Кажется, они оторвались от погони.

— Но если Сураклин здесь, — Джоанна все пыталась догнать Антрига, но ей это не удавалось. — Тогда и компьютер тут, как Керис говорит. Может, стоит попытаться...

— Это уже не обязательно, — отрезал Виндроуз. — Теоретически он может быть в любом месте, под которым проходит энергетическая линия. Кстати, эти энергетические линии зовутся в народе ведьмиными тропками, хотя уже мало кто знает, почему именно так и за что. К сожалению, Сураклин один из немногих, кто все это знает. Ему ничего не стоило прошагать от самого Кимила до храма ночью, да еще вернуться обратно.

— Кимил, — тут Керис вспомнил, что говорил про город Леннарт. — Этот парень

сказал, что Сураклин обещал доставить его туда раньше, до приезда Фароса. Сураклин дал ему какие-то розы в коробочке. Кажется, это и есть любовное заветие. Они собирались...

— Что-то ты вдруг так этим заинтересовался? — подозрительно спросила Джоанна.

— Конечно, — Керис словно не заметил колкости, — Сердик в первую очередь заинтересован в том, чтобы Фарос спал не с женой, в с этим Леннартом.

— Не будь наивным, — проговорил Антриг, ставя ногу на ступеньку лестницы, при этом волосы его шевелились. Это говорило о близости выхода, тут был сквозняк. — Это же его любимый трюк. Неужели ты не догадываешься? Никакое это не приворотное зелье, а оспенная роза. Как только он пустит ее в ход, разразится жуткая эпидемия, которая сведет в могилу и Фароса, и Пеллу, и самого Леннарта, а с ними заодно половину населения Кимила, которая вообще здесь ни при чем. И тогда перепуганный Сердик останется правителем, возле своего безумного дядюшки. Так, нам бы только выбраться под шумок в лес, покуда они там в доме все переворачивают вверх дном, — с этими словами Виндроуз снова пустил впереди себя уже знакомый Джоанне и Керису голубоватый огонек, который давал свет, хоть и слабый.

Они выбрались из грота и по-пластунски поползли по земле. Кругом было полно стражников, которые носились из стороны в сторону, как угорелые. Впрочем, гвардейцы сами себя запутывали — в этой суматохе трудно было кого-то найти. До леса нужно было преодолеть еще около сотни ярдов совершенно открытого пространства. Конечно, тут росли кое-где шпалеры подстриженного кустарника, но ведь их запросто могут обнаружить и там. Керис почувствовал холодок в груди.

— Только не бежать, — предупредил Антриг. — Теперь дружно поднимаемся и делаем вид, что мы идем в лес. И никакой паники на лицах, слышите! Может, они не отличат нас в этой спешке от самих себя.

— Ты что? — ужаснулся Керис, — да мы в этих проклятых балахонах...

— Я наложил на вас заветие, мы теперь и сами как иллюзия, — невозмутимо сказал Антриг, — но только не нервничайте. Если кто-то увидит, что мы ведем себя не слишком естественно, все пропало.

— Знаем уж, — пробормотал Керис.

— Ну все, с Богом, — проговорил Антриг, поднимаясь на ноги и направляясь к лесу.

Керис и Джоанна последовали его примеру, стараясь выглядеть беззаботными, насколько такое в этой обстановке вообще было возможным.

Они успели сделать шагов около тридцати.

— Вон они, — раздался истошный вопль.

Керис, повернув голову, увидел, как по ступенькам дома галопом несется Магистр Магус, с ним было человек двадцать стражников. Магистр верещал:

— Скорее! Скорее! Прикончите же их!

Антриг, схватив Джоанну за руку, перескочил через живую изгородь по колено высотой. Керис понесся за ними, выхватывая меч. Со всех сторон к ним неслись гвардейцы Сердика, облаченные в изумрудно-зеленую униформу. Свет луны на обнаженных мечах, стволах пистолетов, зазубренных наконечниках арбалетных стрел. Было видно, что гвардейцы решили взять беглецов в кольцо. Острый глаз Кериса уловил, что навстречу им, из казавшегося таким спасительным леса, неслись другие гвардейцы. Итак, они в ловушке.

Видя такое, Антриг остановился. Керис заглянул в его лицо и поразился, каким безжизненным оно показалось ему теперь. Пока гвардейцы были ярдах в тридцати от них, но они медленно продвигались вперед, сжимая кольцо, позвякивая своим оружием. Глаза Антрига горели диким отчаянием.

— Проклятье, — пробормотал он.

Быстро убрав в ножны меч, он повернулся к девушке:

— Джоанна, дай-ка мне твой фонарик.

Керис, уже приготовившейся к такой обидной смерти, недоуменно поднял голову.

— Что ты сказал?

Не глядя на послушника, Виндроуз уже деловито вывинчивал лампочку из фонаря, позвякивая его внутренностями. Губы его были плотно сжаты, глаза поблескивали в приближающемся свете цепочки факелов.

Вдруг батарейки заискрились, послышалось шипение, а затем в воздухе запахло озоном...

И вдруг электрический разряд, словно молния, пробежал и засветился между большим и указательным пальцами Антрига. Керис и Джоанна в сильнейшем волнении уставились на него.

Свечение это бросало слабый отблеск на длинный нос Антрига, на его глаза спрятавшиеся за стеклами очков... И вдруг Керис понял, что сейчас собирается сделать Антриг. Послушник затаил дыхание.

Впервые Керис встретил Антрига, когда ему было только шесть лет. В тот раз, Керис помнил это точно, Виндроуз подарил ему черепаший панцирь, покрытый резным орнаментом. И с тех пор, даже потом, когда он видел его сидящим под замком в Башне Тишины, он знал, что несмотря на свою беззаботность, которая была чисто напускной, Антриг был могущественным волшебником. Керис обучился кое-каким волшебным премудростям от него, но Антриг никогда не демонстрировал без необходимости свои возможности. Только разные мелочи, которые в состоянии сделать был и сам Керис. И постепенно Керис перестал считать его кудесником, в его глазах Антриг был просто изворотливым проходимцем, хитрецом, сумасшедшим, любовником Джоанны, наконец. Пустился во все тяжкие, заранее зная, что живым из схватки с Сураклином ему не выйти в любом случае.

И только сейчас Керис вспомнил, что Антриг поначалу был учеником Сураклина.

И, вспомнив это, Керис смотрел, как Виндроуз медленно поднял руку вверх, при этом искра все еще тлела между его пальцами.

Между тем уверенные в своей победе гвардейцы подходили все ближе и ближе. Налетевший порыв ветра принялся яростно трепать одежду Антрига, причем огонек стал потрескивать. Но маг не обратил на это никакого внимания, выражение его лица не изменилось совершенно, глаза источали спокойную решимость. И вдруг Керис понял — это были глаза самого могущественного волшебника в мире. Это была поистине нечеловеческая сила.

— Убейте их, — снова раздался истеричный крик, и вдруг гвардейцы рванулись к ним.

Антриг резко опустил руку. И тут случилось это — громадная молния ударила в землю прямо у ног, волосы его засветились, подобно горящему венику. После этого Керис мог различить только месиво из голов, рук, пистолетов, ног, плащей и доспехов, факелов... все смешалось в огненной круговерти.

Казалось, что столб пламени взметнулся до самого неба, а между тем все новые гвардейцы то ли по инерции, то ли по неверию в виденное все еще бежали к ним. Впрочем, того требовала от них принесенная клятва на верность Сердику, ничего не попишешь... Керис содрогнулся.

И тут вдруг поднялся такой вой, что Джоанна даже заткнула уши пальцами.

Керис, ослепленный, оглушенный и дрожащий от ужаса, вдруг почувствовал, что рука Антрига схватила его и поволокла куда-то в сторону с такой силой, которой, как послушник знал точно, у Виндроуза отродясь не было. Второй рукой Антриг ухватил и поволок Джоанну. Спутники Антрига даже не сопротивлялись. Вокруг продолжал бушевать электрический вихрь, от которого, казалось, сгорит весь мир. Наконец, Джоанна и Керис кое-как пришли в себя и бросились бежать следом за Виндроузом. Когда чародей оглянулся, то Керис заглянул в его лицо и обомлел: оно было безжизненным, словно застывшая на лице маска мертвеца. Глаза не выражали абсолютно ничего.

Тем временем беглецы уже неслись по лесу. Впрочем, бег был уже лишним. В такой обстановке никто и не собирался их преследовать.

Река успела замерзнуть, хотя лед был тонким. Весь остров был покрыт снегом. Покуда

они выбирались из реки, ноги беглецов то и дело скользили. Когда они были уже у самого храма, то Антриг поскользнулся почти на ровном месте, словно силы окончательно оставили его. Тяжело дыша, Антриг пробормотал:

— Глупцы, к чему они бросились на нас? Они в любом случае не победили бы. А я... — тут он закашлялся.

— Но и мы бы тоже... того... — простонал Керис, с ужасом глядя на чародея.

Антриг схватил себя руками за волосы и принялся теревить их, точно это должно было помочь ему снова прийти в нормальное состояние. Его тело несколько раз вздрогнуло. Антриг закрыл руками лицо, и в таком положении он сидел несколько томительных минут. И тут... между его искалеченными пальцами показались слезы. Антриг плакал.

— Или они, или мы, кто-то все равно погиб бы, — наконец выдавил маг.

— Да, ты прав, — горячо подхватил Керис, не зная, что именно так растрогало Антрига.

Виндроуз закивал головой, но слезы продолжали струиться из его глаз. Керис понял, почему кудесник плачет: он знал, что совершил большой грех. Грех этот состоял в том, что он использовал всемогущество магии против тех, кто никак не мог защититься от нее. Даже то, что это способствовало поражению Сураклина, никак не оправдывало смерть десятков уничтоженных гвардейцев, которые всего-навсего выполняли приказ.

— Это электричество? — догадалась Джоанна, вопросительно глядя на Антрига.

— А ты откуда знаешь? — метнул на нее быстрый взгляд Керис.

— Ну как же, ведь известно, что Сураклин очень часто его использовал. Мне кажется, что он и доктора Скипфрага убил подобной молнией, когда он застал Темного Волшебника в своей лаборатории за недозволенным занятием. Я же видела, в какие мелкие осколки разлетелось стекло. Оно даже оплавилось. Конечно, это могло быть только электричество.

Прислонившись спиной к одному из камней, Антриг кивал головой.

— Да, Сураклин умел использовать все, даже силы природы, о которых пока что мало кто знает, — наконец выдавил он. — Но эти люди... Конечно, они не смогли бы защититься от волшебства. А большинство из них вообще в это не верило.

Тут Виндроуз уронил голову на грудь и затрясся в беззвучных рыданиях. Джоанна и Керис с беспокойством переглянулись.

— Хватит об этом, ведь нужно же было защищаться, — попробовал утешить мага Керис.

Антриг согласно кивнул головой, но при этом не успокоился.

— А теперь Совет будет искать тебя, — сказала тихо Джоанна, — ведь ты в первый раз использовал свое волшебство. Может, они уже мчатся сюда?

— Но здесь, в этом кругу, — Антриг бессильно стукнул кулаком по шершавой поверхности камня. Причем он выглядел столь измученным, даже истощенным, как не выглядел после бегства из Башни Тишины. — Пока можно отсидеться. Правда, другие волшебники догадаются, что я использовал тропу магов, но они много времени потратят сначала на то, чтобы определить в какую сторону я ушел, а потом еще и догнать меня. Так что теперь все зависит от времени. Впрочем, как всегда, — закончил Антриг, снова обретая более-менее устойчивое равновесие.

Но как только он поднялся на ноги, стало ясно, что это не так. Виндроуз шатался, ноги его подгибались. Стало ясно, что ему необходим покой и отдых.

— Антриг, послушай меня, — начал Керис тихо, — вам с Джоанной в любом случае нужно добраться до логова Сураклина, где бы оно не находилось. А теперь наступил особо ответственный момент, когда он отправился в Кимил вместе с этим... вместе с Леннартом. Но мне как раз нужно идти в Кимил. Если все, что ты сказал о коробочке с оспой, правда, тогда я во что бы то ни стало должен остановить Леннарта. Иначе случится самое страшное. Но только скажи, обязательно ли нужно быть волшебником, чтобы использовать тропку магов? Если бы у меня было хоть немного волшебной силы...

— Что ты, — отозвался Антриг безжизненным голосом, — это не имеет особого

значения. Когда компьютер был включен, мы с Джоанной пришли сюда и прошлись вдоль энергетической линии. Энергия теперь перетекает в Кимил.

Керис с вытаращенными глазами уставился на чародея.

— Но ведь мы обшарили всю цитадель Сураклина, — наконец нашелся он, — мы посмотрели везде. Это просто невозможно. Здесь наверняка все подстроено.

— Я это понимаю, — ответил Антриг невозмутимо, надевая свои треснувшие на обе линзы очки. Его губы растянулись в какой-то сумасшедшей улыбке, — но ведь это до сих пор не мешало мне ни в чем. Впрочем, хватит болтать. Пора отправляться.

Глава 16

Самым страшным в путешествии по ведьминой тропке было то, что путешествие это казалось совершенно обыденным. Становилось все холоднее, но это можно было перетерпеть, тем более, после недавно пережитого. Антриг спокойно провел своих спутников через ворота в храме и пошел, предупредив, что они уже идут по этой самой тропинке. Джоанна и Керис удивленно завертели головами, но так и не смогли обнаружить ни одного признака положенного тут волшебства.

Потом, остановившись, Виндроуз взял обоих за руки и повел. Теперь они направлялись к югу. Джоанна подумала, не чувствует ли сейчас Антриг отвращения к волшебству, после того, что он натворил и так казнился по этому поводу. Впрочем, спрашивать об этом девушка не решилась. На Виндроуза было страшно смотреть, казалось, что усталость выпила из него все соки. Только глаза остались прежними. Потом Джоанна подумала, что со временем все это забудется. Сколько еще трудностей встретится на его пути, всех не перечтешь.

Они все еще шли по острову. Джоанна удивилась, ведь до воды было не больше ста футов. Еще больше они удивилась, когда увидела, что с момента их отправления в путь прошло, судя по часам, двадцать пять минут. Ага, подумала она, значит, они и направляются по этой самой тропе. А то, что они с Керисом не видят здесь ничего необычного, это всего лишь результат того, что им не дано было родиться великими волшебниками. Только Антриг знал, что здесь к чему, но он держал язык за зубами.

— Все волшебники могут ходить по такой тропинке? — спросил Керис, и Антриг вздрогнул, выходя из размышлений, — или же только избранные?

— А? Что? Нет, нет, конечно же, не все, — забормотал Виндроуз. — Даже до битвы при Стеллитовом поле, когда волшебство еще цвело пышным цветом, немногие знали тайну этих тропинок. А секретов тут хоть пруд пруди, по какому принципу эти тропинки действуют, в чем их волшебство, почему путешествовать по ним можно только в темноте, почему нельзя засыпать на этих тропинках, почему выходить в путь можно только до наступления полуночи, почему в определенные времена года по ним вообще нельзя ходить... Тут вопросов полно.

— Я слышал столько разных легенд и историй. И все они противоречат друг другу. Я чувствую это волшебство, как чувствую я и Пустоту. Только я не могу выразить эти ощущения простыми словами.

Джоанна не слушала разговоров мужчин, озираясь по сторонам, но ничего необычного так и не увидела, равно как и не почувствовала. Впрочем, интересовало ее сейчас нечто иное: с какой стати жизненная энергия вдруг стала перетекать в Кимил. И где же может быть там спрятан компьютер Сураклина вместе с его телисами, чтобы они когда-нибудь раскололись, если они действительно добросовестно обшарили развалины цитадели Темного Волшебника? Тут вдруг она подумала, ведь эти путевые камни как раз и означают энергетическую линию. Вот почему они стоят в лесных чащобах, где дорог отродясь не бывало. Потом ее вниманием завладели эти самые путевые камни: каждый был особенным, отличался от соседа. Возле каждого камня густо росла трава, теперь побитая морозами. Вдруг Антриг замер, вглядываясь в землю. Джоанна попробовала проследить за его

взглядом. Вот в чем дело. В подмороженную грязь были четко вдавлены отпечатки человеческих ног, вне всякого сомнения, это были следы Темного Волшебника.

Несколько раз по пути они делали привал, и тогда Джоанна со вздохом облегчения сбрасывала с плеча ставший вдруг таким тяжелым рюкзак. Она настолько привыкла к бесконечным пешим путешествиям, что ноги ее больше не болели от усталости. Только вот холод тревожил ее. Под полушубком из козьей шкуры на ней была униформа пажа Сердика, и это было все. Иногда холод, казалось, пробирал до костей, и Джоанна принималась подпрыгивать и приплясывать, стараясь согреться. Когда она увидела следы Сураклина Гэри, эти отпечатки потрясли ее до глубины души. Девушка с особой остротой поняла, что теперь уже их решающая встреча не за горами. Джоанна старалась не думать об этом, отбрасывая заодно и постоянно вкрадывающуюся мысль о вполне возможном поражении и рабстве у Сураклина, а также о смерти. За эти несколько недель, пусть даже наполненных ужасом и страхами, девушка привыкла видеть Антрига возле себя. Этот человек ассоциировался у нее с безопасностью, в его присутствии можно было чувствовать себя спокойно. Он очень редко и неохотно использовал свою силу и накопленные знания, в отличие от Кериса, который все время делал упор на свою силу и умение. В глубине души Джоанна полагала, что Антриг просто не сумеет проиграть Сураклину.

Но теперь, чувствуя, как вздрагивает его тело, Джоанна поняла, что Антриг встревожен не на шутку. Он сумел вызвать к жизни электричество, и молнией убил целую кучу врагов, но это до крайности изнурило его. Антриг еле ноги переставлял. Не говоря уже об истощении моральном — маг все переживал, что переступил установленный свыше закон — не использовать волшебство против те, кто не может защититься от него. Джоанне хотелось утешить, сказать ему что-нибудь, но нужных слов, как назло, не находилось, и потому она молча шагала, укрытая полкой его накидки и чувствуя руку Антрига на своей талии. Затем, словно решившись, девушка обняла Виндроуза за плечо.

Шли они очень долго. Рассвет застал их уже у развалин Сураклиновой цитадели. Всю ночь, куда они шли, Джоанну мучили страхи, она не знала, что ожидает их в конце ведьминой тропы. Страшные догадки то и дело, сменяя одна другую, приходили ей в голову, и девушке становилось все страшнее. Чего только она не предполагала — от простой засады в цитадели до прилета инопланетян, которые захотят похитить именно их.

Но когда утренний туман стал рассеиваться, и они шли уже между последними двумя путевыми камнями, Джоанна обнаружила, что они уже оказались у края громадной ямы, стены которой были оплетены побитыми морозом выющимися растениями. Небо было каким-то мутным, с желтоватым отливом. Яма была та самая, в которую они уже спускались. Оттуда, из ходов, проделанных в ее стенах на разных уровнях, несло затхлостью. Ветер завывал в щелях между камнями. На самом дне ямы стояла вода мрачно-свинцового оттенка. Джоанна досадно передернула плечами, мало того, что они шли целую ночь, так и рассвет нельзя назвать приятным. Во всяком случае, окружающая местность на лирическое настроение не тянула.

Антриг огляделся по сторонам.

— Вроде бы это должно быть здесь, — протянул он. — И насколько я помню, так глубоко под землей, что Сураклин даже не счел нужным поставить охрану. Он уверен, что никто просто не сможет добраться туда. Да, компьютер нужно искать здесь.

— Но как же так, мы ведь обшарили тут каждую щель, его просто нельзя было не заметить, — возразил Керис. — Мы просто уже доказали самим себе, что тут ничего нельзя спрятать. Кстати, если все пойдет как должно пойти, то сегодня вечером Фарос будет в Ларкморе. Антриг, ты как знаешь, а я пойду прямо туда. Я не дам этому Леннарту обольстить регента и вызвать эпидемию. Это грех знать об опасности, но не предупредить о ней.

— Пусть будет по-твоему, — глаза Антрига равнодушно скользили по послушнику. Кажется, Виндроуз догадался, как и Джоанна, что если вдруг перед Керисом встал бы выбор: или отомстить за смерть деда, или спасти жизнь Пелле, то он выбрал бы второе, пожертвовав

первым. Но Антриг ничего не стал говорить. Было и так видно, что Кериса не переубедишь. Да и переубеждать не было необходимости.

— Мы с Джоанной останемся здесь, — продолжал чародей, — еще разок все хорошенько осмотрим. Ведь в прошлый раз мы были не слишком внимательны, что-то упустили. Но если мы так ничего и не найдем... — Антриг зябко потер руки. — И если с нами ничего не случится, то мы переночуем в Башне Тишины. Там теперь действительно самая настоящая тишина, теперь название вполне подходит к этой махине. Но если ты не появишься во время, тогда... — Антриг многозначительно помолчал, а потом вдруг усмехнулся. — Ну что ж, ни пуха, ни пера.

— К черту, — быстро пробормотал Керис. Он внимательно посмотрел в глаза Виндроуза, причем это был уже не взгляд молодого человека, который отправился в далекое путешествие на север страны. Наконец Керис словно очнулся: — Антриг, будьте осторожны, — после этого послушник перевел взгляд на Джоанну, и он кивком головы указал на чародея, — посмотри, чтобы он берег себя.

Джоанна улыбнулась в ответ чарующе, давая понять, что за ней не пропадет.

Антриг и Джоанна наблюдали, как Керис медленно поднимается по выщербленным ступеням лестницы, почти сплошь покрытым пожухлой травой. Вскоре его фигура скрылась из виду. Антриг еще некоторое время неподвижно стоял на месте, словно вслушиваясь в вой ветра. Наконец он вздохнул и взял Джоанну за руку. Постояв немного, они принялись обследовать руины, которые когда-то были домом Виндроуза.

— Он будет здесь через несколько часов, — прошептала Пеллицида.

— Я знаю, — Керис поднялся с места. — Его люди уже повсюду. Как обычно, они ищут подозрительных.

Рука Пеллы легла на его обнаженное плечо и заставила снова опуститься вниз. Свет фонаря робко отражался на золотом шитье его накидки, одежда была беспорядочно свалена на узорчатом паркете пола. Там же валялось и простое коричневое платье принцессы. Эта комната была нежилой, она примыкала к конюшне. Из-за стены доносилось храпение лошадей. Где-то на улице кричали слуги, наводя на поместье последний глянец перед приездом регента. Керис и Пелла могли не опасаться, что их застигнут врасплох — под лестницей была загодя оставлена Киша, которая умела очень звонко лаять. Руки Кериса еще сильнее сжали плечи девушки. Он ничего не сказал, только улыбнулся, вдыхая запах ее волос.

У него так и не вышло держаться на отдалении от Пеллы, как это поначалу решил он. Едва он только пришел в этот дом, как прежние решения вылетели из головы сами собой. Теперь Керис ненавидел сам себя за эту слабость, ненавидел, и ничего не мог с собой поделать. Он знал, что она все равно была и остается женой Фароса. Конечно, он, Керис, не имеет никакого права вставать между ними, между мужем и женой, тем более, что сам твердо приготовился к смерти в схватке с Сураклином. Но эта странная любовь продолжала цепляться за Пеллу, но голос совести подсказывал, что в этом случае девушка всю жизнь будет мучиться ужасными воспоминаниями, которые так подтачивают здоровье.

Когда Керис приблизился к поместью, он сразу увидел ее: Пелла, набросив сверху для тепла подбитую мехом накидку, ходила вокруг поместья, наблюдая. И как только руки их соединились, Керис уже больше не мог контролировать себя.

— Нам все-таки лучше пойти в комнаты, — прошептал Керис. — Если Фарос собирается прибыть днем, то Леннарт должен быть уже близко. А ты знаешь, что люди Фароса беспрепятственно пропустят этого избалованного мальчишку.

Пелла согласно кивнула, но когда Керис стал подниматься, она удержала его.

— Я знаю, — тихо произнесла она, — знаю и то, что мы должны остановить Леннарта и не дать эпидемии разразиться. Мы не должны позволить Сураклину захватить власть в стране и править ею руками Сердика. Это все. Но с одной стороны, мне хочется, чтобы моя новая родина имела хорошего и мудрого правителя, но с другой стороны... Нет, с другой стороны мне нужно что-то иное...

Керис поднес руку девушки к своим губам.

— Джоанна права, — прошептал он. — Такие вещи делаются только однажды. Потом уже все случается по-другому.

При этом Пелла рассмеялась, по-своему истолковав слова Кериса.

— Ну что же, посмотрим, что будет.

Но в глубине души Керис сознавал, что лжет. Он имел в виду, что больше у них с Пеллой не будет такой встречи, хотя понял, что существовать без этой девушки уже никак не сможет. Но что же тогда его действительно ожидает?

Покуда они одевались, Керис вдруг вспомнил желтый лихорадочный блеск в глазах Сураклина. Что означал этот блеск? Жажда власти? Упоение тем, что все находятся в его власти? Или же просто насмешку над другими, теми, кто решил бросить ему вызов? Но тут же Керис поежился, он вспомнил, что еще должен заглянуть в эти глаза, но когда неизвестно. А потом... Потом ждет пустота, непонятная мгла, из которой никто уже не возвращается.

Киша все так же тихо спала под лестницей, где ее Пелла и оставила. Принцесса подхватила свою любимицу на руки, и та тихо заскулила от радости. Первой в дом вошла Пелла посмотреть что там такое. Убедившись в безопасности, она поманила Кериса. Послушник змеей проскользнул по длинному коридору, по обеим сторонам которого темнели по дюжине дверей. Пока все складывалось как задумано. Мечущиеся по дому стражники регента и в самом деле предвещали его скорый приезд.

— Послушай, — обратился Керис к Пелле, выразительно показывая на свою черную с золотом накидку, — где тут у вас черный ход? С этим плащом легко было пробраться к дому, но если здесь их предводитель посмотрит на меня поближе, то он сразу поймет, что здесь что-то не то. А потом кто-нибудь запросто опознает меня, ведь я был одет именно так, когда Антриг побил в поместье Сердика кучу народа.

Пелла кивнула. Опустив Кишу на пол, она повела послушника к одной из лестниц, что незаметно начиналась у противоположной стены. Вообще-то эти лестницы служили для вызова слуг в комнаты, чтобы они быстрее могли добраться до господ. Через эту лестницу они попали в главный вестибюль. Вот тут действительно царила суматоха. Слуги, как угорелые, носились взад вперед, протирая и без того уже до блеска начищенные медные и бронзовые безделушки, где-то в глубине дома кто-то кричал на нерадивого поваренка за подгоревшее блюдо, гвардейцы бесцеремонно заглядывали во все уголки, ища скрытых шпионов или желавших покуситься на жизнь и здоровье его высочества. Пеллицида и Керис быстрым шагом прошли дальше. Зайдя в главную спальню, они обнаружили, что тут уже все подготовлено к приему высокого гостя — окна были плотно занавешены бархатными портьерами, а массивные подсвечники с массой горящих свечей стояли повсюду, создавая даже впечатление дневного света. Громадная кровать с балдахином была увита свежими розами. Увидев все это, Пелла покраснела.

— Керис, Керис... — забормотала она беспомощно.

Керис поднес к губам ее пальцы.

— Не надо, Я понимаю...

И тут же Керис спрятал за спину обе своих руки, испугавшись внезапно возникшего желания смять девушку в своих объятиях, повалит ее на эту грандиозную кровать.

Ненавидя себя, Керис отвел глаза в сторону, делая вид, что его очень интересуют изображавшие купидонов подсвечники. Наконец он заговорил, но медленно, с расстановкой, точно слова застревали в его горле:

— Пелла, пойми меня. Дело не в том, что я будто бы не хочу помочь тебе. Я ведь... я простой послушник при Совете кудесников. Во всяком случае, был им, пока не отправился с Антригом и Джоанной к северу, искать Сураклина. Я принес клятву на верность Совету... И теперь я начинаю чувствовать, эта преданность вытекает из меня, ежедневно, ежечасно. Как вино вытекает из треснувшего кубка... Раньше... Если бы я захотел, я мог бы выбрать женщину в городе, когда хотел. Я бы просто взял ее, и потому, что женщина — это женщина. Но с тобой все по-другому. Нет, что я говорю, что я говорю... Тут все не так. Так просто

быть не должно. Я сейчас должен быть не здесь. Я должен отправиться к развалинам цитадели Темного Волшебника, друзья ждут меня, я обещал им прийти... Только так можно спасти тебя... И Фароса...

Тут вдруг Керис понял, что просит ее о помощи. Никогда в жизни он не просил никого о помощи, ведь клятва на верность Совету запрещала это, как жалкое проявление слабости. Впрочем, он уже давно отказался ото всех этих клятв, когда оставил Подворье Магов.

Послушник боялся, что Пелла сейчас расплачется, или, хуже того, повернется и уйдет. Но глаза ее засветились пониманием.

— Я знаю это, — тихо сказала девушка. — Прости меня за слабость. Если бы я была на твоём месте, я бы тоже ушла. Сейчас не время предаваться своим слабостям.

Принцесса улыбнулась, глядя ему в глаза. Керис и Пелла были одинакового роста. Её темные волосы волнами ниспадали на так и не снятую накидку. Наконец принцесса словно очнулась и взяв Кериса за руку, она вывела его по лестнице в пустой зал.

Откуда-то с другой стороны донеслись громкие голоса. Видимо, приготовления к встрече регента завершились. Керис и Пеллицида молча стояли, так и не решаясь ничего сказать друг другу. Вдруг сзади послышался скрип. Резко обернувшись, молодые люди увидели стоявшего с фонарем в руках слугу.

— Сударыня, — почтительно осведомился тот, — карета его высочества уже недалеко отсюда. Вы позволите прислать к вам девушек, они помогут вам подготовиться?

Керис в полумраке увидел, как рот девушки непроизвольно дернулся. Внук архимага успокаивающе положил руку на её плечо. Она выдавила сквозь слезы:

— Мне... мне, наверное, и вправду лучше пойти переодеться, а?

Пальцы Кериса нежно провели по её щеке.

— В той комнате нужно выставить охранника половчее, — заговорил Керис, с трудом заставляя себя упоминать о суровой реальности. — Помни, что найти эту чертову коробку недостаточно. Она уже готова к действию. Пока что на ней лежит заклятье Сураклина, но как только Леннарт откроет коробочку, то кто бы не прикоснулся к этим цветам, сразу заразится. И его уже не излечить. Так сказал Антриг. Нет, Леннарта нужно остановить еще на входе, когда он только протянет руку чтобы открыть...

Вдруг сидевшая у ног Пеллы Киша насторожилась. Подняв крохотные ушки, покрытые шелковистой шерсткой, она посмотрела туда, где за стеной находилась главная спальня. В следующую секунду собачонка залилась пронзительным лаем. Глаза Кериса и Пеллы на какое-то мгновение встретились, а затем оба они заторопились к выходу.

Керис пинком распахнул ведущую в спальню дверь. Первое, что они увидели, это была та самая грандиозная кровать, одеяло на которой было уже приветливо откинута в сторону. На подушке темнела алая роза, такая грациозная и нежная. Чуть сбоку стоял Леннарт, при стуке открываемой двери он настороженно поднял голову, в его глазах мелькнули испуг и удивление. Керис рванулся к нему, говоря Пелле на ходу:

— Быстрее возьми щипцы и брось эту розу в камин.

— Нет! — закричал юноша надрывно.

Схватив розу, он проворно метнулся в сторону прежде, чем Керис успел дотянуться до него. Леннарт бросился в одну из боковых дверей и захлопнул ее за собой. Подковки его башмаков дробно звучали по ступенькам лестницы. Керис принялся ломиться в дверь, но она оказалась закрытой.

— Тихо. Слушай, — Пелла насторожилась, призывая Кериса последовать ее примеру. Снаружи доносилось дребезжание колес кареты.

Выругавшись, Керис в последний раз рванул ручку двери. И, о чудо, замок поддался. Послушник выскочил на лестницу и бросился вниз через несколько ступенек. Лестница была крутая, и Керис всякий раз рисковал свернуть себе шею. Но Керис совершенно не обращал на это внимания. Он так и не упал, словно какие-то добрые силы охраняли его.

Лестница была длинной. В ушах послушника стоял только единственный звук, дробный стук подковок Леннарта где-то впереди. Кажется, Леннарт наконец добежал до

конца лестницы: стук каблуков прекратился. И вдруг снова хлопнула дверь. Керис чертыхнулся. Кажется, эта дверь ведет в кухню. Неужели там тоже замок?

Как следует разогнавшись с лестницы, Керис обрушил на дверь весь свой вес. Дверь затрещала, но выдержала. Тогда Керис принялся колотить ногами в то место, где находился замок, и дергать дверь на себя. В эти мгновения он был готов растерзать Леннарта на куски, только бы тот попался ему в руки. Но тут Керис с ужасом вспомнил о той самой отравленной розе. Когда он учился в школе послушников, в городе Иннкитар случилась эпидемия оспы, от которой погибли все жители. Потом все их тела были сожжены на кострах, чтобы предотвратить распространение болезни. Нет, нужно как можно быстрее увести отсюда Пеллу, пока она тоже не заразилась. Тут все умрут, либо от болезни, либо убежав отсюда, спасаясь от оспы, и погибнут от холода на дорогах.

Подковки Леннарта уже звенели по каменным плитам кухни. Керис наконец расправился с дверью и бросился на звон этих подковок, хотя и знал, что Леннарт уже заражен, уже смертельно болен. Но все равно его нужно было остановить, схватить, покуда не случилось непоправимого.

— Мой господин, — закричал юноша надрывно.

Распахнув еще одну дверь, уже последнее препятствие на его пути, он ворвался в зал, где стоял Фарос в окружении своих гвардейцев и челяди. Он был весь обвешен драгоценностями, словно святочная елка. Услышав голос Леннарта, Фарос повернув голову. Тут Керис заметил, что возле него стоит Пелла, которая так и не успела переодеться. А может, просто не захотела.

Леннарт остановился, все еще сжимая в руках отравленную розу. Со всех сторон к Фаросу неслись гвардейцы. Кериса сразу схватили за руки, но тот, не обращая внимания, закричал Фаросу:

— Ваше высочество, не подпускайте Леннарта к себе. Он...

Регент уставился на него удивленно.

Леннарт принялся затравленно переводить взор с Кериса на Пеллу и обратно.

— Вы ведь этого хотели, да? — начал он надрывно. — Вы ведь давно замыслили оторвать его от меня. И даже самый главный подарок, который исходит из глубин моего сердца, я не могу подарить человеку, которого так люблю.

Тут юноша медленно направился к Фаросу.

— Господин мой, если вам действительно нужно избавиться от меня, то хотя бы примите это, пусть это будет памятью обо мне.

— Этот цветок отравлен, Леннарт, — тихо проговорила Пеллицида.

— Ты лжешь, грязная сука, — пробормотал юноша, продолжая идти вперед, словно лунатик.

Но принцесса даже не обратила внимание на это оскорбление.

— Я хотела бы, чтобы это действительно была ложь, — сказала она, — потому что я в самом деле не желаю тебе зла. Но ты пляшешь под чужую дудку. Как и Сердик. Эта роза заколдована, она должна всех нас заразить оспой.

Все присутствующие задержались, зашевелились. Народ зашептался, опасливо поглядывая на Леннарта. Стоявшие вокруг Фароса гвардейцы еще теснее сомкнули свое кольцо. Сам Фарос рванулся к дальней двери.

— Не верь ей, — глаза Леннарта заблестели слезами. — Она говорит так, чтобы избавиться от меня. Но если это в самом деле так, то тебе никогда не получить его.

И Леннарт бросился к девушке.

Керис, дернувшись, ударил в солнечное сплетение одного из державших его гвардейцев, и принялся отбиваться от второго. Наконец ему удалось освободиться.

— Нет! — закричал он, кидаясь на Леннарта, но понимая, что его уже никак не остановишь.

Но Пелла не растерялась: сорвав свою тяжелую накидку, она бросила ее на голову Леннарта. Покуда тот с шипением и злобными криками путался в толстой ткани, девушка

отскочила в сторону. Затем она схватила угол накидки, чтобы не дать Леннарту освободиться. Подоспевший Керис пинком отбросил Леннарта к двери. Юноша сразу же перестал дергаться. Тело его дрожало под накидкой, он приглушенно кричал:

— Лжецы! Все лжецы!

Стоя у двери, регент распорядился:

— Уведите его отсюда. И поместите его в какую-нибудь хорошую спальню.

— Я думаю, что главная спальня подойдет для этого как нельзя лучше, — сказала Пелла. — Ваше высочество, эта роза как раз и лежала там на подушке. Она была положена специально для вас.

Какой-то гвардеец помог Леннарту подняться на ноги, при этом стараясь дотрагиваться только до накидки Пеллы. Юноша заплакал навзрыд, ручки слез пробивали в толстом слое пудры на его лице синеватые дорожки. Его повели к другой двери, и Леннарт, оглянувшись, посмотрел на безмолвно стоявшего у выхода Фароса.

— Господин мой, если все это правда, то я ничего не знал об этом,

— простонал он. — Я... я только хотел вашей любви. Поверьте мне.

— Если все это правда, — отозвался тихо Фарос, — то причина будет уже не столь важна, чего я боюсь, дитя мое. Но если это ложь... — глаза его остановились на Пелле, которая стояла возле Кериса. Девушка уже потеряла боевой задор и залилась краской смущения. Но как только ее глаза встретились с глазами Фароса, Пеллицида вновь гордо выпрямилась и с вызовом посмотрела на регента.

— Скажи, ты ненавидишь меня, дитя мое? — наконец нарушил всеобщую тишину Фарос. Он словно не обращал внимания на то, что в комнате кроме них двоих еще была масса народу.

— Я ничего не знаю, — отозвалась Пелла, и это звучало вполне откровенно. — Ведь ты правишь этой страной, и ты мой супруг. Я вообще... никогда не испытывала ненависти к людям. И даже если бы я ненавидела кого-то, — поспешно сказала она, — я ни за что не сумела бы заставить себя сказать это при всех.

И она снова вспыхнула.

Регент тоже покраснел, но затем его взгляд смягчился.

— В таком случае, моя маленькая принцесса, — спокойно проговорил он, — я ловлю тебя на слове и задам тебе один вопрос наедине.

Когда Пеллицида подошла и наклонилась, чтобы поцеловать ему руку, Керис незаметно выскользнул из комнаты.

— Он должен быть где-то здесь, — сказал Антриг, озираясь по сторонам. Он сидел в массивном деревянном кресле, а Джоанна лежала у самого очага. Они давно уже были здесь в Башне Тишины. Пришли они сюда после наступления сумерек, а сейчас уже светало. Когда Джоанна, пробудившись, открыла глаза, она удивилась: Антриг уже давно проснулся, подбросил в очаг дров и теперь готовил еду из взятых в дорогу запасов, которых у них уже осталось немного. Странно, что Джоанна ничего этого не слышала, ведь бесконечные опасности научили ее осторожности, слух ее стал куда лучше улавливать малейшие шорохи, которые могли предвещать опасность. Только теперь девушка почувствовала, что окончательно отогрелась. Вчера вечером, когда они пришли сюда, она даже не могла говорить от усталости и холода.

В руинах цитадели они так ничего и не нашли. Только в глубине подземного лабиринта из тоннелей таились еще чудовища, пришельцы из другого мира, которые непонятным образом еще оставались живы. Придя сюда, они застали Башню Тишины абсолютно пустой, тут не осталось ни единого стражника. Впрочем, того им и было нужно. Крыша у Башни была отличная, не худая, стены надежно защищали от холода. И вообще сооружение это было единственным возможным убежищем на много миль вокруг.

— Все признаки указывают, что это здесь, — говорил Антриг возбужденно. — Помнишь, Джоанна, я сказал, что жизненная энергия начала перетекал в Кимила? Но ведь эта Башня как раз стоит неподалеку от Кимила. Энергия наверняка текла сюда. Теперь все

становится на свои места.

Джоанна села на своем лежбище, но подниматься не желала. Закутавшись в свою накидку, она обвела взглядом помещение. Ее глаза на некоторое время остановились на раскаленной плите, на которой стоял помятый медный котелок, в нем что-то булькало. Там же был чайник, который начинал закипать. Чашка с чаем стояла и на столе, за которым сидел Виндроуз. Судя по тому, что чашка не пускала пар, можно было заключить, что Антриг уже давно поднял и пил чай. Потом Джоанна посмотрела на дверь, которая вела наверх, в помещения для пленников. Дверь была покрыта слоем паутины. Ага, сообразила девушка, Антриг так и не зашел туда. Но ведь печати на двери больше не было. Уходя, церковники забрали ее с собой. Впрочем, стены тут наверняка были пропитаны заклятьями, которые ослабляли действие всякого волшебства. К тому же у Антрига они будили не слишком приятные воспоминания.

Весь день Антриг был довольно молчалив. Видимо, он все еще переживал, что перебил молнией столько народу в поместье Сердика. Джоанна подумала, что эти воспоминания легли на него, подобно клейму, подобно печати.

— Здесь для него самое подходящее место, — наконец нарушил тишину Антриг, — конечно, Церковь за Башней присматривает, но не слишком внимательно. Конечно, на Башню можно подумать в самую последнюю очередь. Это куда более лучшая маскировка, чем чудовища в цитадели. Как говорить, под лампой темнее всего. И Сураклин знает толк в хитростях.

— К тому же если кто-то и пустится искать компьютер или просто Сураклина, первым делом начнут искать в лесу, если не... — Но с другой стороны, сюда просто так не подойдешь, — продолжал Антриг, — ведь Кимил недалеко. Нет, все-таки надо искать в Цитадели.

Джоанна принялась в задумчивости перебирать в руках содержимое своего ридикюля, который она использовала вместо подушки.

— А мне кажется, — задумчиво сказала она, — что компьютера нет ни здесь, ни там. Ведь мы там уже дважды искали, сам подумай. И на земле, и под землей смотрели.

— Ни там, ни здесь, — с усмешкой повторил чародей, глядя на носки своих изрядно побитых башмаков. — Отсюда до Тилратина, и назад. Из твоего мира в мой. И ни тут, ни там, — Антриг поправил очки, — но тогда где же искать эту чертову машину, если не здесь и не там?

Глаза их встретились.

— Может быть какое-то иное измерение, не пространство, не время, которого мы пока не знаем? — тихо сказала девушка.

— А ты откуда знаешь о таких вещах? — глаза Виндроуза округлились.

— Да об этом в комиксах пишут.

— Да, между разными мирами есть небольшие пространства. Это похоже на воздушный пузырь железной отливке. Такие измерения существуют, но они очень недолговечны, ведь Вселенная тоже движется, развивается. Но где ее искать? Энергия выкачивается одновременно из твоего и из моего мира, куда она течет?

— А может, он сделал такое измерение, такой пузырь? Или нашел его?

— Скорее всего нашел. И он наложил заклятье, которое не дает мне догадаться о существовании такого пузыря, — тут печаль испарилась из глаз Антрига, уступая место энтузиазму и азарту охотника. — Понимаешь, насколько я знаю, я единственный, кто может запросто разгуливать по Пустоте, я могу чувствовать вселенную. Сураклин этого не может. Он способен только взад-вперед, из одного мира в другой, но понять действие вселенной он не в состоянии. Впрочем, это тоже целый пласт знаний. Кое-кто из волшебников имеет в голове обрывки этого знания, как кто-то умеет вызывать нашествие лягушек, кто-то — бурю. Но все равно...

— В ты можешь найти этот пузырь?

— В том-то вся и трудность, — покачал он головой, — чтобы увидеть это, я должен

сначала знать, как выглядит такое измерение, только тогда я смогу разглядеть и систему защиты, которую он, конечно же, там оставил. Я должен знать форму, размеры пузыря. Даже нужно знать, как он попадает внутрь. Все это очень важно, поверь. Конечно, такие вещи Сураклин держит только в своем уме, а поникнуть туда — это не орех расколоть.

Джоанна посмотрела на чародея, испытывая какое-то странное волнение.

— Мне кажется, что он программирует вход туда. Только как, — простонала она. — Вообще-то человеческий ум знает три измерения: длину, ширину и высоту. Но компьютер не человек, для него даже самое нереальное предположение может быть стоящим, если оно в конце концов оказывается верным. Компьютеру ничего не стоит предположить, что существует некое четвертое измерение. И путем каких-то математических и логических расчетов он в состоянии обнаружить это измерение. Если конечно, как я уже сказала, оно есть.

— Как волшебники, — невесело сказал Антриг, — или как сумасшедшие. Послушай, а эти ваши компьютеры, это не мозги сумасшедших людей?

Джоанну такой вопрос поставил в тупик, и она даже не знала, что ответить на него.

— Я не знаю, — наконец отозвалась она неуверенно, — но там все строго. Там математические расчеты, которые называются уравнения, и на основе этих самых уравнений...

— А ты можешь начертить эти уравнения? — глаза мага прямо-таки впились в нее. — Можешь хотя бы нарисовать, что там нужно? Какие-нибудь чертежи, если они есть?

Джоанна испытывала зуд в руках, такой зуд одолевал ее всегда, когда она инстинктивно предчувствовала удачу.

— Можно бы, — сказала она, — но только мне нужна бумага и карандаш.

— Тут есть бумага. Она вполне пригодна для черчения, листы большие.

— Но для этого нужно еще разграфить лист. На это уйдет черт знает сколько времени. Аж, если бы я знала, я принесла бы сюда калькулятор, а тут еще и считать замучаешься. Ну кто знал, что такое будет?

— Ничего, у меня есть счетные кубики. Когда я был в Меллидэйне, один математик научил меня пользоваться ими. Это быстро, и ошибиться никак невозможно. Подожди, сейчас я схожу, принесу бумагу.

Антриг резко поднялся и направился к двери, но тут же со стоном оперся на Джоанну: сломанное в схватке с Богом Мертвых ребро еще напоминало о себе. Джоанна схватила его за обе руки, и они простояли так минут пять. Никто не вымолвил слова, но каждый знал, что их свербит одна мысль: скоро им придется столкнуться с Сураклином и эта догадка, возможно, только приблизила их к разгадке тайны.

Джоанна вдруг почувствовала, как по ее щекам текут слезы — только теперь она поняла, что любой человек, даже такой сильный как Антриг, тоже подвержен травмам, подвержен смерти. Теперь она по-настоящему поняла желание Сураклина стать Компьютером и избавиться от брэнного тела. Там можно жить вечно — стоять в каком-нибудь укрытии и повелевать другими, не думая о болезнях и старении тела. Нет, хватит думать. Да, Керис был прав, когда говорил, что размышления иногда приносят только вред.

Расстегнув внутренний карман платья, Джоанна достала оттуда завернутую в целлофан пачку фотокопий уравнений Сураклина, которые она сняла с компьютера. Поначалу она не обратила внимания на эти странные уравнения, поскольку они-то уж точно не могли содержать намека на то, где хранит Темный Волшебник свой компьютер. Но теперь, глядя на помятые листы, она поняла, что это самое главное.

Уже успело давно стемнеть, когда Керис наконец-то пришел в Башню Тишины. Керис возблагодарил Бога, что в его роду были волшебники, благодаря чему он мог видеть в темноте. В противном случае он вообще не смог бы найти Башню и плутал бы между одинаковыми холмами. Небо было затянуто тучами, и не было видно ни одной звезды, по которому можно было бы сориентироваться на местности. Было приятно сидеть за толстыми каменными стенами и слушать, как за ними пронзительно воет ветер. Но Керис не был бы

Керисом, если бы он перед тем, как войти в Башню, не обошел ее два раза и не исследовал следы, а потом и дверь. Потом он взобрался по неровным камням кладки и заглянул в окошко. Синеватый огонек Антрига успокоил его, когда послушник заглянул в узкое окошко.

Керис решил, что коли уж его спутники пришли в Башню, то Сураклин в цитадели так и не встретили. Сердце внука Солтериса забилося. Получается, что им снова предстоят мучительные дни поиска, когда ненависть и желание мщения, казалось, уже переполняют его? Сутки назад Керис уже твердо приготовился умереть.

Впрочем, было бы еще хуже, если бы, подойдя к Башне, он застал ее пустой.

Сидя в Башне, Керис вспомнил, как он еще долго стоял у порога и окончательно успокоился только тогда, когда слышал голос Виндроуза. Керис был уверен, что не издал ни единого постороннего звука, который мог бы выдать его. Но как только он поднял руку, чтобы постучать в дверь условным стуком, он слышал голос Антрига.

— Ага, вот и Керис, наконец-то, пожаловал.

А в следующую секунду послышался скрип стула, и дверь тихо отворилась. Честное слово, послушнику захотелось ударить Антрига, тот не только не оценил его осторожности, но и в очередной раз показал Джоанне свое превосходство.

— Все в порядке, — первым делом сообщил Керис. — Я успел вовремя. Леннарта содержат под стражей, и про розу теперь все знают.

Джоанна подняла голову от стола, который был целиком застелен чистой простыней, которую она успела разграфить и покрыть точками и математическими формулами.

— Что с Пеллой? — тревожно спросила она.

— Она теперь с Фаросом, — сказал Керис, снимая верхнюю одежду и присаживаясь возле печки. Джоанна подала ему большой кусок вяленого мяса и несколько сухарей. Только тут Керис вспомнил, что весь день не ел, кроме кусочка белого хлеба и ветчины, которые Пелла впопыхах успела стащить для него с кухни.

Джоанна, уронив карандаш на стол, удивленно уставилась на него.

— Как с Фаросом?

— Какое это теперь имеет значение, — воскликнул Керис, прожевывая жилистое мясо. — Так лучше. И нам нечего вмешиваться туда.

Керис закрыл глаза, но на душе у него было беспокойно. Он ощущал исходящее от плиты тепло, но перед его мысленным взором так и стояла Пелла.

— Мы нашли Сураклина, — тихо сказал ему Антриг.

— Это хорошо, — промямлил Керис.

Постелив на пол свою накидку, он блаженно растянулся возле плиты. Главное, подумал он, что все это теперь уже позади.

Это было его последней мыслью, в следующую секунду послушник заснул.

Проснулся он все от той же точки, которая даже во сне не давала ему покоя. Все, теперь Пелла для него больше не существует, и даже погоня за Сураклином казалась ему тщетной и бесплодной, просто потерей времени. Это Антригу нечего делать, вот он и пытается найти применение своей волшебной энергии. Джоанна тоже в любой момент может отправиться домой, в свой мир. А что делать ему? Назад, в Совет, дороги уже нет. Керис открыл глаза — в узкие оконца под потолком комнаты сочился снаружи скупой серый свет, в котором было видно плавающие в воздухе пылинки. Пахло дымом и мокрой одеждой. Привстав, Керис подошел к столу. Вся столешница была покрыта простыней, которая была сплошь разрисована какими-то дугами, зигзагами, математическими уравнениями и вычислениями. Поверх всего этого лежали счетные кости Виндроуза. Тут Керис, взглянув на лицо Джоанны, впервые поразился, как изменилось оно с того момента, когда он впервые встретил эту девушку. Под глазами были синие круги, кожа обветрела и словно натянулась. И вздернутый нос казался еще более вздернутым на этом исхудавшем лице. Керис с жалостью подумал, что уж если ему, привыкшему вроде бы к трудностям, этот поход казался изматывающим, то что должна испытать Джоанна, в мире народ которого не слишком утруждает себя пешими

прогулками, а все больше ездит на странных самодвижущихся каретах. Вдруг Джоанна, резко открыв глаза, посмотрела на Кериса. Так, теперь она обрела еще и постоянную напряженность. Успокоившись, девушка глянула на странные часы, которые были прикреплены к ее руке розовым кожаным ремешком. Антриг, уже невесть когда успевший проснуться и сесть на скамью, встряхнул головой, точно выходя из долгих рассуждений.

— Уже утро, десять часов, — сказала Джоанна.

Антриг разглядывал свои покалеченные пальцы, точно желая узнать разгадку тайны Сураклина по ним.

— До этого там были заклятья, которые изображали дневной свет, — сообщил он.

Но Керис ничего не понял.

— Но по воскресеньям, — возразила Джоанна. — Антриг, ведь у нас сегодня вторник. Если Сураклин все еще изображает из себя Гэри, то ему нужно появиться на работе в Сан-Серано. К тому же ему нужно продолжать писать свою программу на компьютере, а столь мощная машина находится только в Сен-Серано. Судя по-своему, он еще не завершил свою программу.

Остатки сна окончательно улетучились из головы Кериса, но он все еще чувствовал себя как-то неловко, словно после пьянки. И тут он понял, что его угнетенное состояние, это результат личных переживаний.

— Значит, уточнил он, — ты хочешь сказать, что Сураклин сейчас... ушел в свой компьютер.

Привстав Керис почесал в голове, теперь понимая, почему Темный Волшебник куда-то запропастился.

— Да, мне кажется, что это так, — кивнула головой Джоанна. Она рассеянно принялась собирать свои принадлежности, причем движения ее были какими-то неловкими, угловатыми. — Знаете, хоть мне очень неприятно говорить об этом, но мне кажется, что Сураклин уже запустил свою программу.

Глава 17

Под хмурым небом лежали остатки цитадели Сураклина. Многочисленные лужи покрылись льдом, снег припорошил стылые камни. Снега тут было немного, хотя окружающие холмы были покрыты настоящими снеговыми шапками. Словно бы зима сама избегала приходить в это проклятое место. Джоанна, ковыляя вместе с Антригом под одной накидкой, подумала, что так, возможно, будет выглядеть ад после Судного дня, когда посланные в ад исчезнут из него, Сатана будет уничтожен, а всякое упоминание о зле будет выжжено неугасимым пламенем Божьего гнева. И так вот останутся только несколько камней.

Вдруг Антриг остановился и принялся с беспокойством озираться по сторонам.

— Ну как, неужели ни чего не чувствуешь? — прошептал он.

Джоанна на всякий случай кивнула, зато вовсе не совсем хорошо понимала, что же она должна чувствовать. Она чувствовала себя опустошенной, понимая, что опять началась утечка жизненной энергии. Но теперь к этой меланхолии прибавилось еще какое-то чувство беспомощности, неспособности сопротивляться. А чему, собственно, они теперь должны сопротивляться?

— Он ослабил всю материю, — прошептал Виндроуз. — Теперь я понимаю, в чем тут дело. Просто тот самый пузырь поддерживается лишь благодаря работе компьютера, который тратит на это нашу энергию. Но только этот пузырь непостоянен, он все время изменяется. Впрочем, изменяется и вся наша вселенная, — говорил маг шепотом, точно боялся, что громкий голос сделает что-то непоправимое. Налетавшие порывы ветра яростно трепали их одежду и волосы.

Вдруг ее глаз уловил нечто подозрительное. С бьющимся сердцем девушка повернулась в ту сторону. Ей показалось, что возле одной ямы она видела нечто необычное,

но теперь там не было ничего, кроме груды оплетенных сухой травой камней. Но неужели там должен быть...

Джоанна всеми силами заставляла себя оторвать взгляд от этого места и больше туда не смотреть. Это теперь было похоже на головоломку с кое-какими отсутствующими деталями, хотя было непонятно, что же мешало восстановить полностью всю картину.

— Да, — пробормотал Антриг, — конечно же, и здесь эти чудовища.

— Черт с ними, — несмотря на ветреную погоду, по лицу Кериса катились крупные капли пота. В руке послушник сжимал выхваченный из ножен меч. Только глаза его были какими-то странными — пустыми, ничего не выражающими.

— Там что-то в яме, — голос Антрига звучал уверенно. — В самой глубокой комнате, там находится центр его силы. И тогда становится очень легко заметить что-то, что доселе было невидимым, как оно выглядит. Джоанна. Ведь ты уже примерно изобразила, что это такое. Дорогая моя...

Джоанна начала было объяснять Антригу, как действует компьютерная программа при запуске, но затем остановилась. Богатый опыт подсказывал ей, что если что-то неладно с компьютерами, то исправить это уже трудно, тем более если программа запущена. А программа тут была непростая — душа и сознание давно мертвого телом волшебника. Джоанна чувствовала в душе какую-то пустоту, ей ничего не хотелось делать. Но все-таки она знала, что любит этого человека, а ему сейчас, как никогда, нужна ее помощь. После того, как он не спал несколько ночей подряд, то выглядел, словно лошадь, которую галопом гнали по ухабистой дороге миль десять. И если же он в душе ощущал ту же пустоту, что и Джоанна, тогда ему нужно было помогать вдвойне.

Стараясь, чтобы ее голос не дрожал, девушка сказала:

— Но если мы найдем компьютер, то я запущу «жучка». После запуска в нашем распоряжении будет от пяти до десяти минут. Именно через это время все должно исчезнуть, исчезнуть ко всем чертям...

— Отлично, — Антриг внимательно осматривался по сторонам, его длинный нос ходил ходуном, точно у собаки. — Значит, у нас будет время удрать подальше, покуда этот пузырь лопнет. Но Джоанна, ты не можешь утверждать, что знаешь, как и какие именно программы первыми будут уничтожены в его машине. А вдруг что-то случится, и твой «жучок» не сработает?

Джоанна сглотнула слюну. Она и так уже испытывала беспокойство, когда она думала, что какая-нибудь досадная случайность запросто может свести на нет все плоды их усилий.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Джоанна, — что ничего не произойдет?

— Я хочу сказать, — терпеливо проговорил маг, — что может случиться так, что пузырь лопнет, компьютер разрушится, но Сураclin не погибнет. Он только останется где-нибудь в Пустоте, в пространстве между разными мирами, не в состоянии попасть в какой-нибудь из них... Но рассудок его останется все же при нем. И он снова начнет поджидать подходящий момент.

— Боже мой, — прошептала девушка.

— Я к чему это говорю, — продолжал Антриг, — тыпустишь к нему в компьютер своего «жучка», а потом бежишь без оглядки. А я должен остаться, чтобы Сураclin точно не смог выжить. Я думаю, что это будет справедливо. Пойми, это в большей степени моя схватка.

— Нет, — твердо сказала Джоанна, — я ни за что не сделаю этого.

— Я почему-то так и подумал, — сказал Виндроуз хмуро.

Они с Керисом направились к яме. Поставив немного, Джоанна бросилась догонять их.

— Антриг... — еле слышно прошептал Керис.

Виндроуз повернул голову, чтобы заглянуть в глаза послушника. Керис глазами показал вверх, и чародей посмотрел туда. На самой вершине лестницы стоял и смотрел на них сверху вниз Сураclin.

Джоанна почувствовала, как земля начинает уходить у нее из-под ног.

Теперь Сураклин был кем угодно, но только не Гэри.

Там стояло тело Гэри, одетое в его голубые джинсы и рубашку, на ногах были привычные кроссовки, но сверху темнела большая накидка, какие обычно носили члены Совета Кудесников. Даже лицо, хотя на нем и сохранились все черты Гэри, было каким-то другим. Попадись такой в толпе, Джоанна точно не узнала бы в нем человека, которого она когда-то даже любила и была близка с ним одной душной лос-анджелесской ночью. Не осталось и следа той напыщенной самоуверенности, алчности и распутства, которыми отличался Гэри Фэйрчайлд. Странно, что чужой характер может изменить человека. Кроме тела и одежды, от Гэри не осталось ничего. Глаза, в которых можно было прочесть истинный возраст Сураклина, горели непримиримой ненавистью.

Но Сураклин постарался не показать своего гнева, зато улыбнулся как можно более приветливо.

— Ах, Антригус, — пропел он голосом, который совсем не был похож на голос Гэри.

Он наверняка специально искажил имя Виндроуза, произнося его на ласкательный манер. Возможно, он звал его в период ученичества.

— Ты прямо неуловим. Сегодня здесь, завтра там. Иногда мне казалось, что я так и не смогу добраться до тебя. Но я был уверен, что рано или поздно ты придешь сюда, придешь к себе домой... Детка, — он перевел глаза на Джоанну которая при упоминании клички, которой ее все время величал Гэри, передернулась. — Дитя, как ты считаешь, электричеством и в самом деле можно убить человека? Или только чудовище на болоте?

Джоанна негодуяще затрясла головой, а Сураклин уже смотрел на Кериса.

— Ах, ты же моя кровь. Внучок.

— Как ты смеешь... — начал гневно послушник. — Ты же, ты...

В этот момент Антриг, метнувшись к Джоанне, повалив ее на землю. И в то место, где Джоанна только что стояла, вдруг ударила голубая молния. Земля задымилась. Керис, все внимание которого вылилось в выражение злобы к Сураклину, не был столь проворен. Молния ударила в землю прямо возле парня, и сухой ее треск заглушил полный боли крик Кериса. Конечно, Антригу никак нельзя было разорваться при всем желании и спасти всех. Джоанна, полуоглушенная, дышащая озоном, который напитал воздух, с удивлением вдыхала запах паленого мяса. Ей казалось, что взорвался сам воздух. Перед тем, как вскочить на ноги, Антриг прошептал ей:

— Скорее ползи в укрытие и позаботься о своей сумке.

Через некоторое время чародей отбежал в сторону, Джоанна даже не услышала хруста камешков и шелеста сухой травы под его ногами.

Несмотря на страх смерти, на потерю значительного количества жизненных сил, девушке вдруг захотелось приподняться и поспорить с Виндроузом, ведь дискета наверняка теперь уже не понадобится, если Сураклину удалось застигнуть их врасплох. Значит теперь...

Хватит хныкать, сказала она сама себе. Еще ничего не известно. Зажмутив глаза, Джоанна перекаtilась за соседний камень, потом еще раз. Всякий раз она ожидала прицельного удара молнии, но его не последовало. Тяжелый полушубок мешал ей ползти, цепляясь за камни, острые осколки упивались ей в руки, один раз она сильно ударилась головой. От удара у нее поплыли перед глазами багрово-черные круги. Подняв голову, она посмотрела на Сураклина. Тот в этот момент вперил взгляд в землю, поскольку в лицо ему был нестерпимо яркий свет. Покуда Сураклин шарил рукой под накидкой, чтобы вынуть меч, Виндроуз уже наготове держа свой меч в руках, стоял футах в тридцати от него.

И вдруг Сураклин вытащил из-под накидки не что иное, как самый настоящий автомат.

Джоанна прикусила язык и губы, чтобы только не закричать. Антриг кошкой бросился на землю и покатился с мечом в руках к Сураклину, явно желая ударить по его ногам. Перед ним из земли ударили фонтанчики пыли

— Сураклин дал понять, что он вовсе не собирается шутить. Антриг нырнул под защиту громадного камня. И сразу ослепительный свет прекратился — Антриг перестал

использовать заклятье. Конечно, свет помог ему, но это явно было только временным успехом.

— Но, дорогуша моя, — пропел Темный Волшебник, — клянусь тебе, что раньше ты был куда более проворен. Да, старость — не радость.

— Ничего, все стареют, — в тон ему отозвался Виндроуз, перекатываясь к следующему камню.

Он был уже на новом месте, но Джоанна готова была поклясться, что голос его раздавался все еще на старой позиции. Тоже заклятье? Может быть. Тут Джоанна вспомнила, что подобные штучки Антриг проделывал в одном постоялом дворе, чтобы заработать себе и своим спутникам на ужин. Но там, где он лежал, сухая трава уже начала дымиться — Сураклин упивался своей силой.

— Что ты, что ты, радость моя. Я и старость — вещи несовместимые.

Антриг тем временем уже добрался до каменной гряды, которая обозначала стоявшую тут когда-то стену. Он вжался в землю, стараясь, чтобы Сураклин не видел, где он точно лежит. Издалека Джоанна сумела различить, что зеленый рукав его кафтана теперь покрыт кровавыми пятнами, а по лицу струится пот. Издалека было заметно, что Антриг просто напряжен.

— Да, — сказал Виндроуз, — но неужели ты не понимаешь, что ты сделал с собой? Ведь ты теперь...

Растения под ногами Антрига снова задымились. Но они тут же погасли. Джоанна сообразила, что чародей наложил противозаклятье. Но надолго ли хватит его энергии?

— Конечно, я понимаю. Неужели я так похож на невменяемого, на сумасшедшего, который не знает, что творит? А что, это похоже на... на... а, вот Джоанна подтвердит тебе, что в ее мире это называется пластической операцией. Подумаешь, немного изменил свою внешность. Но внутри-то я все равно остаюсь самим собой. Ах, чего не сделаешь ради того, чтобы выглядеть помоложе. Нам всем свойственна сентиментальность. Но с этим пора кончать. Этот Фарос мне надоел. И его люди тоже. Впрочем, Сердик сам справится с этим делом. Но умом никто из них, конечно же, не отличается. Но мне это безразлично. Вижу, что и тебе невдомек, что я стал бессмертным.

— Да нет, ты стал похож на Бога Мертвых.

— Ерунда, — голос Темного Волшебника стал грубым и злым, интонация переменялась.

— Но Бог Мертвых вовсе не так уж бессмертен, — продолжал Антриг. — Он ведь мертв. И это понятно, ведь никто им не интересуется, никому он не нужен. Он даже самому себе стал противен. Конечно, ведь нормальное развитие обходило его. И даже воздух стал губителен для Бога Мертвых. Вот, посмотри на эти камни — они кажутся вечными, но потом все равно превращаются в песок. Сураклин ты не можешь это опровергнуть. Ты все равно обречен. Если ты станешь компьютером — вещью, которая состоит из железа, электричества и знаний, то ты уже ничего не сможешь желать. Ты не будешь развиваться. Да ты уже и сейчас не Сураклин. Нет, ты сейчас похож на эти... как их называет Джоанна... вспомнил, фотокопии. Ты сейчас есть бледный отблеск самого себя. Но ведь общеизвестно, что любая копия всегда хуже оригинала. Конечно, ты еще и разбавил свой разум умами тех людей, в чьи тела ты вселился. Но тогда какое состояние ты называешь бессмертием?

Вдруг с земли стала подниматься пыль, как будто бы подул сильный ветер. Но ветра на самом деле не было. Девушка зажала рот и нос, чтобы только не задохнуться, пыли было много, перед глазами ее стояла сплошная серая пелена. Вдруг налетевший порыв ветра отмел пыль в сторону, хотя воздух все равно еще не был чистым. И тут Джоанна, глянув на напряженное лицо Антрига, поняла в чем дело — он перебарывал удушающее заклятье, насланное на них Сураклином. Джоанна почувствовала, что там, где лежит Антриг, все еще стоит высокая температура — даже на расстоянии от камней исходил сильный жар. Компьютер в состоянии производить миллионы операций в секунду, и Джоанна невольно подумала, сколько же операций и мысленных комбинаций должен провести мозг

волшебника, чтобы вызвать к жизни хотя бы одно заклятье. Сураклин превратился в компьютер, и Джоанна подумала, как должен работать разум Антрига, чтобы противостоять компьютеру.

— Сураклин, я очень долго просидел в Башне Тишины, — продолжал Антриг, — я рисковал жизнью, чтобы добыть себе свободу. Но ты по своей воле, сам, забрался в такую Башню, из которой тебе уже ни за что не выбраться.

— Ты там не устал, ученичек? — рассмеялся Темный Волшебник, — ведь сейчас получается, что ты старше меня. У тебя, наверное, и сил уже не осталось, а ты уговариваешь меня, подбиваешь неизвестно на что... Уж не хочешь ли ты, чтобы я сдался? Ты хитер — склоняешь меня к сдаче, но при этом знаешь, что победить меня не сможешь. Ты лучше побереги воздух, а то задохнешься. Или дым из тебя выйдет. А я постою и посмотрю, надолго ли тебя хватит. Интересно, на сколько еще заклятий хватит твоей изобретательности?

Руки Антрига непроизвольно дернулись, и Джоанна увидела, что лицо Виндроуза исказилось болью. Снова подул ветер, и девушка почувствовала, как пыль набивается ей в ноздри. И вдруг из большой лужи на выщербленной мостовой бывшего двора вырвался вихрь, роняя капли полурастаявшего снега с водой вперемешку, стал постепенно превращаться в воронку. Джоанна сразу вспомнила про электричество в поместье Сердика. Ветер, дувший в лицо, стал ослабевать, не удерживая напора вихря. Посмотрев на Антрига, Джоанна обомлела — он явно собирался сделать решающий рывок. Он что, сумасшедший? Ведь стоит ему только выйти из-под защиты камней, как он окажется беззащитен перед автоматом. Этого Сураклину как раз и нужно. Он специально провоцирует Виндроуза на такое безрассудство.

И вдруг она увидела Кериса. Его лицо, там, где оно не было испачкано грязью, было мелово-бледным, искаженным от боли, но правая рука довольно твердо держала пистолет 45-го калибра. Только Сураклин повернул на шум голову, как Антриг крикнул:

— Стой! Нет!

Но было поздно — пистолет в руке Кериса дернулся. Раздался сухой выстрел, а затем... Затем прогремел взрыв — оружие разлетелось на части прямо в руках Кериса.

Керис издал душераздирающий вопль и повалился на кучу камней. Антриг, больше не раздумывая, рванулся вперед. Удар меча, словно молния, прошелся по руке Темного Волшебника. Сураклин даже не успел наставить на Антрига свою «Беретту». И затем Виндроуз с силой ударил Сураклина прямо в лицо, отбрасывая его назад. Сураклин, из руки и носа которого брызгала кровь, завертелся волчком. Но он не терял присутствия духа — изловчившись, он саданул Антрига в висок.

Антриг, как подкошенный, рухнул на колени, в нескольких ярдах от громадной ямы, которая открывала ходы подземелий на разных уровнях. Не успел Антриг вскочить, как громадный кусок камня ударил с размаху по его руке. Брызнула кровь неестественно алого цвета, она сразу задымилась на морозном воздухе.

Антриг отпрянул назад, вытягивая руки. Из кончиков его пальцев вырвались снопы лучей, похожие на лазеры. Эти лучи испарили летевший в него следующий камень. Виндроуз снова рванулся, пытаясь встать на ноги, но Сураклин был уже тут как тут — своей теперь одной здоровой рукой он ударил противника прикладом автомата по голове.

Антриг упал в сухую траву, что росла на самом краю провала, и Джоанна вовсе потеряла его из виду.

Судя по всему Антриг упал в эту яму, потому что Сураклин, подойдя к ней, глянул вниз и пробормотал:

— Милый мой, ты поступил очень глупо.

Из его руки продолжала хлестать кровь. Джоанна сидела ни жива, ни мертва, она не могла поверить, что чародей свалится вниз. А если он погиб, то ей придется один на один сражаться с Темным Волшебником. Но девушка просто не представляла, как она сделает это.

Сураклин как раз стоял спиной к ней. До Джоанны откуда-то сбоку доносились слабые

стоны Кериса — послушник лежал в сухой траве. Джоанна вспомнила, как взорвался в его руке пистолет, и содрогнулась. Только не это. Но тут она вспомнила, что в ее собственном ридикюле пистолет 38-го калибра. Интересно, подумала девушка, это заклятье Сураклина действует только на одно оружие, «одноразовое» ли оно или же постоянно защищает Темного Волшебника? Но думать были некогда — Джоанна вытащила пистолет и весьма кстати попавшую под руки печать Тьмы. Ее руки тряслись, Джоанна даже подумала, что выронит драгоценные вещицы и не сможет подобрать их с земли. А что, если один выстрел и в самом деле все решит? А вдруг это только все испортит?

Словно угадав ее мысли, Сураклин перехватился рукой за ствол автомата и сказал громко:

— Имей в виду, что если ты убьешь это тело, то только усугубишь свою участь.

Не слушая его, Джоанна легла и обхватила обеими руками ребристую рукоять пистолета, прицеливаясь, так учили ее на занятиях по стрельбе. Одновременно с этим, чтобы предохранить пистолет от заклятья Сураклина, она прижала к нему печать. Казалось, что на это ушла целая вечность. Кровь билась у нее в висках, пот градом катился по лицу и спине. Ей казалось, что уши Сураклина ловят каждый ее звук.

Сураклин зажал автомат под мышкой и крикнул:

— Много времени пройдет, прежде чем вся твоя кровь выйдет из тебя.

Я все равно ничем не рискую, подумала Джоанна и плавно нажала на спусковой крючок.

В следующую секунду перед ее глазами встало сплошное разлетающееся месиво волос, осколков черепа и мозга. Рушилось то, что прежде называлось головой Гэри Фэйрчайлда, а потом и самого Сураклина, Безволосая фигура, постояв какое-то время на самом краю ямы, рухнула в яму.

Джоанна, как в полусне, подхватила свой ридикюль и пистолет и побрела к яме. В воздухе все еще вилась удушающая пыль. Вдруг она встрепенулась — нечего расклеиваться, ведь Антриг сказал, что здесь еще остались чудовища. Конечно, они сейчас явятся сюда, привлеченные запахом крови. Керис — мысль, состоящая из одного только слова обожгла ее сознание, но девушка не бросилась к тому месту, откуда доносились стоны умирающего послушника.

Земля и трава на краю ямы были сплошь забрызганы кровью, которая дымилась на холодном воздухе. Джоанна приложила руку к голове — она все еще гудела после удара о камень. Когда руки Джоанны вытаскивали из ридикюля моток тонкого, но прочного капрона, они были словно чужими. Впрочем, не это было сейчас важно. Сураклин был прав — убивая его, то есть тело Гэри — не принесло ничего хорошего. В этом не было никакого смысла. Она не знала, что случилось с дискетой, на которой был написан «жучок», но подозревала, что после ползанья и перекаtywаний по земле, дискета треснула. А компьютер был уже наверняка запущен, и сознание Сураклина жило в его памяти. В общем, она только помогла Темному Волшебнику избавиться от его брэнного тела, которое ему наверняка было не слишком нужно. А она уже ни за что не сможет написать второго «жучка».

И тогда этот компьютер будет стоять в своем укрытии и работать вечно.

Слезы отчаяния брызнули из глаз девушки. Она стала всматриваться в провал. Пыль уже осела, и видеть стало легче. На дне, возле входа в какой-то тоннель, неподвижно распласталось тело Антрига. Но что-то странное было в этом теле. Всмотревшись, Джоанна с удивлением поняла, что это было тело Гэри-Сураклина. А Антриг... Он висел, зацепившись за выступавший из стенки одного тоннеля большой железный прут.

Трясушимися руками Джоанна кое-как свернула петлю и зацепила конец веревки за громадный камень, который при всем желании не смог бы стронуться с места даже под весом двух человеческих тел. Где-то вдалеке шевелились странные силуэты. Она безразлично подумала, что это наверняка чудовища, которые наконец-то почуяли кровь. Впрочем, рано или поздно они должны были здесь появиться. Но нет, пока Антриг не разбился о дно провала, эти твари будут держаться на расстоянии. Конечно, это Сураклин

наслал их. Она убила его тело, но мозг-то Сураклина еще жив, он таится где-то здесь.

Подойдя к краю ямы, Джоанна накинула петлю на его ногу и, затянув, потянула. Вытащила она Антрига довольно быстро. Полежав минут десять, тот пришел в сознание, а потом и вовсе нашел в себе силы подняться на ноги. Видимо, волшебная сила не покинула его окончательно. Он поцеловал Джоанну во вспотевший, перепачканный грязью лоб.

— Керис... — бессильно сказала она.

— Тут уж ничего не поделаешь, — прохрипел Антриг. — У нас есть еще несколько минут, пока Сураклин не заметил нас. Теперь его мечта исполнилась — он компьютер. Конечно, он сейчас станет опробовать свою силу на первых попавшихся живых существах — вон на тех чудовищах. Он будет направлять их поведение. Вполне естественно, что их он натравит на нас. Но мы сначала...

— Но это не подходит нам, — подошвы ее башмачков скользнули по обледенелым ступенькам спрятанной по жухлой траве лестницы, что вела в яму. — Послушай, Антриг, Сураклин ведь был прав. Он намекал, что моя дискета не поможет. Она цела не треснула. Но мне кажется, что Темный Волшебник просто размагнитил ее. Чтобы сделать так не нужно большого ума. Достаточно положить ее на некоторое время возле телефона, и дело в шляпе, как говорится. Так что мы ничего не сможем сделать теперь.

Виндроуз остановился на ступеньке, даже сквозь покрывавшую его лицо пыль было видно, как он побледнел.

— Ты уверена, что дискета больше не сможет помочь нам? — тихо спросил он.

— Но это же и так ясно, он должен был это сделать по логике вещей,

— покачала головой она.

Он вздохнул глубоко, а затем кивнул головой. По его лицу снова заструился пот, и Джоанна с ужасом подумала, что даже мертвое тело Сураклина наверняка излучает какую-то волшебную энергию, которую Виндроуз гасит, но ценой нечеловеческих усилий, истощая и без того свое истерзанное тело. А потом еще этот компьютер... Немного времени потребуется на то, чтобы бедный Антриг выбился из сил окончательно.

— Ладно, — заговорил наконец Антриг, — отдай мне свой ридикюль. Иди как можно дальше отсюда. Если эта подавленность так и не прекратится, знай, что у меня ничего не получилось. Постарайся разыскать других членов Совета Кудесников, расскажи им все обстоятельно, заставь их поверить тебе. Но если у меня все получится, все равно отыщи их и расскажи, как это было.

— Но как же ты сам...

Антриг отвел глаза в сторону, но потом снова взглянул на девушку.

— Чтобы не случилось, моя жизнь уже все равно загублена, — его пальцы теребили потрепанный ридикюль, бока которого и в самом деле стали лопаться и протираться. — Даже если это случилось не тогда, когда я вырвался из Башни, то тогда, когда я перебил молнией людей Сердика. Я не знаю, удастся мне это или не удастся, но если я прорвусь в тот пузырь, обратно выйти мне уже не суждено.

Слова доносились до Джоанны откуда-то издалека, она была измучена и физически, и морально. К тому же жизненная энергия снова стала вытекать из нее. Тем временем Антриг стал неспешно спускаться вниз по лестнице. Словно выйдя из оцепенения, Джоанна подскочила к нему и вцепилась в его рукав.

— Что ты собираешься делать? — с ужасом спросила она.

— Я попробую приложить печать Тьмы к тому месту, где телисы передают энергию в трансформатор. Тогда поток волшебной энергии должен прекратиться, и можно будет войти в пузырь. Он будет уже навеки запечатан. Тогда оттуда невозможно будет вырваться.

— Но ведь ты тоже останешься внутри, — ужаснулась Джоанна. — Останешься запечатанным там вместе с Сураклином, — только тут она сообразила, что Антриг замышлял это уже с самого начала.

Антриг посмотрел на нее.

— Джоанна, я пока не могу думать обо всем этом, — сказал он тихо. В голосе его

сквозило отчаяние. — А теперь разреши, я пойду. Мы и так уже потеряли много времени. С каждой минутой он только усиливает защиту своего логова. Я даже не знаю, с чем мне там придется столкнуться и как долго я буду разрушать это. Но неужели ты не чувствуешь, что заклятья уже сгущаются вокруг нас? А внутри этого пузыря будет еще хуже. Я волшебник, а ты обыкновенный человек, ты не сможешь жить в четвертом измерении. Или в город. Если я промедлю, мы оба погибнем прямо здесь.

— Но ведь в ту же секунду, — продолжала невозмутимо Джоанна, — когда ты прикоснешься к печати, вся твоя волшебная сила исчезнет, и ты уже не сможешь спастись от волшебства Сураклина. Нет, мы должны пойти вместе.

Оказалось, что вход в логово Темного Волшебника находится в большом подземном зале, в котором было настоящее озеро темной воды. Поначалу Джоанна ничего тут не видела, лишь потом она заметила сначала антрацитовую гладь воды, потом все остальное. Вход был совсем неприметным, словно это был сон. Впечатление усиливал и синеватый огонек Антрига, что освещал им теперь дорогу.

Покуда они пробирались по подземным галереям, им постоянно преграждали дорогу различные чудовища, привлеченные запахом свежей крови. К тому же огонек периодически гас, видимо, компьютер-Сураклин гасил его. Меч Антрига остался в яме, и отбиваться от чудовищ было нечем. Непонятно только, почему они плелись следом за измученными путешественниками, не решаясь на них напасть?

— Джоанна, — раздался тихий голос Антрига, — когда я тебе скажу бежать, сразу беги и ни о чем меня не спрашивай. Это будет нужно. И не отвлекай меня своими расспросами. Ну как, договорились?

Девушка безучастно кивнула головой. Ей казалось, что она забыла нечто важное, такое, что может многое изменить. И теперь она силилась вспомнить, что же именно она сумела забыть, но ум, как назло, не хотел подчиниться ей.

Наконец они подошли к наполовину распахнутым воротам. Постояв немного возле них, Антриг вдруг быстро прыгнул вперед, на светящийся участок пола. А может, это свечение было просто иллюзией. Джоанна, постояв немного и, наконец, решившись, сиганула следом.

Итак, они оказались в пузыре Сураклина. Холод тут был страшный. Впрочем, для Джоанны как для специалиста по компьютерам это было не слишком удивительно. Но холод совершенно истощил ее, ей не хотелось даже переставлять ноги. Раздалось какое-то шипение, а может шелест, а может быть, и шепот. Джоанне показалось, что шепот этот обращен к ней. Она ощущала присутствие вокруг себя незримых сил, которые пропитали эти каменные стены. Но действительно ли стены здесь были каменными? Она повернула голову в сторону, и назойливый шепот прекратился. Но зато теперь ее обуял жуткий страх, а что если у Антрига ничего не получится? Потом потянуло чем-то горелым, потом и этот запах куда-то пропал. Вдруг она, посмотрев на свою руку, увидела, что с нее капает на землю какая-то слизь. Девушка в ужасе стала вытирать ее полой полушубка, но не решилась позвать Антрига, чтобы не отвлекать его. Иначе все станет еще хуже. Но вскоре слизь исчезла сама собой. Потом вдруг на другой руке появился ожог. Боль была нестерпимой, но Джоанна, скрипя зубами, сумела перебороть и это. Минуты через три от ожога не осталось и следа на коже. Все это время девушка молчала, пытаясь перебороть свой страх.

И вдруг перед ними разверзлась темнота. Чтобы помочь Антригу сконцентрироваться, чтобы он не тратил силы на напряжение глаз, способных рассеять темноту, Джоанна включила фонарик, но свет его не пробивался через густую тьму. Казалось, что темнота проглотила их и никогда больше не выпустит на свет. Стало еще холоднее, по сравнению с этой температурой ночи Сикерста показались просто тропическим климатом. И тут Джоанна увидела самое главное — синеватое свечение исходило от разложенных двумя кругами шаров. Некоторые были размером с крупный грейпфрут, другие покрупнее. Так вот они какие, эти телисы. А рядом стоял тот самый прибор доктора Нарвала Скипфрага, который преобразовывал жизненную энергию в энергию электрическую. Повсюду торчали проводки, образуя целую паутину. Именно по ним в телисы и перетекала из пространства жизненная

энергия. В самом же центре внутреннего круга находилась штука, которую Джоанна определила (если не ввали описания в компьютерных журналах) как экспериментальный стекловолоконный сверхпроводник. Как раз такой же, вспомнила Джоанна, исчез этой весной из лаборатории в Альта-Кларе. Впрочем, теперь этому нечего было удивляться, коли Сураклин умудрился собрать из ворованных деталей мощнейший компьютер.

— Проклятье, — прошептала девушка непроизвольно, глядя на телисы.

— В чем дело, дорогая моя?

Шепот еще сильнее звучал в ее ушах, как будто бы кто-то вворачивал на полную громкость кнопку усилителя звука. Ей показалось, что на нее в упор смотрят глаза двух лиц.

— Чьи же это лица?

— Это НИС: Неисчерпаемый Источник Силы, то есть основная батарея. Это означает, что даже если вытащить штепсель из розетки, компьютер станет работать на собственной энергии по меньшей мере день. А может, нам удастся выбраться...

— Но ведь заклятья-то его останутся. И он может позвать на помощь.

Джоанна с бьющимся сердцем медленно пошла вперед. Подойдя к внешнему кольцу телисов, она переступила его. Голубоватый свет шаров был еще страшнее тьмы. Девушке казалось, что каждый шар излучает из себя вместе с этим аквариумным светом зло. Где-то в ушах звенел чей-то злорадный смех и дробные слова, но их уже невозможно было разобрать. Впрочем, Джоанна и не стремилась делать это. Не за тем она пришла сюда, чтобы слушать Сураклина. Не оборачиваясь к Антригу, она прошептала:

— Сейчас я проверю дискету. А ты отсоедини провода, которые ведут от трансформатора к запасной батарее. Вон, видишь, маленькие коробочки оттуда торчат провода? Не забудь вырвать и их. Коробочки тоже могут вырабатывать энергию, если что-то случится и с запасной батареей. Можешь не рвать провода на куски, незачем тратить силы. Главное, отсоедини клеммы.

Антриг медленно направился к прибору исполнять указания. Но лицо его было искажено от боли. Что он чувствовал ведомо было только ему. Впрочем, это и должно было быть, Сураклин наверняка обрабатывал не одну только Джоанну.

Вот и главный пульт этой электронной машины. Стоит стул, немного сдвинутый, точно программист недавно вышел куда-то по своим делам. Рядом покоился на медном треножнике одинокий телис, от которого тоже во все стороны протянулись зловеще поблескивающие провода. Этот телис был самым большим, при желании Джоанна не смогла бы охватить его руками. Впрочем, никакая сила не заставила бы ее прикоснуться к телису. Внутри телиса клубился голубоватый дым. Да, это было зло — живое зло...

Трясущимися руками девушка вытащила из ридикюля дискету и стала срывать с нее многослойную обертку. Слава Богу, дискета не треснула. Покуда девушка разворачивала это сокровище, дискета дважды падала на пол. И каждый раз Джоанна с замиранием сердца поднимала дискету, чтобы осмотреть ее. Ей везло, дискета оставалась целой. И вдруг в глубине сознания девушка смутно почувствовала какое-то неясное подозрение, словно ей нужно было решать квадратное уравнение, на которое можно в итоге получить два ответа.

Трясущимися руками Джоанна вставила дискету в компьютер, опасаясь, что сейчас машина выплюнет ее труды обратно, не приняв их. Ее пальцы сами собой забегали по клавиатуре, нажимая нужные кнопки.

Но экран оставался мертвым, значит, дискета действительно размагничена.

Но тут Джоанна подумала, что этот компьютер теперь и Сураклин, а потому запросто может лгать. Тогда она нажала кнопку повторения команды, но все осталось по-прежнему.

В отчаянии она стукнула кулаком по монитору, и вдруг по нему побежали зеленые слова: «Джоанна. Добро пожаловать. Я так долго ждал, когда он приведет тебя ко мне».

Тут дикая ярость охватила девушку. Ужас, отчаяние, горе и осознание, что ее так долго обманывали, завлекали туда, чего она опасалась больше всего — логово Сураклина, затуманили ей глаза. Руки ее ходили ходуном, когда Джоанна стала рыться в ридикюле, ища свой верный пистолет.

Так он с самого начала был слугой Сураклина.

Сухой удар пистолетного выстрела разорвал тишину этой комнаты. Пуля ударила в бок Виндроуза. Антриг плашмя упал на трансформатор. Джоанна была, даже не прицеливаясь. Антриг медленно поднял голову, и голубоватый свет телисов играл на линзах его очков. Джоанна приподняла пистолет и, даже не дыша, стала целиться в его лоб. Он обманул ее, воспользовался ею...

Она так и не узнала, что кричал ей Виндроуз. Кажется это было ее имя, и еще какое-то слово, которое обожгло ее сознание. Может быть, это было заклятье? В следующий миг девушка почувствовала, как горячий воздух обжигает ее тело, ее руки... Антриг, подходя к ней на уже не слышавшихся ногах, схватил Джоанну и, преодолевая ее сопротивление, прижал к себе, хотя девушка изо всех сил была его пистолетом под ребра. Джоанна почувствовала нестерпимый жар.

Но вдруг жар этот стал спадать. Убрав свою руку с бока Антрига, Джоанна увидела на ней кровь.

Вдруг тело ее стало трястись крупной дрожью.

— Извини меня, Антриг, — зарыдала она, — это же было заклятье, Сураклин наложил на меня заклятье.

— Не надо, — тихо прошептали его губы. Лицо его было мертвенно-бледным, глаза закрывались, — не нужно ничего теперь говорить. Я все понимаю. Положи только печать на место и давай скорее выбираться отсюда. Я чувствую, что сюда кто-то идет. Сураклин вызвал помощь, и эту помощь нужно остановить, пока она не присоединилась к Темному Волшебнику.

— Но кто же... — начала она.

— Никогда не спрашивай меня об этом, — глаза Антрига горели каким-то сумасшедшим огнем.

Джоанна, раскрыв ридикюль, рванула из него печать, завернутую в тонкую свинцовую пластинку. Вдруг на нее напало дикое нежелание приближаться к самому большому, центральному телису, под который, как она знала, и было нужно положить печать. И тут она подумала, а вправе ли она совершать убийство? Ведь, убивая Сураклина, она одновременно убивает окончательно и Солтериса, и императора Херальда, и Гэри... Это же самое настоящее убийство!

Но ты пыталась убить Антрига, вдруг кольнула ее мысль, и девушка содрогнулась от ужаса, а там, наверху, умирает Керис, если уже не умер.

Вдруг Антриг рванулся к Джоанне. Глянув в его перепачканное кровью и грязью неестественно перекошенное лицо, девушка поняла, что Сураклин что-то похожее нашептывает и ему. Нет, так больше стоять нельзя.

Джоанна, решительно развернула печать, подошла к лежащему в узорчатых медных лапах треножника телису и положила печать под него.

Прекратившееся вытекание жизненной энергии было подобно удару по голове каким-нибудь предметом. Джоанна стояла, как оглушенная, сразу резко почувствовав запах пороха и крови Антрига. Холод пробирал прямо до костей. Телисы погасли, перестав испускать свое аквариумное мерцание, погасли и светившиеся дотоле на полу руны. Только красные и зеленые огоньки компьютера посверкивали, отчего по очкам Антрига бегали загадочные блики. Эти же блики плясали на висевшей на его груди медали. И тут вдруг девушка почувствовала, что воздух вокруг нее живой, он словно шептал ей, что нужно делать. Ну конечно, это наверняка работала какая-нибудь запасная батарея.

— Сколько это будет еще продолжаться? — спросила Джоанна Виндроуза, когда они пробирались через темноту, туда, где сияла оставленная Антригом метка.

— Батарея такой емкости может поддерживать компьютер в рабочем состоянии примерно день, — прошептал он. Девушка почувствовала, как содрогнулось его тело. — Но он будет продолжать вытягивать из батареи энергию для того, чтобы создать заклятья, которые зовут сюда помощников. И как только они придут, они все починят. И нам тогда

не спастись.

— Боже, — выдохнула девушка.

Антриг шатался, хоть он и был могущественным волшебником, может быть, даже единственным, кто умел создавать противозаклятья, но и его силы были почти исчерпаны. Удивляться было тут нечему, он сражался с Сураклином, а не с каким-нибудь Магистром Магусом.

— Но это не может продолжаться слишком долго, — рассуждала Джоанна, — ведь ты отсоединил все остальные запасные батареи. Значит, у него примерно еще час времени.

— Если он, конечно, до этого все-таки меня не прикончит, — грустно улыбнулся Антриг.

Когда они вышли из пузыря, то все подземелье оказалось кишачим чудовищами и разными тварями. К тому же было темно. Джоанна не видела тварей, но чувствовала, как они возятся и пищат.

— Антриг, ты можешь сделать тут свет? — простонала она.

Антриг покачал головой.

— Нет, не сейчас, — прохрипел он. — Джоанна, я не могу этого сделать. Он у меня в мозгу, он изводит меня своими заклятьями.

— Хорошо. Но постарайся просто не обращать на это внимания.

Джоанна нащупала засунутый за пояс фонарь. Тонкий луч света выхватил из темноты блестящую поверхность воды, и потом слизистый хвост чудища. Тварь с писком метнулась в темноту, пахло запахом разложения. Вдруг с боку послышался снова писк, но уже не такой. Посветив туда, девушка сдавленно вскрикнула — у стены буквально роились громадные крысы со слезящимися глазами. Она обратила внимание, что животы у этих грызунов какие-то вздутые. А под ногами кишели, уворачиваясь от света, крупные тараканы — тоже мутанты, размером с тарелку. Но теперь Джоанна даже не вскрикнула, этих тварей она видела еще в прошлый раз, когда они блуждали по подземному лабиринту. Впереди чернел подвал выхода куда-то, выхода в неизвестность.

— Нужно чем-то закрыть это, — прошептал Антриг, — заткнуть, запечатать.

Откуда-то сзади понеслось гроыхание, многократно усиленное акустикой сводчатого помещения. Джоанна с ужасом поняла, что заработала запасная батарея. Впрочем, ему это все равно не поможет. Только бы выбраться отсюда поскорее, пока это логово не рассыпалось в прах.

— Но чем же распугать этих тварей, — в отчаянии пробормотала девушка.

Раскрыв свой ридикюль, она лихорадочно стала шарить в нем. Выхватив помятые фотокопии, она вовсе скомкала их в большой шар. Хорошо еще, пронеслось к нее в голове, что спичек я захватила много. Поджигая смятые страницы, она разбрасывала их направо и налево, отпугивая осмелевших было тварей, которые снова брызнули во все стороны.

— Начинай наворачивать бумагу на палку, нужно сделать факел, — прохрипел Виндроуз, уже начиная делать это. — Нам бы только к двери прорваться.

— Но... там разве не опасно?

— Джоанна, поверь мне, — взмолился чародей, — я советую только то, что нам действительно нужно.

Джоанна не верила, но все же нырнула за ним в дыру провала. Затем им преградила путь массивная дверь, обитая кованым железом изнутри, а снаружи, как оказалось — медными полосками. Навешена дверь была на массивные железные петли, но открывалась при одном только прикосновении. На какое-то мгновение Джоанна остановилась на месте, прислушиваясь к доносящимся откуда-то сбоку шагам. Потом послышался лязг оружия, потом звуки падения многочисленных тел, потом снова этот ненавистный шепот.

Джоанна вопросительно посмотрела на Антрига, словно спрашивая, что делать теперь.

— Прикрой дверь, — ответил спокойно он. — С волшебством Сураклина еще не покончено.

Тем временем чудовища, воспользовавшись тем, что факел погас, снова стали насаждать.

Джоанна снова принялась судорожно чиркать спички и поджигать оставшуюся бумагу, швыряя горящие листы назад. Когда фотокопии кончились, настал черед записной книжки. В пока еще распахнутую дверь было видно и вход в пузырь, где стоял компьютер Темного Волшебника. И вдруг оттуда раздался дикий вой, словно сигнал тревоги, которым Сураклин созывал своих подручных. Рев был отчаянным, точно только теперь Сураклин почувствовал, что ему грозит. И от этого вопля чудовища заматались по проходу, сталкиваясь друг с другом. Крысы, скаля громадные желтые клыки, отвратительно пищали. Вдруг Джоанне показалось, что она слышит звуки каких-то тяжелых шагов. Антриг беспомощно прислонилась к стене, лицо его стало серым в свете горящей бумаги, видимо, силы совершенно оставили его.

Джоанна толкнула дверь, и она тихо закрылась. В эту же секунду удар страшной силы потряс все подземелье, с потолка посыпалась земля. Антриг, закрыв глаза, оперся на дверь и осел на землю. Его лицо исказилось нечеловеческой болью. Послышалось шипение, повалил дым, на полу заплясали язычки огня, который вдруг стал быстро расползаться. Джоанна метнулась к блестящему неподалеку подземному озерцу, вода в нем тоже дрожала, словно бы тут был ветер. И опять послышался писк крыс. Но это невозможно, пронеслась в ее голове отчаянная мысль, ведь крысы остались по ту сторону, а дверь захлопнули.

Джоанна вновь стала вырывать страницы из записной книжки, которых и так оставалось немного, она сворачивала новый факел. Пламя осветило невесть откуда появившихся здесь крыс. Увидев огонь грызуны с писком бросились в темноту. Только тогда девушка позволила себе перевести дух.

Но теперь появилась новая напасть — вода из подземного озерца переполняла берега, выходя уже туда, где на земле сидел бессознательный Виндроуз. Снова какая-то сила ударила в дверь и толстый стальной брус расщепился совсем недалеко от головы Виндроуза. И опять послышался писк крыс. Джоанна запалила сразу два факела, размахивая ими, точно регулировщик на дороге. Одна из крыс, размером с овчарку, остановилась и зашипела, явно не слишком пугаясь огня. Джоанну пронзила мысль, что чудовище сейчас прыгнет на нее, но ничего этого не случилось — крыса нехотя повернулась и юркнула в пролом в стене, махнув на прощание непомерно длинным хвостом.

При третьем ударе с двери посыпались медные полоски и щепки дерева. Конечно, подумала девушка, это Гэри там беснуется. Но думать было некогда, крыс сменило некое чудовище наподобие осьминога, только сухопутного. Протягивавшиеся к ним щупальца тут же отдергивались назад, как только Джоанна резко выставляла вперед руку с факелом. Но мысль о Гэри снова пришла девушке в голову. Конечно, там он безносый, с разможенной головой, с пустыми глазами, в которых светится только одно — преданность Сураклину.

Антриг протяжно застонал. В этот момент Джоанну пронзила резкая боль, она чувствовалась и в кишечнике, и в желудке, и в сердце, и даже в мозгу. А из пузыря, где стоял компьютер, уже неслась просто душераздирающий визг. К горлу девушки подступила тошнота, но она продолжала слабеющими руками поджигать бумагу и полоски ткани, которые отрывала от платья, и бросать в чудовищ, которые с воодушевлением смотрели на нее.

Вой из пузыря уже стал отчаянным. В двери заколотили быстро-быстро, уже не столь властно и требовательно, но еще достаточно авторитетно. Антриг забормотал что-то бессвязное, возможно, это были противозаклятья. Но надолго ли хватит у него сил? Вот уже из рта Виндроуза потекла тонкая струйка крови, видимо, Антриг уже поддавался силе компьютера. Вой из компьютерной комнаты перерос в тонкий визг. Этот визг перекрывал голоса, но их тоже можно было различить — испуганные, дрожащие. Причем некоторые голоса казались знакомыми. Но где она могла слышать эти голоса?

... Детка, ты ведь проедешь ко мне в гости на выходные, да? У меня есть новые компьютерные игры, такие клевые... А пиво — вообще закачаешься...

... Делай так, дитя мое, как твое сердце считает самым справедливым... Мне кажется, что из тебя получится более лучший лекарь, нежели воин...

... Мой отец даже слышать об этом не желает, но если ты скажешь, что Сураклин

действительно представляет серьезную опасность, то тогда, мой господин, великий Архимаг, я стану всецело помогать тебе...

И среди этих разных голосов звучал голос старика: «Я любил только тебя... только тебя... Но я и сейчас могу любить... Мне приятно ощутить на вкус вино жизни... Все это заключается в программе, которая будет жить вечно... Она уже сейчас живет, а потом... Вечно...»

Внезапно установившаяся мертвая тишина была подобно удару доской по голове. И что теперь? — подумала Джоанна с каким-то безразличием. Сквозь полуразбитую дверь был виден вход в пузырь, где в отдалении продолжали мерцать красные и зеленые глазки компьютера. Но телисы уже не светились, кода из подземного водоема снова стала медленно возвращаться в свои берега. Руки Джоанны механически все комкали и поджигали остатки записной книжки, но это было уже не нужно, так как чудовища со свистом и шипением исчезали в темноте. И вдруг ворота, ведущие в пузырь, совершенно исчезли из виду.

Послышался слабый, еле различимый голос Антрига:

— Вот и все,

Слабыми пока еще руками Антриг отодвинул запиравшие дверь засовы. Они вышли к свету; ни Антриг, ни Джоанна даже не оглянулись назад, где все трещало и ухало — компьютер явно исчерпал энергию запасной батареи.

Глава 18

Они нашли тело Кериса на том же месте где и оставили — футах в двадцати от края провала. Тело лежало в луже уже начинавшей засыхать крови. Джоанна порывисто встала на колени и схватила его руку, щупая пульс. Ей казалось, что сейчас Керис подаст хоть какой-нибудь слабый признак жизни. Поначалу она думала, что ее какая-то странная нечувствительность происходит из-за пережитого в подземелье, но потом осознала, что это просто результат потери большого количества жизненной энергии. В глубине души девушка понимала, что ее надежды тщетны, что Керис все-таки мертв. И глаза ее затуманились слезами, ей жалко было этого славного парня, жалко было, что они с Антригом оставили его наедине со смертью.

Впрочем, для него это был вполне закономерный финал — ведь, как известно, от послушника и требуется красиво пасть в битве.

Зимний день короток, путешественники заметили, как начало смеркаться. И без того хмурое небо стало темнеть, подул холодный ветер. Уже привыкнув к местному климату, Джоанна поняла, что скоро начнется снегопад.

Сзади раздались шаги. Этот звук был знаком, хрустеть так по подмерзшей грязи могли только башмаки Виндроуза. Антриг заботливо накинул на плечи девушки потерянный ею в пылу сражения полушубок. От усталости Виндроуз еле ноги передвигал, лицо его было перепачкано грязью и кровью. И двигался он уже совсем еле-еле, точно древний старик. Второй накидкой Виндроуз прикрыл тело Кериса.

— Надо рассказать обо всем Пелле, — сказала Джоанна, сама удивляясь, как отчужденно звучит ее голос.

— Думаю, что волшебники сами позаботятся об этом, — Антриг встал на колени рядом с Джоанной и откинул с холодного лба Кериса прядь светлых волос. — Тем более, что они скоро подоспеют сюда.

Слова застревали в горле девушки, но она все-таки выдавила:

— Тогда нам все-таки лучше уйти отсюда.

Она попыталась было подняться на ноги, то тут жесткая боль, словно молния, пронзила ее. Джоанна стиснула зубы, стараясь перебороть подступившие слезы и внезапную вялость. В чем же дело?

— Нужно уходить, — повторила девушка. — Они могут подумать, что вы с Сураклином уничтожили друг друга, и перестанут искать тебя.

Вдруг в воздухе раздался какой-то звонкий хлопок, эхо, словно какой-то невидимый великан из всех сил топнул ногой по земле. И Джоанна была готова поклясться чем угодно, что слышала какие-то далекие голоса. В страхе она схватила Антрига за руку. Из провала, из которого они поднялись, повалили столбы пыли и дыма, образуя в воздухе громадный гриб. Налетевший порыв ветра разогнал этот гриб.

— Ага, это пузырь, — тихо сказал Виндроуз. В свете угасающего дня лицо его было таким же мертвенно-бледным, как и лицо Кериса. — Он использовал остаток энергии, чтобы уничтожить себя самого. Значит, он все-таки вспомнил.

Хотя Джоанна все еще было под впечатлением сражения и смерти Кериса, она уловила в словах Антрига какое-то несоответствие.

— Что он должен был вспомнить? — удивленно спросила она.

— Почему ему так хотелось жить вечно? — вдруг по лицу чародея покатались слезы. — Главным для него было не «вечно жить». Жизнь заключается не только в слушании песен, но и в пении их, не обладание винным подвалом, но возможность пить это вино в кругу близких и друзей. Это возможность наблюдать, как восходит солнце, как наступает новый день. Может быть, он только сейчас понял, что превратился только в копию копии, ведь от его собственного естества ничего уже давно не осталось, кроме зла.

Сняв очки, Антриг принялся вытирать их краем накидки.

— А, может быть, он просто понял, как и я, что не сможет вечно просидеть в одном месте, в темноте и под замком.

Джоанна посмотрела в его печальные глаза, из которых еще продолжали литься слезы, и вдруг догадалась:

— Ты ведь все еще был привязан к нему, да?

Губы мага дернулись в жалкой улыбке.

— Да не то чтобы так, — пробормотал он, — но ведь и я все это время помнил... — тут он вздохнул и прижал руки к боку, в который стреляла Джоанна из пистолета.

Антриг осторожно взял Кериса за руку. Мертвые пальцы сжимали все то, что осталось от взорвавшегося пистолета. Антриг пытался освободить руку парня от этого железа, но тут из потревоженной раны хлынула кровь, уже мертвая кровь...

Глаза Джоанны снова наполнились слезами, и она как-то механически стала поглядывать на окружающие холмы. Из продолжавшего темнеть неба лениво посыпалась мелкая снежная крупа, ветер то и дело трепал ее волосы. Кругом пустынно, неуютно... Но девушка испытывала какое-то странное чувство точно за нею кто-то наблюдал.

— Антриг, — сказала она снова, — нам нельзя тут оставаться. Волшебники могут прибыть в любой момент.

— Я знаю, — отозвался маг. Он с трудом согнул руки Кериса и сложил их на его груди. — Я чувствую, как их умы уже работают. Они пытаются определить, где я, где мое волшебство. Но здесь же скрещиваются несколько энергетических линий, волшебства у меня уже не осталось, и потому отследить его просто невозможно.

Виндроуз замер, точно мобилизуя то, что осталось в нем из сил. Он застыл на месте. Джоанна даже не поняла, что все это значит. Только тогда, когда глаза чародея закрылись, и он привалился спиной к громадному камню, она поняла, что Антриг впал в бессознательное состояние, которое должно было излечить его.

Джоанна встала и молча смотрела на неподвижного Виндроуза, чувствуя, что и сама еле стоит на ногах. Постояв, она опустилась на обломок камня. Несмотря на теплый полушубок, бархатную одежду паж и фланелевую нижнюю рубашку, она почувствовала сильнейший холод. Руки вообще словно отмерзли, пальцы даже не чувствовались. Джоанна, чтобы хоть как-то согреться, взяла руки Виндроуза в свои. Ветер, стоная и ухая между холмами, то и дело осыпал ее снегом.

Потом установилась какая-то жуткая тишина. И тут случилось невероятное: веки Кериса дрогнули и медленно открылись.

Спустя два часа (это она проверила по электронным часам) Джоанну разбудил стук

конских копыт о камень. Уже полностью стемнело. Подняв голову, она заметила отливающие сталью копья и обнаженные мечи. Вооруженные до зубов гвардейцы охватили их аж двумя кольцами. Нет, это были не гвардейцы, а послушники. Чуть в стороне стояли с полдюжины коней, на их спинах сидели всадники. Одного Джоанна узнала сразу — это была госпожа Розамунд. В ее глазах настоящим огнем горела беспощадность.

— Знаешь, все это очень странно, — проговорил Антриг, разливая кипяток по стаканам, — есть на свете только два места, в которых я жил продолжительное время. Это, конечно же, цитадель нашего незабвенного Сураклина и Башня Тишины, в которой мы имеем честь находиться. Ребята, не хотите чаю? — невозмутимо обратился он к стоявшим в открытой настежь двери послушникам. Послушники переглянулись, и тот, что был постарше, точнее была — на страже стояла женщина — торопливо перекрестилась, показывая, что бдительности она все равно не потеряет.

Антриг вздохнул, пощупал рукой сломанное ребро и поставил чайник обратно на плиту. После чего, улыбаясь, поставил перед Джоанной чашку с чаем.

— В любом случае, они уже не наложат на меня печать Тьмы, — чародей пощупал оставшиеся от железного ошейника раны. — Кстати, ты не знаешь, как там Керис?

Джоанна мотнула головой, показывая полное свое неведение. Башня Тишины действовала на нее угнетающе даже изнутри, не то что снаружи. И хотя волшебники и церковные, и от Совета Кудесников, что круглосуточно охраняли Башню, относились к сидевшей в одиночной камере Джоанне с куда большим почтением, чем инквизиторы в прошлый раз, девушка была почему-то испугана сильнее. Возможно потому, что когда она была в плену у Костолома и его молодцев, она знала, что на свободе остаются еще Антриг и Керис, можно было положиться тогда и на Магистра Магуса — они могли помочь ей, и действительно помогли. А теперь надеяться было просто не на что.

Теперь же, безучастно наблюдая, как Виндроуз меряет шагами камеру, она подумала, что чувство безысходности происходит еще и из-за крайнего истощения, физического и морального, как ответная реакция на дикое перенапряжение предыдущих дней. Когда общение с Антригом заканчивалось, и Джоанну препровождали в ее камеру, она погружалась на все время в полусон, зная, что к моменту ее пробуждения запросто может оказаться так, что Антрига уже нет в живых. Она как-то подумала: не испытывает ли и Виндроуз такого состояния.

— Все, что я знаю, — отозвалась наконец Джоанна, — что он сейчас находится в Ларкморе. Говорят, что жить он будет.

Антриг поставил возле Джоанны колченогий побитый стул, сел на него и сжал своими костистыми пальцами ее руку. Комната, в которой раньше находился рабочий кабинет Антрига, теперь была превращена в камеру. Тут так и лежали нетронутыми горы его книг, разных приборов и приспособлений. Краем глаза Джоанна посмотрела на узкую кровать Антрига — она не была даже примята. Видимо, он по ночам не спал.

— Конечно, жить он будет, — проговорил Антриг тихо, — но вот только странно, что это вдруг они так любезно сообщают об этом?

— Говорят потому, что кое-кто из Совета Кудесников приказал сообщить вам это, — сказал резкий, холодный голос со стороны распахнутой двери.

Пленники быстро подняли головы. Одета во все красное в двери стояла госпожа Розамунд. Как всегда, ее лицо было каменно-непреступным. Замешкавшиеся часовые, которые тоже не заметили прибытия столь важной особы, низко поклонились и отступили в замешательстве в стороны. Розамунд махнула пренебрежительно рукой, и все стражники выскочили из комнаты, прикрыв за собой дверь. Хотя Джоанна была уверена, что они стоят, приложив уши к двери. И если их застукнут, пустятся врать, что просто ожидали вызова.

— И, как ты сам признался, Керис был ранен, когда попытался остановить тебя при покушении на жизнь его Высочества Регента. Неужели ты не читал?

— Да, читал, — вздохнул Виндроуз с усмешкой, отчего глаза волшебницы угрожающе сузились, — но только, по-моему, все это чепуха на постном масле, — тут глаза Антрига

встретились с испуганным взглядом Джоанны. — Я ничего не боюсь, — сказал он уже вызывающе и демонстративно показал Розамунд свои покалеченные пальцы. Тут он посмотрел на Джоанну. — Я же уже несколько раз повторил этим остолопам, что подпишу какие угодно их сочинения, если там будет сказано, что я вынудил тебя помогать мне силою своих заклятий, и потому с тебя взятки гладки. Они должны на это клянуть, ведь теперь я согласен подписать хоть что-то, а то ведь они раздавили мои пальцы в тисках как раз потому, что я отказывался подписывать любые бумаги.

Джоанна только открыла рот, собираясь опровергнуть такие наговоры, но рука Антрига запечатала ей рот.

— Джоанна, у нас нет ни единого доказательства. К тому же они просто не заинтересованы в том, чтобы верить нем. К тому же ты даже свои фотокопии сожгла. Впрочем, по-английски они все равно не понимают.

Осознав его правоту, Джоанна так ничего и не сказала. Оба пленника поднялись на ноги и заключили друг друга в объятия. Джоанна, прижимаясь щекой к грубой материи его профессорской мантии, почувствовала, как в ее глазах снова закипают слезы. На сей раз ей было ужасно обидно — пройти через схватку с Сураклином, и теперь навечно остаться в тюрьме средневековых мракобесов.

Кажется, на этом мое приключения и завершатся. В какой-то момент она подумала, что ей не только придется оправдываться, но и, возможно, разделить участь Антрига как его сообщницы. Впрочем, пока это по-настоящему не слишком волновало девушку. Ведь ее усталость, моральное истощение еще не прошли. Странно, подумала Джоанна, как мало ей сейчас нужно — только ощущать объятия его сильных рук, и даже не задумываться о собственном будущем, которое явно не обещало быть безоблачным.

— Минхирдин отправилась в Ларкмор, вместе с Исой Бел-Кейром, — раздался сзади спокойный голос Розамунд, — она везет с собой все твои признания и наше прошение о помиловании девушки. Я не знаю, что решит этот извращенец, но одно могу сказать точно, еще до прибытия сюда гонца от Регента палач предаст тебя смерти.

Джоанна почувствовала, как Антриг вздрогнул всем телом. Но чародей сумел сдержать свои эмоции.

— Спасибо, — прохрипел он. Розамунд, не слушая его, резко развернулась и вышла. И снова два послушника-стражника вошли в комнату и замерли у раскрытой двери.

— Но для чего вы оставили меня в живых?

Керис и сам поразился, как слабо звучал его голос. Да и говорил он медленно, покуда эти слова связывались в его горле из отдельных звуков, уже успели принести и поставить возле его кровати большое резное кресло. В окно было видно только затянутое тучами небо. В это кресло уселась старуха со включенными волосами. Спицы продолжали с молниеносной скоростью мелькать в ее руках.

— Ну что так сразу, — проговорила старуха.

— Что бы ты там не наговорила Регенту, ты же отлично знаешь, что я нарушил все данные Совету клятвы, — продолжал Керис, борясь с приступами слабости и сонливости, — может, я и смогу снова стать послушником, но доверия-то больше не будет. Как можно верить человеку, который уже однажды нарушил данное им слово. И я знаю, — пошевелил Керис раздробленной рукой, — что сломанные мечи Совету никогда не были нужны. Проще обзавестись новыми.

— Не говори глупостей, — старуха, прервав вязание, взглянула на внука Солтериса пронзительным взором выцветших глаз. — Все имеет свою цену в этом мире, даже сломанные мечи. Так ты нарушил данные тобой обеты по уважительной причине, я правильно тебя поняла?

— Достаточно.

Частично из-за слабости, частично просто из-за установившегося безразличия ко всему, Керис говорил вполголоса, даже не заботясь о том, чтобы слова его звучали убедительно или хотя бы внятно.

— Я знала его, — слышалось бормотание старухи, — конечно не так хорошо, но все же лучше, чем другие. Хотя, конечно, лучше этого бедного парня его никто не знал. Знала я и твоего деда, и Императора. Кстати, Харальд тогда был только принцем, наследником престола. Эх, если бы ты только знал, какой он был красавец. Я разговаривала с Антригом, когда они заставили его подписать все бумаги. Это было сегодня ночью... Конечно, он мошенник, клятвопреступник, безумец... Да, самый настоящий сумасшедший. Но я... я знала их всех, — глаза Минхирдин вдруг просветлели. — Дитя мое, делай так, как я тебе говорю. И тогда облегчится ноша твоя.

— Но для чего? — в отчаянии зашептал Керис. — Жить так, калекой? Волшебника из меня все равно не получилось, теперь я и меч-то держать как следует не смогу в руках. Кому нужен ущербный?

— Не нужно быть волшебником, никто не заставляет тебя быть воином, будь самым обычным человеком, — спицы снова молниеносно замелькали в ее руках, — неужели быть человеком так сложно?

— Да, — тихо сказал послушник.

— Ты что же, по-прежнему продолжаешь считать себя послушником Совета?

Иногда тетка Мин напоминала Керису о старой загадке-считалке, которая была популярна у послушников в школе. Смысл нехитрой рифмы состоял в том, что даже безобидной булавкой можно пустить кровь человеку. Помолчав, Керис выдавил из себя:

— Но я поклялся быть послушником, Хранить верность Совету до конца своих дней. Но теперь я даже не знаю...

Минхирдин ничего не ответила. Только тоненько позванивали спицы, и Кериса снова потянуло в сон.

Некоторое время он лежал просто так, молча, уставясь в кедровую обшивку потолка. В голове молодого человека проносились разные памятные сцены и события из его жизни. Он понимал, что теперь тоже должен сделать какой-то выбор, хотя ему показалось, что никакого выбора у него просто нет.

И вдруг онемение, которое уже несколько недель сковывало его душу, прорвалось, как лед на реке весной, и душа Кериса наполнилась обидой. Он даже и сам не понимал, чего ему так жаль — то ли того, что он затратил столько усилий, но все равно не стал волшебником, то ли чего-то еще. В возрасте шестнадцати лет он вроде избавил себя от этой неопределенности, дав обет на верность Совету, который должен был за него решать, что делать. Казалось, он был навсегда избавлен от мучительности выбора. Но, как теперь понимал внук Архимага, эта мучительность вернулась вновь. И тем сильнее была боль, чем меньше опыта у него было в принятии самостоятельных решений.

Неожиданно для себя Керис заплакал. Если раньше он плакал слезами сожаления по смерти деда, то теперь это были слезы мук, бессилия. Прежде такие душевные муки были совершенно неведомы ему. Керис был послушником, а от послушников и ждут, что он завершит свою жизнь, став непригодным — точно так же приканчивают бойцового петуха, когда он становится старым или калекой и больше не может развлекать публику и приносить своему хозяину барыши.

Но все же...

Керис словно почувствовал запах, исходивший из сумки с разными лечебными травами Антрига. Сумка эта, как и целая куча других вещей, осталась в заброшенной часовне на берегу речки Глидден. Он вспомнил, как Виндроуз терпеливо, как равному, объяснял ему свойства волшебных трав. А потом Керис вспомнил, как и сам помог дать жизнь новому человеку.

Керис периодически засыпал, потом просыпался, думал о пережитом и снова засыпал. Утро сменялось днем, день вечером. За окнами снова стало темно. Время от времени он даже ощущал тельце болонки Киши доверчиво прижимается к нему, которая лежала молча, словно понимала, как тяжело ему. И вдруг, проснувшись в очередной раз, Керис почувствовал ладонь Пеллы на своем жарком лбу. Да, это была она.

— Я так и думал, что ты здесь, — раздался тихий голос Фароса.

Пелла от неожиданности вздрогнула, но руки не убрала.

— Я просто подумал, моя принцесса, что тебе нужно знать, что Леннарт и в самом деле тяжело болен, — сказал Регент. — С ним там сейчас один волшебник. В общем, получается, что вы спасли мне жизнь.

Керис почувствовал, как Пеллицида сделала глубокий вдох — она хотела что-то сказать в ответ, но заколебалась. Наконец, она вымолвила неуверенно:

— Фарос, мне и в самом деле жаль, что с Леннартом случилось это...

Фарос хмыкнул. Вдруг он топнул подкованными каблучками своих башмаков по драгоценному паркету комнаты. Это было тем более странно, что Керис знал, как тихо ходит Регент. Фарос же сказал жестко:

— Этот Леннарт. Надоедливый щенок. Говорят, что он выживет. Впрочем, красоты ему уж точно не вернешь. Я не стану больше его держать возле себя. Хотя, думаю, в награду за преданность я отсыплю ему денег. Может быть, стоит даже назначить ему ренту...

— но ведь все это он делал только из любви к тебе, — жестко сказала Пелла.

— Из любви ко мне позволил одурачить себя? Как можно быть таким растяпой, а? Пытался взять меня волшебством, в котором не смыслил ни уха, ни рыла. Он просто развесил уши, даже не зная, кто дает ему советы. Ему нужно было только одно. Эта твоя болонка, похожая на крысу, и то кажется куда достойнее его. По крайней мере, у нее есть чувство собственного достоинства и храбрость.

— Но это еще не повод быть таким жестоким.

— Пеллицида... — Керис впервые слышал, что Регент обратился к девушке по имени, — у меня действительно не было повода быть жестким по отношению к тебе. Но я думаю, что мы оба пострадали. Извини меня, — голос принца звучал вполне искренне. — Ты вовсе не обязана была спасать мне жизнь. Каннер получает за это бешеные деньги. Я вообще люблю издеваться над слабыми, такая у меня плохая привычка, как и та, когда я начинаю грызть ногти. Я постараюсь теперь относиться к тебе достойно. Ведь у тебя были все основания желать моей смерти. Скажи только, этот парень... Он твой избранник?

— Нет, — пальцы Пеллы сильно сжали руку Кериса, — никто из нас не желал твоей смерти.

— Ага, — протянул принц, и по тому, как он вздохнул, Керис понял, что и до него дошел смысл особой интонации при слове «нас». — Мне сразу тогда показалось, что это не мой человек, хотя на нем была форма моего гвардейца. — Вдруг голос Регента стал совсем тихим, даже робким.

— Скажи, правда ли то, что ты ждешь ребенка?

Керис услышал только шелест волос, она, должно быть, кивнула головой.

— Это... мой ребенок?

— Да.

Керис открыл глаза и увидел их обоих — Фароса, который превратился словно в соляной столб и Пеллу, которая выглядела очень молодой и бойкой, как тогда, в короткой схватке с Леннартом — это было лицо воительницы, которая к тому же чувствует себя королевой.

— Даже жаль как-то, — проговорил Фарос криво, — я ведь самодовольный дурак, безумец, меня за спиной даже садистом величают. Я совсем не похож на человека, который должен продолжить нашу древнюю династию. Но я иногда все-таки могу замечать хорошее... И отвечать добром на добро...

Принц еще долго смотрел на девушку, дух которой ему так и не удалось сломить и взгляд его, которым Фарос смотрел на мир, казалось, немного смягчился, как смягчился тогда, в поместье.

— Ну что же, — произнес Регент, — видит Бог, что женщины не интересуют меня кроме случая, когда мне нужен становится наследник. Чисто природная функция. Потому у меня будет к тебе одно единственное требование — воспитать этого ребенка и тех детей,

которые могут появиться в будущем, чтобы они росли на благо империи. Ты должна чувствовать ответственность за эту страну, — слегка наклонившись, Фарос поцеловал девушке руку и, круто повернувшись, направился к двери.

— Фарос, — воскликнула Пелла.

— Да? — удивленно обернулся тот.

— А Антриг и Джоанна, как же быть с ними?

Принц задумался, и в глазах снова замелькали огоньки подозрительности.

— Они предали меня, — сказал наконец Регент злобно, — оба.

— Но ведь они пытались...

— Я уже получил с гонцом все признания Виндроуза, — неожиданно резко оборвал Фарос жену. — Эта же самая бумага оправдывает этого твоего... друга, — принц указал на лежащего в беспамятстве Кериса. — Тебе бы лучше не соваться в это дело. К тому же гонец уже отправился в Башню Тишины. Приговор, который я им вынес, приведут в исполнение завтра утром.

— Им? — возразила резко Пелла. — Но только ведь Джоанна, она...

— Перестань, — миниатюрная рука мелькнула в воздухе. — Я же сказал: не суйся не в свое дело. Впрочем, если уж ты так переживаешь, скажу, что ей ничего не грозит. Просто посадят в тюрьму. Это не смертельно.

Но Керис, который как раз в этот момент очнулся, сразу уловил в голосе Регента фальшивые нотки.

— Нет, — закричала Пелла. — Нет!

Джоанна слышала рев бушевавшей за толстыми стенами Башни Тишины бури. Антриг как-то сказал, что в Башне и летом не слишком тепло, а сейчас холод был просто жуткий — все тепло выходило через какие-то невидимые глазу вентиляционные отверстия. Джоанна и Виндроуз сидели возле очага, укрывшись накидкой и одеялом. У входа стояли часовые, которые и сами стучали зубами от холода. Когда Антриг обратился к ним с просьбой дать еще одно одеяло, стражники резко отвергли ее.

О чем они только не говорили за это время — о Калифорнии, о Меллидэйне, о родной деревне Антрига, потерявшей где-то в бескрайних просторах Сикерста, откуда его ребенком забрал Сураклин, о звездных войнах и различных типах магии, о возможном заключении Джоанны под стражу на неопределенное время.

— Я сделал все, что мог, — говорил чародей, обнимая Джоанну за плечи. — К сожалению, это как мне всегда не слишком удавалось. Я не мог бросить в беде Кериса, и если бы я велел тебе бежать подальше, далеко ты все равно не ушла бы. Совет быстро бы тебя схватил. К тому же вокруг все еще бродят чудовища Сураклина.

— А я никуда все равно не ушла бы, — сказала девушка, кладя ему голову на плечо.

— Эх. Джоанна, — маг еще крепче обнял ее. — Я все старался по мере возможности не вмешивать тебя в это. Впервые в жизни получилось так, что мои друзья пострадали из-за меня же. Но я все это время чувствовал, как ты нужна мне...

— Ха-ха, я часто слышала, что специалисты по компьютерам всем нужны.

— Да нет, я не это имею в виду, — рассмеялся Виндроуз, глядя ей в глаза.

Джоанна почувствовала, как слезы опять наворачиваются на ее глаза. Она вдруг подумала, как долго ее могут держать здесь, ведь она и так загостилась в этом мире, пора уже обратно, в свою Калифорнию. Та жизнь казалась теперь какой-то далекой и нереальной. Одна мысль о возможности одиночного заключения, да еще в этой Башне, приводила ее в сильнейший ужас. Но еще больше ужасало ее то, что Антриг неминуемо должен был умереть. И даже неизвестно, когда именно.

Она несколько месяцев боролась с хандрой и унынием, спокойствие и жизнерадостность Виндроуза очень ей в этом помогали. Но время от времени до нее долетали шепот охранявших камеры послушников Церкви. Ничего хорошего их слова не предвещали. И сегодня она уже определенно знала, что через день Антрига на свете не будет.

И она уже никогда не увидит его.

Разве что, в сновидениях. Но это было больно уж слабым утешением.

Вдруг сквозь вой ветра прорвался голос госпожи Розамунд. Та говорила негодуя:

— Что за вздор. Регент не собирался отпускать ее на волю, и всем это доподлинно известно. С чего это вдруг такой поворот?

А затем послышался еле-еле скрипучий голос Минхирдин Правдивой:

— Вздор? Вздор! Откуда тебе знать о планах Регента? Или так, чего это ты вдруг стала интересоваться ими. Мало ли что в голове у него, он каждый день носится с экстравагантными идеями.

И тут обе женщины — величественная матрона и согбенная старуха — появились в дверном проходе. Розамунд кивком головы отправила стражников вверх. Минхирдин же, вглядываясь острым глазом в лицо Розамунд, вдруг выпалила:

— Или тебя в самом деле так интересуют планы Регента?

— С какой стати, вовсе нет, — запротестовала женщина взволнованно,

— но идти вот так вот против его воли. Они же в порошок сотрут.

— Его воля еще неизвестна, гонец не прибыл, — сказала тетка Мин, потирая занывшую спину, — откуда нам знать его намерения? Ты посмотри, какая буря, конечно, гонец опоздает.

Джоанна обратила внимание, что вся накидка старухи была присыпана снегом, который начал съезживаться и таять даже от столь неуволнимого тепла. Сняв длинные до локтя вязанные перчатки, старуха снова вынула из глубокого кармана вязание и спицы замелькали в ее руках со все той же молниеносной скоростью.

— Когда я посмотрела сегодня на небо, — выдавила Розамунд, и глаза ее блеснули подозрением, — что-то я там не заметила никаких признаков бури. Скажи, откуда бы ей взяться? Разве только, она кому-то понадобилась.

— Значит, неверно отгадала. Ничего, попрактикуешься будешь верно предсказывать погоду, — подал голос Антриг, при этом он говорил иронично, словно не он, а кто-то другой должен был идти завтра на смерть.

Джоанна с трудом удержалась, чтобы не расхохотаться, а глаза Розамунд блеснули ненавистью.

Не обращая на это никакого внимания, Минхирдин невозмутимо продолжала:

— Но куда никаких распоряжений мы еще не получили, то будь добра, отправляйся и принеси то, о чем я тебя попросила.

— Но ведь у нас нет никакого права...

Старуха, которая была всегда согбенной, скрюченной, неожиданно выпрямилась: она оказалась чуть-чуть ниже Джоанны. И Джоанна, глядя в лицо Минхирдин, обрамленное включенными седыми волосами, вдруг поняла, почему та получила прозвище Правдивая. И голос ее звучал уже по-иному. Это не было старческим шамканьем, а вполне властным приказом:

— Я теперь Архимаг. И уж на это я имею право.

От волнения старуха растеряла свои спицы, и Розамунд поспешно наклонилась, чтобы подобрать вязание. Но Минхирдин легким движением руки отстранила ее.

— Нет, Роза. Пусть все будет так, как я сказала. Ступай же.

Розамунд резко развернулась и, шурша негодуя черным шелком платья с глухим воротником, стала спускаться вниз по лестнице. Тут Антриг и Джоанна, словно опомнившись, повскакивали со своих мест и разом потянулись за все еще валявшимися на полу спицами.

— Спасибо, — поблагодарила старуха, втыкая спицы как попало в клубок и убирая все это в висевший на поясе мешочек, — спасибо вам, дорогие мои.

Тетке Мин пришлось распрямить спину еще сильнее, чтобы поднять голову и поглядеть Виндроузу в глаза. Затем она, дотронувшись до его искаленной руки, тихо сказала:

— Ты всегда был примерным мальчиком.

Антриг улыбнулся и вытянул руку, чтобы помочь старой женщине усесться в кресло.

— Нет, — сказал он с сожалением, — но мне только хотелось быть таким. Я так и не поблагодарил тебя за твоё заступничество, когда они летом снова приволокли меня в Башню.

— Приволокли, чтобы прозевать тебя снова, — Мин игриво прищелкнула языком. — Я ведь отлично знала его... этого твоего Сураклина. Я их всех знала и знаю.

— Это уж я помню, — улыбнулся Антриг. — Я помню, как ты шарахнула его метлой по спине. Это мне врезалось в память. Я тогда был просто потрясен.

Старуха рассмеялась дробным смешком и глаза ее потеплели. Затем, вздохнув, она вымолвила:

— И всего этого никогда больше не будет.

— Я понимаю тебя, — тихо сказал Антриг, и на его щеке покраснели рубцы, оставленные кованым ошейником с печатью. — Но я прошу тебя, убеди их отпустить отсюда Джоанну. Она тут вообще ни при чем.

— Поскольку относительно Джоанны от Регента еще не поступило никаких распоряжений, — сказала Минхирдин, — то я, как Архимаг, думаю, что самый лучший выход, доставить ее туда, откуда она пришла к нам. В тот сарай, где стоит метка Сураклина. У нее есть свой мир, и ей нечего делать в нашем.

Джоанна ощутила сначала прикосновение пальцев Антрига к своей щеке, а потом его горячее:

— Спасибо тебе.

Джоанна заглянула было в лицо Виндроузу, но тот слишком поспешно отвел глаза и устался на дверь. И выражение его лица неожиданно изменилось. Джоанна посмотрела тоже на дверь и увидела стоявшую там безмолвно Розамунд. По ней было видно, что ей явно не по душе предложение тетки Мин. Джоанна заметила, что женщина держит в руках чашу, сделанную из оплавленного и золото рога.

Тетка Мин тоже увидела Розамунд и удовлетворенно кивнула головой.

— Поставь ее туда, поставь, милая, — кивнула Мин в сторону небольшого столика. Она снова уронила на пол вязание, которое она незаметно успела вытащить из мешочка. Антриг дернулся было, чтобы поднять клубок и спицы, но Архимаг остановила его. — И Роза, я тебя прошу, ты знаешь, что это яд. Так что будь осторожна.

Розамунд, надменная холеная красавица, неодобрительно хмыкнула, поставила сосуд на стол и снова вышла из комнаты. Тетка Мин взяла вязание из рук все-таки поднявшего его Антрига.

— Ты знаешь, — сказала она, — что для тебя ничего нельзя уже сделать. Ведь смертный приговор тебе был вынесен еще давно, и его никто не отменял.

Джоанна вспомнила, как Антриг на днях вспоминал принятые тут казни

— повешение, колесование, четвертование и побитие камнями. Он был вешуном.

— Я знаю это, — прошептал Виндроуз.

— Извини меня, — пролепетала старуха.

Антриг только кивнул и стиснул руку старой женщины, которая отвернулась.

Джоанна, все еще не в силах поверить в услышанное, схватила Антрига за рукав. Ей показалось, что земля начинает уходить у нее из-под ног.

— Я думаю, что тебе пора отправляться в путь, дорогая моя, — рука Минхирдин легла на руку Джоанны. — Эта буря не будет длиться очень долго, имей это в виду.

И тут девушка обо всем догадалась, но Мин словно не заметила этого.

— Ведь даже мы не в состоянии предсказать, с чем гонец пожелает сюда и даже когда именно. Но когда он будет тут, мы уже не сможем не исполнять решения Регента.

Джоанна затрясла головой, словно пытаясь отделаться от наваждения. Она хотела что-то сказать, протестовать, даже закричать, но не успела, Антриг припал к ее губам. Его сильные руки схватили талию девушки.

— Ну что же, любовь моя, — проговорил Виндроуз.

Все было как-то странно, словно во сне.

Тетка Мин взяла Джоанну за руку и повела ко входу, где уже стояла в ожидании Розамунд. Джоанну повели от Башни, чтобы Антриг, по-видимому, тоже не сумел воспользоваться открывшимся проходом в иной мир и не ускользнул. Уходя, Джоанна в последний раз обернулась и поглядела на дверь, ведущую в Башню. На толстых дубовых досках налип мокрый снег. Это было последнее, что видела девушка.

Она все еще прокручивала в мыслях картину, когда уходила прочь от Башни — они выходят их комнаты, а Антриг с мертвенно-бледным лицом держит в руках ту самую чашу из рога. Мин потянула ее вниз, по лестнице, но Джоанна видела, как Виндроуз одним глотком осушил чашу и поставил ее на стол трясущимися пальцами. Затем он прихрамывая, подошел к своей кровати, лег и отвернулся лицом к стене. И потом закрылась облепленная снегом дверь...

Глава 19

Стоял январь месяц, и ветры со стороны Санта Анны беспрерывно обдували Лос-Анджелес. После суровой зимы Сикерста мягкая американская зима показалась Джоанне просто адским пеклом. Вернувшись, она постоянно ощущала какой-то дискомфорт. А потом, когда она впервые после столь большого перерыва пришла на работу и шагнула в вертящиеся стеклянные двери блока номер шесть, то ее словно передернуло.

Конечно, ведь Антрига больше не было на свете.

Джоанна была слишком молода, чтобы привыкнуть терять близких людей. И теперь она постоянно ощущала внутреннюю пустоту, словно она потеряла не одного Виндроуза, а всю жизнь, и теперь перед нею была неизвестность. До этого она просто не подозревала, что потеря близкого человека может все так перевернуть.

Девушка молча спускалась по узким неудобным ступеням, думая о том, что еще дешево отделалась. Чего ей только не пришлось пережить: и постоянный страх перед Сураклином, и ужас при переходе Пустоты в обратном направлении, только уже без провожатых, и боязнь неизвестности, и сознание того, что Антрига она больше никогда не увидит. Ей хотелось надеяться, что Виндроузу удалось все-таки каким-то образом остаться в живых, но нереальными вещами она была сыта по горло. Но именно этот страх не давал ей размышлять над тем, что ожидало Джоанну по возвращении. В любом случае, вести привычный образ жизни она уже не сможет.

Что же будет теперь?

Когда дули ветры со стороны Санта-Аны, то казалось, будто смог не имеет к Лос-Анджелесу никакого отношения. Вокруг бетонных зданий-монстров сан-серанского комплекса простиралась холмистая местность, и небо было почти безоблачным. Джоанна была легко одета, и поэтому сразу стала поеживаться под холодным ветром. Джоанна вдруг с грустью подумала, что долгое пребывание на трескучих сикерстских морозах несколько не приучило ее стойко переносить холод. Девушка решительно поправила на ее плече многострадальный кошелек-ридикюль, вдруг осознавая, что он далеко не столь тяжел, как во время ее путешествия. Уже было больше шести часов вечера, и потому все прочие сотрудники сан-серанского комплекса давно разъехались по домам. Джоанна осталась точно также, как она оставалась уже две ночи подряд. Частично это было продиктовано накопившимся объемом работы, так что теперь нужно было изрядно попотеть, чтобы загладить свою вину перед начальством, ведь этим боссам не нравится слишком уж продолжительные отлучки без уважительной причины. К тому же объяснять им все как было только подвергать себя риску быть направленным на психиатрическое обследование. Но главной причиной столь неурочной работы было нежелание возвращаться домой и видеть пустые комнаты, одиночество теперь было особенно болезненным.

И снова мысли Джоанны возвращались к недавно пережитому. Вокруг Ларкмора сейчас наверняка уже лежит глубокий снег. Тетка Мин сказала, что теперь-то Керис и Пелла точно будут вместе — никто не станет чинить им препятствий. Интересно, как сейчас

чувствует себя Пелла, как Керис — привыкает ли к новой жизни, которую, можно сказать, подарил ему на прощание Антриг. Кстати, было бы также интересно узнать, смог ли Магистр Магус избавиться от положения раба Сураклина, в которое вверг его слишком развитый инстинкт самосохранения. Сердик, наверное, помог Магистру вернуть назад его роскошный дом. В приемной, отделанной в розово-черные тона, наверняка снова толпятся знатные женщины, готовые платить бешеные деньги за несколько весьма туманных намеков.

Всего этого, конечно, ей уже не суждено узнать. Словно бы и все эти люди, подобно Антригу, были уже мертвы. И когда Джоанна думала об этом, то ей становилось совсем тоскливо.

Когда она рассказывала о пережитом Рут, та как будто бы в основном верила ей. Тогда, после прибытия в свой мир, Джоанна прямо с бензоколонки позвонила Рут домой и попросила забрать ее. Всю дорогу Рут не проронила ни слова, только время от времени бросала на нее украдкой полные любопытства взгляды. Джоанна скорчилась в углу машины, одетая в зеленые бархатные бриджи пажа, уже изрядно успевшие обтрепаться, нескладное крестьянское одеяние. Странный наряд дополняли типично средневековые башмаки, что выглядит по меньшей мере странно, не говоря уже о том, что она здорово похудела за все эти дни. В самый первый день Рут ни на минуту не отходила от нее и вообще просто в рот глядела.

Джоанна понимала, что непременно последуют расспросы на работе. И что она тогда будет рассказывать? Все равно у нее не было никаких доказательств.

Коллеги по службе смотрели на нее весьма странно, но как-то сочувствующе. Видя, что Джоанна не спешит распространяться о своем исчезновении и столь же внезапном появлении, они не стали досаждать ей расспросами.

Постепенно девушка стала возвращаться и привыкать уже к порядком забытому стилю жизни — к вождению автомобиля, к внимательности на дорогах, к душе два раза в день, к постоянному шуму вокруг себя. Станным было иметь свою квартиру, свои вещи, которые не умещались в одном только ридикюле, не ощущать постоянной необходимости выдвигаться в путь после короткого отдыха. Не нужно было дрожать при мысли о возможном плене.

Но теперь и та жизнь, которую она вела в ином мире, казалась чужой. Словно бы не Джоанна, а кто-то иной был там, а потом ярко и образно все рассказал.

Но Антриг был мертв.

Был мертв и Гэри, вдруг вспомнила девушка, проходя по парковочной стоянке.

Нужно пережить это, это все забудется, постоянно повторяла она себе, ложась спать и выключая свет, когда мысли о пережитом нападали на нее с особой силой, ведь не на всю же оставшуюся жизнь мне хватит этих впечатлений. Потом все забудется.

Но Джоанна не хотела верить самой себе. Вдруг она почувствовала какой-то прилив симпатии, даже сочувствия к Сураклину. И только тут Джоанна поняла почему, ведь и в самом деле было неплохо запрограммировать себя, стать компьютером и ничего не чувствовать.

Девушка резко вскинула голову и направилась к одиноко стоявшему на площадке своему голубому «Мустангу». Свет фонаря серебрил голубую эмаль машины.

И вдруг Джоанну бросило в жар — кто-то сидел, скрестив ноги, прямо на откидывавшейся кожаной крыше ее машины.

Девушка сразу остановилась — она жалела, что в ее руке сейчас не было заветного молотка, или, что еще лучше, какого-нибудь средневекового кремневого пистолета. Как-никак, а практика в стрельбе у нее уже есть, и практика довольно неплохая. Неужели это какой-нибудь грабитель, или маньяк? Впрочем, после Сураклина и Инквизиции современные любители острых ощущений не казались Джоанне столь уж опасными. Ведь с ними можно по крайней мере договориться. И тут незнакомец повернул голову.

Сверкнули линзы его очков, свет фонаря осветил ворот его рубашки. У Джоанны аж дух перехватило, когда она подумала: «Только без паники. Конечно, первое предположение

быть верным никак не может. Но кто бы это в таком случае ни был, нужно прикончить его».

Оставшиеся метров двадцать она проходила замедляющимся шагом.

Человек вдруг распрямил длинные ноги, обтянутые потрепанными джинсами, и встал во весь рост.

Свет отражался на треснувших линзах очков и еще одном украшении, которого Джоанна прежде не заметила — большой золотой медали, что висела у человека на груди. И еще одна вещь поразила ее — повязка на руке, как раз в том месте, куда угодила пуля Сураклина.

— Джоанна?

Руки девушки стиснули его тело, когда она даже не сообразила, что сломанное ребро наверняка еще не зажило. Под рубашкой прощупывалась еще одна повязка. Ну конечно, все сходится. Даже если это не сон, пронеслось в голове девушки, пока руки человека сошлись на ее обожженной спине, которая еще побаливала, то сон этот весьма и весьма правдоподобный. Тут он приподнял Джоанну в воздух и закружил ее...

Когда наконец с объятиями и поцелуями было покончено, она спросила несмело:

— Ну, и как...

— Я не стану сидеть на твоей шее, — отозвался он с улыбкой. — Если чародей вдруг останется не у дел, то найти новую работу не проблема для него.

Джоанна снова впиалась поцелуем в его губы, при этом ей пришлось встать на цыпочки. Именно это несоответствие в росте подсказало ей, что это никакой не сон. Вдруг он застонал, видимо, Джоанна случайно все-таки задела за сломанное ребро. Но тут же ахнула и девушка.

— Извини, — пробормотал он, — я совсем забыл, что твоя спина не зажила.

Тут его взгляд прошелся по пустынной парковочной площадке.

— Они что, оставили тебя на ночную работу в наказание за прогулы?

Видимо, смекнула Джоанна, он просидел на крыше «Мустанга» по меньшей мере час. Наверное, наблюдал за закатом. А ее все не было. Кстати, одет он был как и при первой из встрече — в голубые джинсы, рубашку, легкие башмаки. Но он явно не страдал от холода — как и Джоанна, ведь они знали погоду и посуровее. А теперь...

— Да нет, что ты. Просто мне нужно было кое-что доделать, — Джоанна помолчала, а потом продолжила: — Но вообще-то я тебе соврала. Просто не хотелось ехать домой, чтобы чувствовать себя одной.

— Вот как, — тихо сказал он. Несколько минут было тихо, они стояли, не в силах проронить ни слова.

— Вообще-то мне не стоит, наверное, всему этому удивляться, — пробормотала Джоанна, все еще не в силах поверить, что это не сон.

— Такой ответ делает тебе честь, право слово. Я сам даже не могу до сих пор поверить в то, что еще остался жив. Просто ума не приложу, как это случилось.

— А никуда не нужно прикладывать свой ум, пусть он останется с тобой, — рассмеялась девушка, — но я догадываюсь, что церковники просто слишком далеко отошли от Башни, когда выпроваживали меня домой? Или, наоборот, они сделали это слишком близко?

— Нет, — покачал головой Антриг, — ни то и ни другое. Просто счастливое стечение обстоятельств, везение, которое пришло как никогда вовремя.

— Неужели Сердик обзавелся и подросел в последний момент? Или тетка Мин как-то помогла?

Усмехнувшись, Виндроуз опять замотал головой.

— Вообще-то я должен признать, что тетка Мин все-таки не слишком умело притворялась спящей, когда была ее очередь сторожить меня в ту ночь, — Антриг потер ладони друг о друга, — нет, просто это случайное стечение обстоятельств, — наконец, видя нетерпение Джоанны, Виндроуз вдруг выпалил: — Не поверишь, но спас меня Бог Мертвых.

Значит, техник, подумала Джоанна, или ученый. Она вспомнила зловонную кучу плоти

и костей, взятых от разных жертв, которая населяла церковь. Тут вдруг она подумала, не стремился ли Бог Мертвых из кусков тел своих жертв создать потерянный им было плотский образ?

Антриг снова мотнул головой, и линзы его очков загадочно блеснули уже в который раз.

— Ты знаешь, что он занимался общей теорией мироздания, — сказал Виндроуз, — это-то его как раз и сгубило. Просто он увидел, как открылись ворота в Пустоту. Скажи, что бы сделал обычный человек, увидев нечто подобное? Правильно, помчался бы без оглядки. Но от ученого этого не дождешься, вот он и полез в Пустоту. В общем, он прошел через Пустоту в другой мир и обратно. Он понял, как она открывается и начал проделывать с нею разные эксперименты. В общем, он как раз оказался снова неподалеку от меня, когда Совет послал тебя через Пустоту. Он владеет основами телепатии, и потому смог прочесть твои мысли, как и мои, ему даже печать не помешала. Он понял, что тебя не просто отправили назад, а даже под конвоем и против твоей воли. В общем, он определил, где ты находишься, а затем обнаружил меня. Остальное было уже намного проще.

Виндроуз замолчал и уставился в сторону, словно стараясь вспомнить, чего он недосказал.

— А я уже принял тогда яд, — продолжал Антриг. — Совет предполагал, что за весть принесет гонец от Фароса, и потому они решили сделать все, чтобы как-то облегчить мою участь. А Бог Мертвых, впрочем, он сказал мне свое настоящее имя, но сейчас это не столь важно, как раз работал над созданием машины, которая бы сама открывала и закрывала ворота в Пустоту. Но пока что машина делала только пробные операции, ни в чем он уверен не был. Когда он все-таки воспользовался машиной и пришел ко мне, он подвергал себя громадному риску. Если бы тетка Мин все-таки проснулась, то она бы просто захлопнула эти ворота, и он остался бы в том мире. И уничтожить его не составило бы тогда никакой трудности. Но тетка Мин решила все-таки изображать из себя спящую.

— Я знала их обоих, — так сказала Минхирдин Правдивая. Она и в самом деле не лгала, она оставалась единственной, кто при жизни знал одновременно и Сураклина, и Солтериса.

Джоанна осторожно прикоснулась к руке Виндроуза.

— С тобой сейчас все в порядке? — спросила она, и поняла, что голос ее звучит непривычно тихо. Это, впрочем, можно было понять, ведь все ее мысли сейчас были в другом мире, в Башни Тишины, где на каменном полу лежал Виндроуз, уже приготовившийся к смерти.

Он ответил таким же осторожным прикосновением:

— Понятно, что я и сам удивился его приходу. Так неожиданно это случилось. Я и понятия не имел, что он такой сентиментальный, что у него тоже есть понятие чести. Или что там еще им двигало. Я уже был без сознания, и потому не помню, как он тащил меня в свой мир, как я потом дышал искусственным воздухом, пока он несколько дней выводил из моего организма яд. А потом я пришел сюда.

Обняв девушку, Виндроуз поцеловал ее в губы.

— Нет, полущутя полусерьезно пробормотал он. — Тебе все-таки нужно делать что-то с твоим ростом.

— Уж постараюсь, — отозвалась она со смехом, тоже целуя Антрига.

— Обещаю, что не стану слишком долго обременять тебя. Мне нужно только найти подходящее занятие, ну и жилище, — сообщил Виндроуз, я все-таки могу предсказывать будущее по чайным листьям... Могу уголь грузить...

— Углем в Лос-Анджелесе перестали топить еще до Второй Мировой Войны, — возразила она.

— Значит, на этом поприще я успеха не сделаю. Ну что же, пусть будет так, — вздохнул он.

В это время Джоанна открыла дверцу машины, села, подождала, пока Антриг втиснется

на сиденье рядом, объяснила ему, как открывать или закрывать окно, если вдруг ему захочется свежего воздуха, или, наоборот, тепла. Наконец, повернув ключ зажигания, она нажала на педаль газа и, не обращая внимания на дорожную разметку, понеслась по дороге.

На одном подъеме на холм Джоанна притормозила. Остановка стоила того: с высоты холма было видно всю Сан-Серанскую долину, залитую огнями. Притихший Антриг смотрел на новый мир, в котором ему теперь придется жить.

— Послушай, а твое волшебство ушло, да? — тихо спросила она. — Ведь в этом мире у тебя нет магической силы?

— Возможно, — уклончиво отозвался тот, — тем более, если вспомнить, для чего я использовал волшебство, то пусть так и будет. По крайней мере, на какое-то время. А потом, — он пожал плечами, — потом будет потом.

Джоанна только рассмеялась, ей не хотелось ничего говорить. Она смотрела на несущиеся навстречу подсвеченные дорожные столбы, на рекламные щиты. Только тут она поняла, какая это чудесная ночь.

— Знаешь, — сказал Антриг, — все это время, пока ты была в моем мире, ты была под моей защитой. Только теперь я понимаю, как неудобно чувствовать себя постоянно зависимым от кого-то.

— Сразу должна тебя предупредить, — сказала девушка, — что теперь ты в моем мире, а значит и под моей защитой. Я постараюсь с честью исполнить свой долг.

Джоанна смотрела на дорогу, и потому не видела выражения его лица. Можно было только догадываться, что Антриг иронически улыбнулся. Наконец он спросил весело:

— Кстати, что у вас тут едят? И ты, может, научишь меня управлять таким самодвижущимся экипажем?

— Ну конечно, куда же тут без этого, — отозвалась Джоанна весело, прибавляя газу, — потом будет потом, как ты сам сказал. А пока вперед, ты же сам хотел узнать, что едят люди в этом мире.